

S 75
628
1877-1878.

ВОСПОМИНАНІЯ

О Ф И Ц Е Р А

Л.-Гв. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА

О ПОХОДѢ ВЪ ТУРЦІЮ

въ 1877-1878 г.

СОСТАВИЛЪ

Александръ Александровичъ БЕРСЪ.

ВЪ ОТСТАВНѢ

Полковникъ Л.-Гв. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА.

$$S \frac{75}{628}$$

~~209928~~
~~2~~

B & B
~~VI~~
~~2~~
~~110~~

d
of

bm
4/57

S 75
628

ВОСПОМИНАНІЯ
ОФИЦЕРА
Л.-Гв. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА
О ПОХОДѢ ВЪ ТУРЦІЮ
ВЪ 1877—1878 г.

СОСТАВИЛЪ
Александръ Александровичъ БЕРСЬ.
(въ отставкѣ Полковникъ Л.-Гв. Преображенскаго полка).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Бол. Подъяч. 39.
1898

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Ноября 1898 г.

32381-44

2024382125

Н. Бунинъ
1878.

Изъ приказа главнокомандующаго великаго
князя Николая Николаевича.

Санъ-Стефано. 1878 года.

„Особенное сердечное и искрен-
ное спасибо тебѣ, русскій солдатъ;
ты не зналъ ни преградъ, ни ли-
шеній, ни опасности. Безропотно,
безостановочно шелъ ты въ грязи
и въ снѣгу, въ жару и холодъ,
черезъ рѣки и пропасти, черезъ
долины и горы, и безстрашно бился
съ врагомъ, гдѣ бы съ нимъ ни
встрѣчался. Для тебя не было не-
возможнаго на пути, который тебѣ
указывалъ начальникъ. — Тебѣ честь,
тебѣ слава“.

Изъ приказа главнокомандующаго великаго
князя Николая Николаевича.

Санъ-Стефано. 1878 года.

„Особенное сердечное и искрен-
ное спасибо тебѣ, русскій солдатъ;
ты не зналъ ни преградъ, ни ли-
шеній, ни опасности. Безропотно,
безостановочно шелъ ты въ грязи
и въ снѣгу, въ жару и холодъ,
черезъ рѣки и пропасти, черезъ
долы и горы, и безстрашно бился
съ врагомъ, гдѣ бы съ нимъ ни
встрѣчался. Для тебя не было не-
возможнаго на пути, который тебѣ
указывалъ начальникъ.—Тебѣ честь,
тебѣ слава“.

ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ
въ Турцію въ 1877—1878 г.г.¹⁾

I.

Мобилизація гвардіи.—Сборы.—Выступленіе изъ Петербурга.—Нашъ путь
по Россіи.

12-го апрѣля 1877 года была объявлена Турціи война; манифестъ
былъ подписанъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ Кишиневѣ,
гдѣ была въ то время расположена главная квартира нашей арміи.
Мобилизація была частная; она была сдѣлана съ цѣлью заставить Тур-

¹⁾ Не должно казаться страннымъ, что мои воспоминанія появляются
двадцать лѣтъ спустя послѣ войны; по истеченіи такого продолжительнаго
срока, собственно говоря, нельзя и браться за подобную работу, потому что
многое уже перезабито; но дѣло въ томъ, что эти воспоминанія были напи-
саны мною еще въ 1878 году подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, вскорѣ
же послѣ нашего возвращенія изъ Турціи.

Въ настоящее время, длинные зимніе вечера въ деревнѣ навели меня
на мысль вынуть изъ стола на свѣтъ Божій уже сильно пожелтѣвшіе, за
двадцать лѣтъ лежанія, черновые листы записокъ; я ихъ дополнилъ нѣкото-
рыми событіями, о которыхъ тогда забылъ упомянуть, но которыя теперь,
спустя столько времени, представляются моему воображенію чуть ли не съ
большею ясностью, чѣмъ тогда. Кромѣ того, моему труду я далъ болѣе глад-
кую, болѣе литературную форму.

Въ походѣ я не велъ никакихъ дневниковъ; даже при желаніи, я не
могъ бы этого дѣлать, потому что строевому офицеру, отъ усталости, лишен-
ній и другихъ шкурныхъ интересовъ, было не до веденія правильной записи;
единственно, что дѣлалъ ежедневно—я обозначалъ чертой на картѣ, при

цію присоединиться къ постановленіямъ собравшейся въ то время европейской конференціи, которая имѣла въ виду достигнуть мирнымъ путемъ улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ. Ожиданія конференціи не оправдались; Порты выказала высомѣріе и прямо отказалась исполнить ея постановленія. Этотъ отказъ и полное къ нему равнодушіе Европы вынудили Россію приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ и она обратилась къ силѣ оружія. «Исчерпавъ до конца наше миролюбіе, сказано было въ манифестѣ, мы рѣшили дѣйствовать самостоятельно, для чего повелѣваемъ нашимъ доблестнымъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи».

Дѣйствующая армія была составлена изъ армейскихъ войскъ; вся же гвардія оставалась въ Петербургѣ не мобилизованной. Въ то время сложилось въ высшихъ сферахъ, а слѣдовательно и во всѣхъ насъ такое мнѣніе, что мобилизованныхъ къ 12-му апрѣля войскъ должно вполнѣ хватить, чтобы наказать Турцію; но впослѣдствіи оказалось, что наши свѣдѣнія о боевой готовности Порты были далеко не полны; къ тому же наши войска, перейдя черезъ Дунай, были лишены возможности

каждомъ передвиженіи полка, его путь; а мѣста ночлеговъ помѣчалъ мѣсяцемъ и числомъ. Хронологія велась мною непрерывно изо-дня-въ-день; я могу ручаться за ея вѣрность, такъ какъ я, въ продолженіе всего похода, ни на одинъ день не отлучался изъ полка.

Во время дневокъ, а въ особенности во время тѣхъ періодовъ, когда намъ давали болѣе или менѣе продолжительныя передышки, я писалъ очень много писемъ женѣ, жившей тогда на Дунаѣ въ Систовѣ, потомъ роднымъ и друзьямъ; это было моимъ единственнымъ развлеченіемъ. Я бесѣдовалъ съ ними въ письмахъ обо всемъ, что мнѣ казалось болѣе или менѣе интереснымъ; обо всемъ, что было въ то время пережито, передумано, перечувствовано. По возвращеніи въ Россію, я собралъ всѣ мои письма, пересчиталъ ихъ и вида, что они могутъ мнѣ служить матеріаломъ для воспоминаній, занялся составленіемъ ихъ въ зиму 1878—1879 г.г.

Не имѣя въ виду выяснять тактическую роль, которая выпала въ эту кампанію на долю преображенцевъ, я касаюсь въ своихъ воспоминаніяхъ бытовой стороны жизни полка.

Пессимистъ, да къ тому же страдавшій во время похода какимъ нибудь недугомъ, вслѣдствіе котораго походъ долженъ былъ ему казаться бременемъ, такой пессимистъ навѣрно скажетъ: «стоитъ ли вспоминать о времени, которое состояло изъ цѣлаго ряда всякихъ невзгодъ, только съ рѣдкими проблесками хорошихъ минутъ?» Конечно, воспоминанія такого человѣка, далеко не объективныя, а слѣдовательно одностороннія, будутъ сосредоточиваться преимущественно только на однихъ ужасахъ и лишеніяхъ войны, произведшихъ на него такое удручающее впечатлѣніе; а о свѣтлыхъ, сильныхъ моментахъ, прошедшихъ мимо него, вслѣдствіе подавленной его психики, безъ всякаго слѣда, онъ упомянетъ только вскользь.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе выноситъ изъ похода человѣкъ съ болѣе свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, которому, еще кромѣ того, посчастливилось быть все время здоровымъ; онъ тоже упомянетъ о всѣхъ мрачныхъ сторо-

проникнуть въ глубь Болгаріи: значительный отрядъ былъ задержанъ Плевной; другой же, рущукскій, былъ тоже прикованъ къ мѣсту, имѣя задачей охранять лѣвый флангъ всего нашего расположенія отъ нападенія турокъ, засѣвшихъ въ Варнѣ, Шумлѣ, Силистріи и Рущукѣ, такъ что предпринимать дальнѣйшее наступательное движеніе, въ особенности послѣ двухъ неудачныхъ атакъ Плевны 8-го 18-го іюля, было немыслимо по той простой причинѣ, что не хватало для того войскъ.

Въ виду этого было рѣшено мобилизовать гвардію и выслать ее за Дунай. — До этого времени гвардія была вполне увѣрена, что съ турками справятся и безъ нея; нѣкоторымъ гвардейскимъ офицерамъ удалось себѣ устроить прикомандированіе къ дѣйствующей арміи; но большинство продолжало вести свою обыденную петербургскую жизнь: мы купили себѣ подробныя карты Турціи, изданныя австрійскимъ генеральнымъ штабомъ и внимательно слѣдили по нимъ за передвиженіями нашей арміи, отдѣльныя части которой отмѣчались разноцвѣтными булавками, мѣнявшими свои мѣста при каждомъ новомъ передвиженіи войскъ.

Изъ офицеровъ Преображенскаго полка, отъѣхавшихъ въ дѣйствующе-

нахъ похода, но онъ не забудетъ упомянуть какъ слѣдуетъ и о свѣтлыхъ его сторонахъ; онъ съумѣетъ объективно, безпристрастно разобраться во всемъ пережитомъ, съумѣетъ всецѣло воспринять въ себя всѣ свѣтлые лучи, мелькавшіе въ темномъ царствѣ, и подчеркнетъ скорѣй эти лучи, нежели мракъ.

На войнѣ, какъ люди такъ и понятія, всегда получаютъ болѣе вѣрную окраску, болѣе вѣрную оцѣнку, чѣмъ въ мирное время. Я позналъ ближе людей, которыхъ въ мирное время, служи съ ними вмѣстѣ хоть сто лѣтъ, никогда вполне не узнаешь; я позналъ русскаго солдата, у котораго нашему брату надо бы поучиться терпѣнію, добродушію и безобидности, съ которыми онъ переносилъ лишенія; это были настоящія лишенія, вовсе не похожія на тѣ, отъ которыхъ мы, вельдѣствіе нашей избалованности, такъ часто страдаемъ въ мирное время, и которыя ничтожны, въ сравненіи съ лишеніями нашего солдата на Балканахъ, или лишеніями разоренныхъ войной и охваченныхъ ужасомъ и горемъ мирныхъ жителей страны. Я хочу сказать, что я видѣлъ въ походѣ настоящее горе, настоящій ужасъ и могу назвать себя счастливымъ въ томъ отношеніи, что мнѣ пришлось испытать такія хорошія минуты высокаго подъема духа, которыя вообще говоря въ жизни выпадаютъ на долю далеко не всѣхъ и которыя не забываются до конца жизни.

Я буду считать себя удовлетвореннымъ, если мои боевые товарищи, безъ омѣтнія уже многое перезабывшіе, при чтеніи моихъ воспоминаній, будутъ мысленно переживать вмѣстѣ со мной хорошее бывшее время, которое мы прожили вмѣстѣ и въ которое, мнѣ думается, мы всѣ мыслили и чувствовали болѣе или менѣе одинаково. А если молодые преображенцы, которымъ полковыя походныя традиціи прошлой турецкой войны мало извѣстны, возымѣютъ желаніе, прочтя мои воспоминанія, подробнѣе разработать этотъ періодъ исторіи своего полка по болѣе серьезнымъ источникамъ, то я буду даже счастливъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, мои запоздалыя записки могутъ оказаться тоже своевременными.

*

шую армію, могу упомянуть о флигель-адъютантѣ Петрѣ Сергѣевичѣ Озеровѣ, который былъ назначенъ командиромъ гвардейской конвойной роты, сопутствовавшей всюду въ походѣ государя; потомъ въ началѣ мая отъѣхали въ рушукскій отрядъ наслѣдника цесаревича капитанъ Петръ Павловичъ Гессе, и штабсъ-капитанъ Дмитрій Николаевичъ Мартыновъ. Первый былъ переведенъ подполковникомъ въ 47-ой Украинскій полкъ, въ которомъ, сперва командовалъ баталіономъ, а потомъ послѣ контузіи командира полка командовалъ и самимъ полкомъ вплоть до окончанія военныхъ дѣйствій. Штабсъ-капитанъ Мартыновъ, зачисленный по гвардейской пѣхотѣ, командовалъ въ 46-омъ Днѣпровскомъ полку ротой.

Все товарищи съѣхались на вокзалъ, чтобы проводить нашихъ піонеровъ; командиръ полка князь Николай Николаевичъ Оболенскій надѣлъ на нихъ по образку на цѣпочкѣ съ надписью: «благословеніе товарищей». Кромѣ нихъ отправились на Кавказъ въ дѣйствующую армію: штабсъ-капитанъ Николай Валеріановичъ Бельгардъ, штабсъ-капитанъ князь Яковъ Ивановичъ Несвицкій, штабсъ-капитанъ Леонтій Платоновичъ Пишкевичъ, поручикъ Михаилъ Петровичъ Галлеръ. Все они были прикомандированы къ Эриванскому полку и командовали тамъ ротами.

Отпуска были намъ разрѣшены; это обстоятельство еще больше укрѣпило въ насъ то убѣжденіе, что кампанія должна быстро окончиться и что походъ будетъ имѣть характеръ, какъ тогда говорили, церемоніальнаго марша къ стѣнамъ Царьграда. Вопросъ о недостаточности мобилизованнаго войска никому и не приходилъ на умъ.

Извѣстіе о мобилизації застало меня въ деревнѣ, гдѣ я проводилъ отпускъ; это было 23-го іюля. По обыкновенію, я поѣхалъ за почтой на станцію желѣзной дороги, гдѣ начальникъ станціи встрѣтилъ меня съ радостнымъ лицомъ и поздравилъ съ походомъ. Извѣстіе это такъ поразило меня своею неожиданностію, что я, признаться сказать, сначала принялъ это за шутку, но желѣзнодорожная телеграмма, которую онъ мнѣ показалъ, разрѣшила всякія сомнѣнія. Въ ней предписывалось служащимъ на линіи оказывать, по случаю мобилизації гвардіи, всевозможное содѣйствіе нижнимъ чинамъ, стекавшимся къ сборнымъ пунктамъ.

Сгоряча мнѣ показалось, что я непременно опоздаю явиться въ полкъ, который, какъ я думалъ, не сегодня, завтра долженъ уже выступить въ походъ. Я не на шутку сердился на тѣхъ, кто не далъ мнѣ своевременной депеши о мобилизації, а мысль о той массѣ вещей, которую приходилось пріобрѣтать для похода, окончательно сбила меня съ толку.

Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ. Вмѣстѣ со мной въ вагонѣ ѣхалъ гвардейскій офицеръ, тоже спѣшившій

въ свой полкъ; онъ сообщилъ мнѣ о телеграммѣ, присланной главнокомандующимъ дѣйствующей арміи великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ изъ Турціи въ Петербургъ, въ которой онъ передаетъ высочайшее повелѣніе мобилизовать гвардію, и высказываетъ въ ней свою радость вскорѣ увидѣть за Дунаемъ свое дѣтище—такъ онъ называлъ гвардію. Судя по этой телеграммѣ уже нельзя было болѣе сомнѣваться въ томъ, что насъ требуютъ прямо на поле сраженія.

На одной изъ маленькихъ станцій мнѣ пришлось видѣть трогательныя семейныя проводы; только что произведеннаго молодого офицера обступилъ цѣлый сонмъ барынь, барышень, дѣтей, нянекъ; всѣ плакали, а онъ, чмокая всѣхъ на лету, видимо боялся прозвѣвать третій звонокъ.

Я былъ пораженъ собственнo не тѣмъ, что насъ требуютъ въ Турцію—это было въ порядкѣ вещей, вѣдь для чего нибудь же носишь военный мундиръ—но меня поразила неожиданность.

На другой день, по выѣздѣ изъ деревни, я былъ уже въ Петербургъ. Ёду прямо въ полкъ и узнаю, что ранѣе мѣсяца полкъ не будетъ готовъ къ выступленію; во-первыхъ, сборъ безсрочно отпускныхъ, судя по началу, обѣщалъ быть очень продолжительнымъ; но главная задержка предвидѣлась въ томъ, что въ полку ничего не было подготовлено на случай войны: пришлось дополнять подвижной составъ, обозъ, не хватало ни обмундировки, ни обуви для вновь прибывающихъ солдатъ, ни боевого снаряженія и проч. Въ полку началось вавилонское столпотвореніе; офицеры, завѣдующіе хозяйственною частью, теряли голову и завидовали намъ, ротнымъ командирамъ, дѣло которыхъ было сравнительно гораздо проще. Въ роту прибывали со всѣхъ концовъ Россіи партіи безсрочныхъ, которыхъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней, уже нельзя было отличить во фронтѣ отъ находившихся на дѣйствительной службѣ. Начались ротныя ученія съ церемональнымъ маршемъ, наводившія на насъ, въ виду такой серьезной задачи впереди, уныніе; роты ходили на стрѣльбу, офицеры же начали практиковаться въ стрѣльбѣ изъ револьвера. Мы ѣздили въ офицерскій тиръ на Семеновскомъ плацу и разстрѣливали тамъ нарисованныхъ мѣломъ на большихъ щитахъ турокъ. Щиты ставились шаговъ на 20, а во время стрѣльбы шли оживленные разговоры о томъ, куда надо цѣлить, въ ноги или выше, чтобъ лучше убить непріятели. Однажды мнѣ удалось въ 10 секундъ выпустить 6 пуль, стрѣляя попеременно по двумъ щитамъ; четыре пули попали, и помнится, что я былъ очень доволенъ собой: мнѣ удалось сдѣлать дублетъ, т. е. сразу убить двухъ турокъ.

Полкъ, за неимѣніемъ мѣста въ казармахъ, помѣстился въ палаткахъ на Преображенскомъ плацу. Ученія на этомъ плацу происходили ежедневно вплоть до выступленія полка изъ Петербурга 28-го августа. Свободное время мы употребляли на то, чтобъ умно и практично собраться въ

походъ. Имѣя деньги, купить все необходимое, было конечно не трудно; но магазины были до того завалены работой и заказами, что намъ приходилось по недѣлямъ дожидаться заказанныхъ вещей. Времени хватало и на то, чтобъ ѣздить по близости на охоту, которая меня развлекала и на которой я забывалъ на нѣсколько часовъ щемлящую скуку, охватившую насъ всѣхъ вслѣдствіе долгихъ сборовъ; всѣ съ нетерпѣніемъ желали скорѣйшаго отправленія на театръ дѣйствій.

Наконецъ насталъ канунъ нашего выступленія; вечеромъ весь полкъ былъ собранъ въ Таврическомъ саду, гдѣ было совершено напутственное молебствіе. Какія то сердобольныя барыни раздавали офицерамъ образки и первую перевязку, т. е. мѣшечекъ съ принадлежностями на случай раненія.

Во время моей довольно продолжительной службы, мнѣ часто приходилось присутствовать при молебствіяхъ съ колѣнопреклоненіемъ; всѣ они имѣли болѣе или менѣе одинаковый характеръ. Но въ этотъ вечеръ, когда всѣ преклонили колѣни, моментъ былъ выдающійся, захватывающій; искренность была присуща всѣмъ. Я убѣжденъ, что во всѣхъ насъ, несмотря на разнообразіе нашихъ воззрѣній, промелькнула одна и та же мысль — сознаніе своего безсилія отклонить то, что должно совершиться по волѣ судьбы, которая только одна можетъ направлять грядущія событія.

Только въ чувствѣ смиренія и можетъ человѣкъ обрѣсти настоящій душевный покой, столь для него необходимый въ отвѣтственные минуты на войнѣ. Тотъ, кто себѣ усвоилъ эту мысль, тотъ уже имѣетъ большой шансъ пріобрѣсти покой; а безъ душевнаго покоя, чѣмъ бы онъ ни достигался, человѣкъ не можетъ быть на войнѣ храбрымъ. Я говорю здѣсь не о безумной, безотчетной храбрости, которая присуща меньшинству и которою всегда руководятъ какія нибудь особенныя спеціальныя мысли; я здѣсь упоминаю о настоящей, осмысленной храбрости, которая никогда не должна покидать настоящаго военного человѣка, я говорю о томъ состояніи человѣка, въ которомъ онъ сохраняетъ, во время опасности, самообладаніе, свѣжесть мыслей и вообще дѣлаетъ все то, что надлежитъ дѣлать всякому въ его положеніи. Но люди часто грѣшатъ противъ послѣдняго; въ походѣ мнѣ пришлось видѣть много людей, изъ коихъ однихъ общественное мнѣніе считаетъ храбрыми, а другихъ — трусами; я сдѣлалъ бы имъ другое болѣе точное опредѣленіе; мнѣ кажется, что было бы правильнѣе однихъ называть счастливыми, а другихъ несчастными. Къ первымъ я отнесъ бы, во-первыхъ, людей вовсе не разсуждающихъ (это самые счастливые), а во-вторыхъ, людей, слумѣвшихъ разобраться въ хаосѣ всевозможныхъ мыслей, которыя лѣзутъ въ голову во время сраженія. Ко вторымъ, я отнесъ бы тѣхъ, кто сдѣлать этого не могъ; въ серьезныя минуты, такіе люди

теряются и достойны скорѣй сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія. Въ мирное время трудно узнать, кто окажется въ дѣлѣ крѣпкимъ, а кто слабымъ; часто выходитъ совсѣмъ на оборотъ, военная косточка мирнаго времени превращается на войнѣ въ размягкій хрящикъ; а штатская мякоть крѣпнетъ и превращается въ камень.

Спокойствіе духа, въ виду смерти или въ другіе серьезные моменты, достигается людьми весьма различно; я всегда готовъ поклониться передъ силою характера людей, а въ особенности власть имѣющихъ, которые въ серьезные минуты, несмотря на то, что у нихъ на душѣ мрачно, умѣютъ смотрѣть весело, сознають, что на нихъ лежитъ большой отвѣтъ, что на нихъ устремлены всѣ глаза, что ихъ хорошій духъ можетъ передаться массѣ, а мрачный легко ее заразить. Скобелевъ былъ однимъ изъ такихъ людей; онъ сознавался чистосердечно, что во время дѣла, его ощущенія были далеко не изъ пріятныхъ; но глубоко понимая, насколько успѣхъ оружія можетъ быть въ зависимости отъ нравственныхъ силъ начальника, онъ доходилъ до полного пренебреженія къ смерти; а про себя онъ выразился такъ: «русскій солдатъ можетъ завоевать міръ, только ему надо показать какъ это сдѣлать; а потому мое мѣсто всегда впереди, издали ничего ему не укажешь».

Люди религіозные и фаталисты черпаютъ покой въ своихъ догматахъ; человѣку религіозному, безъ сомнѣнія, покой достается легче, чѣмъ тому, который въ самыя серьезные минуты долженъ мудрствовать лукаво и подыскивать себѣ въ успокоеніе всякія философскія комбинаціи. Большое самолюбіе, боязнь прослыть трусомъ, честолюбіе, тоже бываютъ въ состояніи подавить эмоціи; природная хвастливость часто заглушаетъ страхъ; индифферентизмъ къ жизни людей глубоко несчастныхъ заставляетъ ихъ иногда даже желать смерти; а многіе считаютъ славную смерть на полѣ битвы большимъ счастьемъ и завидуютъ тѣмъ, кому удалось умереть со славою и съ шумомъ; людямъ такого рода бываетъ легко на душѣ.

Чувству патріотизма и другимъ высшимъ идеямъ, въ критическія минуты, я отвожу не первое мѣсто; это скорѣй общія идеи, съ которыми сжился человѣкъ, но которыя во время дѣла заглушаются другими болѣе сильными чувствами.

Я никогда не позволю себѣ смѣяться надъ людьми слабыми, а имѣя имъ легіонъ, которые для пріобрѣтенія покоя, прибѣгаютъ иногда къ самообману, нося при себѣ амулеты, заговоры, шерстинки на рукѣ, пожеланія и проч.

Я склоненъ видѣть въ нихъ людей съ слабымъ духомъ, которые прямоумышленно вводятъ въ свою сферу мышленія постороннія мысли, зная напередъ, что онѣ должны облегчить тяжелое состояніе ихъ духа; такъ напримѣръ люди, удрученные горемъ, съ предвзятою цѣлью

ѣдутъ путешествовать, вдаются въ благотворительность, берутся за физическій трудъ и т. д. Ихъ горе, само по себѣ, конечно остается тѣмъ же горемъ, только постороннія мысли не даютъ человѣку на немъ сильно сосредоточиваться; въ этомъ и состоитъ вся ихъ сила. Такъ и здѣсь, амулетъ конечно не спасетъ отъ пули, но онъ можетъ немного отвлечь мысли человѣка отъ сильнаго сосредоточиванія на идеѣ объ опасности; дѣйствіе амулета, въ данномъ случаѣ, просвѣтляетъ мышленіе, а слѣдовательно вполне достигаетъ своей цѣли. Вольтеръ сказалъ: «*Les superstitions font le bonheur des peuples*»; этимъ онъ не думалъ восхвалять культъ всякихъ предубѣжденій, и хотѣлъ только сказать, что дикарь, въ тяжелыя минуты, ищетъ успокоенія духа въ извѣстныхъ приемахъ (жертвоприношеніе, стрѣльба во время грозы, амулеты, вытье во время горя, заговоры отъ болѣзней и т. д.), присущихъ его вѣрѣ въ звѣзды, воду, огонь, звѣрей и проч., а вѣра въ нихъ вселяетъ въ него спокойныя мысли. Истинно убѣжденному вѣрующему христіанину конечно не за чѣмъ прибѣгать къ помощи амулетовъ и проч., а много ли на семъ свѣтѣ людей сильныхъ истинно христіанскимъ духомъ?

28-го августа, солдатики весело вышли изъ казармъ, распростились съ остающимися товарищами, помолились Богу и двинулись къ Николаевской желѣзной дорогѣ. По дорогѣ, народъ снималъ шапки и высказывалъ намъ свои пожеланія счастливаго пути и скорого возвращенія.

Нашъ полкъ отъѣзжалъ изъ Петербурга эшелонами, изъ которыхъ каждый, численностью въ 600 человѣкъ, состоялъ изъ трехъ ротъ съ принадлежащимъ къ нимъ обозомъ. Въ нашъ эшелонъ подъ начальствомъ полковника Стрезова, вошли: 4-ая рота штабсъ-капитана Александра Александровича Адлерберга, моя 5-ая рота, и 6-ая штабсъ-капитана Саблина. Посадка людей въ вагоны, какъ дѣло непривычное, шла довольно суетливо; на платформѣ, отъ общихъ разговоровъ было очень шумно; солдатскія жены были такъ, какъ умѣютъ быть однѣ только православныя бабы. Людей размѣстили по вагонамъ довольно тѣсно; они сейчасъ же начали пѣть пѣсни и тѣмъ вызывали улыбку на сдержанныхъ лицахъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, пріѣхавшихъ насъ проводить. Наконецъ насъ попросили войти въ вагоны; въ 9 часовъ утра поѣздъ дрогнулъ и тяжело тронулся съ мѣста. Слезы, маханія шляпами, платками, оглушающее общее «ура».... вотъ наши послѣднія петербургскія воспоминанія.

Мы до того долго собирались въ походъ, что даже успѣли сжиться съ мыслью о немъ; но когда мы почувствовали толчекъ при началѣ движенія, и когда мы во-очію убѣдились, что наша обыденная жизнь порывается можетъ быть навсегда, тогда все пережитое и передуман-

ное за послѣднее время сразу и особенно живо заговорило въ насъ. Понять наши ощущенія гораздо легче, чѣмъ ихъ выразить словами.

Нашъ желѣзнодорожный путь лежалъ на Москву, Курскъ, Кіевъ, Жмеринку, Балту, Раздѣльную, Кишиневъ, Яссы, Букарестъ и Фрагешти, какъ конечный пунктъ рельсоваго пути, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дуная.

Дорога отъ Петербурга до румынской границы была дотого однообразна, что даже не знаешь, на чемъ остановить свои воспоминанія. Въ тотъ годъ осень въ средней и южной полосахъ Россіи была дивная, арбузы поѣдались солдатами въ несмѣтномъ количествѣ; въ особенности жадно кидались на нихъ люди сѣверныхъ губерній, которымъ, по сравненію съ огурцомъ, арбузъ долженъ былъ казаться лакомствомъ; нѣкоторые даже захварывали отъ нихъ. На станціяхъ слышалась ругань ходящихъ по платформѣ солдатъ, въ которыхъ летѣли изъ вагоновъ нечаянно, а можетъ быть и нарочно арбузные корки; всѣ платформы были буквально завалены ими; это былъ въ полномъ смыслѣ солдатскій арбузный пиръ-горой.

На всѣхъ станціяхъ повторялось одно и тоже: всюду было много любопытныхъ, собравшихся поглазѣть на рослыхъ преображенцевъ, которые съумѣли на большихъ станціяхъ устроить для публики потѣху, а для себя самихъ доходную статью—солдатики изъ наиболѣе шустрыхъ, составили между собой импровизованный оркестръ изъ бубенъ, дудки, тарелки и скрипки о двухъ струнахъ. Музыканты играли плясовую, а ловкіе танцоры выкидывали ногами невозможныя колѣнцы; народъ тотчасъ же ихъ окружалъ и охотно снабжалъ кто копѣйкой, а кто и желтенькой бумажкой.

Буфеты, устроенные на платформахъ для народа, торговали бойко; солдаты раскупали все дѣчиста. Одинъ буфетчикъ выразился такъ: «Пошли Богъ здоровья нашему батюшкѣ-царю; не то хоть закрывай торговлю на станціи».

Наконецъ трубачу приказывали трубить сборъ разбѣжавшимся во всѣ стороны людямъ. Сперва мы боялись, чтобъ не было отсталыхъ солдатъ какъ въ былыя времена, но въ продолженіе всего пути въ нашемъ эшелонѣ не было ни одного бѣглаго.

Насъ везли тихо, не спѣша; на запасныхъ путяхъ намъ приходилось стоять часовъ по шести; но никто на это не ропталъ; однообразіе передвиженія выучило насъ быть терпѣливыми; какая-нибудь шестичасовая остановка должна была намъ казаться весьма малой величиной въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, которое намъ еще предстояло быть въ дорогѣ. Вскорѣ по выѣздѣ изъ Петербурга мы уже стали путать числа и дни, такъ какъ всѣ они были ужасно похожи одинъ на другой; но иногда выдавались и забавные эпизоды, о которыхъ нельзя не вспо-

мнить безъ смѣха. Въ Тулѣ, напримѣръ, съ нами приключилось то, что называется: по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Нашъ эшелонъ прибылъ въ Тулу часу въ десятомъ вечера; въ вокзалѣ народу масса. Подходить къ намъ представитель отъ города и предлагаетъ офицерамъ ужинъ, а людямъ угощеніе. Мы горячо благодарили его за радушный пріемъ и моментально же уѣхали за столъ. Представитель города, видимо чѣмъ-то озабоченный, обращается къ намъ съ вопросомъ о полковой музыкѣ; ему почему-то казалось, что она должна быть съ нашимъ эшелономъ. Когда же ему сказали, что музыка ѣдетъ со штабомъ полка въ слѣдующемъ поѣздѣ, тогда онъ заявилъ намъ безъ всякой церемоніи, что ужинъ приготовленъ совсѣмъ не для насъ, а для того эшелона, гдѣ музыка. Оказалось, что городъ хотѣлъ угостить туляковъ музыкой перваго гвардейскаго полка. Мы остались сидѣть на своихъ мѣстахъ и поужинали на свой собственный счетъ, а солдаты, изощряясь въ островахъ, насколько кто умѣлъ, вернулись назадъ въ вагоны. Желаніе послушать нашу музыку было замѣтно по всему пути нашего слѣдованія; всѣ оваціи и угощенія выпадали на долю того эшелона, съ которымъ ѣхалъ музыкантскій хоръ.

По дорогѣ я надумалъ сдѣлать себѣ солдатскую шинель и солдатскій ранецъ; мнѣ почему-то казалось, что офицерское пальто, которое гораздо темнѣе солдатской шинели, непременно должно привлекать во время дѣла особенное вниманіе непріятеля; хотя это и принадлежитъ къ области фантазіи, но все-таки я черпалъ въ этомъ самонадуваніи нѣкоторое успокоеніе духа и походилъ на того дикаря, который, надѣвъ на себя деревянный обручъ, былъ увѣренъ, что онъ спасетъ его отъ вражьихъ стрѣлъ.

Офицерскій ранецъ казался мнѣ никуда не годнымъ, развѣ только для запаса папирсъ: онъ былъ слишкомъ малъ, жесткій, давилъ на усталую спину, да къ тому же пригонка ремней была неудобная. Португеза меня тоже беспокоила; я чувствовалъ, что при первомъ же случаѣ я не выдержу неудобнаго пристегиванія сабли сбоку къ поясному ремню, брошу португезу и устрою себѣ какую-нибудь болѣе удобную перевязь черезъ плечо. Пользуясь трехчасовой остановкой въ Кіевѣ, я съѣздили въ городъ для закупки матеріала, изъ котораго ротный портной и сапожникъ сдѣлали мнѣ, во время пути, шинель, ранецъ и португезу черезъ плечо. Я принялъ совсѣмъ солдатскій видъ, о которомъ нѣсколько дней тому назадъ въ Петербургѣ не могъ и мечтать; но въ походѣ начальство смотрѣло снисходительно на наши фантазіи.

Пересадка въ другіе вагоны происходила въ Кіевѣ все время подъ самымъ теплымъ, лѣтнимъ проливнымъ дождемъ, и несмотря на сентябрь, гроза была феноменальная; послѣ нея въ воздухѣ запахло тополями, зеленью, точно послѣ майскаго дождя. Всѣ какъ-будто повеселѣли,

жадно вдыхая въ себя, послѣ душныхъ вагоновъ, ароматичный воздухъ. Но это удовольствіе длилось недолго; насъ попросили войти опять въ такіе же душные вагоны и мы снова покатали далѣе.

Слѣдующая пересадка была назначена въ Жмеринкѣ. Содержателями большого прекраснаго буфета на этой станціи были французы, мужъ съ женой, которые своею порядочною внушали къ себѣ большое довѣріе. Я рѣшился оставить имъ на сохраненіе тѣ лишнія вещи, которыя, сгорая и по своей неопытности, забралъ съ собою изъ Петербурга. Ровно черезъ годъ, возвращаясь изъ похода, я засталъ на этой станціи тѣхъ же французовъ, которые почему-то особенно мнѣ обрадовались; вещи оказались въ полной сохранности, а тотъ вечеръ, въ который я, годъ тому назадъ, сдавалъ ихъ французамъ, припомнился мнѣ вдругъ съ такою поразительною ясностью во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ, что казалось, будто все это происходило на-дняхъ; а между тѣмъ прошло съ тѣхъ поръ двѣнадцать тяжелыхъ мѣсяцевъ, полныхъ всевозможныхъ сильныхъ ощущеній.

Далѣе повезли насъ на Балту, Раздѣльную, Бендеры, Кишиневъ. Пошли степи, везли насъ еще медленнѣе, на станціяхъ уже совсѣмъ плохенькіе буфеты и отсутствіе всякой жизни; намъ вдругъ сдѣлалось какъ-то еще яснѣе, что мы покидаемъ Россію. Среди безлюдья на станціи Бендеры совсѣмъ неожиданно вошелъ къ намъ въ вагонъ бывшій преображенецъ, капитанъ Константинъ Алексѣевичъ Чаплинъ, служившій тогда желѣзнодорожнымъ комендантомъ въ Бессарабіи. Мы очень давно съ нимъ не видѣлись, такъ что встрѣтить бывшего товарища, да къ тому же на унылой окраинѣ Россіи, было для насъ отраднымъ явленіемъ. Онъ угостилъ солдатиковъ бессарабскимъ табакомъ, который былъ внесенъ въ вагоны въ количествѣ нѣсколькихъ большихъ мѣшковъ.

Вообще говоря, вся эта унылая мѣстность не могла дать никакихъ развлеченій и мы даже перестали выходить на станціяхъ; наши мысли полетѣли туда, гдѣ насъ съ нетерпѣніемъ ожидали. Отъ самаго Кіева и до Унгени (пограничное съ Румыніей русское мѣстечко) мы не имѣли ни одного извѣстія о томъ, что дѣлается въ Турціи; насъ везли точно по океану, на которомъ временно теряется всякая связь съ обоими берегами. Всякій по своему сталъ коротать время: нѣкоторые принялись за писаніе писемъ своимъ родственникамъ, другіе ухитрились спать днемъ и ночью, а были и такіе, которые начали повторять фортификацію по руководствамъ, которыя не забыли захватить съ собой.

Характеры товарищей начали понемногу выясняться; но все-таки, не видѣвъ ихъ въ дѣлѣ, было бы рискованно дѣлать о нихъ преждевременныя заключенія. Большинство принадлежало къ *Jean qui rit*; но были и *Jean qui pleure*, которые своимъ мрачнымъ взглядомъ на грядущія

событія производили весьма тяжелое впечатлѣніе на окружающихъ; они себя воображали вездѣ опасности, несчастія и страшно недоѣдали всѣмъ и каждому, тамъ гдѣ только могли; вслѣдствіе непокойнаго духа, ихъ характеръ дѣлался неровнымъ, они мѣнялись, какъ хамелеоны; вмѣстѣ съ ними страдали и ихъ подчиненные: то они съ ними на товарищеской ногѣ, а то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, принимали начальническій тонъ.

Не дай Богъ, когда людямъ такого сорта приходится во время дѣла вдругъ рѣшать какой-нибудь очень серьезный вопросъ, идущій въ разрѣзъ съ полученнымъ ими приказаніемъ; излишніе страхи, излишняя боязнь отвѣтственности за неисполненіе приказанія часто затемняютъ въ нихъ здравыя мысли. Такіе люди или не сумѣютъ воспользоваться минутой, или же погубятъ понапрасну много народа, оправдывая себя тѣмъ, что исполнили свой долгъ, т. е. исполнили то, что имъ было приказано. Такіе рыцари долга и трусы отвѣтственности составляютъ въ военное время величайшее зло; изъ-за излишней боязни отвѣтственности проигрывались иногда цѣлыя сраженія.

II.

Унгени.—Яссы.—Букарестъ.—Фратешти.

Въ ночь съ 9-го на 10-е сентября мы пріѣхали въ Унгени, но несмотря на позднее время, на станціи замѣчалось большое оживленіе. Въ этомъ пунктѣ были сосредоточены различные міры: военный, таможенный, почтовый, эвакуаціонный. Тутъ мы впервые узнали о третьей неудачной атакѣ Плевны 30-го августа, что насъ совсѣмъ смутило. На станціи стояли цѣлые поѣзда съ ранеными, свидѣтелями плевненскихъ неудачъ. Мы накидывались съ разными вопросами на пріѣхавшихъ изъ Турціи, которыхъ здѣсь оказалось не мало. Одни изъ насъ узнавали о смерти родственника или друга; другіе радовались, а можетъ и завидовали Георгіевскому кресту, полученному кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ; третьи интересовались общимъ ходомъ кампаніи; а находились и такіе, которые самымъ наивнымъ голосомъ спрашивали: «А что, страшно быть въ сраженіи?»

Кто-то на станціи сказалъ, что въ сосѣдней комнатѣ находятся плѣнные турки; мы всѣ побросали начатый ужинъ и побѣжали смотрѣть. Ихъ было всего пять человѣкъ и одинъ изъ нихъ былъ, повидимому, мулла въ чалмѣ; они сидѣли на полу, поджавъ подъ себя ноги, и что-то грызли. Ихъ ободранный видъ, темныя лица, бѣлые зубы, не то дикій,

не то боязливый взглядъ, все это возбуждало въ насъ скорѣй чувство жалости, но ужъ никакъ не злобы. Я замѣтилъ, что первая встрѣча съ турками, да къ тому же еще съ такими безобразными, сильно подействовала на нѣкоторыхъ нервныхъ солдатиковъ.

Въ эту же ночь насъ отправили далѣе на Яссы. Переѣздъ черезъ знаменитую рѣку Прутъ былъ на разсвѣтѣ; мы выскочили на платформу вагона, чтобъ посмотрѣть на историческій потокъ, слава о которомъ, конечно, обшпрѣе его самого. Переѣздъ черезъ границу, а въ особенности черезъ эту рѣку, заставилъ подумать, что ужъ не очень далеки тѣ мѣста, гдѣ понахиваетъ порохоми. *Jean qui rit* разставался съ Россіей до свиданія, а несчастный *Jean qui pleure* навѣрно съ нею прощался.

Переѣздъ отъ Унгени до Яссъ очень невеликъ, всего нѣсколько часовъ. Подѣзжая къ Яссамъ, нельзя было не любоваться чуднымъ видомъ издали на этотъ городъ; онъ былъ поразительной бѣлизны вслѣдствіе того, что рѣшительно все зданія были выкрашены бѣлой краской, а выдающійся соборъ возбудилъ между офицерами даже горячій научный споръ касательно его стиля. Все до того устали молчать, что готовы были поспорить изъ-за перваго попавшагося на глаза собора. Самое забавное было то, что все остались при своемъ мнѣніи; ни у кого не хватило достаточно основаній, чтобъ разубѣдить другихъ. Наконецъ насъ подвезли къ Яссамъ; бивакъ для нашего полка былъ отведенъ въ двухъ верстахъ отъ города въ полѣ, которое называлось порумынски «копу». Намъ было приказано идти со станціи на бивакъ въ полномъ порядкѣ, причемъ музыкантамъ приказано было играть. Солдаты тотчасъ же поняли, что нашимъ союзникамъ-румынамъ надо себя показать молодцами; люди подтянулись, поправились и показали, какъ говорятъ, товаръ лицомъ.

На мѣстѣ бивака мы нашли много красивыхъ парныхъ колясокъ; на козлахъ сидѣли какіе-то жирные, бѣлокурые, безбородые, съ обрюзглымъ лицомъ кучера, которые на чисто русскомъ языкѣ предлагали свезти насъ въ самый городъ. Сначала я былъ пораженъ русскою рѣчью, но сейчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло; это были сектанты-скопцы, которые, вслѣдствіе гоненій, переселились сюда изъ Россіи, принявъ румынское подданство. Я и полковникъ Стрезовъ сѣли въ одну изъ колясокъ и поѣхали въ Яссы; кучеръ нисколько не скрывалъ, что еще съ юныхъ лѣтъ зачисленъ въ эту секту и охотно отвѣчалъ мнѣ на все вопросы, которые я ему задавалъ по этой части.

Въ продолженіе дня подѣхали къ Яссамъ другіе эшелоны нашего полка, такъ что къ обѣду въ лучшей гостиницѣ собралось не мало офицеровъ; все были въ веселомъ настроеніи и хоромъ подпѣвали *der kleine Postillon*—шансонетку, которую исполняли подъ окнами на дворѣ

гостиницы дамскій оркестръ, состоящій изъ бѣлокуроухъ нѣмокъ. Тѣ, которыя были покрасивѣе и съ лучшимъ бюстомъ, играли партію первыхъ скрипокъ, а обиженные и оскорбленные природой—дули въ мѣдные инструменты и ёрзали маленькими ручками на контрбасахъ. Оркестръ насъ занялъ, мы сейчасъ же познакомились съ веселыми нѣмками; но часа черезъ два все это надоѣло. Офицеры разбрелись группами по городскимъ кафе-шантанамъ, гдѣ и просидѣли до самой ночи. Вездѣ играли этого Postillon: въ то время это была музыкальная новинка, которая преслѣдовала насъ по всей Румыніи, по всей Турціи, до самаго Санъ-Стефано.

Послѣ обѣда я отправился навѣстить двухъ знакомыхъ барышень Корниловыхъ, работавшихъ въ эвакуаціонномъ баракѣ Краснаго Креста. Назначеніе этого барака состояло въ томъ, чтобъ принимать привозимыхъ изъ Турціи раненыхъ, дѣлать имъ перевязки, мѣнять бѣлье и отсылать ихъ далѣе въ Россію; тутъ же дѣлались необходимыя операціи. Въ то время, когда я былъ въ баракѣ, въ немъ кипѣла такая работа, что даже не успѣвали перевязывать раненыхъ, привезенныхъ сюда послѣ третьей Плевны 30-го августа. Наши полковые доктора со свѣжими силами бросились въ этотъ баракъ помогать своимъ коллегамъ и проработали въ немъ вплоть до выѣзда полка изъ Яссы.

Большинство сестеръ милосердія имѣло видъ женщинъ среднихъ лѣтъ; но между ними попадались и совсѣмъ молоденькія барышни, рѣшившіяся на этотъ подвигъ, вѣроятно, не подозревая того труда, который имъ пришлось здѣсь нести. Во главѣ этой общины сестеръ стояла госпожа Кублицкая (всѣ звали ее матушкой), женщина съ большимъ характеромъ, которую на всякій случай снабдили правами главнокомандующаго, т. е. въ 24 часа удалять непокорныхъ сестеръ. По рассказамъ, она слѣдила зоркимъ окомъ за нравственностью ввѣреннаго ей персонала сестеръ милосердія и страшно боялась сближенія между молодыми людьми, которымъ приходилось вмѣстѣ работать.

Собственно говоря, въ самомъ городѣ болѣе нечего было дѣлать; я нанялъ коляску и поѣхалъ съ моей женой и съ одной изъ барышень Корниловыхъ прокатиться за городъ. Кучеръ повезъ насъ по окраинамъ, по жидовскимъ кварталамъ, гдѣ уже не было мостовыхъ, а были однѣ только ямы. Мы выѣхали въ чистое поле по дорогѣ, которая шла въ гору къ извѣстному фруктовому саду пана Грибовецкаго, о которомъ рассказалъ мнѣ за обѣдомъ какой-то румынъ. Панъ встрѣтилъ насъ радушно, досталъ изъ подвала бутылку стараго вина и подвелъ насъ къ лучшимъ фруктовымъ деревьямъ, съ которыхъ мы снимали на выборъ большія груши, персики и яблоки; все было въ то время зрѣло и сочно. Панъ былъ изъ австрійскихъ поляковъ, вполне образованный, слѣдилъ по нѣмецкимъ газетамъ за политикой и жилъ здѣсь

въ горахъ дѣйствительно паномъ, но только жаловался на одиночество. Вокругъ его чудныхъ фруктовыхъ плантацій было пусто, ни единого жилья, а красивый видъ на Яссы, которымъ мы такъ любовались, вѣроятно, уже успѣлъ ему надоесть.

Послѣ двухнедѣльнаго непрерывнаго шума на желѣзныхъ дорогахъ, тишина въ саду показалась мнѣ очаровательной; мой слухъ отдыхалъ и я чувствовалъ себя въ хорошемъ расположеніи. Мы разговорились съ паномъ о нашихъ союзникахъ-румынахъ. Въ то время я ихъ вовсе не зналъ, поэтому и слушалъ со вниманіемъ разсказъ о странѣ, которая во времена римскаго императора Траяна была мѣстомъ ссылки для римскихъ преступниковъ. Все, что мнѣ приходилось во время похода и послѣ него видѣть и слышать про румынъ, сводится къ тому, что они, вообще говоря, о себѣ, какъ о воинахъ, очень высокаго мнѣнія, хотя никто изъ нихъ особенныхъ наклонностей къ милитаризму не чувствуетъ; всѣ они мелкорослы. Молдаване держатъ себя лучше, а валахи—мужиковатѣе; егеря лучше на видъ, а доробанцы (линейная пѣхота)—хуже; кавалерія плоховата, лошади плохо содержаны; уходъ за скотиной не въ характерѣ румына; дезертирство развито. Офицеры весьма разнообразны, тѣсной полковой жизни нѣтъ; разница ихъ общественнаго положенія влияетъ на это не мало. Офицеры держатъ около себя массу денщиковъ и всѣ одержимы маніей величія. Традицій полковыхъ, тѣсно связанныхъ съ исторіей страны, у нихъ нѣтъ, да и быть не можетъ; а благодаря полной свободѣ печати, офицеры и нижніе чины читаютъ въ газетахъ, какъ всячески критикуютъ ихъ верховнаго вожда. Но самое забавное это то, что при высшихъ назначеніяхъ, напримѣръ, корпусными командирами и даже при производствѣ въ генеральскій чинъ, правительство выбираетъ приверженцевъ той или другой политической партіи, находящейся у власти; забавно и то, что 28-е ноября, день паденія Плевны, они празднуютъ, какъ самостоятельный подвигъ румынской арміи. Россію румыны больше боятся, чѣмъ не любятъ; офицеровъ тянетъ куда-то на Западъ, а солдата—къ мамалыгѣ.

На станціи мнѣ пришлось убѣдиться, до чего румыны слабы физически: моя жена взяла съ собой въ Турцію дорожный сундукъ, съ которымъ у насъ въ Россіи справлялись два носильщика; здѣсь же съ трудомъ могли справиться съ нимъ лишь четыре румына и то они устроили какое-то приспособленіе на палкахъ и веревкахъ, и то и дѣло что останавливались и отдыхали. Прибавьте къ этой слабости природную ихъ грязь, плутоватость и жадность къ деньгамъ, тогда вы получите понятіе о румынѣ низшаго класса. Высшій же классъ корчитъ изъ себя французовъ и представляетъ мало интереснаго. Семейная жизнь мало развита, разводы на каждомъ шагу; дѣти, вслѣдствіе того, часто заброшены и съ ними берутся обыкновенно папаша, а не мамаша.

Въ Яссахъ была только дневка; на другой же день утромъ 11-го сентября насъ повезли далѣе и повезли такъ быстро, безъ всякихъ остановокъ, что, собственно говоря, Румыніи мы и не видѣли. Вагоны оказались менѣе удобными, чѣмъ въ Россіи, узкіе и грязные; а на станціяхъ насъ кормили даже совсѣмъ плохо. Намъ на встрѣчу попадались поѣзда съ плѣнными турками; между ними были и отборныя турецкія войска, такъ называемый низамъ, отличавшійся отъ остальнаго пестраго турецкаго сброда и мундиромъ, и веселымъ смышленнымъ лицомъ. Низамъ—все народъ молодой, въ фескахъ, тогда какъ между баши-бузуками попадались люди пожилые, даже старые; ихъ взглядъ былъ крайне не симпатичный, отчасти даже дикій.

На станціяхъ наши солдаты пускались съ низамомъ въ непонятные для обѣихъ сторонъ разговоры. Солдаты спрашиваетъ, напримѣръ, у турка, гдѣ ихъ всѣхъ забрали въ плѣнъ, а турокъ въ отвѣтъ мимикой просить его одолжить ему табачку, при этомъ оба улыбаются самой добродушной улыбкой.

Направленіе желѣзной дороги изъ Яссы идетъ прямо на югъ къ Дунаю, къ которому мы подъѣхали въ тотъ же день, но къ несчастью, поздно вечеромъ, такъ что намъ не удалось видѣть Дуная съ его двумя историческими пунктами: Галацомъ и Браиловымъ; точно также мы пролетѣли ночью между Галацомъ и Браиловымъ по Барбошскому мосту на р. Серетѣ, который былъ занятъ въ день объявленія войны нашимъ отрядомъ, сдѣлавшимъ для того въ этотъ день неимоვნно большой переходъ. Отъ Браилова, желѣзная дорога круто поворачиваетъ на западъ къ Букаресту, отдаляясь въ то же время отъ Дуная, такъ что вскорѣ мы снова отдѣлились отъ рѣки верстъ на сто. Съ часу на часъ возрасталъ нашъ интересъ: запахло Дунаемъ, запахло турками.

Къ Букаресту мы подъѣхали 12-го сентября вечеромъ. Послѣ двухчасовой остановки, мы продолжали путь далѣе, и въ эту же ночь съ 12-го на 13-ое прибыли въ Фратешти, конечный пунктъ нашего желѣзнодорожнаго передвиженія. Этотъ пунктъ отстоитъ отъ Дуная верстъ на восемь; отсюда нашъ полкъ долженъ былъ продолжать походъ уже пѣшкомъ.

Насъ высадили изъ вагоновъ ночью; дождь моросилъ довольно сильно и къ мѣсту бивака пришлось идти въ темнотѣ въ гору по скользкой глинистой дорогѣ. На бивакъ было не лучше: глина, грязь и больше ничего. Сначала мы задумались насчетъ разстановки палатокъ, но потомъ все-таки приказали раскинуть среди грязи и залѣзли въ нихъ уже не спать, а развѣ только спрятаться отъ дождя. Началась обычная бивачная суетня, люди занялись кострами, начали себѣ варить пищу, другіе раскидывали палатки. Отъ разговоровъ на бивакѣ стоялъ въ воздухѣ шумъ, напоминавшій ярмарку; фельдфебелей и дежурныхъ

громкимъ выкрикиваніемъ требовали къ ротнымъ командирамъ и проч. Выпивъ чаю, я все-таки прилегъ, но заснулъ не сразу; да и сонъ въ эту ночь былъ тревожный не отъ дождя, грязи или бивачнаго шума, а отъ тѣхъ необычныхъ мыслей, которыя лѣзли въ голову. Я зналъ, что завтра увижу Дунай и турецкую крѣпость Рушукъ; эти новыя впечатлѣнія меня всецѣло занимали. Послѣ сырой ночи, какъ-то особенно пріятно было слышать какъ наши денщики вздували самовары; это были мои первыя въ походѣ пріятныя грезы о чаѣ. Я вылѣзъ изъ палатки и думалъ увидѣть Дунай; но дождь и туманъ застилали всю мѣстность, кругозоръ былъ самый ограниченный; нечего было дѣлать, я снова влѣзъ въ палатку и пролежалъ въ ней до обѣда.

Послѣ полудня, погода стала понемногу проясняться, а къ вечеру сдѣлалось совсѣмъ ясно. Верстахъ въ четырехъ отъ насъ виднѣлся Дунай; съ довольно высокой горы, на которой былъ расположенъ нашъ бивакъ, онъ былъ прекрасно виденъ. На той сторонѣ рѣки виднѣлся Рушукъ, а въ подозрную трубу я могъ разглядѣть даже непріятельскій лагерь. Вечеромъ съ поѣздомъ изъ Букареста пріѣхала ко мнѣ на бивакъ моя жена, а изъ Фратешти мой старый знакомый Владиміръ Александровичъ Левашовъ ¹⁾, работавшій тамъ по эвакуаціи раненыхъ въ качествѣ уполномоченнаго Краснаго Креста. Онъ былъ вдвойнѣ удивленъ, во-первыхъ, узнать, что я женился за нѣсколько дней до выступленія полка въ походъ, а во-вторыхъ, увидѣть мою жену на берегу Дуная. Оба посѣщенія были для меня сюрпризомъ. Наскоро былъ приготовленъ превкусный ужинъ: жена привезла изъ Букареста провизіи и вина, а мой денщикъ сварилъ намъ супъ, нѣчто въ родѣ коровьяго поила, но на овощи онъ не покушился. Въ этотъ вечеръ турки затѣяли между Рушукомъ и Журжево перестрѣлку; огоньки мелькали то на одномъ берегу, то на другомъ. Солдаты внимательно слѣдили за стрѣльбой, и каждый выстрѣлъ обязательно сопровождался самыми наивными остротами. Вдали можно было ясно разглядѣть дымокъ отъ турецкой желѣзной дороги, удалявшейся изъ Рушукъ въ Шумлу. Къ ночи перестрѣлка прекратилась; мой гость уѣхалъ къ себѣ во Фратешти, а женѣ пришлось переночевать въ палаткѣ, такъ какъ не было вечерняго поѣзда обратно въ Букарестъ. На другой день послѣ обѣда я отвезъ ее на румынской телѣгѣ на станцію Фратешти, усадилъ ее въ какой то поѣздъ и простился съ ней, не зная на всегда или нѣтъ. Проѣхавъ съ нашимъ эшелономъ изъ Петербурга до Букареста, она послѣдующіе пять мѣсяцевъ прожила въ Систовѣ на Дунаѣ, а 19-го февраля, въ день заключенія мира, пріѣхала на французскомъ пароходѣ въ Константинополь и цѣлыхъ полгода прожила со мной вмѣстѣ въ Санъ-Стефано.

¹⁾ Нынѣ витебскій губернаторъ.

Мой возница-румынъ долженъ былъ доставить меня обратно на бивакъ. Принявъ все необходимыя мѣры, чтобъ онъ не уѣхалъ, я пошелъ отыскивать уполномоченнаго Левашова, обѣщавшаго мнѣ показать устройство бараковъ Краснаго Креста. Сначала мы зашли съ нимъ поѣсть въ единственный на станціи ресторанъ, выстроенный по походному изъ щитовъ, покрытыхъ рогожами. Внутри было очень грязно: большіе, грубые, досчатые столы были залиты виномъ; на нихъ валялся объѣденный хлѣбъ и сыръ, а по ночамъ на нихъ вѣроятно спали. Содержатель этого кабака былъ конечно еврей; у него можно было достать хлѣбъ, сыръ, сардинки, плохую колбасу и кислое мѣстное вино, прозванное нами въ походѣ «скуловоротомъ»; а скверный чай подавался въ грязныхъ стаканахъ. Заморивъ червячка, мы отправились въ бараки, или лучше сказать, въ сарай Краснаго Креста. Больные и раненые лежали на соломѣ и ожидали своей очереди для перевязки; во всемъ былъ виденъ недостатокъ, лица у всехъ истомленные, усталые вслѣдствіе продолжительнаго переѣзда изъ-подъ Плевны до Фратешти. Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этихъ бараковъ, было очень тяжелое, и я былъ радъ выйти на воздухъ. Но тутъ пришлось увидѣть не менѣе удручающее зрѣлище: по главной дорогѣ, ведущей изъ Зимницы къ станціи, тянулся въ два ряда нескончаемый транспортъ пароволовнихъ подводъ, на которыхъ лежали раненые и больные; умереть на такой подводѣ отъ истощенія силъ, я думаю, было вовсе не трудно. По мѣрѣ того, какъ принимались раненые, подводы подвигались впередъ черепашимъ шагомъ; соломенной подстилки было на подводахъ мало, а скрипъ отъ немазаныхъ колесъ долженъ былъ ужасно раздражать больныхъ.

Способъ передвиженія показался мнѣ весьма не гуманнымъ, но какъ быть въ странѣ, гдѣ нѣтъ хорошихъ путей сообщенія и гдѣ можетъ выдержать только патентованный экипажъ или болгарская каруцца? Всюду вокругъ бараковъ лежала дохлая скотина, разлагающаяся и производящая зловоніе, но на нее никто не обращалъ вниманія,—все были до того заняты пріемомъ и отправкой раненыхъ, что было не до санитарныхъ вопросовъ. Вскорѣ и мы въ походѣ приняхались, вскорѣ и мы стали философски относиться къ ужасамъ войны и къ страданіямъ людей; но когда видишь все это въ первый разъ, то человѣка свѣжаго, только что покинушаго комфортабельную жизнь, не можетъ не корчить.

Я успѣшилъ найти своего румына, тѣмъ болѣе, что уже начинало темнѣть и приказалъ ему ѣхать на бивакъ. Покуда мы выбирались между арбами въ поле, сдѣлалось уже совсѣмъ темно; вдали на горѣ показались бивачные огоньки; мой возница, какъ потомъ оказалось, плохо знавши мѣстность, не нашелъ въ полѣ нашего стараго слѣда и

повезъ меня не по настоящей дорогѣ. Огоньки то исчезали, то снова показывались, а дорога все время казалась мнѣ какъ будто не той, по которой онъ везъ меня на станцію. Вдругъ лошади уперлись въ какой то валъ, ѣхать далѣе было нельзя; я вылѣзъ изъ телѣги, сдѣлалъ въ непроглядной темнотѣ нѣсколько шаговъ въ сторону и провалился въ канаву; мой румынъ что то забормоталъ по своему, но я его не понималъ. Мы повернули и долго плутали по грязному полю, покада не услышали вдали визгъ арбы; мы къ ней примкнули и такимъ образомъ вмѣстѣ съ ней очутились опять на станціи. Тогда я обратился къ коменданту станціи А. С. Гавеману, который обязательно снабдилъ меня казакомъ, знавшимъ дорогу на нашъ бивакъ и черезъ часъ я уже былъ въ своей палаткѣ.

Въ виду ранняго выступленія на слѣдующій день, всѣ залегли рано спать и на этотъ разъ тишина на бивакѣ была мертвая; бодрствовали только дежурные, дневальные да мой денщикъ, ожидавшій меня съ кипящимъ самоваромъ.

Съ самой ранней зари началось на бивакѣ движеніе; людямъ приказано было дать передъ выступленіемъ горячую пищу, для чего ихъ повели командами внизъ, подъ горку, къ ротнымъ котламъ. Чтобъ успѣть во-время собрать палатки и осѣдлатъ лошадей, денщики спѣшили напоить насъ чаемъ; а офицеры, съ недопитыми стаканами, уже одѣтые по походному, собирались гдѣ-нибудь у догорающаго костра и, сидя молча на барабанахъ, поджидали время, когда придется идти въ свою часть. Передъ выступленіемъ было совершено молебствіе.

III.

Выступленіе изъ Фратешти.—Путинеи.—Бригадиры.—Зимница.—Дунай.

Итакъ, 15-го сентября мы выступили изъ Фратешти; по настоящему, этотъ день надо считать первымъ днемъ похода, такъ какъ только съ этого дня мы начали знакомиться съ настоящею походною жизнію, только съ этого дня люди, предметы, понятія начали получать свое настоящее значеніе, настоящую окраску, настоящую цѣну.

Разстояніе между Фратешти и Зимницей, откуда былъ перекинутъ черезъ Дунай мостъ въ Систово, было приказано перейти въ три перехода, каждый по тридцати верстъ: первый до Путинеи, второй до Бригадиръ, а третій до Зимницы. Въ первый же день намъ пришлось убѣдиться, что разсчитывать на своевременное прибытіе обоза нельзя. Прибывъ въ Путинеи, офицеры остались безъ палатокъ, безъ кухни,

рѣшительно безъ всего; солдатамъ было лучше насъ: они носили все съ собой, и въ какіе-нибудь полчаса раскинули палатки, зажгли костры и начали стряпать кто кашницу, а кто мамалыгу изъ кукурузы.

Обозъ отсталъ по случаю скверной дороги и подтянулся къ биваку лишь ночью. На другой день пришлось устроиться иначе. Я приказалъ вынуть изъ обоза мою палатку, постель, походную кухню; все это было навьючено на мою верховую лошадь, которую повели вслѣдъ за мной. Этотъ способъ оказался цѣлесообразнѣе, и прибывъ въ Бригады, уже черезъ четверть часа я лежалъ въ палаткѣ и расправлялъ свои усталыя ноги и косточки. Кто не бывалъ въ походѣ, или не хаживалъ по цѣлымъ днямъ на охотѣ или вообще не уставалъ сильно, тотъ не можетъ понять того чувства блаженства и отдохновенія, которое ощущаешь, когда, снявъ послѣ усиленной ходьбы толстые сапоги, выпьешь добрый глотокъ коньяку, напьешься всласть чаю и уснешь въ палаткѣ, которую денщикъ бережливо обложитъ для того, чтобъ не поддувало, или дерномъ, или снѣгомъ, или чѣмъ-нибудь инымъ. Эти блаженные моменты надо отнести къ однимъ изъ лучшихъ ощущеній въ походѣ.

На другой день, 17-го сентября, покинувъ Бригады, мы должны были еще засвѣтло прибыть въ Зимницу. Весь путь отъ Фратешти до Зимницы, кромѣ нашихъ бивачныхъ промежуточныхъ пунктовъ, представлялъ совсѣмъ пустынную мѣстность, никѣмъ не обитаемую. Не знаю, чѣмъ объяснить, что вся придунайская часть Румыніи такъ слабо заселена, хотя по обѣ стороны дороги всюду видѣлись кукурузныя поля и даже виноградники. Въ то время кукуруза была совсѣмъ зрѣлая, но еще не убрана съ полей; солдаты почти-что не дотрогивались до нея, такъ какъ еще не было недостатка въ хлѣбѣ. Въ Румыніи она достигаетъ очень большихъ, даже поразительныхъ размѣровъ; мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ всадникъ, въѣзжая въ кукурузную плантацію, тотчасъ же въ ней скрывался. Всѣ виноградники были общипаны, такъ что, въ сущности, тѣмъ нашимъ любопытнымъ солдатикамъ, которые мимоходомъ туда залѣзали, нечего было и искать въ нихъ; а между тѣмъ въ этомъ усматривалось проявленіе мародерства и намъ, ротнымъ командирамъ, былъ за это здоровый нагоняй. Въ началѣ похода, мы всѣ были преисполнены рыцарскихъ чувствъ: всякое стремленіе завладѣть чужою собственностью, даже самую незначительную въ родѣ початка кукурузы, мы были готовы преслѣдовать наистрожайшимъ образомъ; мародерства мы боялись, какъ чумы, а въ концѣ похода, когда продовольственные запасы поистощились, когда заурчало въ желудкѣ, тогда уже не считалось предосудительнымъ даже ловить пасущіеся въ горахъ скотъ, правда никѣмъ неохраняемый. Идеалистъ въ началѣ, дѣлался во время похода черствымъ; вслѣдствіе дымки, появившейся въ

походѣ, его духовное око начинало видѣть прежніе идеалы какъ бы въ туманѣ.

По сторонамъ дороги валялись въ глубокой грязи павшіе волы и лошади—все это разлагалось; рядомъ съ ними лежали остатки полуманныхъ телѣгъ и фуръ. Такой черноземной грязи, какъ въ Румыніи, я не видывалъ нигдѣ въ Россіи; тамъ ее смѣло можно назвать пятой стихіей, съ которой животнымъ приходилось бороться на смерть и въ которой люди вязли по колено.

Мы прибыли въ Зимницу довольно рано; это было то историческое мѣсто, гдѣ была совершена 15-го іюня ночная переправа нашихъ войскъ черезъ Дунай, съ которымъ на этотъ разъ туркамъ пришлось распротиться уже навсегда. Полкъ расположился бивакомъ на берегу Дуная у подножія Зимницы. Тотчасъ же, по приходѣ, я сѣлъ верхомъ на свою лошадь и поскакалъ въ Зимницу. Въ то время въ ней было много оживленія, народъ пріѣзжалъ, уѣзжалъ, по улицамъ шныряли чиновники-солдаты, евреи; всякій, ѣдущій въ Турцію или обратно, не могъ миновать этой грязной, большой деревни. Я заѣхалъ на базаръ, но кромѣ воловъ и евреевъ ничего болѣе тамъ не нашелъ. Привязавъ лошадь къ столбу, я зашелъ въ какой-то походный трактиръ и сѣлъ рагу, сдѣланный изъ чего-то неопредѣленного. Затѣмъ заглянулъ въ другой кабачокъ, гдѣ шла игра. Около зеленого стола съ какими-то подраздѣленіями на немъ, сидѣлъ черномазый не то господинъ, не то разбойникъ и металъ кости. Разношерстная толпа окружала столъ и слѣдила за игрой; ради шутки я тоже поставилъ серебряный рубль и, конечно, проигралъ; это былъ въ полномъ смыслѣ слова грязный, вонючій вертепъ.

Я сѣлъ на коня и поскакалъ далѣе по большой улицѣ; по дорогѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ изъ Горнаго Студеня (по ту сторону Дуная), гдѣ въ это время жилъ государь. Какъ я ни старался узнать отъ нихъ о нашемъ дальнѣйшемъ движеніи, но мнѣ это не удалось; я узналъ только одно, что государь ожидаетъ гвардію съ нетерпѣніемъ и будетъ ее встрѣчать въ Горномъ Студенѣ.

Нельзя было не замѣтить возлѣ Зимницы большое каменное, покинутое зданіе, служившее въ 1829 году госпиталемъ для чумныхъ больныхъ; съ тѣхъ поръ на этомъ домѣ лежитъ, по словамъ того, кто мнѣ объ этомъ рассказывалъ, печать проклятія; даже и въ настоящую кампанію не рѣшились устроить въ немъ помѣщеніе для больныхъ изъ опасенія заразы.

Изъ Зимницы я проѣхалъ къ самому берегу Дуная; въ этомъ мѣстѣ онъ былъ шириною съ добрую версту. Но куда дѣвалась та рѣка «Die schöne blaue Donau», которая вдохновила Штрауса написать чудный вальсъ? Вода была до того мутная, что наши денщики даже не рѣшались вливать ее въ самоваръ, а брали воду гдѣ-то въ колодцахъ.

Можетъ быть и выдается время, когда Дунай бываетъ чистъ, но только не въ сентябрѣ, когда перепадаютъ осенніе дожди.

Лѣвый берегъ, на которомъ мы находились, совсѣмъ не похожъ на правый; первый низменный, а второй высокій, крутой, обрывистый. Отъ насъ немного наискось, вправо, видѣлся на той сторонѣ рѣки городъ Систовъ, а за нимъ шла волнистая мѣстность, по которой красиво извивались тонкими змѣйками дороги, шедшія отъ Систова по разнымъ направленіямъ. Видъ на тотъ берегъ былъ, по истинѣ, живописный; всѣ солдаты бросились къ водѣ, началась стирка бѣлья, мытье, купанье лошадей; всѣ были рады пополоскаться въ водѣ, да къ тому же не въ обыкновенной, а въ Дунайской. Всякій бивакъ около воды пріятенъ, но въ этомъ случаѣ близость Дуная какъ-то особенно его оживляла и возбуждала въ людяхъ живой интересъ къ мѣстности, что было видно по отдѣльнымъ группамъ, устроившимся у воды на песчкѣ; люди покуривали, посматривали на крутой противоположный берегъ и о чемъ-то мирно бесѣдовали.

Въ этотъ вечеръ люди долго не могли успокоиться; всѣ находились подъ впечатлѣніемъ близости Дуная.

IV.

Переходъ черезъ Дунай.—Царевецъ.—Акчаиръ.—Горный Студень.

На другой день, 18-го сентября, насъ подняли неособенно рано, такъ какъ предстоящій переходъ до деревни Царевецъ былъ всего только восьмиверстный. Въ эту ночь земля покрылась инеемъ—видно не въ одной только Россіи объ эту пору бываютъ утреники; маленькій морозецъ не помѣшалъ слѣдующему дню быть очень жаркимъ.

Въ ожиданіи командира полка, всѣ баталіоны расположились въ одну линію на самомъ берегу Дуная, фронтомъ къ Турціи. Командиръ полка, князь Николай Николаевичъ Оболенскій, здороваясь съ баталіонами, каждому изъ нихъ сказалъ громкимъ воодушевляющимъ голосомъ по краткой рѣчи, суть которой сводилась къ тому, чтобъ люди, которые черезъ какой-нибудь часъ времени вступятъ въ непріятельскую страну, не забывали бы, что они преображенцы и что они должны съ честью носить это имя, а сухарь и патронъ должны беречь пуще глаза. Дружное «ура» было отвѣтомъ на слова князя. Затѣмъ всѣ обнажили головы, перекрестились и направились къ переправѣ.

Главный большой мостъ остался отъ насъ влѣво; намъ же пришлось переходить черезъ три маленькихъ моста, перекинутыхъ сначала съ берега на маленькій островъ, потомъ съ этого острова на другой островъ

и наконецъ съ послѣдняго уже на турецкій берегъ. Мосты были самой простой конструкціи на плотяхъ и очень низкіе. Полкъ сильно растянулся, потому что мосты были узкіе и не помѣщали болѣе пяти чело-вѣкъ въ рядѣ. По мѣрѣ того, какъ люди вступали на правый берегъ, они продолжали въ разсыпную, какъ кто хотѣлъ, тихо подыматься въ гору, кто тропинкой, кто дорогой, а кто и просто ближайшимъ путемъ прямо по обрывамъ и оврагамъ. Весь скатъ того берега представлялъ сплошной фруктовый садъ, но на половину вырубленный; жаль было смотрѣть на оставшіеся объемистые пни, между которыми на каждомъ шагу мы находили слѣды сраженія въ день переправы: тутъ валялись патроны, пустыя гильзы, грязныя фески и армейскія кепи, тряпки и разная мелочь. Солдаты интересовались всякою находкою и осматривали ее со всѣхъ сторонъ. Въ особенности тѣшили ихъ черепахи; они ихъ ловили, поворачивали на всѣ лады, играли въ нихъ какъ въ мячъ и въ концѣ концовъ обязательно ихъ убивали. Въ солдатахъ почему-то сложилось убѣжденіе, что черепаха такой же гадъ, какъ и змѣя или ящерица; но убить черепаху, которая въ Турціи не длиннѣе шести вершковъ, не такъ-то легко; ее пробовали подкладывать подъ колеса тяжелыхъ повозокъ, но онѣ не причиняли ей никакого вреда—броня упорно выдерживала тяжесть; обыкновенно же солдаты уничтожали ихъ сильнымъ ударомъ приклада, направленнымъ внизъ по вертикальной линіи, отъ черепахи оставалось, что называется, только мокро.

Немало потѣшаль солдатъ одинъ болгаринъ-мельникъ, ѣхавшій по дорогѣ намъ навстрѣчу; его телѣжка была запряжена тройкой разношерстныхъ осликовъ, которые бѣжали самую веселою рысью. Какъ болгаринъ, такъ и ослики представляли солдатамъ одинаковый интересъ; какъ братушку, такъ и осликовъ они видѣли въ первый разъ въ жизни. Повозку обступили со всѣхъ сторонъ, такъ что болгаринъ долженъ былъ поневолѣ остановиться; я тоже подошелъ къ нему и началъ съ нимъ бесѣдовать. Мы понимали другъ друга вполне; въ немъ сидѣлъ тотъ же юморъ, та же смѣтливость, то же добродушіе, что и въ русскомъ чело-вѣкѣ. Мнѣ кажется, что болѣе подходящаго имени, какъ б р а т у ш к а, трудно было бы подыскать для болгарина; это слово впервые возникло въ эту кампанію и вышло прямо изъ народа. Солдаты и болгары обоюдно называли другъ друга братушкой, и это прозвище, безъ сомнѣнія, останется навсегда за болгарами; въ каждомъ разговорѣ съ болгаринкомъ, это слово произносилось безпрестанно, въ родѣ нашего выраженія: «братецъ ты мой», которое нашъ простолюдинъ любитъ примѣнять при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ.

Дальнѣйшее наше движеніе въ гору черепашимъ шагомъ было приостановлено для того, чтобъ людямъ, которые переправлялись черезъ Дунай послѣдними, дать возможность догнать передовыя части полка;

да къ тому же солдаты, съ непривычки лазить по горамъ, немного устали. Часа черезъ два всѣ баталіоны были приведены въ порядокъ и направились на Царевецъ, который представлялся моему воображенію богатой деревней, гдѣ будетъ возможно закупить куръ, утокъ, хлѣба и т. п. Что же мы тамъ нашли? вмѣсто избъ, одни только развалины, вмѣсто куръ—прыгали сороки, а жителей тамъ вовсе не было; одинъ только болгарскій попъ сидѣлъ у своего дома и уныло смотрѣлъ на проходящихъ.

Первое впечатлѣніе, которое мы восприняли въ Болгаріи, было самое грустное. На мои распросы, юркій и необыкновенно худой попъ объяснилъ мнѣ, что по всему пути отступленія турокъ намъ придется видѣть одинъ только раззоръ и отсутствіе всякой сельской жизни.

Бѣгство болгаръ въ горы, въ сторону отъ пути движенія войскъ, мнѣ было вполне понятно, но развалившіяся избы, точно послѣ сильной бомбардировки, приводили меня въ недоумѣніе. Попъ разъяснилъ мнѣ, что стѣны избъ разносились для костровъ и для варки пищи сначала турками, а потомъ и нашими войсками. Обыкновенно дѣло начиналось съ разборки соломенной крыши на 'подстилку, потомъ солдаты начинали таскать себѣ изъ стѣнъ по брусочку для варки пищи и кончалось тѣмъ, что наконецъ обрушивалась и вся стѣна; такимъ образомъ цвѣтушія деревни превращались понемногу въ руины.

Люди очень обрадовались найти въ Царевцѣ фонтанъ чудной холодной воды. День былъ очень жаркій, вода бралась чуть не съ бою; къ ручью женикто не подходилъ, въ немъ валялась всякая падаль. Вообще говоря, по всей Турціи мы рѣдко терпѣли отъ недостатка воды, такъ какъ по дорогамъ часто встрѣчались фонтаны, устройство которыхъ считается на Востокѣ богоугоднымъ дѣломъ. Ихъ устройство совсѣмъ простое—каменный резервуаръ, въ который течетъ маленькая струйка ключевой горной воды; резервуаръ иногда изукрашенъ турецкими надписями. Фонтаны имѣютъ на Востокѣ громадное значеніе и крайне необходимы въ странахъ, гдѣ совершаются примитивныя тихія передвиженія по пустыннымъ дорогамъ.

Въ Царевцѣ шныряли казаки, армейскіе обозные солдаты и евреи, безъ которыхъ никогда не могла обойтись ни одна кампанія. Разговоръ съ попомъ и царевецкія развалины привели меня къ убѣжденію, что разсчитывать на закупку провизіи и продуктовъ гдѣ-нибудь впереди по дорогѣ нашего движенія, не слѣдуетъ, а будетъ лучше сейчасъ же закупить въ Систовѣ все, что только возможно, навьючить провизіей какого-нибудь ослика и держать его неотлучно при себѣ. Въ этотъ день, какъ нарочно, мнѣ удалось купить у болгарина ослика за двѣ желтицы (полуимперіалы) и одинъ серебряный рубль. Я сѣлъ верхомъ на ослика, поѣхалъ прямо къ моей палаткѣ и сдалъ его денщику, при-

казавъ тотчасъ же, при помощи ротнаго портнаго, устроить выючное приспособленіе. Солдатики не замедлили поднять на смѣхъ моего, еще совѣмъ юнаго, денщика, говоря, что теперь осель будетъ погонять осла. Денщикъ видимо былъ недоволенъ моею покупкой, вовсе не улыбался и вѣроятно рѣшилъ въ своей головѣ, что погонять осла будетъ для него оскорбительно.

Турецкіе ослики хотя и небольшого роста, но могутъ возить на себѣ большія тяжести; они ѣдятъ все, что только имъ попадется и никакого ухода за собой не требуютъ. По своему характеру, это самое милое безобидное животное, но бываютъ непріятны по ночамъ изъ-за ихъ сильнаго, пронзительнаго крика, который бываетъ слышенъ на версту и даже болѣе, а въ особенности въ горахъ. Мнѣ кажется, что не существуетъ такого крѣпкаго сна, который не былъ бы нарушенъ, если возлѣ задыхающимъ голосомъ начнетъ реветъ осель. Нѣкоторые привязывали къ хвосту осла камень и тѣмъ заставляли его молчать, такъ какъ во время крика онъ имѣетъ обыкновеніе подымать хвостъ, а во время секретныхъ рекогносцировокъ ихъ даже нельзя было брать съ собой.

Во время похода я рѣшилъ продовольствоваться двоякимъ способомъ: во-первыхъ, состоять членомъ офицерской артели нашего втораго баталіона, а во-вторыхъ, имѣть свою собственную кухню для того, чтобъ ни отъ кого не зависѣть; мнѣ показалось, что такъ будетъ лучше, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ баталіонѣ, уже съ самаго начала, дѣло было поставлено на слишкомъ экономную ногу. Въ другихъ баталіонахъ распорядительные артельщики-офицеры заботились, подыскивали между солдатами хорошихъ поваровъ, закупали на болѣе продолжительное время провизію, завели выючныхъ лошадей и осликовъ; у насъ же въ баталіонѣ ничего подобнаго не было. Видя такую скромность во вкусахъ большинства офицеровъ моего баталіона и возвращаясь съ обѣда часто голоднымъ, мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ взяться за свою собственную кухню. Я долженъ сознаться, что стряпать въ походѣ даже весело, въ особенности же въ дни скучныхъ дневокъ; день великъ, а дѣлать нечего, вотъ и начнешь что-нибудь кухарить. Конечно безъ походной кухни фантазія не разыграется, у меня же она была очень удобная и сдѣлана въ Петербургѣ по моему спеціальному заказу. Вся кухня помѣщалась въ одной кастрюлѣ шириною и вышиною въ пять вершковъ; въ нее входили: кастрюли меньшаго размѣра, сковороды, чайники, тарелки, складной таганъ, стаканы, солонка, перечница, ложки; все это аккуратно входило одно въ другое, такъ что при разборѣ этой кухни, могъ легко придти на умъ фокусникъ, который извлекаетъ, по-видимому изъ ничего, массу различныхъ предметовъ.

Куда дѣвалась въ походѣ брезгливость? О ней и помину не было.

Ежедневно мой денщикъ приносилъ мнѣ мой паекъ, т. е. фунтъ вареной говядины; приносилъ онъ его, конечно, въ рукахъ, но еще до него этотъ паекъ перебивалъ въ рукахъ у кашевара, артельщика и дежурнаго унтеръ-офицера. Прикажешь заварить себѣ чай, начнешь пить и почувствуешь, что онъ пахнетъ чѣмъ-то другимъ; ѣшь говядину, а вспоминаешь запахъ кожи, и т. д. Вспомнивъ о мясѣ, я не могу не упомянуть о томъ, что недоваренная говядина неблагоприятно отзывалась на деснахъ: онѣ начинали болѣть отъ усиленнаго пережевыванія мяса; въ особенности трудно было справляться зубамъ съ волокнистымъ буйволовымъ мясомъ: оно было очень жесткое и отличалось темнымъ красноватымъ оттѣнкомъ.

Съ ржанымъ хлѣбомъ намъ пришлось проститься на долго; людямъ стали выдавать ячменный хлѣбъ, къ которому сразу было трудно привыкнуть: онъ прѣсный, мало гонить слюны и ложится тяжело на желудокъ.

Въ Царевцѣ была назначена дневка. Утромъ приносятъ ко мнѣ въ палатку приказъ, въ которомъ читаю, что ротамъ приказано заняться церемоніальнымъ маршемъ. Съ просонковъ я никакъ не могъ сразу сообразить, для чего онъ могъ понадобиться; но ларчикъ просто открывался—въ двухъ переходахъ отъ насъ въ Горномъ Студенѣ жилъ государь, которому нашъ полкъ долженъ былъ показаться въ томъ видѣ, въ какомъ онъ привыкъ насъ видѣть въ Петербургѣ.

Послѣ ученья офицеры собрались маленькими группами и отправились въ Систово, кто верхомъ, а кто въ телѣгѣ; у всѣхъ было одно на умѣ—пообѣдать въ какомъ-нибудь кабачкѣ и закупить провизіи. Я пристроился къ веселой компаніи, которая, ради потѣхи, устроила экипажъ à la Daumont, т. е. телѣгу, запряженную тремя парами въ уносъ; каждой парой управляетъ офицеръ, а всѣ остальные размѣстились въ телѣгѣ. Ъхали мы въ Систово горами, ближайшей дорогой, которую взялся намъ указать нашъ общій хорошій знакомый маіоръ Александръ Романовичъ Гернгросъ (этапный комендантъ въ Систовѣ), пріѣхавшій навѣстить нашъ бивакъ. Маіоръ, гордый и довольный стоять во главѣ знакомыхъ преображенцевъ, ѣхалъ впереди насъ верхомъ крупною рысью и помахивалъ по сторонамъ плеткой. Встрѣчавшіеся намъ навстрѣчу братушки-пѣшеходы, завидя знакомую плетку, еще издали снимали шапки, останавливались и не знали, куда бы скрыться отъ несущагося на нихъ шумнаго потока, такъ какъ эта узкая дорога была выѣчена въ горахъ, а боковыя ея стѣны были отвѣсны. Эта дорога называлась дорогой Митхадъ-паши, который во-время своего губернаторства въ Болгаріи велѣлъ ее сдѣлать лично для своихъ цѣлей. Паша ѣздилъ по ней изъ Систово къ себѣ на дачу; для простыхъ же смертныхъ она была недоступна. Въ день отступленія турокъ изъ Систова, они увозили по ней

свою артиллерію быстро и скрытно. Маіоръ Гернгросъ разсказалъ намъ про Митхада много интереснаго. Это былъ человѣкъ съ выдающейся энергіей и Болгарія обязана ему сносными дорогами, телеграфомъ; но въ то же время онъ былъ главнымъ виновникомъ избіенія болгаръ въ 1875 и 1876 годахъ и былъ замѣшанъ въ убійствѣ султана Абдуль-Азиса.

Подѣхавъ къ городу, мы выѣзли изъ телѣги, потому что идти пѣшкомъ было гораздо удобнѣе, такъ какъ отъ массы привозимыхъ въ Систово тяжестей, дороги въ самомъ городѣ пришли въ ужасное состояніе и никто ихъ не чинилъ; да и зачѣмъ ихъ было чинить, когда болгарская арба проѣдетъ и не поломается по какимъ угодно адскимъ дорогамъ и когда буйволы могутъ возить страшныя тяжести тоже по какимъ угодно дурнымъ дорогамъ.

Городъ Систово представлялъ изъ себя въ эту кампанію одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ сообщенія и продовольствія нашей арміи. Кто только ѣхалъ въ дѣйствующую армію или оттуда возвращался, тотъ не могъ миновать Систова и обязательно проводилъ въ немъ нѣсколько дней, покуда не отправлялся въ дальнѣйшій путь. Здѣсь же происходила сортировка больныхъ и раненыхъ: трудныхъ, безнадежныхъ оставляли, а остальныхъ всѣхъ отправляли во Фратешти и далѣе. Въ Систовѣ были устроены большіе провіантскіе и вещевые склады для нашей арміи; тутъ же былъ крупный этапный пунктъ, которому приходилось принимать, продовольствовать и переправлять черезъ Дунай въ Румынію иногда сразу по нѣсколько тысячъ плѣнныхъ турокъ. Невоенный элементъ состоялъ болѣе изъ предприимчивыхъ людей, съѣхавшихся туда со всѣхъ концовъ Европы, чтобъ торговать и нажить. Легко себѣ представить тотъ разношерстный людъ, который попадался намъ на улицахъ города.

Государь имѣлъ въ виду, на тотъ случай, когда затянется война, провести зиму въ Систовѣ; всѣ лучшія квартиры были забраны главной квартирой и даже росписаны поименно.

Этапный комендантъ Систова, маіоръ Гернгросъ, котораго мы еще въ Петербургѣ всегда называли лалкой или Романычемъ, былъ до того типиченъ какъ отставной армейскій маіоръ стараго закала, что его нельзя забыть. Онъ былъ уменъ и образованъ, небольшого роста, довольно тучный, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвижной. На немъ былъ всегда одинъ и тотъ же несмѣняемый потертый армейскій, отставной сюртукъ съ масляными пятнами на груди, всегда казавшійся, судя по натянутымъ петлямъ, ему узкимъ и имѣющимъ поползновеніе гдѣ нибудь лопнуть. Онъ любилъ поѣсть, любилъ хорошее вино, но никогда не терялъ самообладаніе; его лицо было всегда красное, шеи почти вовсе не было, а глаза были умные, шустрые, слегка слезливые. Онъ имѣлъ привычку постоянно протирать очки, при чемъ всегда внимательно слушалъ, что ему говорятъ, все время безъ умолку приговаривая своимъ басомъ: «да,

да, да....»; но потомъ вдругъ раздражался такимъ заразительнымъ, басовымъ, горловымъ смѣхомъ, напоминавшимъ ржаніе лошади, что нельзя было не смѣяться съ нимъ вмѣстѣ; его смѣхъ выходилъ у него прямо изъ души доброй, симпатичной.

Маіоръ Гернгросъ принадлежалъ къ представителямъ нашей власти, которыхъ набрали на службу для будущей Болгаріи срокомъ на четыре года за вознагражденіе въ нѣсколько тысячъ рублей. Въ Систовѣ могъ справиться только человѣкъ съ большой энергіей; здѣсь бывали такія серьезныя минуты, въ которыя надо было пустить въ ходъ всю силу своей энергіи, чтобъ разрѣшить трудную задачу. Такъ, напримѣръ, мнѣ рассказывали, что послѣ одной изъ нашихъ неудачъ подъ Плевной, разнесся по Систову слухъ, что наши войска отступаютъ; паника охватила весь городъ; всѣ устремились къ понтонному мосту, чрезъ который думали бѣжать въ Румынію. Можно себя легко вообразить, чтѣ происходило около моста. Чтобъ только остановить движеніе, необходимо было употребить силу и даже приклады.

Другой случай былъ уже послѣ нашего пребыванія въ Систовѣ, зимой, когда Дунай только что замерзъ, а мосты были разведены. Послѣ паденія Плевны, приводятъ въ Систово большую партію плѣнныхъ турокъ; оставить ихъ въ Систовѣ было невозможно, они съѣли бы всѣ запасы, и потому ихъ надо было переправить на ту сторону въ Румынію. Тогда маіоръ Гернгросъ, несмотря на морозъ, въ одномъ только сюртукѣ (ему всегда было жарко), съ плеткой въ рукахъ, повелъ всѣхъ плѣнныхъ къ берегу Дуная, приказалъ выдать каждому плѣнному по полѣну дровъ для варки пищи, а самъ всталъ въ положеніе начальника пропускающаго войска церемоніальнымъ маршемъ. До этого времени, еще никто не рѣшался переходить на ту сторону по льду; онъ былъ до того тонокъ, что во многихъ мѣстахъ видѣлась подъ нимъ вода. Но маіоръ не задумался, онъ крикнулъ: «хайде», и турки начали справа по одному осторожно переправляться на тотъ берегъ. Маневръ удался маіору блистательно безъ несчастій; турокъ сплавили на ту сторону, а Систово было спасено.

Гернгросъ вызвался быть нашимъ чичероне по части отысканія кабачковъ, гдѣ бы можно было пообѣдать болѣе или менѣе сносно. Всѣ рестораны, если только можно назвать этимъ именемъ какіе то подвалы съ желѣзными тюремными рѣшетками въ окнахъ, были переполнены офицерами; всюду слышался шумный говоръ, смѣхъ, стукъ тарелокъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ раздавался пискливый женскій голосокъ, напѣвавшій подъ аккомпанементъ арфы, все ту же самую шансонетку «*der Kleine Postillon*».

Въ городскихъ лавкахъ замѣчалось особенное обиліе всякихъ колбасъ, сардинокъ, консервовъ, сыровъ, коньяку, вина и проч. Цѣны были

высокія, благодаря отчасти воровству на Дунаѣ во время перенравы товаровъ. Одинъ купецъ показалъ мнѣ пустой ящикъ изъ-подъ выкраденнаго вина и высказалъ подозрѣніе на румынъ, которые съ успѣхомъ подвизались на этомъ артистическомъ поприщѣ.

Въ томъ ресторанѣ, гдѣ мнѣ пришлось обѣдать, было до того полно и до того воняло скверной кухней, что я приказалъ накрыть себѣ отдѣльный столикъ на воздухѣ; но и здѣсь было не лучше, обѣдъ оказался очень плохимъ: пища была жесткая, а масло горькое. Наши надежды найти въ Систовѣ хорошій столъ оказались тщетными; но по крайней мѣрѣ, побывавъ въ городѣ и отвѣдавъ всей этой мерзости, мы успокоились.

Въ Систовѣ былъ устроенъ евангелическій госпиталь на средства лютеранской паствы Петербурга; онъ былъ размѣщенъ въ турецкой части города, въ семи турецкихъ домахъ. Къ каждому такому дому была приставлена сестра милосердія, конечно, изъ нѣмокъ. Госпиталь отличался обиліемъ бѣлья, посуды, хирургическихъ инструментовъ, а главное просторомъ и семейнымъ характеромъ ухода за больными. Число больныхъ было опредѣлено и потому неудивительно что, при обиліи матеріальныхъ средствъ было не трудно сдѣлать госпиталь образцовымъ. Всѣ превозносили его, восхищались имъ и въ то же время забывали о трудѣ и лишеніяхъ, которые претерпѣвали въ томъ же Систовѣ русскія сестры Краснаго Креста, тѣ труженицы, которыя работали за себя и за хворавшихъ сестеръ, ухаживали не за опредѣленнымъ числомъ больныхъ какъ въ евангелическомъ госпиталѣ, а перевязывали цѣлыя партіи привозимыхъ раненыхъ и больныхъ.

Послѣднимъ актомъ моего пребыванія въ Систовѣ было обильное приобрѣтеніе провизіи. Уложивъ все купленное въ нанятую телегу, я велѣлъ братушкѣ ѣхать въ Царевецъ, но уже не по Митхадовой, а по большой дорогѣ.

Дорога въ Акчаиръ, лежащій въ 15-ти верстахъ отъ Царевца, по которой насъ направили на слѣдующій день 20-го сентября, шла все время по голымъ горамъ; по обѣ стороны дороги были вырыты ложементы, въ которыхъ турки, во время ихъ отступленія, прятались и отстрѣливались. Солдаты подходили къ нимъ, чтобъ посмотреть, какъ это на самомъ дѣлѣ въ серьезъ роютъ ровики, и рѣшили, что въ Красномъ селѣ они ихъ рыли не такъ глубоко, и что пуля, видно, лучше выучить рыть какъ слѣдуетъ.

Мой осликъ, несмотря на тяжелый вьюкъ, всю дорогу не отставалъ отъ роты. Это маленькое, полезное животное меня очень тѣшило, тѣмъ болѣе, что на немъ было все необходимое на тотъ случай, если бы обозу пришлось отстать. Онъ несъ на себѣ: резиновую постель, корзину съ закусками, консервами, виномъ, запасное бѣлье, сапоги, походную кухню

и гуттаперчевое ведро. Кромѣ того на немъ былъ навьюченъ кормъ для него и моей верховой лошади въ видѣ сѣна и кукурузы, которая оказалась не менѣе питательной, чѣмъ овесъ или ячмень. Добывъ себѣ ослика, я уже болѣе не обременялъ свою верховую лошадь вьюкомъ и дѣлалъ на ней обыкновенно вторую половину каждого перехода; первую же, изъ принципа, дѣлалъ всегда пѣшкомъ. Я чувствовалъ, что надо втянуться въ походъ и что вся моя сила должна быть въ ногахъ.

Акчаиръ былъ также разрушенъ какъ и Царевецъ. Отъ домовъ и избъ остались однѣ только голыя стѣны, издали похожія на раскопки въ Помпѣи; народъ всюду бѣжалъ, дома разрушены, поля стоптаны, изрыты, трава не растетъ и только одни собаки стадами бѣгали по полямъ.

Не успѣли мы прибыть въ Акчаиръ, какъ изъ главной квартиры государя, расположенной въ 7-ми верстахъ отъ насъ, прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что сейчасъ же прибудетъ государь въ Преображенскій полкъ. Одновременно съ полученіемъ этого извѣстія, мы увидѣли вдали коляску, запряженную четверткой; за нею вслѣдъ скакали челоуѣкъ двѣнадцать конвойныхъ. Усталыхъ запыленныхъ солдатъ привели на-скоро въ порядокъ, а офицеры побѣжали на встрѣчу его величества. Государь вышелъ изъ коляски, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ намъ.

Онъ былъ, видимо, доволенъ и заявилъ, что гвардію потребовалъ для того, чтобъ «скорѣй покончить». Государь показался мнѣ похудѣвшимъ, постарѣвшимъ, а нѣкоторыхъ изъ лицъ его свиты, въ особенности пожилыхъ генераловъ, даже трудно было сразу узнать. Они отпустили себѣ бороды, съ которыми мы ихъ никогда не видѣли въ Петербургѣ; на нихъ были совсѣмъ полинялыя пальто; лица у всѣхъ загорѣлыя, похудѣвшія, мрачныя; лошади вовсе не генеральскія, а въ рукахъ казачья нагайка. Всѣ показались мнѣ усталыми и удрученными.

Обращеніе государя было необыкновенно простое и обходительное. Онъ все время былъ здоровъ и бодръ, только свирѣпствовавшая въ то время эпидемія, въ видѣ лихорадки съ кровавымъ поносомъ, задѣла и его въ послѣднее время. Императоръ совѣтовалъ намъ быть осторожнымъ въ употребленіи фруктовъ, которымъ приписывали эпидемію, но послѣдовать его совѣту намъ не пришлось, такъ какъ въ продолженіе всего похода мы даже и не видѣли ни единого фрукта. Потомъ государь спрашивалъ насъ о томъ, справляются ли наши желудки съ кукурузнымъ хлѣбомъ. Всѣ ожидали, что государь намъ скажетъ, куда насъ направлять: подъ Плевну, на Шипку или же въ Рушукскій отрядъ. Самымъ вѣроятнымъ намъ казалось послѣднее предположеніе, такъ какъ въ этомъ отрядѣ находился начальникъ нашей дивизіи вел. князь Владиміръ Александровичъ и нашъ корпусный командиръ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Но государь не подаль ни малѣйшаго намека. Нѣкоторые изъ товарищей лелѣяли мысль, что

государь оставить около себя своихъ преображенцевъ; но послѣ его по слѣдней фразы, которую онъ намъ сказалъ при прощаніи: «дай Богъ вамъ добрый часъ», всѣ ихъ мечты должны были разлетѣться въ прахъ; добрый часъ желаютъ обыкновенно тѣмъ кто идетъ въ дальній путь.

Въ Акчаирѣ намъ пришлось простоять, въ ожиданіи Егерскаго полка, нѣсколько дней; биваки Семеновскаго и Измайловскаго полковъ были недалеко отъ насъ. Я приказалъ себѣ вырыть неглубокую землянку и поставилъ въ ней походную кровать, складной столикъ и складной стуликъ. Подъ именемъ землянки, я разумѣю яму, вырытую на аршинъ глубины съ натянутой надъ ней низенькой палаткой (*tente adri*); для того же, чтобъ было теплѣй и не поддувалъ вѣтеръ, всѣ щели вокругъ засыпались землей. Въ такой землянкѣ можно стоять во весь ростъ, а палатка дѣлается гораздо просторнѣе. Но такія землянки охотно посѣщаются полевыми мышами, которыя своимъ пискомъ могутъ ночью нарушить покой, а своими острыми зубами попортить вещи. У меня онѣ прогрызли кожаный чехоль съ подушки, а у моего сосѣда тронули кожаное пальто и прогрызли на самомъ видномъ мѣстѣ его единственный мундиръ.

Отдохнувъ послѣ перехода, я велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ въ Акчаиръ въ надеждѣ найти у кого нибудь мягкой матеріи для потника моему ослику. Мои поиски были неуспѣшны и пришлось изъ-за этой мелочи обратиться къ коменданту этой деревни. Онъ призвалъ мѣстнаго болгарина, вручилъ ему мой серебряный рубль и приказалъ, во что бы то ни стало, отыскать что нибудь годное для потника. Черезъ полчаса, болгаринъ вернулся обратно съ пустыми руками. Этотъ фактъ можетъ свидѣтельствовать о той бѣдности и разореніи, которыя мы застали въ этой мѣстности. Надо мной сжалился одинъ казакъ и продалъ мнѣ за серебряный рубль какую то старую армейскую шинель, вѣроятно снятую съ убитаго армейскаго солдата.

Въ ожиданіи Егерскаго полка и въ виду предстоящаго царскаго смотра, было приказано дважды въ день производить церемоніальный маршъ. Дни стояли очень жаркіе, всѣ ходили въ кителяхъ, въ бѣлыхъ фуражкахъ съ такими же назатыльниками, которые мы вскорѣ бросили по ихъ непригодности. Переходы отъ жаркаго дня къ холодной ночи были весьма разительны; время заката солнца считалось самымъ опаснымъ временемъ для заболѣванія лихорадкой, и за солдатами въ этомъ отношеніи, приходилось слѣдить какъ за дѣтьми. Если имъ не прикажешь надѣть шинели, то они готовы и безъ нея просидѣть у костра до самой ночи. Такими же недалъновидными, малоопытными показали они себя и относительно тѣхъ шести фунтовъ сухарей, которые были выданы каждому изъ нихъ въ качествѣ неприкосновеннаго запаса. За хлѣбомъ и провіантомъ посы-

ляли въ Систово ротныхъ и обозныхъ лошадей; но какъ то случилось въ Акчаирѣ, что хлѣбъ почему то не былъ доставленъ въ полкъ въ-время и людямъ было разрѣшено тронуть ихъ неприкосновенный запасъ сухарей; но ихъ не оказалось, они были уже съѣдены. Добыли гдѣ то по сосѣдству въ поляхъ кукурузу и роздали ее по вѣсколку початковъ на человѣка. Всякій по своему сталъ ухитряться какъ бы съѣсть ее по-съѣдобѣ: одни пекли ее въ золѣ, другіе натирали изъ нее крупную муку на какомъ нибудь истыканномъ дырками кускѣ жести, затѣмъ превращали ее въ тѣсто и пекли себѣ на бараньемъ салтѣ блины. Мнѣ самому приходилось въ походѣ много разъ довольствоваться кукурузнымъ хлѣбомъ (мамалыга); онъ довольно вкусенъ напоминаетъ пшеничную кашу, но съ непривычки переваривается не легко.

Жизнь на бивакѣ полка группировалась все болѣе около маркитанта и около хора музыки, которому приказано было играть два раза въ день для того, чтобъ пестрая команда не залѣнилась; а потомъ и для поддержки веселаго духа солдатъ.

Маркитанское дѣло въ началѣ кампаніи было поведено такимъ образомъ: нѣкто Львовъ обязался поставить въ каждый полкъ по одному маркитанту, которые должны были пополнять свои запасы изъ главнаго склада, устроеннаго въ Систовѣ. Сначала это дѣло шло довольно сносно, но далѣе, когда мы ушли въ горы, а потомъ усиленнымъ маршемъ двинулись на Константинополь, все это учрежденіе осталось далеко назади, не могло за нами поспѣть и само собою уничтожилось.

Кромѣ того, въ Систовѣ офицерами былъ устроенъ такъ называемый офицерскій складъ самыхъ необходимыхъ предметовъ, какъ то: чаю, сахару, свѣчей, коньяку, печеній и проч. По мѣрѣ надобности, запасы доставлялись намъ въ полкъ. Пока мы были въ придунайской Болгаріи, подѣ Плевной и вообще по сю сторону Балканъ, мы ни въ чемъ не нуждались, такъ какъ подвозъ изъ Систово не былъ затруднителенъ. Но когда мы ушли въ горы, въ снѣга, тогда обстоятельства измѣнились, пришлось изворачиваться, экономить, рассчитывать; бывало съѣшь полъ кастрюли отварнаго риса съ плохимъ, вонючимъ буйволовымъ масломъ, или такую же порцію супу съ кускомъ вареной говядины и довольно, болѣе уже не проси, ибо ничего не получишь.

Я съѣздилъ верхомъ въ Горный Студень, чтобъ посмотреть, гдѣ живетъ государь. Тамъ я встрѣтилъ знакомаго офицера генеральнаго штаба, который разсказалъ мнѣ куда насъ поведутъ. Наши дѣла были тогда въ такомъ положеніи: всѣ занятые нами позиціи подѣ Плевной были сильно укрѣплены; но войскъ не хватало, чтобъ прекратить сообщеніе Плевны съ Софіей, а кавалерія ничего не могла сдѣлать одна безъ пѣхоты, изъ которой не оставалось ни одной свободной части. Онъ говорилъ, что насъ прямо поведутъ на Плевно-Софійское шоссе, гдѣ

настроено много турецкихъ редутовъ, которые турки даромъ не отдадутъ.

Сколько разъ, во время дневокъ и долгихъ стоянокъ, мнѣ приходилось объѣзжать окрестности, наткаться на интересныя явленія, осматривать поля битвъ, непріятельскія покинутыя укрѣпленія, добывать интересныя свѣдѣнія и все благодаря только тому, что у меня была верховая лошадь. Безъ нея кругозоръ пѣхотнаго офицера, по неволѣ, остается узкимъ. Во время войны, ротнымъ командирамъ не полагалось имѣть лошадь, но въ то же время и не запрещалось.

Я купилъ себѣ лошадь въ Петербургѣ, и она неотлучно продѣлала со мной весь походъ, подымалась со мной на такія горы, куда не доходили наши вьюки, привозила мнѣ туда пищу, облегчала мнѣ трудные переходы и служила развлеченіемъ и удовольствіемъ во время скучнаго шестимѣсячнаго нашего пребыванія въ Санъ-Стефано.

Государь жилъ въ Горномъ Студенѣ, въ удѣльвшемъ простомъ турецкомъ домикѣ, около котораго было замѣтно нѣкоторое оживленіе. Конный и пѣший конвои государя были вблизи расположены бивакомъ, и если бы мнѣ не сказали, что здѣсь стоитъ главная квартира государя, то я подумалъ бы, что здѣсь расположился бивакомъ какой-нибудь кавалерійскій полкъ.

Возвратясь въ Акчаиръ, я тотчасъ же подѣлился съ товарищами свѣдѣніями, которыя добылъ въ Горномъ Студенѣ, а отъ нихъ, въ свою очередь, узналъ двѣ новости: первую—о завтрашнемъ выступленіи изъ Акчаира, а вторую—о назначеніи командира 1-го баталіона полковника Александра Ильича Пантелѣева ¹⁾ командиромъ Архангелогородскаго полка послѣ убитаго 30-го августа подъ Плевной флигель-адъютанта Николая Петровича Шлиттера, бывшаго преображенца. Намъ было очень жаль разставаться съ хорошимъ товарищемъ; ему же было прямо тяжело въ такое серьезное время и такъ неожиданно покидать полкъ, въ которомъ онъ прослужилъ болѣе 20-ти лѣтъ, и разставаться съ товарищами, въ общеніи съ которыми почерпается такъ много нравственной силы, необходимой для поддержанія на войнѣ бодрого духа.

Вечеромъ всѣ офицеры собрались подъ открытымъ небомъ дружной семьей около какихъ-то вырытыхъ въ землѣ столовъ и скамеекъ; пригласили Александра Ильича, послали за музыкой, а къ маркитанту за шампанскимъ. Всѣ были въ грустномъ настроеніи, бесѣда не клеилась; да къ тому же нашъ командиръ полка князь Оболенскій привезъ намъ самое свѣжее извѣстіе о большомъ турецкомъ транспортѣ, идущемъ изъ Орханіа въ Плевну, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло.

Мы пили за здоровье покидающаго насъ товарища, желали ему успѣха въ дѣлѣ, но никакія наши добрыя пожеланія не могли развеселить

¹⁾ Нынѣ товарищъ шефа жандармовъ.

серьезное, сосредоточенное лицо виновника проводовъ. Въ это время онъ, безъ сомнѣнія, переживалъ одинъ изъ тяжелыхъ моментовъ его жизни. Это было 23-го сентября. Его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій пожелавъ, чтобъ новое назначеніе было Александру Ильичу въ добрый часъ, передалъ ему отъ полка образъ.

Передъ отъѣздомъ въ полкъ, полковникъ Пантелѣевъ съѣздилъ въ Горный Студень, чтобъ представиться его величеству. Государь благословилъ его и сказалъ:

— Надѣюсь, что ты будешь счастливѣе обоихъ твоихъ предшественниковъ, убитыхъ подъ Плевной.

Слухъ о Горномъ Дубнякѣ дошелъ на другой же день послѣ сраженія до Архангелогородскаго полка. Полковникъ Пантелѣевъ сейчасъ же направилъ въ нашъ полкъ посланнаго съ письмомъ къ командиру полка князю Оболенскому, прося сообщить ему объ участіи нашего полка въ сраженіи и объ участи, постигшей его въ этотъ день. Доставить это письмо въ нашъ полкъ взялся оружейный мастеръ Архангелогородскаго полка. По дорогѣ ему пришлось много испытать; а къ довершенію всего, его гдѣ-то приняли за турецкаго шпиона и доставили къ принцу Ольденбургскому. Дѣло, конечно, разъяснилось. Его высочество его обласкалъ и велѣлъ угостить, но въ полку его считали погибшимъ; онъ пропадалъ болѣе двухъ недѣль, покуда не вернулся обратно въ полкъ съ цѣлой корреспонденціей полковнику Пантелѣеву отъ его бывшихъ товарищей-преображенцевъ. Въ письмѣ, полученномъ княземъ Оболенскимъ, полковникъ Пантелѣевъ, между прочимъ, просилъ прислать ему нотъ для музыкантскаго хора, такъ какъ ноты его полка были захвачены турками.

V.

Царскій смотръ въ Горномъ Студенѣ.—Овчая могила.—Радоница.—Порадимъ.—Ралево.

24-го сентября насъ подняли довольно рано, чтобъ успѣть приготовиться къ царскому смотру, назначенному въ этотъ день въ Горномъ Студенѣ. За ночь погода измѣнилась къ худшему; съ ранняго утра началъ моросить мелкій, довольно частый дождь, а переѣхавшійся вѣтеръ нагналъ холодъ. Подходя къ Горному Студеню, мы уже были съ головы до ногъ мокры и забрызганы грязью. Намъ на встрѣчу выѣхалъ великій князь главнокомандующій и самъ указалъ мѣсто, гдѣ полкъ долженъ былъ ожидать царскаго объѣзда. Великій князь встрѣ-

тилъ свое дѣтище—гвардію—съ сіяющимъ лицомъ. Онъ былъ веселъ, энергично распоряжался, но на его лицѣ можно было замѣтить слѣды нравственныхъ страданій, которыя ему пришлось претерпѣть.

Болѣе часу пришлось намъ стоять подъ дождемъ на одномъ мѣстѣ; мы слегка прозябли. Наконецъ подтянулась къ мѣсту смотра вся 1-ая гвардейская пѣхотная дивизія. Государь тотчасъ же вышелъ изъ своего домика, сѣлъ на коня и объѣхалъ всѣ баталіоны. Церемоніальный маршъ начался съ Егерскаго полка, какъ младшаго. Государь имѣлъ обыкновеніе говорить проходившимъ мимо него войскамъ: «до свиданія», на что слѣдовало бы людямъ отвѣчать: «благодаримъ покорно, ваше величество». Но неподготовленные къ такому отвѣту люди крикнули во все горло: «Рады стараться, ваше величество». Наше начальство засуетилось и уже на ходу внушало людямъ отвѣтъ на цареву «до свиданія». Я былъ убѣжденъ, что какъ людей ни учи, они все-таки хватаютъ свое привычное: «Рады стараться», но чаша минувала благополучно; отвѣтъ былъ хотя и не совсѣмъ дружный, но все-таки изъ ихъ общаго лепетанія можно было разобрать, что они «благодарятъ покорно».

Пройдя мимо государя мы, не останавливаясь, продолжали походное движеніе вплоть до слѣдующаго бивака. Дорога отъ Горнаго Студеня круто повернула на западъ, и теперь уже не было сомнѣнія, что насъ ведутъ подъ Плевну.

Мокрыми и жалкими пришли мы на ночлегъ въ Овчюю могилу. Подходя къ биваку, намъ пришлось проходить мимо двухъ пшеничныхъ скирдовъ. На одномъ изъ нихъ сидѣлъ болгаринъ съ оглоблей въ рукахъ и никого не подпускалъ близко къ снопамъ; другой же скирдъ никѣмъ не оберегался. Солдатики этимъ воспользовались и, не долго думая, въ одно мгновеніе разнесли скирдъ; офицеры 2-го баталіона тогда только узнали о разности, когда увидѣли на каждомъ штыкѣ по снопу; дождь и предвкушеніе бивачной грязи ввели людей въ соблазнъ. Офицеры недоумѣвали и не знали, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Начальство прискакало къ намъ на помощь и, усмотрѣвъ въ этомъ проявленіе мародерства, приказало тотчасъ же побросать снопы. Нечего было дѣлать, люди, скрѣпя сердце, пошвыряли ихъ по сторонамъ; но за то ихъ подобрали другіе баталіоны, шедшіе за нами; они проспали эту ночь на соломѣ, нашъ же баталіонъ—въ грязи.

Я убѣжденъ, что завѣдующіе полковымъ хозяйствомъ въ странѣ не разоренной не допустили бы людей до мародерства, опередили бы полкъ, купили бы соломы и тѣмъ спасли бы многихъ отъ заболѣванія лихорадкой, послѣ проведенной въ грязи ночи; но въ Турціи по дорогѣ нашего наступленія все было расхищено, а если что и сохранилось, то въ видѣ исключенія и то благодаря лишь особенной энергіи нѣкоторыхъ

хозяевъ, которые не побоялись съ оглоблей въ рукахъ защищать свое имущество.

На такихъ дурныхъ бивакахъ, какъ Овчая могила, обыкновенно зажигались очень большіе костры, около которыхъ люди проводили всю ночь; палатокъ же вовсе не раскидывали. Денщики отыскиали единственный, бывшій на бивакѣ шалашъ, основательно сооруженный и не пропускавшій дождя. Въ этотъ шалашъ влѣзли все офицеры 2-го баталіона, а вмѣстѣ съ ними и денщики; у насъ не хватало духа выгнать ихъ изъ шалаша, который они же намъ устроили въ эту ужасную дождливую ночь. Въ шалашѣ сдѣлалось такъ тѣсно, что, мнѣ кажется, не нашлось бы мѣста даже Гоголевскому городничему, а между тѣмъ заглянули въ нашъ шалашъ двое нашихъ баталіонныхъ докторовъ, и мѣстечко имъ нашлось.

Къ этому шалашу подходили по-очереди чуть-ли не все офицеры другихъ баталіоновъ; лишь только показывалась чья-нибудь голова, мы все хоромъ отвѣчали: «занято», и недовольное лицо тотчасъ же скрывалось. Среди шалаша развели огонь и начали варить супъ изъ баранины, сушили одежду и бѣлье, пошли разговоры о разныхъ предметахъ и между прочимъ объ убитомъ полковникѣ Шлиттерѣ, который наканунѣ своей смерти, послѣдовавшей при штурмѣ 30-го августа Гривицкаго редута, просилъ флигель-адъютанта Ивана Александровича Фулона передать государю, что онъ завтра, въ день именинъ его величества, поднесетъ ему подарокъ, т. е. возьметъ штурмомъ Гривицу.

Дымъ въ шалашѣ немилосердно щипалъ глаза, а выйти изъ него было невозможно: дождь не переставалъ барабанить по грязи; но несмотря на тѣсноту и ѣдкій дымъ, я крѣпко заснулъ и проспалъ безъ просыпа до самаго утра. Бараньяго супа я не дождался; тотъ, кому досталась моя порція, навѣрно благословлялъ мой крѣпкій сонъ.

Послѣ этого дождливаго дня и ночи, проведенной въ грязи, наше платье пришло въ такой видъ, что намъ перестало казаться, будто его можно еще болѣе загрязнить, и мы перестали его беречь, по крайней мѣрѣ одной заботой было меньше.

На слѣдующій день, 25-го сентября, переходъ въ дер. Радоницу былъ такой же унылый, какъ и наканунѣ; тотъ же проникающій дождь, только грязи было значительно больше. По дорогѣ попадались старые, неприглядные биваки; вездѣ на нихъ валялась грязная солома, тряпье, вездѣ непріятный запахъ отъ старыхъ костровъ, отъ нечистотъ. По такимъ мѣстамъ обыкновенно шлепались болгары и собаки, собиравшіе всякую брошенную дрянь. Наши денщики, опередившіе насъ съ вьюками, разыскиали для насъ въ деревнѣ еще не совсѣмъ разрушенную избу, въ которой можно было у очага развести огонь. Въ эту избу насъ набралось человѣкъ до десяти; у очага мы застали двухъ черномазыхъ

цыганъ: одинъ изъ нихъ пекъ въ золѣ кукурузу, а другой грѣлся у огня, перебирая палочкой дрова. Изба была полна дыму; мы сейчасъ же ушли на полъ, чтобъ меньше страдать отъ дыму, который уносился въ верхніе слои воздуха; я пробовалъ встать, но сейчасъ же опять сѣлъ, потому что не было возможности дышать.

Изба, какъ и вообще всѣ болгарскія избы, была выстроена изъ сыраго кирпича и отличалась бѣдностью внутренней обстановки. Она состояла изъ двухъ комнатъ съ землянымъ поломъ; въ одной изъ нихъ болгары обыкновенно складываютъ все свое имущество, а въ другой, большой, они варятъ у очага пищу и спятъ въ ней всѣмъ семействомъ. Очагъ напоминаетъ нашъ каминъ, но только онъ гораздо обширнѣе. Огонь разводится на каменномъ полу, наравнѣ съ поломъ избы, а труба идетъ прямо вверхъ, безъ всякихъ загибовъ. Надъ очагомъ виситъ цѣпь и на нее болгары вѣшаютъ котелки для варки пищи.

Мы обратились къ цыганамъ съ просьбою добыть намъ хлѣба и куръ. Они отвѣтили по-болгарски:

— Нѣма, братушка, турцы сичка (все) забирѣ.

Эта фраза была одна изъ любимыхъ въ Болгаріи, ее приходилось слышать вездѣ. Кто-то изъ насъ угостилъ цыгана водкой, а другому я вложилъ въ руку полтинникъ. Онъ посмотрѣлъ на монету и сказалъ: «добрѣ»; всталъ, куда-то вышелъ и вскорѣ принесъ мнѣ хорошій кусокъ хлѣба. Другой цыганъ, желая тоже получить за труды, притащилъ намъ изъ-подъ горы хорошей воды и въ продолженіе всей ночи таскалъ дрова, безъ которыхъ нельзя было обойтись. У кого-то изъ денщиковъ нашелся гусь, его опинали и начали варить супъ. Мы были такъ голодны и намъ такъ хотѣлось спать, что супу не дали довариться и онъ былъ съѣденъ полуготовымъ. Во время ѣды недоварившагося гуся въ избѣ была полнѣйшая тишина, слышалось только чавканье ѣвшихъ и выхрапываніе тѣхъ, которыхъ не могли добудиться къ ужину. Въ нѣсколько минутъ все было съѣдено; оставшіяся послѣ насъ кости подѣлили между собой наши денщики.

Всѣ болгарскія села похожи одно на другое; улицы всегда неправильныя, избы расположены широко другъ отъ друга по горамъ и оврагамъ; всѣ онѣ глиняныя, крыты соломой или кукурузными стеблями. При каждой избѣ дворъ, примѣрно въ четверть десятины, окопанный канавой или окруженный плетнемъ; на этомъ дворѣ и амбары, и скотъ, тутъ же сложены скирды хлѣба, тутъ же его молотятъ. Способъ молотьбы совсѣмъ примитивный: молотятъ посредствомъ ногъ лошадей; раскладываютъ снопы на дворѣ въ видѣ арены цирка, потомъ гоняютъ по нимъ лошадей, привязанныхъ на длинныхъ веревкахъ къ столбу, врытому въ центрѣ этого круга. Веревки закручиваются около столба, а лошади, бѣгая по спирали, все болѣе и болѣе приближаются къ нему; тѣмъ же

порядкомъ гоняють лошадей въ обратную сторону; тогда веревки раскручиваются, а лошади бѣгаютъ по той же спирали, но только удаляются отъ столба.

Радоницу нельзя было назвать совсѣмъ покинутой деревней; кое-гдѣ попадались болгары, а на нѣкоторыхъ дворахъ даже молотили. Всѣ болгары были одѣты одинаково: широкая, коричневая, домашняго грубого сукна куртка и широчайшіе штаны съ мотней назади; на головѣ баранья шапка, на ногахъ высокіе шерстяные чулки и опанки. Широкій покрой штановъ имъ необходимъ для бѣганія по горамъ и для сидѣнія по-турецки, т. е. поджавъ подъ себя ноги. Они не боятся простуды, ходятъ всегда, даже зимой, съ открытою грудью, которая часто бываетъ покрыта у нихъ густыми, длинными волосами; около живота обматываютъ широкій кушакъ, предохраняющій ихъ отъ простуды; за этимъ кушакомъ у нихъ цѣлая кладовая: оружіе, вещи, которыя они носятъ при себѣ. У одного болгарина я замѣтилъ висящіе на кушакѣ красивой работы шипчики. На мой вопросъ онъ объяснилъ, что они нужны ему для того, чтобъ брать изъ костра горящіе угольки для закуриванія трубки—это считается у нихъ шикомъ.

Вообще съ виду болгары очень напоминаютъ нашихъ хохловъ, то же добродушіе, тотъ же природный юморъ славянина. Женщинъ и дѣтей въ придунайской Болгаріи я почти вовсе не видѣлъ; ихъ припрятали въ горахъ въ безопасныхъ мѣстахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ пути слѣдованія войскъ.

Слѣдующій бивакъ былъ назначенъ въ д. Порадимъ, гдѣ была расположена главная квартира князя Румынскаго, въ то время главнаго начальника всего осаднаго плевненскаго отряда. Переходъ изъ Радоницъ въ Порадимъ мы сдѣлали довольно быстро и весело; всю дорогу мѣсили ногами грязь и мечтали объ обѣщанной намъ дневкѣ въ Порадимѣ. Людямъ было строго запрещено отлучаться съ бивака въ самую деревню Порадимъ, въ которой жилъ князь со своимъ штабомъ; опасались того, что наши солдаты, съ голоду да съ холоду, не учинили бы тамъ какой-нибудь разность, который съ перваго же раза могъ компрометировать гвардейское войско. Приказаніе исполнялось только до темноты, но лишь только начинало темнѣть, солдаты всякими окольными путями добирались до деревни и обнюхивали тамъ всѣ уголки. Одинъ изъ моихъ солдатъ, удирая отъ патруля, упалъ и ухитрился нечаянно вонзить себѣ въ бокъ тесакъ. Такіе эпизоды меня не удивляли: гдѣ много народа, гдѣ обстановка изъ ряда вонъ выходящая, тамъ обязательно должны быть и несчастія и всякія безобразія.

Въ тотъ же вечеръ князь Карлъ навѣститъ нашъ бивакъ; онъ скакалъ на чудной лошади въ сопровожденіи конвоя изъ красныхъ румынскихъ гусаръ. Всѣ они страшно важно сидѣли на коняхъ и видимо

жаждали славы. Князь здоровался съ людьми по-русски; онъ произносилъ только одно слово: «здорово», усиленно упирая на слогъ *во*; при этомъ онъ откидывалъ каждый разъ голову и станъ назадъ, чтобъ громче произнести это непривычное для него слово.

Отнынѣ мы поступили въ Плевненскій отрядъ подъ начальство князя Карла.

Пользуясь дневкой, я поѣхалъ съ денщикомъ въ деревню Порадимъ за кормомъ для моихъ двухъ животныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посмотреть, что тамъ дѣлается. Все сѣно было закуплено въ главную квартиру, а солому отъ обмолоченнаго проса, которая виднѣлась кое-гдѣ на крестьянскихъ дворахъ, болгары не хотѣли мнѣ продать; пришлось взять ее насильно, т. е. я насильно вложилъ болгарину въ руку серебряную монету и приказалъ денщику, несмотря ни на какіе крики и ругательства братушки, забрать столько, сколько требовалось для моихъ голодныхъ животныхъ. Вообще, начиная отъ Порадима и далѣе, мы начали бѣдствовать отъ недостатка хлѣба, соли, фуража. За небольшой хлѣбъ мнѣ приходилось иногда платить по рублю, а въ то же время у всякаго маркитанта можно было получить шампанское, карты и рахатъ-лукумъ; такое положеніе, совсѣмъ исключительное, можетъ имѣть мѣсто только на войнѣ.

Въ Порадимѣ я нашелъ нѣсколько жидовскихъ лавочекъ, въ которыхъ накупилъ себѣ сахару, свѣчей, печеній, отзывавшихся слегка не то мыломъ, не то свѣчами. Потомъ зашелъ на телеграфъ, гдѣ мнѣ удалось гораздо легче, чѣмъ въ Горномъ Студенѣ, послать телеграмму женѣ въ Систово, куда она уже переѣхала изъ Букареста на всю зиму. Гдѣ-то вдали я услышалъ стройный духовой хоръ, игравшій маршъ; мнѣ объяснили, что это игралъ румынскій военный оркестръ, состоящій при румынскомъ князѣ. Я подѣхалъ къ музыкѣ и съ удовольствіемъ прослушалъ нѣсколько пѣсень, сыгранныхъ во время княжескаго завтрака, къ которому были приглашены, между прочимъ, и начальники частей вновь поступившихъ въ отрядъ князя.

По дошедшимъ до насъ слухамъ, румынская кавалерія была сравнительно лучше пѣхоты, которая не отличалась особенной стойкостью; говорятъ, что послѣ взятія Гривицкаго редута въ немъ оказалось немного румынъ; редутъ былъ взятъ, собственно говоря, нашею 5-ю пѣхотною дивизіею; уже впослѣдствіи онъ былъ переданъ румынамъ для занятія въ немъ караула. Послѣднее обстоятельство и послужило поводомъ къ хвастливымъ разглашеніямъ въ Букарестѣ, что будто-бы Гривицы были взяты румынами; а турецкія орудія, подаренныя румынамъ и привезенныя ими въ Букарестъ, окончательно вскружили имъ головы.

Въ продолженіе всего дня мы поджидали нашъ полковой обозъ, ко-

торый вышелъ вмѣстѣ съ нами еще наканунѣ изъ Радониць, но гдѣ-то по дорогѣ завязъ въ грязи; пара лошадей, впряженная въ ротную повозку, оказывалась не въ силахъ вывезти ее изъ грязи, а для того приходилось впрягать третью изъ другой повозки; этихъ лошадей, въ свою очередь, впрягали въ другія повозки и т. д.—все это значительно задерживало общее движеніе всего обоза. Только къ вечеру начали понемногу подѣзжать къ биваку отдѣльныя повозки, въ числѣ которыхъ была и моя ротная телѣга; она двигалась веселѣе другихъ, благодаря только тому, что была запряжена не парой, а тройкой. Мнѣ удалось кушнуть у извозчика-румына за пять полуимперіаловъ маленькую, но очень добрую лошадку, которую я приказалъ пристроить второй пристяжкой къ пароконной ротной повозкѣ. Солдаты ее очень полюбили; сравнительно съ ротными 5-ти вершковыми лошадками, она казалась совсѣмъ жеребенкомъ. Въ походѣ впрягалось въ повозки все, что только могло тянуть: лошади помогали воламъ и наоборотъ. Одни только ослики не принимали никакого участія въ разныхъ дорожныхъ драмахъ; они всегда умѣли сторонкой обойти мѣста приключеній и почти одновременно съ нами приходили на бивакъ. Кавалерія же жаловалась на нихъ въ томъ отношеніи, что они отставали во время большихъ переходовъ и падали отъ истощенія силъ.

Въ это время людямъ было и голодно и холодно; сухарные транспорты отставали, достать хлѣба была негдѣ. Изъ боязни, чтобъ люди не израсходовали неприкосновенный запасъ, приходилось говорить имъ, что выдаваемое имъ количество сухарей должно хватить на столько-то дней. Тогда солдаты, получивъ сухари, высыпали ихъ на землю и дѣлили на кучки, чтобъ прикинуть глазомъ, сколько они могутъ себѣ позволить сѣсть въ день. Въ эти тяжелые дни кукуруза служила большимъ подспорьемъ; людей отправляли на поля командами подъ начальствомъ офицера; привезутъ массу кукурузы, а выйти на человѣка не болѣе двухъ, трехъ початковъ. Чувствовался также недостатокъ въ топливѣ; послѣ холодныхъ и сырыхъ ночей у людей было только одно на умѣ, какъ бы погрѣться у костра и напиться чаю, который имѣлся въ то время почти у каждаго солдата, а между тѣмъ жечь было нечего.

28-го сентября былъ совершенъ переходъ изъ Порадима въ дер. Ралево, которая лежала къ югу отъ Плевны. Мы подошли къ биваку, когда уже было совсѣмъ темно и въ пяти шагахъ нельзя было различить человѣка. Случалось мнѣ видѣть въ нашихъ южныхъ губерніяхъ рѣзкіе переходы отъ дня къ очень темнымъ ночамъ; но эти переходы въ Болгаріи еще рѣзче, а самыя ночи еще темнѣй. Никогда не забуду тѣхъ непріятныхъ ощущеній, которыя мнѣ пришлось испытать въ то время, когда мы спускались или, вѣрнѣе сказать, скатывались, среди полного мрака, по крутому спуску къ мѣсту нашего бивака. Не обладая особо

острымъ зрѣніемъ по ночамъ, мнѣ было очень трудно вникать въ болѣе или менѣе темные оттѣнки предметовъ, попадавшихся мнѣ подъ ноги; а потому, вовсе не видя почвы подъ собой, я постоянно оступался. Къ тому же мы сбились съ дороги, и баталіонъ продолжалъ въ разбродъ спускаться куда-то внизъ, покуда мы не наткнулись на довольно широкую шумную рѣчку. Мы перешли ее въ бродъ; на другой сторонѣ встрѣтили крутой берегъ; люди окончательно разбродились. Долго еще мы бродили, пока наконецъ не добрались до бивака. Черезъ часть я уже блаженствовалъ въ палаткѣ, и всѣ безпокойства, которыя пришлось испытать въ темнотѣ, забыты. Военный человѣкъ не злопамятенъ, онъ готовъ все забыть, лишь бы только добраться до покоя.

Всю ночь растерявшіеся въ темнотѣ люди подходили по-одиночкѣ къ биваку; нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно плутали, а другіе умышленно прошлялись всю ночь.

VI.

Беглишъ.—Эски-Баркачъ.

Къ утру 30-го сентября, почти что весь полковой обозъ добрался до Ралево, и мы могли продолжать наше дальнѣйшее движеніе. Нашъ путь лежалъ на дер. Беглишъ. Мы шли не дорогой, а ближайшимъ путемъ по полямъ, поросшимъ какимъ то маленькимъ колючимъ кустарникомъ, который все время цѣплялся за платье; люди разошлись широко по полю.

Въ Беглишѣ мы простояли до 8-го октября, итого восемь дней; идти далѣе было некуда, такъ какъ между нами и Плевно-Софійскимъ шоссе, на которомъ были турецкіе редуты, стояли только наши передовые посты, расположенные на правомъ берегу рѣки Вида. До насъ дошли слухи, что вопросъ о штурмѣ редутовъ, расположенныхъ въ виду нашихъ передовыхъ постовъ на лѣвомъ берегу этой рѣки, уже рѣшенъ; только ожидаютъ прибытія 2-ой гвард. пѣх. дивизіи графа Шувалова. Взглянувъ на карту, я увидѣлъ къ моему величайшему удивленію, что мы находимся уже къ ю. з. отъ Плевны; намъ оставалось сдѣлать только нѣсколько шаговъ, чтобы окружить Плевну со всѣхъ сторонъ.

Въ то время никто изъ насъ не могъ предполагать, что отъ этого шага такъ сильно пострадаетъ гвардія, но все-таки мы относились къ нему очень серьезно; про солдатъ же я могу сказать, что они мало интересовались грядущими событіями и вообще высшими соображеніями, но очень обрадовались продолжительному отдыху. Бивакъ нашего

полка былъ довольно симпатичный; онъ былъ расположенъ на берегу ручейка въ очень узкой лощинѣ, по обѣ стороны которой подымались горы, поросшія мелкимъ кустарникомъ. Ручеекъ оживлялъ бивакъ; въ немъ купали лошадей; нашлись и такіе храбрецы, которые, несмотря на позднее время рѣшились выкупаться.

Погода вдругъ рѣзко измѣнилась къ лучшему; дожди перестали, показалось солнце, которое среди дня до того сильно насъ припекало, что мы снова облачились въ кителя. Я провелъ цѣлый годъ въ Турціи и все мои лучшія воспоминанія о погодѣ, вертятся около октября мѣсяца; дождей было мало, было тепло, воздухъ былъ легкій, животельный, чувствовалась осенняя бодрость, природа еще не умирала. Днемъ мы прятались въ палаткахъ отъ солнца, а ночью замерзала вода; вставать по утрамъ было свѣжо и непріятно. Пришлось измѣнить свои привычки ради того, чтобы смягчить рѣзкое ощущеніе холода при вставаніи: я сталъ пить чай лежа въ постели, а потомъ уже вставалъ, умывался и одѣвался. Въ такіе утренники, офицеры выскакивали изъ постели какъ пуля.

По ночамъ, мы спали совсѣмъ спокойно, но все-таки могли ежеминутно ждать тревоги; передъ сномъ съ денщиками происходили у насъ конференціи на тотъ случай, когда бы насъ подняли ночью. Однажды вечеромъ, часу въ пятомъ, въ нѣсколькихъ верстахъ впереди насъ, началась довольно горячая ружейная перестрѣлка между нашими и турецкими аванпостами. Командиръ полка приказалъ быть готовымъ къ выступленію. Это была наша первая тревога вблизи непріятеля; мы отнеслись къ ней съ большой серьезностью, несмотря на увѣренность, что по причинѣ поздняго времени, ничего серьезнаго въ этотъ день не должно выйти. Мы не ошиблись; перестрѣлка прекратилась, начало смеркаться и мы снова раскинули палатки на прежнихъ мѣстахъ.

Мѣры предосторожности противъ всякихъ случайностей были соблюдаемы днемъ и ночью; очередныя роты подымались на гору и разставляли, примѣрно въ одной верстѣ отъ бивака, цѣпь аванпостовъ. По ночамъ, аванпосты могли видѣть вдали турецкіе огоньки и костры; разстоянія до нихъ было не особенно большое, но мѣстность между непріателемъ и нами была вся изрѣзана десятками глубокихъ овраговъ, поросшихъ колючками; эта мѣстность считалась трудно проходимою, такъ что съ этой стороны нельзя было ожидать нападенія. По этимъ оврагамъ бродилъ бездомный скотъ изъ сосѣднихъ разоренныхъ деревень; онъ уже успѣлъ одичать, но солдаты, несмотря на то, все-таки ухитрялись ловить этихъ шатуновъ и приводили ихъ къ начальнику аванпостовъ. Въ такихъ случаяхъ, волъ обыкновенно отдавался тутъ же ротѣ на сѣдленіе, а мозги, считаемые не одними дикими, но и нашимъ народомъ вѣроятно за лакомое блюдо, приносились ротному командиру.

Солдатики на аванпостахъ умѣютъ отлично коротать время; то онѣ добудетъ тыкву и состряпаетъ себѣ изъ нея и изъ пшена малороссійскую кашу, то за неимѣніемъ хлѣба и сухарей, принесетъ съ поля снопокъ пшеницы, намолотитъ зерна, разотретъ его въ муку и смастеритъ себѣ какую нибудь лепешку; а то вдругъ, несмотря на жару, запалитъ необычайный костеръ и любитъся имъ какъ какой нибудь огнепоклонникъ, напьется кирпичнаго чаю до тошноты, завалится спать, и спитъ не по нашему, а богатырски. Нашъ братъ офицеръ живетъ на аванпостахъ такую же жизнь какъ и солдаты.

Ротамъ было приказано производить ежедневныя ротныя ученія съ примѣненіемъ къ мѣстности; ученія происходили въ окрестностяхъ Беглиша въ горахъ; они были полезны не въ томъ отношеніи, чтобъ учить людей примѣняться къ мѣстности, а въ томъ, чтобъ они не заеживались бы долго на мѣстѣ. Горе было только въ томъ, что отъ такого моціона у людей разыгрывался аппетитъ, а хлѣба и сухарей выдавалось не много; вполне сытый человѣкъ не станетъ себѣ молотить пшеницу и дѣлать изъ нея грубыя лепешки, какъ это дѣлали мои солдаты на аванпостахъ.

Всѣ начали чиниться; вещи попортились, поломались, мундиры и обувь порвались; началась генеральная стирка бѣлья. Симпатичный, чистый ручеекъ, проходившій возлѣ бивака, замутился отъ грязи и окрасился отъ мытья линючихъ матерій. Какъ то разъ, подходя къ своей палаткѣ, которая была раскинута возлѣ самаго ручейка, я замѣтилъ въ водѣ обильныя слѣды какъ будто крови; денщикъ разъяснилъ мнѣ мое недоумѣніе, доложивъ, что здѣсь мыли офицерскую шелковую, красную сорочку. Здѣсь кетати можно упомянуть, что шелковое бѣлье оказалось въ походѣ предпочтительнѣе какого либо другого; всякій глупый денщикъ всегда съумѣетъ живо выстирать и высушить шелкъ; что же касается до чистоты, то въ шелку, человѣкъ болѣе гарантированъ отъ всякихъ случайностей; говорю болѣе, потому что абсолютная чистота въ походѣ, принадлежитъ къ области фантазій, и уже никакъ не можетъ мириться съ той обстановкой, въ которой намъ приходилось жить.

Ротный обозъ пришелъ въ Беглишъ въ самомъ плачевномъ видѣ; на примѣръ: у моей ротной телѣги поломалась передняя подушка, на которой лежитъ вся тяжесть груза, и не исправивъ этой поломки, нельзя было продолжать путь. Легко сказать: исправить; но для этого требовался кусокъ хорошаго дерева, дуба или березы, нѣсколько желѣзныхъ обручей, гвоздей, а гдѣ ихъ взять? Мнѣ пришлось самому поѣхать съ ротнымъ плотникомъ въ деревню Беглишъ и поискать тамъ матеріала. Деревня, вообще говоря, была разорена, но кое гдѣ встрѣчались усадьбы, снова приведенныя болгарами въ порядокъ. Турецкая часть деревни рѣзко отличалась отъ болгарской въ особенности тѣмъ, что она была больше разрушена: тутъ работали и болгаринъ и нашъ солдатъ, первый,

чтобъ грабить, второй, чтобъ добыть себѣ топливо. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось отыскать въ деревнѣ нѣсколько старыхъ обручей съ бочекъ, а гвоздей набралъ мнѣ болгаринъ въ развалившейся турецкой мечети, отъ которой остались однѣ только стѣны и минаретъ; все же остальное, какъ то: рамы, двери, внутреннее устройство, было выломано и по всей вѣроятности сожжено для варки пищи.

Добывъ самое необходимое, я поѣхалъ далѣе по деревнѣ поискать какой-нибудь провизіи. Гусей, гуляющихъ по полямъ, было много, но они были очень строги и не подпускали къ себѣ. При приближеніи человѣка, они съ крикомъ подымаясь увлекали за собой другихъ и улетали вдаль. Съ курами было тоже: онѣ взлетали на деревья, крыши, перелетали на другую сторону ручья съ такою легкостью, которую нельзя было ожидать отъ домашней птицы. Но все-таки я добылъ за очень дорогую цѣну двѣ пары курицъ; у одного болгарина нашелъ медъ; онъ мнѣ служилъ довольно долго вмѣсто сахара, который приберегался про черный день.

Черезъ два дня послѣ нашего прихода въ Беглишъ, уже не за чѣмъ было ѣздить въ деревню, ее обобрали до чиста; пришлось посылать за провизіей и за фуражемъ въ болѣе отдаленныя деревни, лежащія верстахъ въ двадцати и болѣе въ сторонѣ. Наши денщики, которыхъ мы туда посылали, рассказывали, что они находили въ горахъ деревни вовсе не тронутыя и полныя всякихъ запасовъ. Этимъ деревнямъ посчастливилось, потому что онѣ лежали совсѣмъ въ сторонѣ, не на пути слѣдованія войскъ и добраться до нихъ было не легко; на это надо было употребить цѣлый день. Въ такихъ фуражировкахъ денщики имѣли случай отличиться; одни изъ нихъ были болѣе предприимчивы, а другіе менѣе; но успѣхъ зависѣлъ тоже и отъ количества денегъ, которыми мы ихъ снабжали. Обыкновенно бывало такъ, что денщикъ больно расчетливаго хозяина повернется по ближайшимъ деревнямъ и въ концѣ концовъ добудетъ какую-нибудь одну курицу; тѣ же ловкачи, которымъ было разрѣшено не стѣсняться въ деньгахъ, уѣзжали вдаль и привозили гусей, поросятъ, куръ и проч. Бывало съ нетерпѣніемъ ожидаешь до самой ночи посланнаго и несказанно ему обрадуешься, когда увидишь висящую по сторонамъ сѣдла живность.

Извѣстіе, пришедшее въ Беглишъ о нашей побѣдѣ на Кавказѣ надъ арміей Мухтаръ-паши, было встрѣчено съ величайшимъ восторгомъ. При каждомъ крупномъ извѣстіи, въ насъ всегда проявлялась легкая надежда на скорое окончаніе войны; на другихъ сосѣднихъ бивакахъ, еще не знавшихъ объ этомъ, порѣшили, когда услышали наше громкое ура, что вѣроятно сдалась Плевна. Эта мысль засѣла у всѣхъ въ головѣ коломъ и проявлялась при всякомъ услышанномъ крикѣ радости. Тотчасъ же послали за священникомъ Крюковымъ, который продѣлалъ весь походъ съ Семеновскимъ полкомъ верхомъ; составилъ самый пестрый хоръ

пѣвчихъ и было отслужено благодарственное молебствіе. Въ это время солнце невыносимо жгло наши обнаженные головы; всякій изъ насъ старался устроить себѣ изъ бумаги или носоваго платка защиту.

Концертъ подѣ Плевной слышался ежедневно; прїѣзжіе оттуда рассказывали намъ, что подвозъ по Софійскому шоссе въ Плевну продолжается безнаказанно, и что турки, вѣроятно по недостатку снарядовъ, мало отвѣчаютъ на наши выстрѣлы, а только отсиживаются въ своихъ редутахъ. Одинъ офицеръ генеральнаго штаба совсѣмъ для насъ чужой, но котораго мы затащили къ себѣ въ палатку, чтобъ услышать отъ него что нибудь новенькое о Плевнѣ, рассказывалъ намъ, что надо только удивляться тому, съ какимъ тонкимъ расчетомъ турки умѣютъ выбирать мѣсто для своихъ редутовъ.

Начальникъ штаба Османъ-паша, проектировавшій планъ обороны Плевны, уже послѣ паденія ея, рассказывалъ, что не получивъ спеціальнаго образованія, онъ руководился въ этомъ дѣлѣ только своимъ опытомъ и глазомѣромъ.

Безъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, которая шла за нами и еще не успѣла подойти къ Беглишу, не рѣшались атаковать настроенные на шоссе редуты; носились слухи, что гвардейскій отрядъ будетъ порученъ наслѣднику цесаревичу; упоминали о графѣ Воронцовѣ-Дашковѣ, но это были все слухи, ни на чемъ не основанные.

Какъ то однажды, находясь въ горахъ со своей ротой на аванпостахъ, я вдругъ слышалъ внизу на нашемъ бивакѣ сильнѣйшее ура; конечно и въ этотъ разъ мы рѣшили, что вѣроятно сдалась Плевна. Наше предположеніе было ошибочное; крики были вызваны рѣчью генерала Гурко, которому былъ ввѣренъ весь гвардейскій отрядъ. Онъ тотчасъ же послѣ назначенія прїѣхалъ въ нашъ полкъ и произнесъ приличное событію слово. Передать его рѣчь я не могу, такъ какъ ее лично не слышалъ; знаю только одно, что по приходѣ съ аванпостовъ на бивакъ, мнѣ тотчасъ же сообщили, что по его приказанію, весь обозъ останется въ Беглишѣ и дальнѣйшее наступленіе мы будемъ дѣлать совсѣмъ на легкѣ; мнѣ помнится, что генералъ Гурко выразился такъ: «въ отрядѣ не будетъ ни единого колеса». Такъ какъ обозъ долженъ былъ остаться въ Беглишѣ, то я сейчасъ же обратилъ вниманіе на устройство еще одного выюка. Мой осликъ былъ слишкомъ малъ и слишкомъ слабъ, чтобъ свезти на себѣ все необходимое для меня; купленная мною для ротнаго обоза маленькая лошадка, о которой я упоминалъ выше, оказалась вполне годной подѣ выюкъ. Всѣмъ моимъ вещамъ я сдѣлалъ строгую сортировку; все то, безъ чего я легко могъ обойтись въ походѣ, я рѣшилъ оставить въ Беглишѣ, а все необходимое было разложено въ большіе парусинные мѣшки, которые во время постѣдующихъ переходовъ связывались вмѣстѣ и перекидывались черезъ спину лошади.

Вообще устройство выюка я признаю только въ видѣ мѣшковъ, но

никакъ не въ видѣ красивыхъ и дорогихъ петербургскихъ приспособленій, на которыя офицеры потратили много лишнихъ денегъ. Мѣшокъ удобнѣе для вьючной лошади и въ него наложешь гораздо больше, чѣмъ въ привилегированные сундуки и чемоданы, на которыхъ красуются красивые инициалы ихъ владѣльца. Большинство товарищей не позаботилось до сихъ поръ обзавестись вьюкомъ и всѣ страшно засуетились, услышавъ приказаніе генерала Гурко; лишнихъ лошадей ни у кого не оказалось, а купить было ихъ негдѣ. Тогда мой конюхъ, ловкій хохолъ Макаренко уговорилъ меня дать ему, только до вечера, тридцать рублей взаймы на которые онъ имѣлъ въ виду гдѣ то купить для моихъ товарищей лошадей. Съ моими деньгами, онъ поскакалъ куда то очень далеко, и дѣйствительно къ вечеру привелъ двухъ лошадей, которыхъ тотчасъ же продалъ за 70 рублей; отдавая мнѣ 30 рублей, онъ благодарилъ меня за то, что я далъ ему случай нажить 40 рублей.

Первымъ распоряженіемъ генерала Гурко было передвинуть войска впередъ, т. е. ближе къ Софійскому шоссе; такимъ образомъ нашъ полкъ передвинулся 8-го октября въ Эски-Баркачъ. Бивакъ раскинулся на горѣ, откуда открылся чудный видъ въ даль и по сторонамъ въ горы. Нѣкоторые изъ товарищей устроили кавалькаду и поѣхали полюбопытствовать, что дѣлается впереди на Софійскомъ шоссе. Они добрались до рѣки Вида и совершенно ясно увидѣли на той сторонѣ турецкій редутъ. По ихъ рассказамъ, весь нашъ правый берегъ рѣки былъ очень гористый, а мѣстами даже совсѣмъ крутой около самой рѣки. Въ этихъ горахъ и былъ расположенъ весь нашъ гвардейскій отрядъ; лѣвый же берегъ, насколько можно было видѣть глазомъ, былъ плоскій съ маленькими неровностями; вдаль виднѣлось Плевно-Софійское шоссе съ ближайшимъ къ намъ редутомъ Горный Дубнякъ. Редутъ былъ значительныхъ размѣровъ съ отчетливо выведенными стѣнами; посреди редута виднѣлась насыпь, на которой были помѣщены орудія. Внутренняя жизнь редута, конечно была скрыта за насыпью по которой тихо разгуливали часовые; кое гдѣ виднѣлись черкесскіе разъѣзды, изрѣдка перестрѣливающіеся съ нашими казаками. Вотъ все то, что я слышалъ отъ пріѣхавшихъ оттуда товарищей; нѣкоторымъ изъ нихъ померещилось, что турки, будто бы, стрѣляли по нимъ. Мы обступили пріѣхавшихъ, и спросамъ не было конца.

Наконецъ мы дождались прихода 2-ой гвар. пѣх. дивизіи. Она пришла въ Эски-Баркачъ 11-го октября, опоздала же она оттого, что ей пришлось пѣшкомъ пройти всю Румынію по дурнымъ въ то время дорогамъ. Въ этотъ день, который былъ кануномъ незабвеннаго Горнаго Дубняка, нашему полку было приказано выстроиться по-баталіонно и ожидать прибытія командира 2-й бригады 1-ой гвард. пѣх. дивизіи генерала Рауха, назначеннаго командующимъ 1-ой гвард. пѣх. дивизіей. Генералъ поздоровался съ людьми, напомнилъ имъ, что они гвардейцы

и что имъ теперь предстоитъ случай показать себя. Онъ просилъ людей получше работать штыкомъ, безъ котораго трудно выгнать турокъ изъ окоповъ; но разъ уже выбитые изъ нихъ, турки, по его словамъ, бѣгутъ всегда опротивѣю. Собравъ послѣ того офицеровъ въ отдѣльный кружокъ, онъ совѣтовалъ намъ не слишкомъ увлекаться, что всегда влечетъ за собой излишнія потери; генерала Гурко онъ рекомендовалъ какъ человѣка, на котораго можно вполне положиться и быть съ нимъ спокойнымъ. Видя у генерала Георгіевскій крестъ въ петлицѣ, полученный за лихой, но не совсѣмъ удачный лѣтній кавалерійскій набѣгъ по ту сторону Балканъ подъ начальствомъ г. Гурко, мы рѣшили что этотъ генералъ долженъ быть настоящимъ боевымъ генераломъ, и тотчасъ же прозвали его Дымъ-паша (Rauch-дымъ).

По отъѣздѣ генерала Рауха, бригадный командиръ 1-ой бриг. нашей дивизіи его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій собралъ въ свою очередь всѣхъ офицеровъ своей бригады и сдѣлалъ намъ тоже нѣсколько наставленій. Между прочимъ его высочество высказалъ, что въ числѣ главныхъ условій для успѣха дѣла, онъ считаетъ сохраненіе инициативы въ командованіи и выказываніи въ самые трудные и серьезные моменты боя силы воли; потомъ онъ совѣтовалъ полковникамъ спѣшивать въ время дѣла.

Изъ всѣхъ этихъ рѣчей и подготовленій намъ сдѣлалось ясно, что на другой день, 12-го октября, насъ поведутъ на штурмъ Горнаго Дубняка. Наши денщики, ѣздившіе за сѣномъ, видѣли гдѣ-то цѣлый вагенбургъ изъ воловьихъ повозокъ, приготовленный Краснымъ Крестомъ для перевозки будущихъ раненыхъ; по этой примѣтѣ, солдаты сдѣлали заключеніе, что въ скоромъ времени надо ожидать рѣзни.

Меня всегда удивляло то обстоятельство, что такіе серьезные планы, какъ штурмъ редута, не сохранялись до поры до времени въ тайнѣ, а разглашались заблаговременно по всѣмъ бивакамъ. Объ атакѣ Горнаго Дубняка было всѣмъ уже извѣстно 10-го октября; турки тоже не могли объ этомъ не знать.

Наканунѣ этого дня явились въ полкъ изъ кавказской арміи наши товарищи: князь Несвицкій, Бельгардъ, Галлеръ и Пишчевичъ, отъѣхавшіе на Кавказъ еще до мобилизаціи гвардіи; они явились прямо къ Горному Дубняку, и имъ сейчасъ же было поручено командованіе ротами.

Уже смеркалось, когда начали съѣзжаться къ намъ на бивакъ адъютанты разныхъ полковъ за приказаніями. Какъ знакомыхъ, такъ одинаково и незнакомыхъ мы пригрѣвали у костровъ и поили ихъ чаемъ; всѣ были болѣе или менѣе въ духѣ, а между тѣмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже намѣтила себѣ судьба—они были на другой день убиты въ сраженіяхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ.

VII.

Горный Дубнякъ

Ночь была совсѣмъ темная, холодная и спалось беспокойно. Насъ подняли до разсвѣта; палатки были сняты, лошади и ослы навьючены; мы же, совсѣмъ готовые къ выступленію, въ ожиданіи приказаній, грѣлись у потухавшихъ костровъ. Ко мнѣ подошли четыре солдатика, — это были мои тѣлохранители, которыхъ обязанъ былъ имѣть при себѣ каждый ротный командиръ; съ этого дня и въ продолженіе всего похода они состояли при мнѣ безотлучно.

Ради шутки, солдаты подожгли во многихъ мѣстахъ солому, служившую имъ на бивакѣ подстилкой; начальство, увидѣвъ этотъ вовсе не желанный фейерверкъ, который могъ только поднять тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ и выдать наше ночное движеніе, прилетѣло со всѣхъ сторонъ къ огню съ приказаніемъ его тушить; но тушить было поздно и невозможно, какъ невозможно было найти виновника этой глупой шутки. Бивакъ запылалъ, а въ огнѣ стали лопаться патроны, вѣроятно оброненные отступавшими турками; люди тѣшились, какъ дѣти, и радовались всякому взрыву. Впредь мы были очень осторожны въ выборѣ мѣста для костра, такъ какъ отъ лопанія патроновъ бывали случаи опаливанія лица и даже пораненія.

Было еще темно, когда началось движеніе войскъ; впереди шла 2-ая гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей; за ней слѣдовали полки: Измайловскій, Семеновскій и Преображенскій. Егерскій же полкъ дѣйствовалъ въ этотъ день отдѣльно подѣ Телишемъ, о чемъ я буду писать далѣе. Войска шли быстро, несмотря на темноту; разговоръ было мало, всѣ шли себѣ на умѣ. Начинало свѣтать, когда нашъ полкъ добрался до р. Вида; люди разувались, переходили рѣку въ бродѣ, снова обувались и бѣгомъ догоняли ушедшія впередъ части. Эта переправа хотя и немного, но все-таки задержала наше наступленіе.

Такъ какъ въ деревнѣ Чириковѣ на р. Видѣ было приказано устроить главный перевязочный пунктъ, то надо было ему въ прикрытіе и для работъ назначить команду; очередь пала на роту изъ 2-го баталіона нашего полка. Баталіонный командиръ назначилъ для того 8-ую роту подѣ начальствомъ поручика Александра Михайловича Охотникова, который, уже послѣ окончанія сраженія подѣ Горнымъ Дубнякомъ, говорилъ мнѣ, что готовъ былъ продѣлать два Дубняка, чтобъ только не видѣть тѣхъ ужасовъ, которыхъ онъ насмотрѣлся на этомъ перевязочномъ пунктѣ.

Вдали, въ лѣскѣ раздалось нѣсколько выстрѣловъ; нашему вообра-

женію представилось, что будто бы намъ придется выбивать изъ него непріятеля. Ъхавшій намъ навстрѣчу казакъ объяснилъ, что впереди не видно непріятеля, и что это наши аванпосты только перестрѣливаются на очень дальнее разстояніе съ турецкими разѣздами. Но вскорѣ послѣ того, впереди насъ и значительно влѣво, послышались сперва отдѣльные выстрѣлы, а за тѣмъ адская трескотня изъ ружей и орудійные выстрѣлы. Вслушиваясь внимательно въ пальбу, можно было сейчасъ же отличить турецкіе выстрѣлы отъ нашихъ; они были гораздо сильнѣе и рѣзче. Мѣстность, гдѣ происходило дѣло, была скрыта отъ насъ цѣлымъ лѣсомъ фруктовыхъ деревьевъ. Мы продолжали двигаться до тѣхъ поръ, пока не увидѣли редутъ и около него небольшое укрѣпленіе, значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ самый редутъ. Насъ остановили; людямъ приказано было лечь и отдохнуть, но мало кто этимъ воспользовался. Люди впились глазами въ редутъ и слѣдили за тѣмъ, что тамъ происходило, но ничего нельзя было разобрать, весь редутъ былъ въ облакахъ порохового дыма; вокругъ же него на возвышенностяхъ были расположены наши батареи, все время громившіе редутъ. Наша пѣхота, по видимому, атаковала маленькое укрѣпленіе, и мы видѣли, какъ турки его покидали и бѣжали въ большой редутъ. Черезъ нѣсколько времени, по направленію дымковъ уже можно было заключить, что наши забрались въ это маленькое укрѣпленіе и открыли огонь по большому редуту.

Прошло болѣе часа, картина не измѣнялась, наши люди утомились смотрѣть и сѣли отдохнуть. Я тоже присѣлъ, прислонился спиной къ дереву, почувствовалъ себя очень утомленнымъ отъ безсонной ночи и напряженія нервовъ, и вдругъ заснулъ, несмотря на продолжающуюся трескотню, крѣпкимъ сномъ, который продолжался хотя и не долго, но все-таки меня немного освѣжилъ. Наши денщики добыли гдѣ-то въ оврагѣ воды, развели огонь и заварили для насъ чай. Мнѣ рассказывали, что солдаты, которымъ пришлось въ этотъ день долго пролежать на одномъ и томъ же мѣстѣ въ ровикахъ, въ какихъ-нибудь пятидесяти шагахъ отъ редута, спокойно ѣли сухари и засыпали отъ усталости. Вполнѣ вѣрю этимъ рассказамъ, потому что самому пришлось заснуть во время дѣла.

Всѣхъ нашихъ ротныхъ носильщиковъ отправили на поле сраженія для подбيرانія раненыхъ. Наши баталіонные врачи Бубновъ и Лебедевъ порывались тоже туда, но начальство не рѣшалось ихъ отпустить, такъ какъ насъ самихъ могли ежеминутно потребовать на подкрѣпленіе, что и случилось съ Измайловскимъ полкомъ. Впереди насъ виднѣлся курганчикъ, на которомъ находился генералъ Гурко со своимъ штабомъ и съ котораго онъ могъ слѣдить за ходомъ атаки. Въ это время было получено приказаніе двинуть на подкрѣпленіе 2-ой ди-

визіи одинъ баталіонъ Измайловскаго полка. Измайловцы поспѣшно встали, собрались въ мигъ, перекрестились и пошли впередъ. Мы все время слѣдили за ними и думали увидѣть моментъ ихъ вступленія въ бой, но они свернули куда-то налѣво и скрылись въ кустахъ; насъ же повели впередъ, но не по направленію къ редуту, гдѣ все время продолжалось жаркое дѣло, а немного вправо отъ него. Черезъ полчаса мы были уже на Софійскомъ шоссе, по которому еще наканунѣ безнаказанно двигались турецкіе обозы.

Первая бригада 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ его высочества принца Ольденбургскаго расположилась по обѣ стороны шоссе въ боевомъ порядкѣ, лицомъ не къ Горному Дубняку, а къ Плевнѣ. Она изображала заслонъ на тотъ случай, если бы турки вздумали сдѣлать вылазку изъ Плевны для подавія помощи Горному Дубняку. Вдали отъ насъ по дорогѣ къ Плевнѣ, а именно у другого редута—Дольнаго Дубняка, занятаго турками, слышалась тоже порядочная трескотня; это была демонстрація, устроенная нашей кавалеріей противъ этого редута. Наша бригада оказалась межъ двухъ огней: впереди насъ и позади насъ шла горячая перестрѣлка; вдали въ горахъ безостановочно гремѣли съ тою же демонстративною цѣлью наши орудія противъ плевненскихъ укрѣпленій.

Устроившись на своихъ мѣстахъ, солдаты первымъ дѣломъ начали разводить костры и варить себѣ кашу. Намучавшись въ походѣ съ сырыми дровами, солдаты были такъ рады добраться до сухихъ телеграфныхъ столбовъ, что въ нѣсколько минутъ ихъ какъ и не бывало; они рубили ихъ съ большимъ удовольствіемъ, приговаривая «теперь ша-лишь, не уйдешь изъ Плевны»; люди вполне понимали значеніе нашего выхода на шоссе. Приказаніе не уничтожать телеграфные столбы, могущіе намъ самимъ пригодиться, было отдано по войскамъ уже послѣ того, какъ большая часть ихъ была снесена и сожжена.

Къ намъ подѣхалъ одинъ осетинъ изъ кавказскихъ сотенъ; онъ имѣлъ очень обносившійся видъ и выспрашивалъ у солдатъ, нѣтъ ли у нихъ продажныхъ сапогъ. Намъ же онъ разсказалъ, что ихъ сотни вертятся здѣсь уже болѣе мѣсяца; десятки разъ они порывали телеграфныя проволоки, но турки снова приводили ихъ въ порядокъ; много разъ тревожили турецкіе транспорты, успѣли даже обноситься сапогами, а все нѣтъ никакого толка, потому что безъ пѣхоты, какъ онъ выразился, «ни черта не подѣлаешь». Онъ разсказывалъ просто, правдиво съ сильнымъ кавказскимъ акцентомъ. Такого шлюющагося народа попадалось на военномъ полѣ не мало: одинъ ищетъ что-нибудь купить, другой продаетъ или турецкую саблю, или турецкую лошадку.

Пріѣзжіе изъ-подъ Горнаго Дубняка привозили намъ самыя неутѣшительныя вѣсти. Они разсказывали, что наши войска окружили ре-

дутъ со всѣхъ сторонъ и залегли въ ровикахъ подь самымъ редутомъ, но турки все не хотѣли сдаваться. Пальба, продолжавшаяся безостановочно въ теченіе всего дня, начала къ вечеру стихать и наконецъ вовсе прекратилась; мы не знали, чѣмъ объяснить вдругъ наставшую тишину и уже начали подумывать, не сдался ли редутъ. Стало уже совсѣмъ смеркаться; вдругъ мы услышали, что подь редутомъ снова открытъ огонь, который какъ-то сразу взялся съ необыкновенной силой; это былъ моментъ штурма. Немного спустя запылалъ въ редутѣ сильный огонь, пальба стала утихать; зарево разрослось и охватило редутъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ все, что намъ было видно издали. Пожаръ въ редутѣ казался намъ вѣрнымъ признакомъ его взятія; не стануть же турки сами себя жечь.

Прискакавшій къ намъ изъ-подъ Горнаго Дубняка съ приказаніемъ отъ генерала Рауха его ординарецъ поручикъ нашего полка Михайлъ Михайловичъ Бибиковъ, на всемъ скаку, поднявъ высоко руку, кричалъ: «ура, редутъ взятъ». У всѣхъ отлегло отъ души; люди прокричали такое «ура», которое безъ сомнѣнія было слышно въ самомъ редутѣ. Намъ было приказано тотчасъ же пододвинуться къ редуту и занять на ночь боевую позицію лицомъ къ Плевнѣ. Недоваренную кашу, недопитый чай, все побросали и зашагали такъ быстро по направленію къ Горному Дубняку, что наши полковники и адъютанты должны были все время прищипривать своихъ лошадей, чтобъ не отстать отъ насъ. По дорогѣ мы узнали отъ поручика Бибикова о смерти нашихъ знакомыхъ и родственниковъ, убитыхъ въ этотъ день подь Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ; но эти извѣстія принимались нами въ то время довольно спокойно. Наше положеніе, какъ и вообще всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ, было слишкомъ исключительное для того, чтобъ мысль могла бы долго останавливаться на этихъ извѣстіяхъ; всякій изъ насъ хотя и безсознательно, но все-таки думалъ, что если сегодня убили такихъ-то, то завтра могутъ убить и насъ.

Подойдя къ редуту, полкъ размѣстился кое-какъ въ темнотѣ въ боевой позиціи. Устроивъ своихъ людей, я пошелъ по направленію къ небольшому кургану, гдѣ свѣтились огоньки, гдѣ толпилось много народа и гдѣ происходило, повидимому, нѣчто необычайное. Среди кургана стоялъ взятый въ плѣнъ Хивзи-паша, красивый старикъ съ подстриженной сѣдой бородой и одѣтый въ костюмъ изъ желтаго верблюжьяго сукна; возлѣ него стоялъ его начальникъ штаба, маленькій чернышій турокъ, и еще докторъ, австріецъ, прекрасно говорившій по-нѣмецки; онъ служилъ переводчикомъ при допросѣ пашы флигель-адъютантомъ Непокойчицкимъ, присланнымъ великимъ княземъ главнокомандующимъ для отобранія свѣдѣній о нашихъ трофеяхъ и о нашихъ потеряхъ. Паша, говорившій только по-турецки, стоялъ понурия голову

и спокойно отвѣчалъ на всѣ вопросы; по его словамъ въ редутѣ было до трехъ тысячъ войска.

Тутъ же на курганѣ стоялъ молодой солдатъ Измайловскаго полка съ турецкимъ знаменемъ въ рукахъ, которое онъ захватилъ, во время боя, въ самомъ редутѣ; ему приходилось въ сотый разъ рассказывать объ обстоятельствахъ дѣла всякому, кто только его объ этомъ спрашивалъ. Всюду слышались поздравленія, лобзанія; всѣ были взволнованы и въ сильномъ нервномъ возбужденіи, рукопожатія совершались съ необыкновенной силой.

Вокругъ кургана всюду запылали костры, на которыхъ отошавшіе солдатики, весь день не ѣвшіе, варили себѣ пищу; огонь въ редутѣ догоралъ.

Видя всюду одушевленіе, большой подъемъ духа, я самъ не могъ не поддаться этому чувству; объ оборотной сторонѣ медали въ то время я не помышлялъ, тѣмъ болѣе, что темная ночь скрывала отъ меня тѣ ужасы, которые были совершены въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ меня. Но когда я узналъ о числѣ погибшихъ въ сраженіи солдатъ и офицеровъ, изъ которыхъ я многихъ зналъ, то вдругъ почувствовалъ къ нимъ большую жалость; да и понятно: обстоятельства измѣнились, дѣло кончено, я остался живъ, невредимъ, а они убиты; мои мысли стали работать спокойнѣе, человѣчнѣе, а чувство состраданія, на время охоченѣвшее, снова вернулось ко мнѣ. Мнѣ сейчасъ же вспомнилось, что наканунѣ, когда я былъ въ Егерскомъ полку, нѣкоторые изъ убитыхъ, прощались со мной такъ, какъ будто бы они предчувствовали смерть. По дорогѣ домой я все время думалъ о томъ, что мрачныя мысли, непременно должны отчасти помрачать во время дѣла самосознаніе и должны приводить къ тому, что въ числѣ множества причинъ, составляющихъ человѣка подъ пулю, такой сильный въ игрѣ козырь, какъ свѣжесть мыслей, выкинуть изъ игры.

Говорятъ, что пуля дура, но я добавлю къ этому, что она, въ то же время, прекрасно знаетъ кого задѣть; народная мудрость уже давно постигла, что надо на Бога уповать, а самому все-таки не плошать, или: береженого и Богъ бережетъ.

Всѣ свѣдѣнія, добытыя мною на курганѣ, были довольно отрывочныя и передавались людьми въ взволнованномъ состояніи; ничего цѣльнаго нельзя было вывести и приходилось ловить слова на лету. Никто не могъ мнѣ объяснить причину пожара въ редутѣ; говорили, что все сдѣлалось какъ то одновременно; что послѣ продолжительнаго перерыва сраженія, во время котораго, при гробовой тишинѣ, наши солдаты лежали подъ самымъ редутомъ, дремали и грызли сухари, гдѣ-то и кто то крикнулъ «ура», которое сейчасъ же было подхвачено другими; люди повискакали изъ ровиковъ и въ облакахъ порохового дыма

начали влѣзать на стѣны редута, гдѣ завязалась уже рукопашная свалка въ приклады. Шатры, разставленные въ редутѣ, начали горѣть; кто ихъ поджегъ—неизвѣстно; турки побросали оружіе, становились на колѣни и кричали: «Аллахъ, Аллахъ!» а нѣкоторые изъ нихъ стали даже креститься. Разсказывали тоже, что не легко было успокоить расхोдиншихся солдатъ, которые, несмотря на очевидную сдачу редута, продолжали работать вправо и влѣво штыкомъ и прикладомъ.

Въ нашъ полкъ пришло приказаніе смѣнить уставшихъ въ дѣлѣ солдатъ Московскаго полка, которые недалеко отъ этого кургана караулили цѣлую партію плѣнныхъ турокъ. Очередь пала на мою 5-ую и 6-ую роты.

Плѣнные турки сидѣли около костровъ, человѣкъ по десяти, и грѣлись. Смѣнивъ москвичей, я приказалъ окружить плѣнныхъ густою цѣпью, а самъ вошелъ въ середину и сталъ внимательно разсматривать эту пеструю толпу, такъ упорно защищавшую редутъ. Я былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ вмѣсто однообразно одѣтыхъ солдатъ, самую разношерстную толпу всякаго сброда, въ самыхъ пестрыхъ лохмотьяхъ. Мнѣ указали группу турецкихъ офицеровъ; они сидѣли всѣ вмѣстѣ у костра и были одѣты въ строевые мундиры, по которымъ, какъ и по ихъ черномазымъ лицамъ, ихъ почти нельзя было отличить отъ обыкновенныхъ регулярныхъ турецкихъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ весьма плохо объяснялся по-французски; но все-таки, хотя и съ великимъ трудомъ, могъ мнѣ объяснить кой-какія подробности о нашѣхъ, о числѣ офицеровъ и солдатъ, большая часть которыхъ была набрана въ Малой Азіи. Мои свободные отъ караула солдаты тоже вошли въ оцѣпленіе и сейчасъ же начали добродушно бесѣдовать съ плѣнными, прибѣгая больше къ мимикѣ, чѣмъ къ словамъ. Наши солдаты, которымъ этотъ день былъ не особенно труднымъ, не питали къ плѣннымъ никакого зла; но москвичи, которыхъ я смѣнилъ, голодные, холодные, усталые послѣ сраженія, нервно возбужденные относились къ нимъ не безъ злобы. Я припоминаю, какъ одинъ солдатикъ-москвичъ при уходѣ, сочно плюнулъ на турокъ, проговоривъ: «Ишь окаянные, всѣхъ бы васъ ежечь, сколько надѣлали хлопотъ»; потомъ онъ повернулся и еще разъ плюнулъ. Преображенцы проводили его общимъ смѣхомъ.

Сперва шли между русскими и турецкими солдатами одни только разговоры; но потомъ, я уже сталъ замѣчать, что мои люди начали, среди разговоровъ какъ бы шутя, присваивать себѣ всякія принадлежащія туркамъ мелочи. Я сейчасъ же приказалъ отдать имъ все обратно, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе обыскать всѣхъ плѣнныхъ; у нихъ оказались бритвы, ножи, которые и были у нихъ отобраны. Между ними были очень тяжело раненные, но они сидѣли смирно у костровъ и терпѣливо, чисто по мусульмански, переносили страданія; у однихъ были опален-

ныя лица съ засохшей на нихъ кровью, у другихъ, въ особенности у одного, лицо было вздуто какъ арбузъ, у третьихъ перебиты ноги. Но болѣе всего я былъ пораженъ выносливостью одного раненаго: у него вываливалась изъ груди какая то внутренность, но несмотря на то, онъ молчалъ, терпѣлъ и грѣлъ свои руки у костра. Вспомнивъ, что я видѣлъ на курганѣ возлѣ паша нѣмца доктора, я послалъ за нимъ расторопнаго унтеръ-офицера съ конвоемъ и съ приказаніемъ тотчасъ же явиться на мой зовъ. Унтеръ-офицеръ отыскалъ его въ деревнѣ Горный Дубянкъ тутъ же подъ горкой, гдѣ помѣстили на ночь пашу, начальника штаба и доктора: ихъ стерегли наши же Преображенцы подъ начальствомъ подпоручика Сергѣя Ѳеодоровича Ладыженскаго. Черезъ часъ привели ко мнѣ этого врача съ повязкой красной луны; помочь раненымъ онъ отказался, потому что всѣ перевязочныя средства сгорѣли въ редутѣ во время пожара. Докторъ прекрасно говорилъ по-нѣмецки и первымъ дѣломъ началъ восхвалять Ладыженскаго, который, по его словамъ, обращался съ нимъ хорошо и старался облегчить старику пашѣ его тяжелое положеніе.

Въ продолженіе всей ночи, никто не смыкалъ глазъ; ночь была очень свѣжая. Плѣнные безъ шинелей, которыя всѣ погорѣли въ редутѣ, зябли и не отходили отъ костровъ; турки сами себѣ приносили дрова, за которыми въ продолженіе всей ночи я ихъ посылалъ подъ конвоемъ. Срубленный сырой кустарникъ производилъ только трескъ, а толку отъ него было мало. Къ утру плѣнные сильно отошали и просили меня дать имъ что нибудь поѣсть; офицеръ, говорившій немного по-французски, подошелъ ко мнѣ, энергично постучалъ кулакомъ по своему животу и съ ужаснымъ акцентомъ произнесъ нѣсколько разъ подъ рядъ: «манже, манже». Я не зналъ чѣмъ имъ помочь, хотя у моихъ людей и были сухари, но я не имѣлъ права ими распоряжаться. Ко мнѣ подъѣхалъ князь Церетелевъ, украшенный нѣсколькими георгіевскими крестами и состоящій въ то время по особымъ порученіямъ при генералѣ Гурко. Я просилъ князя доложить о законной просьбѣ плѣнныхъ, которыхъ въ суматохѣ совсѣмъ забыли.

Между тѣмъ по направленію къ Плевнѣ, подъ Дольнымъ Дубянкомъ началась сильная перестрѣлка. На этотъ разъ всѣ серьезно думали, что Османъ-паша дѣлаетъ изъ Плевны вылазку. Нашъ полкъ, въ числѣ другихъ, былъ тотчасъ же двинутъ впередъ для занятія боевой позиціи. Раненыхъ офицеровъ, которыхъ пріютили въ сосѣдней деревнѣ въ избахъ, начали оттуда выносить на всякій случай. Мимо насъ пронесли на носилкахъ по направленію къ редуту генерала Лаврова, генерала Эбелинга и друг. Я не зналъ, что дѣлать съ моими плѣнными, которыхъ слѣдовало бы убраться куда нибудь назадъ, подальше отъ боевой позиціи. Посланные мною солдаты съ запросомъ въ различныя мѣста

съ отвѣтами не являлись. Вдали показалась группа всадниковъ, ѣхавшихъ къ намъ шагомъ. Это былъ генераль Гурко со своей свитой. Онъ спросилъ меня о числѣ плѣнныхъ и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе прислать взводъ драгунъ а мнѣ приказалъ, по сдачѣ плѣнныхъ драгунамъ, присоединиться къ полку.

Драгуны, смѣнивъ мою цѣпь, повели плѣнныхъ по направленію къ реду. Изъ числа плѣнныхъ солдатъ, 19 человекъ остались на мѣстѣ; они не могли двигаться по причинѣ тяжелыхъ ранъ. До сихъ поръ, они незамѣтно скрывались въ общей массѣ, терпѣливо перенося боль и страданіе, но когда всѣ ушли, а они остались одни, то ужасъ и состраданіе къ нимъ охватили меня. Нѣкоторые лежали не то живые, не то мертвые; другіе встали, но были не въ состояніи двигаться. Люди съ прострѣленными ногами стояли на одной ногѣ упираясь на палку. Масульманинъ-фанатикъ умѣлъ во имя вѣры страдать какъ никто.

Черезъ часъ я ужъ былъ присоединенъ къ своему полку, и занялъ свое мѣсто въ боевой позиціи.

Плѣнный паша, какъ я уже потомъ узналъ, попалъ на перевязочный пунктъ въ Чириково, гдѣ онъ былъ сданъ подъ надзоръ поручика Охотникова, командированнаго туда съ своей ротой въ день боя у Горнаго Дубняка. Передаю здѣсь то, что мнѣ рассказывалъ самъ Охотниковъ. Паша долженъ былъ ночь провести въ палаткѣ подпоручикъ Андрея Ѳеодоровича Ладыженскаго, субалтернъ-офицера 8-ой роты, которому поручилъ его Охотниковъ. На другое утро вбѣгаетъ въ палатку Охотникова его фельдфебель Альдерманъ и докладываетъ, что за ночь и паша и подпоручикъ Ладыженскій изволили пропасть. Охотниковъ въ полномъ недоумѣніи и съ ужасомъ выбѣгаетъ изъ палатки на розыски пропавшихъ; но дѣло сейчасть же разъяснилось: пашѣ показалось холодно въ палаткѣ, тогда они вмѣстѣ съ Ладыженскимъ отправились спать въ сосѣднюю деревню.

Рассказъ поручика Охотникова о перевязочномъ пунктѣ весьма интересенъ. Отдѣлясь утромъ 12-го октября отъ своего полка, онъ искалъ въ продолжаніе двухъ часовъ деревню Чириково, которая была назначена для перевязочнаго пункта. Наконецъ добравшись до нея, онъ не нашелъ ни тамъ, ни въ сосѣдней деревнѣ ни единой живой души, ни единого признака перевязочнаго пункта и даже началъ сомнѣваться, туда ли зашелъ. Часовъ въ 9-ть утра появились въ Чириковѣ первые раненые; одни шли сами, а другихъ вели ихъ же товарищи, тоже раненые: помочь имъ было рѣшительно нечѣмъ: ни докторовъ, ни фельдшеровъ не было, всѣ они работали гдѣ то въ другомъ мѣстѣ; раненые все время просили воды, чтобы напиться и обмыть раны. Въ продолженіе всего 12-го октября, людямъ 8-ой роты приходилось носить имъ въ манеркахъ воду, а изъ сосѣдней деревни—солому

для подстилки; многіе просили ѣсть. Ночью всѣ раненые зарылись отъ холоду въ грязную солому и къ утру оказались многіе умершими. Только лишь на другой день пріѣхали доктора и сестры Краснаго Креста.

Явился священникъ, отпѣлъ всѣхъ сразу умершихъ и ихъ зарыли всѣхъ вмѣстѣ въ одной могилѣ. Заготовленныхъ Красномъ Крестомъ подводъ не хватало на перевозку раненыхъ; имъ въ помощь были присланы обозныя и ротныя повозки, оставленныя въ Беглишѣ. Поручикъ Охотниковъ говорилъ, что ему было до того тяжело смотрѣть на разныя мученія и ужасы, что онъ просилъ замѣнить его другой ротой; но его не смѣнили и вѣроятно забыли, потому что въ дни, послѣдующіе за Горнымъ Дубнякомъ, общее вниманіе было обращено не на тылъ, а на то, что могло разыграться впереди насъ.

На слѣдующій же день послѣ Горнаго Дубняка, я велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ вмѣстѣ съ денщикомъ осмотрѣть поле сраженія и внутренность редута, бывшаго отъ насъ въ двухъ верстахъ. Подѣзжая къ нему, я узналъ моихъ плѣнныхъ турокъ, которые рыли громадныя могилы, другіе стаскивали убитыхъ въ одно мѣсто и клали ихъ рядкомъ. Работа происходила подъ наблюденіемъ русскаго офицера и унтеръ-офицеровъ.

Не останавливаясь долго на первомъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое я воспринялъ при видѣ стаскиванія труповъ за ноги въ кучу, я поѣхалъ далѣе въ самый редутъ. Тамъ моимъ глазамъ представилась ужасающая картина еще нетронутаго, какъ бы оконечившаго поля сраженія; весь редутъ былъ заваленъ трупами нашихъ гвардейцевъ, турокъ, осѣдланныхъ убитыхъ лошадей, осликовъ, барановъ и проч. Моя лошадь, боясь на кого нибудь наступить, съ осторожностью выбирала дорогу; всюду валялись поломанные приклады, штыки, турецкія сабли, осколки нашихъ гранатъ, безконечное количество патроновъ въ жестянкахъ, пачкахъ или же просто разбросанныхъ по землѣ вдоль стѣнъ редута, вѣроятно для скорѣйшаго заряжанія во время сильнаго огня. Насыпь внутри редута, на которой стояли наканунѣ во время дѣла четыре орудія, была разрушена, а орудія подбиты.

Глядя на убитыхъ людей, рѣзко бросалась въ глаза разница между типами сразившихся здѣсь двухъ расъ; наши гвардейцы были всѣ большаго роста, а убитыми казались еще больше; лицо у нихъ чистое красивое, бѣлокурое; обременены ношей, на сколько только можно обременить человѣка; затянута въ мундиръ, чрезъ плечо скатанная шинель, на спинѣ, вмѣсто ранцевъ, которые были оставлены въ Беглишѣ при ротномъ обозѣ, мѣшки съ бѣльемъ и провіантомъ; съ боку мѣшокъ съ сухарями, на тесахъ привѣшенъ котелокъ для варки пищи, на спинѣ лопата и части палатки, на поясѣ 60 патроновъ и проч. Турки же, напротивъ того, были совсѣмъ налегкѣ въ какой то разстегнутой курткѣ,

всѣ маленькаго роста, черномазые, загорѣлые, безобразные. У многихъ изъ нихъ я замѣтилъ на груди штыковыя раны; слѣды рукопашнаго боя были видны на каждомъ шагѣ въ видѣ изуродованныхъ лицъ, разнесенныхъ череповъ и проч.; по всему редуту турки лежали впере-мешку съ русскими. Мнѣ сразу бросилось въ глаза однообразное положеніе рукъ почти что у всѣхъ убитыхъ: онѣ были согнуты и въ то же время подняты выше головы.

Разобрать въ этой кашѣ и признать по измѣнившемуся лицу убитаго солдата, его имя, было бы не всегда возможно, если бы не были выданы еще до выступленія въ походъ каждому солдату по мѣдному ярлыку, на которомъ были выбиты названіе полка и номеръ. Солдаты постоянно носили при себѣ мѣдный знакъ; это распоряженіе было хорошее и гуманное.

Внутри редута сильно нахло гарью отъ обгорѣлыхъ шалашей, въ которыхъ жили турки и которые горѣли наканунѣ; въ землянкахъ, покрытыхъ этими шалашами, я видѣлъ обгорѣлые трупы, вѣроятно уже убитыхъ, а можетъ быть только раненыхъ турокъ, спрятавшихся туда во время дѣла и не имѣвшихъ силы выползти оттуда во время пожара. Насыпи редута, каждая примѣрно около трехсотъ шаговъ длины, были разрушены; но мѣстами, можно было разглядѣть, какъ аккуратно и красиво онѣ были выведены. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой бойней, было очень сильное; я поспѣшилъ выѣхать изъ редута въ поле и поѣхалъ осмотрѣть тѣ ровики, подъ самымъ редутомъ, въ которыхъ наканунѣ наши солдаты, не рѣшаясь броситься на редутъ, залегли, во время перерыва дѣла; ровики были завалены нашими убитыми солдатами. Трудно было понять, какъ они ухитрились укрываться въ закрытіяхъ, которыя были выкопаны турками лицомъ въ поле, а не къ редуту; видно не-пріятельская пуля сразу выучить какъ примѣняться къ мѣстности.

Весь редутъ былъ обнесенъ широкимъ ровомъ, перескочить черезъ который было невозможно. Я никакъ не могъ понять, какъ можно влѣзть въ редутъ, имѣя передъ собой широкій ровъ и высокую отвѣсную стѣну; а между тѣмъ это было сдѣлано живо, благодаря отчасти сумеркамъ и облакамъ порохового дыма. Всюду по полямъ бродили маленькими группами наши солдатки, пришедшіе сюда со своихъ биваковъ поглазѣть, можетъ и раздобыться. Всякій бралъ себѣ то, что ему нравилось; замѣчательно только то, что никто изъ нихъ не дотрогивался до мѣшковъ съ сухарями, которыхъ валялось не мало; наши солдаты еще не знали настоящаго голода, а потому и считали хлѣбъ, взятый у покойника, нечистымъ.

Въ то время, какъ я объѣзжалъ ровики, болталъ и дѣлился своими впечатлѣніями со шлюющимися солдатами, мой денщикъ раздобылъ въ редутѣ два прекрасныхъ сѣдла, войлочный потникъ и чудное фланелевое

одѣяло. Турки, вообще говоря, прекрасно готовятъ сѣдла; я обрадовался не сѣдламъ, а войлочному потнику, который былъ мнѣ такъ нуженъ для моего вновь устроеннаго вьюка. Но я не отказался и отъ сѣделъ: одно изъ нихъ пошло подъ вьюкъ, а другое я подарилъ прапорщику Сергѣю Арсеньевичу Обухову; одѣяло же оставилъ себѣ мой денщикъ.

Другіе денщики добыли нѣсколько раненыхъ турецкихъ, черкесскихъ, лошадокъ, шлявшихся по полямъ вблизи редута; лошадки были очень маленькаго роста съ красивой головкой и словно точеными ногами; нѣкоторые изъ нихъ сѣдлали съ нами весь походъ, а нѣкоторые были привезены даже въ Петербургъ и проданы за очень большія деньги. Валяющийся въ редутѣ танцевый инструментъ навелъ многихъ на мысль послать туда команды съ цѣлью подобрать его и тѣмъ пополнить въ ротахъ потерянные и поломанные топоры, лопаты и проч. Въ виду предстоящихъ земляныхъ работъ въ Балканахъ, это пріобрѣтеніе было какъ нельзя болѣе кстати. Въ походъ бываетъ всегда такъ: сегодня въ чемъ нибудь нуждаешься, а завтра гдѣ нибудь подерутся, смотришь и найдешь, даже съ избыткомъ, то, въ чемъ нуждался наканунѣ. Напримѣръ, какихъ большихъ трудовъ стоило мнѣ нѣсколько дней тому назадъ устроить себѣ вьючное приспособленіе; я ѣздилъ самъ по деревнямъ, давалъ сравнительно большія деньги, чтобъ добыть какой нибудь кусокъ шерстяной матеріи для потника; а теперь послѣ Горнаго Дубняка оказалось вдругъ *embarras de richesses*.

Послѣ большого сраженія, всегда есть случай пріобрѣсть что нибудь интересное: ружье, лошадь, саблю и проч. Продажей занимались обыкновенно казаки и осетины, которые, находясь всегда далеко впереди пѣхоты, забирали раньше всѣхъ все, что только было достойно вниманія или другими словами, что имъ могло доставить деньги.

Наши войска окопались подъ Горнымъ Дубнякомъ лицомъ къ Плевнѣ; насъ никто не тревожилъ. Ежедневно дежурная часть, въ видѣ одного баталіона, занимала аванпосты въ виду Дольнаго Дубняка—редута, занятаго турками; баталіонъ выступалъ съ бивака обыкновенно до разсвѣта, чтобы успѣть смѣнить старую дежурную часть, и тѣмъ избѣгнуть напрасной перестрѣлки, которую непріятель обязательно открывалъ, когда смѣна происходила днемъ.

VIII.

Взятіе Телиша.—Дольный Дубнякъ.—Жизнь подъ Плевной.

По другую сторону Горнаго Дубняка въ восьми верстахъ отъ него на томъ же шоссе, находился редутъ Телишъ, подъ которымъ такъ сильно пострадалъ 12-го октября л.-гв. Егерскій полкъ. Мы очутились, послѣ взятія Горнаго Дубняка, между двумя занятыми турками редутами, Дольнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Генераль Гурко рѣшилъ справиться сперва съ Телишемъ; но на этотъ разъ былъ придуманъ способъ болѣе вѣрный и менѣе кровопролитный чѣмъ тотъ, которымъ думали взять его въ первый разъ 12-го октября. Рано утромъ 16-го октября, генераль Гурко послалъ въ Телишъ къ пашѣ пять плѣнныхъ турокъ съ предложеніемъ сдаться, обѣщая въ противномъ случаѣ начать бомбардировку. Паша отвѣтилъ отказомъ, тогда ровно въ 12 часовъ началась бомбардировка укрѣпленія сразу изъ 72-хъ орудій. Редутъ не выдержалъ этого ужаса и сдался. Его высочество принцъ Ольденбургскій привезъ къ намъ на бивакъ радостное извѣстіе о сдачѣ редута и о незначительной потерѣ, понесенной при этомъ съ нашей стороны. На его вопросъ, предложенный намъ съ сіяющимъ лицомъ: «отгадайте велики ли наши потери?», его высочество не дождался нашего отвѣта, и сейчасъ же самъ повѣдалъ намъ, что вышло у насъ изъ строя, всего только четыре человѣка. Въ плѣнъ было взято около 3000 нижнихъ чиновъ, болѣе 100 офицеровъ и одинъ паша.

Меня интересовала судьба убитыхъ 12-го октября офицеровъ Егерскаго полка, оставленныхъ подъ стѣнами Телиша, во время безпорядочнаго отступленія 12-го октября. Оказалось, что кромѣ Кашеринина и Романова, всѣ убитые офицеры были найдены, но они были всѣ нагіе, а нѣкоторые полузарыты въ землѣ; никакихъ признаковъ насилія не было на нихъ замѣтно, только они были обобраны что называется до чиста.

Бивакъ Егерскаго полка показался мнѣ маленькимъ, офицеры и солдаты бродили какъ бы растерянные. На четырехъ носилкахъ лежали рядомъ завернутыя въ простыни тѣла четырехъ найденныхъ офицеровъ; возлѣ нихъ стоялъ священникъ, въ ожиданіи панихиды. Въ числѣ найденныхъ убитыхъ былъ мой родственникъ флигель-адъютантъ полковникъ О. К. Мебесъ. Онъ былъ раненъ двумя пулями въ ногу и судя по вѣншему виду, умеръ не сразу, а истекъ кровью. Его лицо было спокойное, глаза были совсѣмъ открыты, а самъ онъ былъ съ головы до ногъ обобранъ: всѣ кольца сняты; нашли же его въ однихъ только кальсонахъ и черномъ галстухѣ, который былъ сдернутъ на бокъ.

Капитанъ Егерскаго полка, Суворовъ разсказалъ мнѣ довольно подробно о ходѣ ихъ неудачной атаки. По его словамъ, офицерамъ не было извѣстно, что полку было поручено сдѣлать только демонстрацію, чтобъ не выпустить турокъ изъ Телиша на помощь Горному Дубняку; имъ не было извѣстно, что задняя часть редута была безъ стѣны и рва. Если бы это знали, то легко возможно, что атака была бы ведена иначе и съ большею осторожностью. Утромъ людей вывели въ шинеляхъ; когда же они попали въ огонь и сдѣлалось жарко, то пришлось снимать шинели; люди скатывали ихъ подъ огнемъ, суеились, на ходу крестились. Съ самаго начала, боевой порядокъ былъ уже нарушенъ; весь полкъ сразу попалъ въ первую линію, а что еще ужаснѣе — артиллеріи во время дѣла подъ огнемъ пришлось перемѣнить мѣсто; пули сваливали артиллерійскихъ лошадей, а люди, не зная въ чемъ состояла задача, энергично лѣзли впередъ: они добѣжали почти до самаго редута, но потери были на столько велики, что полку пришлось подъ вечеръ отступить, оставивъ всѣхъ раненыхъ на полѣ сраженія, потому что неприятель преслѣдовалъ отступление самымъ сильнымъ огнемъ.

Возвратясь изъ Егерскаго полка на бивакъ, я былъ пріятно пораженъ, увидѣвъ нашъ ротный обозъ, который тоже выбрался на Софійское шоссе изъ Беглинскаго ущелья, а съ обозомъ пріѣхалъ и маркизъ Львовъ.

Въ этотъ же день мнѣ удалось видѣть и даже говорить съ пашой, взятымъ въ плѣнъ въ Телишѣ. Къ нашему биваку подъѣхалъ конный конвой, сопровождавшій какихъ-то конныхъ турокъ, и просилъ указать ближайшую дорогу въ главную квартиру великаго князя. Оказалось, что конвой сопровождалъ плѣннаго Хаки-пашу съ его штабомъ. Я живо сѣлъ на лошадь, догналъ эту кавалькаду и проболталъ съ пашой по крайней мѣрѣ минутъ десять. Онъ былъ человѣкъ не старый и должно быть веселаго характера, болталъ со мной очень охотно по-французски и все время улыбался.

Онъ ѣхалъ на маленькой очень породистой лошаdkѣ; одной рукой держалъ поводья, а другая была засунута за бортъ пальто. Лошадка двигалась до того быстро иноходью, что нашимъ кавалеристамъ приходилось догонять ее рысью. Между прочимъ, паша разсказалъ мнѣ, что въ день атаки Егерскаго полка, у него выбыло изъ строя только 300 человѣкъ. За нимъ ѣхали нагруженные его имуществомъ телѣги, а около нихъ бѣжала рысцою его прислуга. Мнѣ разсказывали, что паша первымъ дѣломъ просилъ оставить при немъ все его имущество, между которымъ, нашли много турецкихъ бумажныхъ денегъ, шитье съ мундира Егерскаго офицера и серебряную чарку пропавшаго безъ вѣсти офицера Романова.

За пашой слѣдовали четыре плѣнныхъ врача съ повязкой красной луны; изъ нихъ трое были англичане, а одинъ французъ.

На другой день 18-го октября рано утромъ, нестройные звуки похороннаго марша заставили меня выскочить изъ палатки; я сѣлъ на коня и поѣхалъ по тому направленію, гдѣ играла музыка. Это были похороны четырехъ найденныхъ подъ Телишемъ егерскихъ офицеровъ. Ихъ несли гуськомъ на носилкахъ; ихъ тѣла были завернуты въ простыни, и у каждаго на груди, на простынѣ же, былъ наскоро написанъ крестъ изъ георгиевскихъ лентъ. Похоронили ихъ всѣхъ вмѣстѣ рядомъ въ одной общей могилѣ, вырытой въ оврагѣ возлѣ деревни; въ могилу были воткнуты деревянный крестъ. Тѣло полковника Мебеса было вырыто нѣсколько дней спустя его племянникомъ, который, по просьбѣ вдовы покойнаго, долженъ былъ доставить его въ Петербургъ. Для того же, чтобъ вдова не могла сомнѣваться, что привезено тѣло дѣйствительно ея мужа, а не чье нибудь другое, я какъ родственникъ попалъ въ свидѣтели. Солдаты начали разрывать могилу, но по ошибкѣ вынули изъ могилы тѣло другого офицера; въ сыромъ черноземѣ было трудно разглядѣть лица покойниковъ. Могила была снова засыпана, и снова криво былъ въ нее воткнутъ убогій крестъ.

У многихъ присутствующихъ на похоронахъ егерскихъ офицеровъ были прострѣленные фуражки, погоны, пальто. На одномъ пальто я сосчиталъ болѣе десяти дыръ; онѣ привели меня въ полное недоумѣніе, но дѣло объяснилось очень просто: одна пуля прошибла насквозь скатанное чрезъ плечо пальто. Интересны были рассказы егерей о счастливыхъ пуляхъ, которыя, уже на излетѣ, ударялись о металлическіе и другіе предметы, не причиняя никакого вреда. Вспоминаю три разсказа: въ одномъ упоминалось о часахъ, въ другомъ о португейной бляхѣ, а въ третьемъ о скатанной шинели; солдаты передавали довольно картинно о впечатлѣніи, получаемомъ при ударѣ такой пули; они выражались такъ: «Точно тебя кто съѣздилъ полѣномъ».

Въ ночь съ 20-го на 21-е октября нашему 2-му баталіону пришлось стоять на аванпостахъ передъ Дольнымъ Дубнякомъ; 6-я и 7-я роты были въ цѣпи, а 5-я и 8-я—во второй линіи. Къ нашему главному караулу, гдѣ находился командиръ 2-го баталіона полковникъ Евреинъ, подъѣхало нѣсколько жандармовъ съ четырьмя плѣнными турками и вмѣстѣ съ тѣмъ съ приказаніемъ отъ генерала Гурко—пропустить ихъ чрезъ цѣпь въ Плевно. Турки были снабжены письмомъ отъ генерала Гурко къ Осману-пашѣ, въ которомъ онъ предлагалъ ему условія сдачи Плевно. Нашъ полковникъ указалъ имъ дорогу и сказалъ: «Хайдѣ» т. е. идите; но турки медлили, сперва о чемъ-то задумались, а потомъ заговорили всѣ сразу. По ихъ интеллигентнымъ лицамъ можно было замѣтить, что они чѣмъ-то озабочены; кто-то изъ фельдфебелей заявилъ, что у него въ ротѣ есть касимовскій татаринъ, который «по ихнему разумѣетъ». Явился татаринъ; немного поболтавъ

съ плѣнными, онъ доложилъ полковнику, что они боятся идти въ турецкій лагерь по той причинѣ, что турки могутъ ихъ не узнать и пожалуй начнутъ по нимъ стрѣлять. Нерѣшительность эта была, впрочемъ, не продолжительная, соблазнъ отдѣлаться отъ плѣна былъ такъ великъ, что они сумѣли побороть въ себѣ боязнъ и двинулись по направленію къ Дольному Дубняку. Мы слѣдили за ними до тѣхъ поръ, пока они не скрылись изъ глазъ; выстрѣловъ не было слышно, значитъ, они добрались благополучно.

Лишь только начало смеркаться, въ турецкомъ лагерѣ раздались обычные сигналы, призывающіе солдатъ на перекличку и молитву. Довольно ясно можно было слышать ихъ крики въ честь Аллаха и во здравіе султана, а затѣмъ зажглись костры, но вмѣстѣ съ тѣмъ начался какой-то, особенно сильный гудежъ, который къ ночи совсѣмъ затихъ; мы были увѣрены, что непріятельскій лагерь погрузился въ сонъ.

Въ продолженіе всего похода, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда находились въ очень близкомъ разстояніи отъ непріятеля, мы были всегда болѣе или менѣе спокойны по ночамъ; турки не любили тревожить въ это время ни себя, ни насъ; это было не въ ихъ характерѣ.

На аванпостахъ, конечно не въ цѣпи, а только во второй линіи, у насъ всегда горѣли по ночамъ костры, около которыхъ въ полной готовности почивали наши солдатики.

Въ эту ночь одному нашему молодому офицеру 6-й роты подпоручику Хоментовскому пришлось, благодаря его собственной неосторожности, провести un mauvais quart d'heure. Обходя въ темнотѣ и въ туманѣ свою цѣпь, онъ заплуталъ и попалъ къ нашимъ гвардейскимъ стрѣлкамъ, которые тоже были на аванпостахъ лѣвѣе насъ; тамъ онъ просидѣлъ всю ночь и только на разсвѣтѣ добрался до своей роты. Скрыть этотъ печальный эпизодъ было невозможно, весь баталіонъ зналъ, что ночью пропалъ у насъ одинъ офицеръ. Подпоручикъ былъ очень сконфуженъ и видимо боялся ответственности, тѣмъ болѣе, что начальникъ цѣпи полковникъ нашего полка, Владиміръ Васильевичъ Пенскій, уже зналъ объ его отлучкѣ. Вслѣдствіе общей радости, охватившей всѣхъ при извѣстіи объ отступленіи въ эту ночь турокъ изъ Дольнаго Дубняка, объ этомъ эпизодѣ только поговорили, тѣмъ дѣло и кончилось.

Турецкіе костры горѣли ярко до самаго утра; но когда разсвѣло, тогда мы замѣтили, что редутъ какъ будто опустѣлъ: обыкновеннаго движенія и жизни не было въ немъ видно, а передовые посты были брошены. Тотчасъ же нашлись охотники изъ стрѣлковаго баталіона, вызвавшіеся пробраться въ Дольный Дубнякъ и убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли непріятель покинулъ редутъ, или только притворился гдѣ-нибудь за деревней въ оврагахъ. Охотники пошли цѣпью и дошли до

самага редута и скрылись отъ насъ деревнѣ Дольный Дубнякъ, вѣроятно разыскивая тамъ хлѣбца, винца и проч. Черезъ нѣсколько часовъ было уже извѣстно всему отряду, что редутъ покинуть непріателемъ, который отступилъ въ Плевно. У всѣхъ polegчало на душѣ, тѣмъ болѣе, что всѣмъ было извѣстно желаніе генерала Гурко предпринять на другой же день, 22-го октября, рѣшительныя мѣры противъ этого редута. Благо-разумный паша, вѣроятно опасаясь получить артиллерійское угощеніе вродѣ Телиша, заблагоразсудилъ по-добру, по-здорову убраться въ Плевно.

Весь нашъ отрядъ, на подобіе прорвавшейся плотины, двинулся впередъ къ Дольному Дубняку, гдѣ было настроено нѣсколько укрѣпленій. Всюду въ канавахъ близъ редута валялись тѣла убитыхъ турокъ; непріатель не считалъ нужнымъ ихъ зарывать и жилъ среди этой заразы. Мы прошли насквозь всю деревню и, выйдя въ поле верстахъ въ двухъ отъ нея, раскинули бивакъ.

Гвардейскій маркитантъ Львовъ, узнавъ, что всѣ три пункта на Софійскомъ шоссе совсѣмъ очищены, подвезъ къ Дольному Дубняку свой обозъ и открылъ ресторанъ. Офицеры наводняли его шатерь, а нѣкоторые юнцы, на которыхъ эта обстановка повѣяла трактирной петербургской жизнью, до того увлекались чревоугодіемъ, что даже требовали мороженного, котораго конечно не было.

Съ уходомъ турокъ изъ Дольнаго Дубняка, кончились всѣ наши тревоги, которыя испытывали отъ постоянной непосредственной близости къ непріателю въ продолженіе десяти дней. Съ этого дня мы могли считать себя звеномъ того кольца, которое стягивало Плевно. Жизнь наша подъ Плевной потекла однообразно; люди были заняты аванпостами и саперными работами, для артиллеріи выводились батареи съ ходами и погребами для снарядовъ, а для пѣхоты рыли длинные ровики, въ которыхъ могла бы помѣститься вся рота. Нельзя было не любоваться во время работъ дивнымъ черноземомъ Болгаріи; сколько бы ни рыли, не могли добраться до глины, а земля была до того черна, что всѣ вновь вырытыя укрѣпленія видѣлись издалека. Для того же, чтобъ скрыть отъ непріателя лишнюю цѣль, мы покрывали землю пожелтѣвшею зеленью кукурузы. Всѣмъ ротамъ были указаны пункты, къ которымъ онѣ должны были стремиться на случай тревоги. Нашъ полковой командиръ князь Оболенскій собралъ однажды всѣхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, верхами на самыхъ разношерстныхъ лошадакахъ, повелъ насъ на боевую позицію и указалъ каждой ротѣ предназначенное для нея закрытіе. Поѣздка была веселая, мы вынесли то убѣжденіе, что Османъ-паша не поздоровится, если онъ только вздумаетъ попробовать счастья въ этомъ направленіи. Впереди нашихъ укрѣпленій, были громадныя поля неубранной кукурузы, которая могла бы облегчить непріателю подходъ къ нашей позиціи; кукурузу надо было, во что бы то ни

стало, уничтожить. Для этого назначались команды: люди становились въ одну шеренгу, другъ отъ друга шага на три, вооружались тесаками и, по общей командѣ, начинали ими размахивать по сторонамъ; этимъ способомъ всѣ поля передъ укрѣпленной позиціей были оголены. Для людей это былъ настоящій праздникъ и нѣкоторые сначала до того горичились, что даже задѣвали сосѣдей по ногамъ.

Ночи были очень холодныя; мы начали подумывать о землянкахъ, но не о тѣхъ маленькихъ, которыя мы себѣ рыли въ началѣ похода, а о настоящихъ, глубокихъ землянкахъ, въ которыхъ можно было бы провести зимніе мѣсяцы. Первая землянка появилась у графа Г. Г. Стенбока, и мы отправились смотрѣть ее. Глубокая четырехъ-угольная яма была покрыта палаткой и обложена вокругъ дерномъ; по землянымъ ступенькамъ можно было сойти внизъ, гдѣ было устроено нѣчто въ родѣ комнаты съ кроватью, походною мебелью, чемоданами и проч.; въ одной изъ стѣнъ былъ устроенъ каминъ съ выходной трубой, сложенной изъ длинныхъ каменныхъ плитъ, добытыхъ съ турецкаго кладбища, гдѣ эти плиты, вкопанныя стоймя въ землю, изображали надгробные памятники. Яма имѣла жилой видъ, каминъ топился, а графъ, чувствуя себя въ тотъ день не совсѣмъ хорошо, лежалъ въ постели и принималъ товарищей, пришедшихъ навѣстить больного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посмотрѣть, какъ онъ устроился въ землѣ.

По вечерамъ, чтобъ было веселѣй, музыкантскій хоръ игралъ на бивакѣ разныя піесы и марши; затѣмъ игралась зоря и молитва «Коль славенъ». Стройность хора значительно пострадала за время похода, инструменты пришли въ ужасный видъ; да могло ли быть иначе, когда въ большихъ басахъ носили воду, а длинными фаготами подпирали палатки. Въ другихъ полкахъ, музыкантскіе хоры пришли еще въ бѣльшій упадокъ. Къ тому же въ день штурма Горнаго Дубняка, про музыкантовъ забыли, ихъ зачѣмъ-то потащили вмѣстѣ съ другими въ самый горячій огонь; пользы отъ нихъ не было, а къ вечеру недочетъ въ хорошихъ музыкантахъ былъ большой. Какъ-то разъ я вздумалъ съѣздить къ знакомому на бивакъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка. Проѣзжая мимо небольшого кружка полковыхъ музыкантовъ, я остановился, чтобъ послушать ихъ игру. Ко мнѣ подошелъ командиръ полка полковникъ Любовицкій и прослушалъ вмѣстѣ со мной одну піесу. Музыка, по своему плохому строю, живо напоминала мнѣ балаганы на Царицыномъ лугу; слышался недостатокъ въ первыхъ голосахъ. Зная, что я музыкантъ и вполне пойму его музыкальное горе, полковникъ разсказалъ мнѣ, что въ день Горнаго Дубняка, онъ совсѣмъ забылъ сдѣлать распоряженіе о пестрой командѣ, которую, по настоящему, вовсе и не слѣдовало пускать въ дѣло. Въ этотъ день были убиты нѣсколько изъ его лучшихъ солистовъ.

Я любилъ ходить на аванпосты; тамъ было гораздо интереснѣе чѣмъ на бивакѣ. Въ то время турки начали строить редутъ на правомъ совсѣмъ отвѣсномъ берегу р. Вида, на самой высотѣ горы, примѣрно въ одной верстѣ отъ насъ. Въ подзорную трубу, которая была всегда при мнѣ и которая доставила мнѣ много удовольствія въ походѣ, можно было разглядѣть не только что cadaго отдѣльнаго человѣка, но можно было даже отличить турокъ отъ работавшихъ братушекъ, которые, вѣроятно, изъ-подъ палки, должны были имъ помогать. Я устроилъ себѣ обсервационный пунктъ: составилъ три ружья и положивъ на нихъ трубу, цѣлыми часами слѣдилъ за ходомъ работъ въ редутѣ. Наша артиллерія, стоявшая въ горахъ правѣе отъ насъ, не давала туркамъ покоя. Лишь только они начнутъ работать, сейчасъ же посылались имъ залпы изъ орудій, которыя до того пристрѣлялись, что рѣдкій выстрѣлъ не попадалъ въ самый редутъ или въ его земляной валъ. На валу стоялъ обыкновенно часовой, который давалъ имъ знать, какъ только показывались огоньки изъ нашихъ орудій. Тогда всѣ работавшіе, въ ожиданіи прилета гранаты, сразу бросались на землю и прижимались къ ней; чрезъ нѣсколько секундъ послѣ того, прилетѣвшій снарядъ засыпалъ ихъ всѣхъ землей, а затѣмъ они тотчасъ же подымались и снова продолжали работу.

На наши орудійные залпы со стороны турокъ отвѣта не было. За ночь ихъ работа очень подвинулась и я увидѣлъ въ свою трубу, что число работающихъ въ редутѣ увеличилось. Съ утра наша артиллерія молчала, а турки забыли о ней и думать и всецѣло предались работѣ: одни рыли землю, другіе таскали дернъ.

Аванпостамъ было передано приказаніе никого не выпускать изъ Плевно, даже братушекъ, желавшихъ по какой-либо причинѣ ее покинуть. Мѣра эта была жестокая относительно тѣхъ, кто желалъ спастись отъ голода, но въ принципѣ она была цѣлесообразна, ибо чѣмъ болѣе останется въ Плевнѣ народу, тѣмъ скорѣй истощатся запасы, и тѣмъ скорѣй она сдастся.

Въ тотъ день, когда мы стояли въ аванпостахъ, къ нашей цѣпи приблизилось цѣлое семейство болгаръ, состоящее изъ отца, матери, и шестерыхъ дѣтей; хотя имъ было объяснено, чтобъ они отправлялись обратно, но болгары не трогались съ мѣста и говорили, что имъ все равно гдѣ умирать съ голоду, тутъ или въ Плевнѣ. Начальникъ цѣпи прислалъ ихъ въ главный караулъ, который въ свою очередь отправилъ ихъ при запискѣ на нашъ полковой бивакъ къ командиру полка. Если бы это былъ отдѣльный болгаринъ, то его ни за что не пропустила бы цѣпь; но это голодное семейство было достойно жалости: дѣти были полунагія, голодные, а отецъ объяснялъ, что онъ ведетъ свое семейство къ роднымъ въ деревню, потому что въ Плевнѣ нечего ѣсть. Уже по-

томъ мнѣ рассказали, что командиръ полка князь Оболенскій, при видѣ ихъ дѣйствительно жалкаго положенія, позволилъ имъ идти куда хотятъ, но только чтобъ они скорѣй скрылись изъ виду; князь взялъ на себя отвѣтъ въ своемъ человеколюбивомъ поступкѣ. Этотъ болгаринъ сообщилъ намъ весьма пріятныя вѣсти: во-первыхъ, что у турокъ хватитъ провіанта только до Никола (6-го декабря), а во-вторыхъ, что они бѣдствуютъ отъ недостатка снарядовъ, почему и не отвѣчаютъ на ежедневныя угощенія, посылаемыя имъ съ нашихъ батарей.

Всѣ свѣдѣнія, добываемыя у болгаръ, въ общемъ, были всегда правдивыя, хотя и не очень точныя. Перебѣгая съ необыкновенною легкостью и быстротой съ мѣста на мѣсто и имѣя вездѣ знакомыхъ, они все знали про турокъ и охотно передавали намъ о нихъ извѣстія. Болгаринъ не сидитъ на одномъ мѣстѣ, и какъ обитатель горъ, онъ легокъ, шустеръ, шутя бѣгаетъ въ своемъ удобномъ костюмѣ по горамъ, и, кажется, никогда не устаетъ. Но если болгаринъ скажетъ, что до какой-нибудь доревни только часъ ходьбы, то можно быть увѣреннымъ, что мы дойдемъ до нея не ранѣе какъ въ полтора часа; въ часъ времени могутъ добѣжать только его ноги.

Какъ-то однажды утромъ привезли въ гвардейскіе полки по нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ на роту, пожалованныхъ государемъ нижнимъ чинамъ за Горный Дубнякъ. Нашъ полкъ, хотя и былъ въ дѣлѣ, но непосредственнаго участія въ огнѣ не принималъ; возникъ вопросъ: кому дать эти кресты? Единственные преображенцы, бывшіе въ тотъ день подъ градомъ пуль, были ротные носильщики, исполнявшіе подъ огнемъ безъ оружія, съ одними только носилками въ рукахъ, трудную обязанность подбيرانія раненыхъ на самомъ полѣ сраженія. Въ носильщики выбирались обыкновенно лучшіе по поведенію люди, которые, сознавая свой долгъ, не прятались бы въ кустахъ, а работали бы въ самомъ огнѣ, именно тамъ гдѣ болѣе всего въ нихъ нуждаются. Было рѣшено раздать кресты носильщикамъ. Полкъ былъ построень въ каре; князь Оболенскій вызвалъ впередъ носильщиковъ и вручилъ имъ кресты; полкъ сдѣлалъ «на караулъ» и прокричалъ громкое «ура». Оказанная георгіевскимъ кавалерамъ честь высоко и заслуженно подняла званіе носильщика и, несомнѣнно, многимъ изъ нихъ послужила поощреніемъ на будущее время.

23-го октября государь и великій князь Николай Николаевичъ пріѣхали изъ своихъ главныхъ квартиръ къ намъ на Софійское шоссе и обязжали укрѣпленную позицію подъ Дольнымъ Дубнякомъ. Государь благодарилъ войска и искренно скорбѣлъ о большихъ потеряхъ, понесенныхъ гвардіей 12-го октября. Я убѣжденъ, что великому князю было не менѣе жаль своего дѣтища, какъ онъ называлъ гвардію, такъ какъ, относясь всегда съ любовью и вниманіемъ къ каждой отдѣльной личности, извѣстной ему по службѣ, онъ зналъ большинство фельдфебелей, вахми-

стровъ и младшихъ офицеровъ и безусловно всѣхъ ротныхъ и эскадронныхъ командировъ. Мы рассказывали, что, объѣзжая 13-го октября поле сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ и узнавая убитыхъ а также тяжело раненыхъ, на перевязочномъ пунктѣ, его высочество очень былъ огорченъ и всегда избѣгалъ подробныхъ распросовъ о только что пережитомъ трудномъ времени. Онъ не хотѣлъ растравливать наболѣвшихъ ранъ, а если и задавалъ кому-нибудь вопросы о понесенныхъ потеряхъ, о чьейнибудь смерти, то дѣлалъ это какъ бы мимоходомъ, все время сохраняя свой обычный, слегка шутливый тонъ. По рассказамъ людей близко его знавшихъ, великій князь какъ при удачѣ такъ и при неудачѣ, былъ неизмѣняемъ въ своемъ обращеніи; онъ глубоко понималъ, что хладнокровіе, самообладаніе и постоянно хорошій духъ лицъ, власть имѣющихъ, должны въ серьезные минуты возстановляюще дѣйствовать на массу. Его высочество, переживая тяжелыя минуты, становился еще болѣе привѣтливымъ и внимательнымъ съ окружающими. На неудачи онъ смотрѣлъ какъ на временныя помѣхи, которыя не могли заставить его измѣнить въ чемъ либо цѣль, къ которой онъ стремился. Онъ никогда не терялъ увѣренность въ успѣхѣ и передавалъ эту увѣренность всѣмъ, съ которыми приходилъ въ сообщеніе. Его шутки, приправленные подчасъ чисто русскимъ юморомъ, были всегда безобидны, добродушны и незлобивы; въ данномъ же случаѣ онъ шутилъ сквозь слезы.

Въ этотъ же день, во время объѣзда государя, распространились два слуха, которые потомъ оба подтвердились: первый, что турки очистили два укрѣпленныхъ пункта—Радомирцы и Лукавицы, лежащіе на этомъ же шоссе за Телишемъ, и отступили въ Орханіе, который лежалъ уже въ предгоріяхъ Балканъ. Мы нагнали на турокъ такой страхъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, что они покинули обѣ эти позиціи, лишь только завидѣли наши кавалерійскіе разѣзды; все пространство отъ Плевно и до Орханіе верстъ на 80-ть, было теперь очищено непріателемъ. Другой не менѣе пріятный для насъ слухъ былъ такого рода: говорили, что лишнія войска изъ плевненскаго осаднаго гарнизона будутъ собраны въ отдѣльный отрядъ; онъ двинется на Орханіе для того, чтобъ воспользоваться замѣшательствомъ непріятеля, и ему будетъ поручено гнать его насколько только будетъ возможно. Мы приняли этотъ слухъ съ большой радостью и стали съ нетерпѣніемъ ожидать того дня, когда намъ удастся вырваться изъ скучнаго и томительнаго сидѣнія подъ Плевно.

Нѣсколько дней спустя мы прочли въ приказѣ, что въ этотъ отрядъ войдутъ: 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи, гвардейская стрѣлковая бригада, 2-я гвардейская кавалерійская дивизія, гвардейскіе саперы, кавказская бригада и масса артиллеріи. Цѣль отряда—усиленная

рекогносцировка по направленію къ Орханіе, а буде возможно, то и далѣе. Задача казалась вѣсьма очень серьезной, потому что, по словамъ всевѣдующихъ болгаръ, вся мѣстность близъ города Орханіе была изрыта редутами, а взятіе ихъ не могло не быть сопряжено съ большими потерями, на которыя генералъ Гурко, насколько мы его знали по Горному Дубняку, не посмотрѣлъ бы, если бы ему надо было добиться рѣшительныхъ результатовъ.

IX.

Выступление отряда генерала Гурко изъ Дольнаго Дубняка.—Телишъ.—Радомирце.—Яблоница.—Осиково.

Мы рады были покинуть Плевну—она намъ надоѣла. 3-го ноябрю мы выступили изъ Дольнаго Дубняка по направленію къ Орханіе. Упомяну здѣсь кстати, что наше походное движеніе вплоть до самой Софіи было совершено все время по шоссе, идущему изъ Плевны на Орханіе и далѣе черезъ Арабъ-Конакъ на Софію. Мы сворачивали съ этого шоссе только дважды, для взятія города Этрополя и для обхода Арабъ-Конакской позиціи; но потомъ мы снова выходили на него и продолжали наступленіе.

Отрядъ выступилъ въ такомъ порядкѣ: впереди шла кавалерія, за ней 2-я гвардейская пѣхотная дивизія съ гвардейскими стрѣлковыми баталіонами, а уже въ хвостѣ колонны наша 1-я гвардейская пѣхотная дивизія.

По разсказамъ полковника генеральнаго штаба Пузыревскаго, планъ этой усиленной рекогносцировки принадлежалъ лично генералу Гурко; изложивъ его на бумагѣ, онъ послалъ Пузыревскаго въ главную квартиру къ великому князю и государю для выясненія его въ подробностяхъ. Идея генерала Гурко была тамъ принята съ восторгомъ; государь велѣлъ передать генералу, что онъ благословляетъ его на это дѣло и просить побережь гвардію.

Я помню, что въ это время въ ресторанѣ Львова, куда съѣзжались и высшіе чины, шли между ними оживленные разговоры о томъ, что около Орханіе турки сосредоточиваются и могутъ надѣлать намъ много хлопотъ, если только вздумаютъ двинуться оттуда на помощь Османъ-пашѣ; для этого генералъ Гурко и хочетъ ихъ предупредить.

3-го ноябрю утромъ мы выступили изъ Дольнаго Дубняка и первую ночь провели возлѣ Телиша. Мнѣ показали то направленіе, по которому велась 12-го октября атака Егерскимъ полкомъ; противоположная атакѣ

сторона редута была совсѣмъ открыта, безъ насыпи и безъ рва, обстоятельство, какъ я уже выше упомянулъ—по словаль егерскихъ офицеровъ—имъ вовсе неизвѣстное въ день штурма. Въ ровикахъ, подъ самымъ укрѣпленіемъ, до которыхъ добѣжали егеря, еще валялись ихъ фуражки, патроны, манерки, сумки и проч. Среди самаго укрѣпленія валялось очень много осколковъ нашихъ гранатъ, рѣшившихъ 16-го октября участь недута; въ сторонѣ, возлѣ укрѣпленія, видѣлись курганы надъ общими могилами съ воткнутыми въ нихъ деревянными крестами.

Въ виду трудности подвоза въ осеннее время сухарей, приказано было внушать солдатамъ, чтобъ они тратили ихъ осмотрительнѣе; имъ увеличили дачу мяса. Въ эту кампанію провіантскій обозъ постоянно отставалъ отъ насъ, и если гвардейскій отрядъ могъ двигаться такъ быстро и достигалъ вслѣдствіе того поразительныхъ результатовъ, то это было потому, что всюду по дорогѣ, въ большихъ пунктахъ, мы находили громадныя запасы галетъ, муки, рису, буйволоваго масла и проч.

Въ Телишѣ нашъ полкъ, шедшій въ хвостѣ колонны, былъ временно задержанъ полученнымъ извѣстіемъ, что будто-бы Османъ-паша хочетъ сдѣлать вылазку; этотъ слухъ оказался ложнымъ и насъ повели 4-го ноября далѣе.

Въ этотъ день былъ сдѣланъ переходъ изъ Телиша въ дер. Радомирце, лежащую тоже на Софійскомъ шоссе при довольно порядочной рѣчкѣ. Мостъ черезъ нее былъ каменный и, къ нашему удивленію, не разрушенъ турками; полагаю, что они оставили его не для насъ, а скорѣй для Османъ-паши на тотъ случай, если бы ему пришлось отступать по этой же дорогѣ. Казначейство и почта, вышедшія съ нами вмѣстѣ изъ Дольнаго Дубняка, были помѣщены въ этой деревнѣ впредь до приказанія. Ровная мѣстность, наскучившая нашему глазу подъ Плевной, стала понемногу пропадать; деревня Радомирце оказалась уже въ отрогахъ Малыхъ Балканъ. Въ то же время, видимый вдали контуръ главнаго хребта Балканъ, по мѣрѣ нашего движенія, ежедневно выросталъ и темнѣлъ. Погода все время была чудная; она напоминала нашъ хорошій сентябрь. Нашъ бивакъ былъ красиво расположенъ на зеленомъ лугу возлѣ самой рѣчки, которая, какъ и всѣ горныя рѣчки, была быстрая, шумная; прозрачная вода мѣстами даже пѣнилась. Вообще говоря, съ каждымъ днемъ мѣстность дѣлалась все гористѣе, красивѣе и разнообразнѣе, а нашъ слѣдующій 20-ти верстныхъ переходъ 5-го ноября отличался даже нѣкоторою дикостью природы. Все время дорога шла ущельемъ, въ которомъ намъ навстрѣчу быстро текла эта рѣчка; стѣны ущелья были такъ круты, что даже можно было видѣть обнаженные, приподнятые пласты разныхъ горныхъ породъ; ущелье было

живописное, мрачное, грандіозное. На горахъ росъ мелкій дубнякъ и кое-гдѣ виднѣлись домики; общій видъ напоминалъ Швейцарію. На пути попадались водяныя мельницы, на которыхъ наши солдатики усердно мололи муку и распоряжались на нихъ, какъ у себя дома.

На этотъ разъ намъ пришлось переночевать въ одной котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Несомнѣнно, что мы находились уже въ Малыхъ Балканахъ. Недалеко отъ насъ, на довольно высокой горѣ, виднѣлось брошенное турецкое укрѣпленіе небольшихъ размѣровъ и возлѣ него нѣсколько деревянныхъ, нехитрыхъ построекъ, въ которыхъ, вѣроятно, жили турецкіе солдаты. Наши солдаты, недолго думая, взобрались туда, живо разнесли домики и начали сбрасывать съ отвѣсной горы цѣлыя бревна, которыя съ шумомъ падали внизъ. Всѣ собрались смотрѣть на гигантскій разносъ, учиненный солдатами, конечно, отчасти ради ухарства, но болѣе ради сухаго лѣса для костровъ; они были всегда рады добратъся до сухаго топлива, потому что имъ уже наскучило рубить по цѣлымъ часамъ, да къ тому же еще неудобнымъ тесакомъ, сырые деревья на корню. Отъ усиленнаго долбленія тесакомъ у солдата нарастали на правой рукѣ мозольныя наслоенія и показывалась кровь. Солдаты любили по ночамъ разжигать очень большіе чуряки для того, чтобъ ночью не тухъ огонь и было бы отъ него теплѣе.

Во время этого послѣдняго перехода насъ обогналъ ординарецъ изъ главной квартиры главнокомандующаго, который везъ генералу Гурко приказаніе покуда не приводить въ исполненіе предположенный планъ взятія Орханіе, а остановиться и окопаться гдѣ-нибудь, не доходя до него. Московскій полкъ, значительно опередившій насъ, былъ остановленъ въ предполагаемомъ дальнѣйшемъ движеніи, и остался на своей позиціи близъ деревни Осиково, которую онъ занималъ еще въ то время, когда мы стояли въ Дольномъ Дубнякѣ.

Намъ пришлось на другой день, 6-го ноября, перейти въ дер. Яблоницу, куда стянулись и другіе полки нашей дивизіи. Мы находились въ это время верстахъ въ тридцати отъ Орханіе, а Московскій полкъ (дер. Осиково)—верстахъ въ пятнадцати отъ него.

Дер. Яблоница лежала на томъ же Софійскомъ шоссе, какъ и Осиково и Орханіе.

Въ Яблоницѣ мѣстность сдѣлалась еще гористѣе, еще живописнѣе; съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе было замѣтно, что мы вдаемся въ глубь Балканскихъ горъ. Биваки полковъ были расположены довольно близко одинъ отъ другаго, такъ что офицеры часто навѣщали другъ друга и приносили съ собой не мало самыхъ разнообразныхъ новостей, похожихъ на новости, приносимыя гимназистами изъ гимназій.

Какъ-то разъ отъ нечего дѣлать я сѣлъ на коня и въ сопровожденіи

денщика поѣхалъ съ нимъ въ горы, значительно въ сторону отъ нашего бивака. Мы подымались съ нимъ довольно долго по горной тропинкѣ, доѣхали до очень высокаго перевала и спустились по узкой тропинкѣ въ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. Намъ на встрѣчу ѣхало нѣсколько денщиковъ, отъ которыхъ я узналъ, что въ этой долинѣ живутъ отдѣльными хозяйствами болгары, у которыхъ они купили провизію. Лишь только я спустился съ горъ, меня сразу поразила перемѣна климата. Долина была защищена отъ холодныхъ вѣтровъ и въ ней было значительно теплѣе, чѣмъ у насъ на бивакѣ; нѣкоторыя деревья, несмотря на ноябрь, еще были покрыты зеленью, трава всюду зеленѣла, а на южныхъ склонахъ даже цвѣли анемоны. Хозяйства болгаръ уцѣлѣли отъ разнosa; я купилъ у нихъ живности, картофелю, фасоли и, вполне довольный своей прогулкой, вернулся на бивакъ, къ общему удивленію товарищей, съ букетомъ анемоновъ въ рукахъ; никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, что среди поблекшей осенней природы есть такіе счастливые уголки въ горахъ, гдѣ еще тепло и гдѣ еще можно найти цвѣты.

Товарищей я засталъ вокругъ телѣги, которая пришла въ этотъ день вмѣстѣ съ другими повозками изъ Систова и привезла намъ изъ нашего офицерскаго склада чай, сахаръ, свѣчи и проч. У всѣхъ были праздничныя лица, а у меня тѣмъ болѣе, потому что съ этой телѣгой вмѣстѣ пришла ослица, очень рослая, которую моя жена купила для меня въ Систовѣ. Эта ослица привезла мнѣ на себѣ два ящика: одинъ съ виномъ, консервами и проч., а другой—со всякими теплыми вещами и махоркой для солдатъ. Эту махорку я велѣлъ припрятать въ ротномъ обозѣ до поры до времени; потомъ о ней вовсе забылъ. Въ Адрианополѣ же, въ день перемирія, фельдфебель напомнилъ мнѣ о ней, и она была роздана людямъ въ видѣ угощенія. Вмѣстѣ съ обозомъ пріѣхалъ изъ Систова нашъ квартирмейстеръ, поручикъ Аркадій Петровичъ Корниловъ, и привезъ намъ письма и газеты. Мы всегда были рады видѣть этого милаго, обязательнаго товарища, но на этотъ разъ на его долю выпала завидная участь видѣть, по нашимъ сіяющимъ лицамъ, до чего его пріѣздъ насъ обрадовалъ, оживилъ. Кромѣ верховой лошади, у меня было теперь три вьюка, два осла и одна лошадь; я охотно тратился на ихъ продовольствіе и считалъ смѣшнымъ помышлять объ экономіи, когда все время живешь наканунѣ смерти. Въ то же время я готовъ согласиться съ тѣми, кто мнѣ будетъ доказывать, что это роскошь, и что всякій лишній вьюкъ только лишняя обуза, лишняя возня съ добычаніемъ корма, который намъ давался такъ трудно.

8-го ноября 4-й баталіонъ нашего полка, подъ начальствомъ полковника графа Владиміра Павловича Граббе, получилъ приказъ идти въ горы вправо отъ нашего бивака съ какимъ-то офицеромъ генераль-

наго штаба, котораго послали туда рѣшить вопросъ, можно ли будетъ провезти этими горами артиллерію; въ то время у насъ поговаривали о предполагаемомъ обходѣ турецкой позиціи при дер. Правецъ, лежащей на этомъ же шоссе, верстъ десять недоходя до Орханіе. Вернушіеся изъ этой рекогносцировки товарищи (вернулись 13-я и 16-я роты, а 14-я и 15-я были оставлены тамъ для наблюденія за непріятелемъ) рассказывали, «что дорога въ горахъ ужасная, по ней даже чортъ сломастъ себѣ ногу».

Наши свѣдѣнія относительно того, чтѣ дѣлается по сторонамъ Яблоницы, были довольно обширны—мимо нашего бивака проѣзжало много знакомыхъ офицеровъ; отъ одного узнаешь о рекогносцировкѣ по направлению къ Правцу, отъ другаго о рекогносцировкѣ къ городу Этрополю и проч. Изъ всего я могъ тогда заключить, что мы высматриваемъ, вынюхиваемъ, освѣщаемъ мѣстность, лежащую впереди насъ. Весь нашъ отрядъ поступилъ подъ команду графа Шувалова.

Бивакъ подъ Яблоницей былъ непродолжительный; но все-таки мы хорошо отдохнули. 9-го ноября нашу бригаду разобщили: преображенцевъ пододвинули ближе къ Орханіе и остановили на ночь въ Осиковѣ, гдѣ уже стоялъ Московскій полкъ, а семеновцевъ и часть стрѣлковой бригады забралъ съ собой генералъ Раухъ и отправился съ ними по той чертовой дорогѣ, гдѣ были оставлены наши 14-я и 15-я роты. Генералу Рауху былъ порученъ обходъ съ фланга правецкой позиціи турокъ, а москвичи должны были дѣйствовать съ фронта подъ начальствомъ генерала Элліса; гвардейскихъ стрѣлковъ подѣлили между собой оба генерала. Правецъ считался важнымъ пунктомъ и его взятіе должно было повлечь за собой существенное измѣненіе во всей турецкой позиціи. Я помню, что братушки говорили такъ: «Правецъ нашъ, и Орханіе нашъ»; они сказали правду: послѣ взятія Правца и одновременнаго взятія города Этрополя турки не рѣшились остаться въ Орханіе, они покинули его безъ выстрѣла.

— Зная, что на другое утро насъ поведутъ куда-то далѣе, мы не устроивались на ночь у Осикова, а кое-какъ провели ночь у костровъ. Тутъ впервые увидѣли мы осетинъ изъ Кавказской бригады, которые подъ начальствомъ полковника Черевина должны были присоединиться къ нашему отряду. Рано утромъ 10-го ноября пошелъ сильный дождь, обѣщавшій затянуться на весь день; мы были готовы къ выступленію и только ждали приказаній. Нашъ полкъ вошелъ въ отрядъ, которому поручалось позондировать непріятеля со стороны Этрополя.

X.

Выступленіе изъ Осикова.—Этропольскіе Балканы.—Орлиное гнѣздо.—Взятіе Этрополя.

И такъ 10-го ноября, поливаемые дождемъ мы покинули Осиково; нашъ полкъ вошелъ въ составъ отряда генерала Дандевилля, которому было приказано вести, одновременно со взятіемъ Правца колоннами генераловъ Рауха и Эллиса, демонстративный бой противъ города Этрополя, дабы отвлечь вниманіе этропольскихъ турокъ отъ Правца. Городъ Этрополь былъ расположенъ въ долинѣ на берегу малаго Искера; по обѣимъ сторонамъ этой долины шли горы. Лѣвую колонну повелъ по горамъ полковникъ Рызевскій; правую колонну, въ составъ которой входилъ и нашъ полкъ, повелъ, тоже по горамъ, нашъ бригадный командиръ принцъ А. П. Ольденбургскій; остальнымъ же частямъ приказано было занять въ самой долинѣ позицію съ фронта.

Въ нашъ гвардейскій отрядъ вошли два армейскихъ полка: Псковскій и Великолудскій съ ихъ бригаднымъ командиромъ генераломъ Дандевиллемъ. Вышло это такимъ образомъ: я выше уже упомянулъ о томъ, что Московскій полкъ былъ выдвинутъ впередъ по направленію къ Орханіе въ то время, когда мы еще стояли подъ Плевной. На всякій случай на подкрѣпленіе москвичей, были вызваны, по распоряженію генерала Гурко, еще два армейскихъ полка Псковскій и Великолудскій изъ 3-ей армейской дивизіи генерала Карцева, стоявшей около Ловчи. Съ тѣхъ поръ эти два полка находились все время въ нашемъ отрядѣ, работали вмѣстѣ съ нами и играли видную роль въ эту войну. Присоединились же они къ своей 3-ей дивизіи уже послѣ общаго перевала всей арміи черезъ Балканы. Эти полки къ тому времени такъ порѣдѣли, что, по словамъ ихъ начальника дивизіи, жаль было на нихъ смотрѣть.

Тотчасъ же по выходѣ съ бивака, 3-ему баталіону, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Ѳедора Александровича Авинова, была поручена отдѣльная командировка влѣво отъ насъ; ему придали два орудія, направили по долинѣ малаго Искера и поручили дѣйствовать съ фронта противъ непріятеля, расположившагося впереди города Этрополя; остальные же два баталіона 1-ый и 2-ой, 13-ая и 16-ая роты 3-го баталіона (14-ая и 15-ая еще не вернулись со своего наблюдательнаго поста), имѣли задачей выйти скорѣй на дорогу, ведущую изъ Этрополя въ Правецъ и непременно затѣять съ непріятелемъ дѣло одновременно со взятіемъ Правца отрядомъ генерала Рауха. Все это имѣлось въ виду совершить 10-го ноября; но въ этотъ день ничего не удалось сдѣлать. Колонна Рауха не дошла до Правца потому, что провозилась

съ орудіями на «Чертовой» дорогѣ; да и намъ не удалось затѣять съ непріателемъ настоящій бой, хотя и слышалась пальба у полковника Авинова, а потомъ и у насъ на правомъ флангѣ, гдѣ нашъ преобращенскій сводный баталіонъ, подъ начальствомъ полковника В. В. Пенскаго, имѣлъ съ непріателемъ небольшую перестрѣлку.

✓ Не успѣли мы сняться съ бивака, какъ насъ обогнали осетины, назначенные въ авангардъ. Не стѣняясь ни оврагами, ни канавами, ни кустами, ни камнями, они лихо обскакали насъ по сторонамъ дороги и живо скрылись впереди. Во главѣ осетинъ ѣхалъ полковникъ Черевинъ съ надвинутой на затылокъ папашой. Осетины были одѣты въ самыхъ разнообразныхъ національныхъ костюмахъ и въ папашахъ; съ плеткой въ рукѣ, они выдѣлывали всякія штуки на своихъ неказистыхъ но шустрыхъ и вертлявыхъ кавказскихъ лошадяхъ, привыкшихъ карабкаться по скаламъ. Все это былъ больше народъ молодой, но встрѣчались между ними и сѣдовласые старцы, бывалые, закаленные. Издали можно было ихъ легко принять за турецкихъ черкесовъ, что и случалось не разъ въ продолженіе войны; въ общемъ они производили впечатлѣніе чего то дикаго и необузданнаго. На самомъ же дѣлѣ, эти качества не были въ нихъ преобладающими; лучшихъ кавалеристовъ для горной службы нельзя себѣ и вообразить; ихъ лошади въ горахъ—какъ у себя дома и нѣтъ такой горы, на которую не могъ бы забраться осетинъ, частью верхомъ, а гдѣ и ведя лошадь въ поводу. Осетинъ ловокъ, глазъ у него зоркій любить свою лошадь, рѣдко натретъ ей спину и самъ довольствуется малымъ; онъ всегда молчаливъ и нехвастливъ. ✓

Сначала наши баталіоны 1-ый, 2-ой и двѣ роты (13-ая и 16-ая роты) 4-го шли по шоссе, но вскорѣ свернули съ него въ горы. Намъ дали въ проводники болгарина; въ горахъ начали находить на насъ густые туманы, совершенно застилавшіе всю мѣстность; мы вполнѣ довѣрились болгарину и продолжали слѣдовать за нимъ. По дорогѣ, изрѣдка попадались намъ отдѣльные болгарскіе домики, въ которые обязательно входили любопытные солдаты для обшариванія угловъ; фельдфебеля, шедшіе сзади, энергично подгоняли зѣвакъ и не давали растягиваться въ горахъ колоннѣ. Привалъ былъ сдѣланъ около одного такого домика, стоявшаго совсѣмъ особнякомъ; хозяйство, видимо, было въ полномъ порядкѣ, но ни хозяина, ни его семейства, ни скота мы тамъ не нашли; только въ углу избы лежалъ совсѣмъ высохшій больной мальчикъ, котораго болгары не сочли нужнымъ взять съ собой. Вѣроятно передъ самымъ нашимъ прибытіемъ, болгаринъ увелъ свое семейство куда нибудь въ сторону въ горы, за что и поплатился полнымъ разнесомъ его усадьбы; при немъ этого не могло бы случиться. Мы старались всѣми силами препятствовать разнесу, но наши усилія ни къ чему не повели; разносъ совершился, можно сказать, мгновенно.

Въ одномъ мѣстѣ совершаешь расправу, а въ другомъ слышишь неистовый крикъ какойнибудь пойманной курицы; посылаешь когонибудь туда, а курица ужъ безъ головы. Такимъ образомъ разнесли моченую капусту, яблоки, бѣлые бобы; всѣхъ куръ переловили, а тѣ, которыя залѣзли на макушки деревьевъ, были спуганы оттуда дружными криками солдатъ, каменьями и проч.

Многіе обвиняютъ болгаръ въ томъ, что они недружелюбно относились къ намъ, ихъ освободителямъ, неласково насъ принимали и часто отказывали даже въ кускѣ хлѣба. Мысль болгарина не витаетъ въ политическихъ сферахъ, высшіе идеалы, изъ-за которыхъ велась война, были для него недоступны. Онъ знаетъ только одно, что онъ разоренъ и разоренъ не одними турками, но и русскими, которые залѣзли въ его страну. Кто понимаетъ натуру и складъ мыслей простого человѣка—землепашца, органически привязаннаго къ своей землѣ, тотъ будетъ всегда справедливъ въ своихъ сужденіяхъ о болгарской недоброжелательности къ намъ и безучастии въ дѣлѣ освобожденія страны.

Я не буду говорить про болгаръ, что они безупречный народъ; четырехсотъ-лѣтнее иго, кнутъ и палка порядкомъ ихъ испортили; но я всегда пойму, что долженъ чувствовать человѣкъ, у котораго уничтожили его домъ, разстроили семейство; оставшіеся въ живыхъ, его родные голодаютъ гдѣнибудь въ горахъ, самъ онъ все время находится подъ страхомъ возвращенія турокъ. Вѣсть о кровавой расправѣ турокъ съ болгарами, послѣ лѣтнаго отступленія генерала Гурко съ южнаго склона Балканъ на сѣверный, облетѣла всю Болгарію, такъ что страхъ засѣлъ гвоздемъ въ головѣ у каждаго болгарина; онъ очутился межъ двухъ огней и какъ слабый между двумя сильными, онъ конечно началъ хитрить и служить нашимъ и нашимъ.

Нашъ непродолжительный отдыхъ возлѣ этого домика напомнилъ мнѣ налетъ саранчи, которая прилетитъ, живо все поѣстъ и улетитъ. Мы двинулись дальше, горы дѣлались все круче; артиллерійскія лошади, непривычныя къ горамъ, начали затягивать движеніе, такъ что пришлось назначить солдатъ, чтобъ помогать имъ вытягивать орудія изъ грязи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже чинить дороги. Мы сами не знали куда идемъ, и не понимали, почему насъ поручили какому то братушкѣ, который могъ во всякое время удрать, а не офицеру генеральнаго штаба, знакому съ мѣстностью. Свѣдѣній о непріятелѣ мы не имѣли никакихъ, а незнаніе дорогъ и направленія движенія было полнѣйшее; чтонибудь неопредѣленнѣ нашего положенія трудно себѣ и вообразить. Мы приставали къ проводнику сто разъ съ одними и тѣми же вопросами: гдѣ непріятель? гдѣ Этрополь? А онъ, показывая рукой впередъ, отвѣчалъ все одно и тоже: «Тука, братушка, тука». Мы шли въ полномъ недоумѣніи и не скажу, чтобъ мой духъ былъ бы въ то время спокоенъ:

бродить въ незнакомыхъ горахъ, въ туманѣ, да еще съ ненадежнымъ проводникомъ, было крайне непріятно и безпокойно.

Артиллерія завязла въ какомъ то оврагѣ, пришлось отпречь лошадей и вытаскивать орудія изъ грязи при помощи людей. Командиръ 1-й батареи полковникъ Стрижевскій воспользовался остановкой и послалъ своего фельдфебеля Храпова впередъ рысью, чтобъ осмотрѣть мѣстность и найти болѣе удобную дорогу. Прошло болѣе часа, а Храповъ все не являлся; мы уже начали побаиваться за его участь и рѣшительно не знали, чѣмъ объяснить его продолжительное отсутствіе. Наконецъ мы увидѣли его вдали выѣзжающимъ изъ лѣса. Привезенныя имъ свѣдѣнія были самыя утѣшительныя; онъ выискалъ узенькую дорожку, по которой онъ обѣщалъ вывести артиллерію на такую гору, съ которой откроется видъ на весь непріятельскій лагерь и съ которой можно будетъ, судя по его словамъ, въ тотъ же вечеръ угостить непріятеля гранатами. Извѣстіе, привезенное Храповымъ, придало всемъ лихорадочную энергію; артиллерія двинулась впередъ и болѣе не застрѣвала ни разу.

Не прошло и часа, какъ мы уже добрались до этой позиціи; внизу подъ нами немного влѣво открылась довольно узкая долина р. малаго Искера, въ которой, верстахъ въ 3-хъ отъ насъ, былъ расположенъ турецкій лагерь; а недалеко за нимъ въ этой же долинѣ находился и городъ Этрополь, котораго мы не могли видѣть, такъ какъ онъ былъ заслоненъ отъ насъ нѣсколькими параллельными кряжами горъ. Подъемъ совершенный нами въ этотъ день былъ значительный, судя по той высотѣ, на которой мы очутились. Турецкій лагерь казался намъ гдѣ то далеко и глубоко внизу, но все-таки невооруженнымъ глазомъ можно было даже сосчитать число палатокъ. Судя по спокойствію, царившему въ лагерѣ, можно было смѣло заключить, что турки насъ не видѣли.

Артиллерія снялась съ передковъ и выбрала себѣ удобное мѣсто, насъ же размѣстили за горой. Определить разстояніе до лагеря было довольно трудно, такъ какъ глазъ артиллеристовъ еще не наметался въ горахъ; орудію дали надлежащій уклонъ и стали готовиться пустить по лагерю первую гранату. Я же вооружился своей подзорной трубой и тоже приготовился слѣдить за переполохомъ, который обязательно долженъ былъ произойти въ турецкомъ лагерѣ при неожиданномъ для нихъ выстрѣлѣ. Выстрѣлъ раздался, между солдатами послышался общій веселый говоръ; снарядъ не долетѣлъ до лагеря и разорвался въ воздухѣ. Въ турецкомъ лагерѣ вдругъ началась суетня и бѣготня; онъ былъ похожъ на потревоженный муравейникъ. Артиллерійскій огонь пришлось скоро прекратить, потому что стало темнѣть. На ночь при орудіяхъ остался 1-ый баталіонъ, моя 5-ая рота и 8-ая рота—это былъ лѣвый флангъ нашей позиціи; а остальные части нашего полка продвинулись вправо отъ насъ вдоль того же гребня. Нашему лѣвому флангу не при-

шло стрѣлять въ этотъ день; правый же флангъ, гдѣ находился полковникъ Пенскій со своимъ своднымъ баталіономъ, затѣялъ перестрѣлку съ непріятелемъ, занимавшимъ слѣдующій хребетъ, параллельный нашему, но потерь никакихъ не было. Наступила ночь и на всей нашей растянутой позиціи запылали костры; чтобъ ввести непріятеля въ заблужденіе относительно нашихъ силъ, костровъ было зажжено болѣе чѣмъ требовалось; усталые люди поѣли и расположились въ полной готовности на ночь у костровъ.

Въ этотъ день намъ не удалось выйти на дорогу, ведущую изъ Этрополя въ Правецъ, потому что впереди насъ въ горахъ сидѣлъ непріятель, котораго надо было сперва выбить; это было сдѣлано на слѣдующій день.

Между двумя параллельными кряжами, на одномъ изъ которыхъ находился нашъ полкъ, а на другомъ непріятель, была большая низина, въ которой видѣлись болгарскіе домики. Непріятельскій гребень былъ значительно выше нашего, и на немъ выдавались двѣ вершины, на которыхъ съ вечера показались огоньки; мы предполагали, что тамъ расположены турецкіе аванпосты. На ночь мы спустили аванпостную цѣпь внизъ по скату, идущему отъ насъ къ этой низинѣ, иначе было бы невозможно видѣть, что въ ней дѣлается. Мы опасались того, что непріятель можетъ ночью спуститься со своего гребня въ эту низину и предпринять что-нибудь противъ насъ. Въ цѣпи люди окапались и зорко слѣдили за всякимъ шумомъ. Въ эту ночь было не до сна: мы ходили повѣрять аванпосты.

Среди ночи подъѣзжаетъ ко мнѣ нашъ офицеръ поручикъ баронъ Влад. Плат. Рокасовскій, которому его высочество принцъ А. П. Ольденбургскій далъ порученіе объѣхать всѣ роты и предложить ротнымъ командирамъ вызвать изъ ихъ ротъ охотниковъ, желающихъ участвовать въ лихомъ ночномъ набѣгѣ. Его высочество задумалъ составить небольшую часть изъ охотниковъ и поручить имъ сдѣлать врасплохъ ночное нападеніе на тѣ огоньки, которые показались съ вечера на непріятельскомъ гребнѣ. Разбудивъ дремавшихъ у костра людей, я передалъ имъ вызовъ принца; желающихъ оказалось всего только четыре человека. Я вдругъ увидѣлъ, что люди съ просонокъ плохо понимали въ чемъ дѣло; давъ имъ немного отрезвиться, я снова и гораздо подробнѣе рассказалъ имъ, что набирается для набѣга цѣлая сводная рота; тогда вдругъ желающихъ оказалось столько, что даже пришлось дѣлать выборку. По справедливости, я назначилъ тѣхъ, кто раньше другихъ отозвался на вызовъ, а остальныхъ пристыдилъ за ихъ несообразительность. Въ числѣ первыхъ, выскочившихъ на вызовъ, были солдаты, не отличающіеся особо хорошей репутаціей, а на дѣлѣ оказавшіеся и шустрыми и храбрыми. Мой фельдфебель Мазуровъ былъ очень недоволенъ со-

ставомъ команды, и когда охотниковъ увели къ мѣсту сбора, то онъ мнѣ сказалъ: «И къ чему, ваше высокоблагородіе, эта дрянъ тоже полѣзла, только другихъ отбиваютъ отъ Георгія». Я тоже сначала былъ слегка недоволенъ тѣмъ, что мой конюхъ Ознобниковъ бросилъ моихъ лошадей, мои вещи и пошелъ въ охотники; но это недовольство было мимолетное, сердиться на него за это было бы несправедливо.

Его высочество, собравъ команду въ 100 человекъ, поручилъ ее шт. кап. Александру Максимовичу Рейтерну и лично отправилъ ее на ночное рискованное дѣло; съ командой пошли два офицера: князь Крапоткинъ и Сергѣй Ѳедоровичъ Ладыженскій. Это было въ ночь съ 10-го на 11-ое ноября. По всей аванпостной цѣпи было приказано начать усиленную стрѣльбу по направленію къ непріятелю, тотчасъ же послѣ того, какъ начнется въ горахъ дѣло нашихъ охотниковъ; нашей стрѣльбой имѣлось въ виду сдѣлать демонстрацію съ фронта въ то время, какъ наши охотники будутъ подбираться къ непріятелю съ фланга. Мы все съ напряженнымъ вниманіемъ, среди темной ночи, вслушивались вдаль. Уже порядкомъ разсвѣло, какъ вдругъ послышалась наверху трескотня нашихъ охотниковъ. Мы командовали нашей цѣпи: «начинай» и пошла пальба по всей цѣпи. Стрѣляли горячо, непрерывно, не по цѣли, потому что таковая была отъ насъ версты на полторы, а только по тому направленію, гдѣ находился непріятель. Когда же выяснилось, что наши охотники заняли покинутое турками укрѣпленіе, то нашей цѣпи было приказано прекратить огонь, но остановить его сразу было невозможно; наша позиція была очень растянута, а люди отъ шума сразу не могли понять чего отъ нихъ требуютъ.

Охотники застали турокъ дремлющими у костровъ за первымъ укрѣпленіемъ; со страху они бросились во второе укрѣпленіе и открыли по охотникамъ огонь. Въ этомъ второмъ укрѣпленіи оказались два орудія, но турки стрѣляли изъ нихъ недолго; они забрали съ собой оба орудія и покинули укрѣпленіе; тогда наши охотники заняли его, и заранѣе условленными знаками дали намъ о томъ знать.

Обрадовавшись такъ быстро и легко достигнутому успѣху, мы сейчасъ же, послѣ приказанія занять тотъ кряжъ, гдѣ былъ непріятель, двинулись впередъ. Не узнавъ предварительно о дорогахъ, ведущихъ туда по болѣе отлогимъ мѣстамъ, мы полѣзли напрямикъ, думая кратчайшимъ путемъ скорѣй достигнуть до верху. Мы поднимались въ гору въ продолженіе трехъ часовъ, лѣзли по дѣвственнымъ скаламъ, по которымъ никогда и никто не ходилъ, прыгали съ камня на камень, цѣплялись за колючій кустарникъ. Много разъ по дорогѣ наверхъ мы раскаявались въ нашей горячности и готовы были сдѣлать лучше десять верстъ по отлогимъ дорогамъ, чѣмъ одну версту по этимъ кручамъ.

До сихъ поръ мнѣ казалось, какъ будто мой костюмъ былъ цѣлесообразно принаровленъ къ походу; но въ этотъ разъ мнѣ пришлось въ этомъ разубѣдиться. Наши неширокія брюки страшно стѣсняли меня въ горахъ при каждомъ большомъ шагѣ, при каждомъ прыжкѣ. Я чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ движеніяхъ, проклиналъ моего портного, который ни душой ни тѣломъ не былъ въ этомъ виноватъ.

Добравшись до верху, люди повалились отъ усталости на землю. Надъ нами посвистывали непріятельскія пули, на которыя солдаты отъ изнеможения не обращали никакого вниманія. Его высочество принцъ Ольденбургскій посовѣтовалъ мнѣ спустить людей немного ниже за гребень, потому что лежать на немъ было все-таки не совсѣмъ безопасно. Поднять роту и передвинуть на другое мѣсто было трудно, ибо отъ усталости люди плохо понимали мое приказаніе и лежали въ оцѣпенѣніи.

Наши конюхи, видя невозможность вести за нами по обрывамъ верховыхъ лошадей, отправились искать околныхъ дорогъ и привели ихъ почти одновременно съ нами. Вся артиллерія и весь вьючный обозъ остались въ низинѣ впредь до приказанія. Подняться туда, куда мы взобрались, было для нихъ невысказанно. Моя верховая лошадь привезла мнѣ дня на два провизіи, но крутыя горы пришлось ей не по нутру, она вытянула себя на задней ногѣ жилу и стала порядочно прихрамывать.

Когда люди отдохнули, тогда насъ продвинули еще немного впередъ, и мы вошли въ то лѣвое укрѣпленіе, изъ котораго, нѣсколько часовъ тому назадъ турки стрѣляли по насъ изъ орудій. Это былъ небольшой редутъ, сложенный изъ дикаго камня, а внутри его были выстроены шалаши, крытые сѣномъ и соломой. Изъ этого редута шла внизъ въ долину р. Искера дорога, по которой турки увезли свои орудія. Вокругъ насъ открылся во все стороны чудный, величественный видъ; мы очутились въ заоблачной выси, которая была выше всѣхъ окружающихъ насъ горъ. На картѣ она называется Острома, а мы окрестили ее Орлинымъ гнѣздомъ; на всю окружающую мѣстность приходилось смотрѣть сверху внизъ. Оглянувшись назадъ, мы съ трудомъ могли отыскать то мѣсто, гдѣ ночевали. Вообще вся мѣстность насъ окружающая казалась сверху не гористой, а волнистой, самой разнообразной мягкой окраски; рѣзкость контуровъ пропала. Это былъ самый красивый, самый грандіозный видъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною въ Балканахъ.

Турки, покинувшіе кряжъ, на которомъ было Орлиное гнѣздо, заняли слѣдующій параллельный ему кряжъ, за которымъ было еще нѣсколько такихъ же; вдали виднѣлись минареты города Этрополя. Турки, занявшіе слѣдующій кряжъ, все время стрѣляли по насъ вверхъ; пули свистѣли надъ нами, но никакого вреда не причиняли. По долину р. малаго

Искера передвигались турецкія войска и артиллерія. Одинъ всадникъ, повидимому паша, окруженный свитой, объѣзжалъ войска и размѣщаль ихъ на подошвѣ. Я устроилъ себѣ, какъ и подъ Плевной, треножникъ изъ ружей, положилъ на нихъ подзорную трубу, и не отрываясь отъ нея, все время слѣдилъ за тѣмъ, что тамъ происходило.

Нѣкоторыя части были у турокъ въ бѣлыхъ фескахъ; забавно было видѣть, какъ турки, составивъ ружья, садились за ними всѣ въ рядъ на отдыхъ, поджавъ подъ себя, по турецки, ноги. Впереди города, въ самой долинѣ, можно было разглядѣть небольшой редутъ, запиравшій входъ въ городъ; въ трубу я его видѣлъ какъ на ладони. Турки, бывшіе въ немъ, давали залпы по какимъ то нашимъ частямъ, мнѣ думается по тѣмъ, которыя демонстрировали съ фронта и гдѣ находился нашъ 3-й баталіонъ полковника Авинова. Послѣ залпа, турки присѣдали, заряжали въ такомъ положеніи ружья, по командѣ снова подымались всѣ вдругъ, давали снова залпъ и опять присѣдали. Начальникъ штаба 1-ой гвард. пѣх. дивизіи полковникъ Каульбарсъ, бывшій въ нашемъ отрядѣ, все время слѣдилъ за турками въ свой бинокль, но никакъ не могъ въ него разглядѣть, есть ли у турокъ въ этомъ редутѣ орудія; его бинокль оказался слишкомъ слабымъ для того и онъ, взявъ мою трубу, убѣдился, что орудій тамъ не было.

Многіе офицеры, ради шутки, спустились по дорогѣ внизъ, и стрѣляли по этому редуту; а по возвращеніи разсказывали ради смѣха, что турки, будто бы, присѣдали послѣ ихъ одиночныхъ выстрѣловъ. Будь у насъ хоть одно орудіе, мы разгромили бы этотъ редутъ и заставили бы турокъ его очистить; но втащить на такую высь орудіе, было невозможно и наши мечты были неосуществимы.

Мы усѣлись всѣ въ кружокъ около принца, который былъ въ восторгѣ отъ своего удавшегося плана, и дѣлились своими впечатлѣніями дня. Изрѣдка ударялись возлѣ насъ непріятельскія пули, а летящія надъ нашими головами уже на излетѣ, жалобно стонали. Люди разгуливали по редуту и нисколько не смущались свистомъ пуль; мы даже не знали откуда онѣ въ насъ летятъ, а открыть огонь по непріятелю не могли потому что онъ былъ слишкомъ далеко отъ насъ.

Его высочество приказалъ растянуть позицію, дабы ввести непріятеля въ обманъ относительно нашихъ силъ; для этого 4-ый баталіонъ (въ эту ночь подошли къ намъ 14-ая и 15-ая роты, оставленные на «Чертовой дорогѣ»), 6-ая, 7-ая и 8-ая роты 2-го баталіона были передвинуты значительно вправо по гребню; а 1-ый баталіонъ и моя 5-ая рота остались въ самомъ Орлиномъ гнѣздѣ. Сдѣлать это было не опасно, наши вершины были недоступны для непріятеля. По приказанію его высочества въ продолженіе всей ночи горѣли по всему гребню костры. По временамъ, гуляющія подъ нами туманы въ видѣ облаковъ, окру-

жали насъ со всѣхъ сторонъ и уединяли отъ всего окружающаго міра. Если долго всматриваться въ эти туманныя массы, изъ которыхъ выглядывали, въ видѣ отдѣльныхъ темныхъ пятенъ, выдающіеся вершины горъ, то воображенію начинало представляться море съ отдѣльными на немъ островами.

Въ этотъ день, 11-го ноября, былъ взятъ Правецъ колоннами генераловъ Рауха и Эллиса.

Въ этотъ же день нашъ отрядъ вышелъ на Этрополь-Правецкую дорогу, о которой все время шла рѣчь. Полковникъ Пенскій спустилъ свои части внизъ, занялъ позицію возлѣ этой дороги и все время слѣдилъ за ней. Въ ночь съ 11-го на 12-ое ноября, его высочество послалъ внизъ, въ долину р. малаго Искера, къ полковнику Авинову приказаніе собрать команду охотниковъ и попробовать ночью выгнать турокъ изъ того редута, который былъ въ долинѣ возлѣ рѣчки малый Искеръ.

Команда въ 100 человекъ была поручена шт. капит. Пишчевичу и подпор. Папенгуту. Они пробрались ночью скрытно къ турецкимъ аванпостамъ и напали врасплохъ на спящихъ турокъ. Въ темнотѣ произошла свалка въ рукопашную, началась стрѣльба; турки вбѣжали въ редутъ, а наши охотники залегли въ ложементяхъ. Шт. кап. Пишчевичъ прислалъ на Орлиное гнѣздо къ его высочеству за дальнѣйшими приказаніями; принцъ приказалъ покинуть ложементы и опять присоединиться къ 3-ему баталіону.

На утро 12-го ноября его высочество сдѣлалъ такія распоряженія: онъ приказалъ 4-му баталіону, 6-ой, 7-ой и 8-ой ротамъ идти въ обходъ турецкой позиціи, стараясь охватить ее съ лѣваго фланга; 1-му же баталіону и моей 5-ой ротѣ, оставаться покуда на мѣстѣ; нашъ командиръ полка князь Оболенскій былъ съ нами на Орлиномъ гнѣздѣ. Весь обходный маневръ былъ прекрасно виденъ съ нашей вышки. Турки, примѣтивъ обходное движеніе, тотчасъ же открыли огонь и начали отступать по направленію къ Этрополю. Одновременно съ отступленіемъ, былъ покинутъ турками и маленькій редутъ въ долинѣ р. малаго Искера, противъ котораго ночью работали охотники 3-го баталіона. Замѣтивъ отступленіе турокъ, князь Оболенскій лично повелъ противъ нихъ фронтальную атаку: впереди шелъ первый баталіонъ, а за нимъ моя рота въ видѣ резерва. Люди спустились съ Орлинаго гнѣзда вразсыпную; всѣ роты перепутались между собой, но зато живо спустились внизъ. Внизу роты разобрались и началось правильное движеніе впередъ; переднія роты сдѣлали маленькую передышку, а моей ротѣ, это время, пришлось стоять возлѣ самаго покинутого турками редута. Желая его осмотрѣть поближе, я и многіе солдатики вышли въ самую долину и хотѣли приблизиться къ редуту; но турки направили на насъ

орудійный огонь съ холмика, расположеннаго передъ самымъ входомъ въ городъ. Мы сейчасъ же спрятались за небольшое возвышеніе, откуда намъ было удобно слѣдить за полетомъ гранатъ, направленныхъ вдоль долины по отряду полковника Авинова. Мы замѣтили, что артиллерія его отряда, все время отвѣчавшая туркамъ, почему то вдругъ замолкла. Батарейный командиръ, не зная въ подробностяхъ о положеніи дѣла въ данный моментъ, опасался стрѣлять по холму, думая что онъ уже въ нашихъ рукахъ. Четверть часа спустя изъ ущелья снова полетѣли наши гранаты по направленію къ холму.

По другую сторону рѣки, по горамъ наступала на Этрополь колонна Рыдзевского; вдругъ мы начинаемъ замѣчать, что надъ нашими головами засвистѣли пули. Сперва мы не могли разобрать, откуда онѣ летятъ, но потомъ увидѣли, что по насъ открыли огонь стрѣлки Великолукскаго полка, принявшіе насъ за турокъ. Разными знаками, маханіемъ шапокъ, намъ удалось остановить стрѣльбу.

Стоявшій возлѣ насъ разъѣздъ осетинъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось у турокъ на холмѣ. Меня поразила острота зрѣнія одного изъ нихъ, который видѣлъ невооруженнымъ глазомъ, какъ турки снимали палатки, разставленныя на этомъ холмѣ. Направивъ туда мою трубу, я могъ убѣдиться, что онъ говорилъ правду. Сборъ палатокъ былъ вѣрнымъ признакомъ того, что турки собирались отступитъ и потому 1-ый баталіонъ двинулся впередъ; я послѣдовалъ за нимъ со своей ротой. Взобравшись наверхъ, опять въ горы, я увидѣлъ, что налѣво отъ меня по самой долинкѣ, по направленію къ Этрополю, быстро двигаются наши войска, но уже безъ всякой перестрѣлки. Между тѣмъ 1-ый баталіонъ скрылся въ горахъ, и я не зналъ что дѣлать, идти ли отыскивать его или же спуститься въ долину и примкнуть къ общему движенію. Рѣшившись на второе, я свелъ роту съ горъ и смѣшался съ пестрымъ потокомъ стремящихся къ Этрополю войскъ. Тутъ были и гвардейцы и армейцы изъ отряда Рыдзевского, тоже сопедніе съ горъ, и все это чуть не бѣгомъ направлялось къ городу, въ это время уже покинутому турками. Подойдя къ нему, я могъ собрать всего только полъ-роты, остальные люди частью отстали, а частью смѣшались съ другими полками въ общемъ потокѣ. Въ самомъ городѣ уже разгуливали наши преображенцы; болгары угощали людей хлѣбомъ и табакомъ, крестились и твердили все одно и тоже: «тѣрцы побѣдили горы». Въ колокола звонили какъ въ набатъ; нѣкоторые болгары ударяли въ желѣзныя заслонки и чугунные доски. Одинъ солдатикъ моей роты выразился такъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ трезвономъ: «я такъ давно, ваше благородіе, не слышалъ этого церковнаго матафа, что у меня даже заглоло нутро». Всѣ были нервно взволнованы, а наши солдаты разбрелись по всѣмъ улицамъ города.

Между тѣмъ стало темнѣть, а мы все еще не могли собрать нашихъ ротъ. Пройдя весь городъ, по его узкимъ улицамъ, я остановилъ людей и началъ приводить роту въ порядокъ; нехватало очень многихъ. Если мнѣ и удалось провести черезъ городъ хоть часть роты, то я этимъ обязанъ всецѣло моему свистку, въ который я не переставалъ все время свистѣть, чтобъ держать людей болѣе или менѣе въ сборѣ. Съ обыкновеннымъ свисткомъ ничего бы не вышло въ этой суматохѣ, а у меня былъ въ походѣ свистокъ совсѣмъ особеннаго устройства; онъ былъ сдѣланъ по заказу моего покойнаго отца на манеръ желѣзнодорожнаго локомотивнаго гудка и былъ слышенъ въ тихую погоду на версту.

На выѣздѣ изъ города я нашелъ командира 1-го баталіона полковника Стрезова съ обрывками ротъ его баталіона. Онъ донесъ принцу Ольденбургскому о занятіи Этрополя, а затѣмъ назначилъ сборную часть для занятія аванпостовъ внѣ города по дорогѣ отступленія турокъ. Въ эту часть попала моя рота, части 7-ой и 10-ой ротъ съ ихъ командирами, поручикомъ Валеріаномъ Валеріановичемъ Бельгардомъ и шт. кап. Андреемъ Дмитріевичемъ Всеволожскимъ; полковникъ Стрезовъ оказался на аванпостахъ съ ротами изъ чужихъ баталіоновъ.

Выѣздъ изъ города въ горы былъ очень узкій и расположить цѣпь было не трудно: ея концы уперлись въ горы. Всѣ были страшно голодны. Пришлось послать команду на розыски въ турецкую часть города, прилегающую къ выѣзду и покинутую мирными жителями—турками. Посланные вернулись съ обильною добычею, привели воловъ, телятъ, барановъ; люди рассказывали, что эта часть города совсѣмъ пуста и что скотъ бродилъ тамъ безъ призора. Въ турецкихъ домахъ они нашли и принесли муку, овесъ, сушеныхъ сливъ, изюмъ, орѣхи, фонари, посуду, табакъ, трубки и проч.; а одинъ солдатикъ—шутникъ нашелъ тамъ полъ дюжины очковъ, надѣлъ ихъ всѣ шесть себѣ на-носъ и явился въ роту въ такомъ видѣ.

Сухихъ дровъ въ эту ночь было много и въ каждомъ отдѣльномъ звенѣ на аванпостахъ пылалъ костеръ. Всю ночь варили и ѣли; потомъ опять варили и опять ѣли. Скота было убито гораздо больше, чѣмъ люди могли съѣсть; съѣли лучшіе куски, а остальные побросали.

Недалеко отъ цѣпи впереди показался маленькій огонекъ, нѣсколько разъ потухавшій, и я тотчасъ послалъ туда патруль изъ нѣсколькихъ человѣкъ. При ихъ приближеніи, огонекъ потухъ; въ темнотѣ имъ было трудно что нибудь разыскать. Впереди насъ въ горахъ, въ томъ направленіи, по которому отступили турки, всю ночь видѣлись огоньки непріятеля. Приведенный изъ цѣпи болгаринъ говорилъ, что турки провели ночь въ четырехъ часахъ пути отъ насъ. Я препроводилъ его къ принцу Ольденбургскому какъ человѣка, который можетъ доставить вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ; по его словамъ въ Этрополѣ

было четыре табора и 3 орудія. Его высочество провелъ ночь въ маленькомъ редутѣ возлѣ самаго города, гдѣ расположился и полковникъ Черевинъ, командиръ кавказской бригады осетинъ. Несмотря на усталость, наши солдатики подошли къ палаткѣ принца и пѣли пѣсни.

Въ эту ночь въ самомъ городѣ случилось происшествіе, о которомъ нельзя не упомянуть, такъ какъ оно развѣшилось весьма печально для одного нашего солдата. Въ одномъ домѣ лежалъ раненый турецкій докторъ-нѣмецъ. Бродившіе ночью по городу солдаты вошли къ нему въ комнату и вѣроятно сдѣлали посягательство на его собственность, потому что иначе незачѣмъ было ему начать пальбу изъ револьвера по людямъ; одинъ изъ преображенскихъ солдатъ былъ имъ убитъ наповаль. Этого доктора арестовали, нашли при немъ довольно много золотой монеты и вмѣстѣ съ револьверомъ фельдфебель государевой роты Степановъ доставилъ плѣннаго къ его высочеству принцу Ольденбургскому. По словамъ принца, докторъ былъ въ новомъ фракѣ, надѣтомъ прямо на нижнее бѣлье. Уже послѣ похода мы прочли въ «Freie Presse» рассказъ этого доктора о томъ, какъ все это случилось. Между прочимъ онъ пишетъ, что на вопросы принца о турецкихъ силахъ, онъ упорно молчалъ, не желая предавать турокъ.

Ночь прошла въ цѣпи тихо, никто насъ не тревожилъ. Люди поѣли и успокоились; я же, хотя и растянулся на буркѣ, но уснуть не могъ: въ головѣ мелькало слишкомъ много впечатлѣній, пережитыхъ за этотъ день. Я припоминалъ шумную ярмарку, которую я засталъ при входѣ въ городъ, мнѣ казалось, что я продолжаю слышать крики, набатъ, полетъ гранатъ, свистки ротныхъ командировъ, а въ особенности свой собственный; меня преслѣдовали растерянные лица нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ, у которыхъ на глазахъ растаяли роты и проч., все это перемѣшалось въ головѣ въ какой то сумбуръ.

На разсвѣтѣ, первымъ дѣломъ, я велѣлъ вежуду убрать слѣды нашего ночнаго пира, такъ какъ вездѣ валялись растерзанныя туши. Утромъ подошелъ ко мнѣ спустившійся съ горъ болгаринъ-юнакъ; онъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ, при немъ была никуда негодная болгарская пицаль съ перламутровою инкрустаціей, а за поясомъ былъ ятаганъ и дрянной пистолетъ. Вообще болгары любили, для пущей важности, носить при себѣ все свое оружіе, и годное и негодное. Этотъ юнакъ былъ уроженецъ Этрополя и имѣлъ отъ генерала Непокойчицкаго письменное дозволеніе носить оружіе. Онъ стремился въ свой освобожденный городъ и предвѣщалъ намъ съ увѣренностью, вслѣдствіе занятія Правца, скорое очищеніе города Орханіе. Я отправилъ его подъ конвоемъ въ городъ къ полковнику Стрезову. Во время похода, случалось не разъ, что вооруженные братушки пристраивались по дорогѣ къ нашему полку, но никто и никогда не видѣлъ ихъ во время дѣла; они шли съ полкомъ

до поры до времени, покуда не почуяли добычи, и тогда они отставали отъ насъ и терялись изъ виду.

Немного погодя спустились съ горъ еще двое болгаръ съ двумя болгарками; они подошли къ намъ и разспрашивали о положеніи дѣлъ въ Этрополѣ. Одинъ изъ нихъ вступилъ въ разговоръ съ солдатами, и отъ избытка чувствъ, поцѣловалъ одному изъ нихъ руку, на что солдатъ съ великодушнѣмъ побѣдителя сказалъ ему: «цѣлуй братушка, цѣлуй, это хорошо». Убѣдившись, что вернуться въ городъ не опасно, одинъ изъ братушекъ побѣждалъ въ горы, и часть спустя, привелъ съ собой оттуда цѣлую компанію дѣтей всевозможныхъ возрастовъ.

Утромъ 13-го ноября совершилось торжественное вступленіе въ городъ нашего полка съ развернутыми знаменами; въ болгарской церкви было совершено молебствіе. Въ то же время отрядъ изъ екатеринославскихъ драгунъ и осетинъ подъ начальствомъ генерала Краснова, былъ посланъ въ горы для преслѣдованія турокъ; они проскакали мимо насъ впередъ, а намъ приказано было убрать аванпостную цѣпь и присоединиться къ своему полку въ Этрополѣ. Войдя въ городъ, я засталъ нашъ полкъ въ сборѣ, ожидавшимъ дальнѣйшихъ приказаній генерала Гурко. По улицамъ бѣгали болгары и, разнося турецкіе дома, перетаскивали къ себѣ все, что въ нихъ находили, и даже выламывали оконныя рамы.

Къ намъ подѣхалъ генераль Гурко, поздравилъ насъ «съ побѣдой» и велѣлъ развести войска по бивакамъ. Входя въ городъ, я думалъ тамъ найти общее оживленіе, но этого то и не нашелъ. Генераль Гурко былъ очень серьезенъ и не тароватъ на слова; его сдержанность отразилась и на нашемъ полку; всѣ молчали и какъ будто чего то ждали. Извѣстіе о вынужденномъ вслѣдствіи недостатка сухарей и патроновъ отдыхъ всѣхъ оживило.

Взятіе Этрополя и Правца могутъ служить образцомъ нашего дальнѣйшаго веденія, суворовскимъ способомъ, горной войны въ Балканахъ; по всему пути отступленія турки заблаговременно понастроили редуты, которыми задерживали наше движеніе. Противъ такого укрѣпленія, одновременно съ демонстраціей съ фронта, предпринимались широкія обходныя движенія съ цѣлью нанести непріятелю ударъ съ фланга и съ тыла; а для того тропинки раздѣлывались въ дороги, втаскивали въ горы орудія и проч. Замѣтивъ опасность съ фланга или съ тыла, турки покидали укрѣпленіе обыкновенно по ночамъ и тѣмъ очищали намъ дорогу для дальнѣйшаго наступленія. Такимъ способомъ цѣлыми мѣсяцами, мы выкуривали турокъ шагъ за шагомъ изъ Балканъ. Надо было только удивляться тому, что турки такъ мало беспокоили наши обходныя колонны; часто намъ приходилось двигаться въ горахъ въ полномъ невѣденіи того, что дѣлается по сторонамъ; бывали даже такіе случаи, что

своихъ принимали за турокъ. Болѣе предприимчивый непріятель конечно сѣумѣлъ бы насъ тревожить, тѣмъ болѣе что въ горахъ взаимная помощь слаба, колонны разрываются, связь между ними нарушается; но у насъ все сходило какъ то благополучно, благодаря лишь тому, что мы имѣли дѣло съ турками.

Намъ отвели бивакъ надалеко отъ города, возлѣ малаго Искера; теперь мы находились уже у подножія большихъ Балканъ, которые величественно подымались передъ нашими глазами. Несмотря на высоту мѣстности (2000 фут.), солнце порядкомъ пригрѣвало южные склоны, на которыхъ еще зеленѣла травка. Днемъ я сѣздитъ въ самый городъ, потомъ весь день прислушивался по тому направленію, по которому были посланы драгуны. Подъ вечеръ, въ горахъ началась сильная перестрѣлка. Выстрѣлы въ горахъ имѣютъ совсѣмъ другой характеръ чѣмъ на равнинѣ; они сильнѣе и рѣзче, а эхо въ горахъ сбиваетъ съ толку и мѣшаетъ вѣрно опредѣлять то мѣсто, гдѣ происходитъ дѣло. Къ вечеру стрѣльба прекратилась, и мы, спокойные, раздѣтые растянулись въ палаткахъ въ полной увѣренности, что ночью насъ не потревожатъ. На этотъ разъ мы ошиблись. Не успѣлъ я заснуть, какъ мой денщикъ разбудилъ меня и сообщилъ, что полкъ поднять по тревогѣ. Я живо одѣлся и побѣжалъ къ своему баталіону. Тамъ я узналъ слѣдующее: генералъ Гурко получилъ отъ генерала Краснова извѣстіе, что турки засѣли въ заблаговременно приготовленномъ въ горахъ редутѣ, и что во время ихъ отступленія, они бросили по дорогѣ три орудія и очень большой обозъ, который надо убрать пѣхотой. Офицеръ Екатеринославскаго драгунскаго полка, привезшій это извѣстіе въ штабъ генерала Гурко, былъ немедленно же отправленъ въ первый попавшійся пѣхотный полкъ съ тѣмъ, чтобъ поднять его по тревогѣ и направить въ горы на помощь драгунамъ. Онъ случайно наткнулся на палатку нашего командира полка и ему первому передалъ приказаніе. Князь Оболенскій вышелъ изъ палатки и поднялъ весь полкъ по тревогѣ. Полкъ собрался въ полъ-часа и двинулся въ темнотѣ впередъ; это было въ ночь съ 13-го на 14-ое ноября.

Дорога сейчасъ же по выходѣ изъ города пошла въ гору, была такъ узка, что полкъ растянулся болѣе чѣмъ на верету. Всюду по дорогѣ валялись мѣшки съ галетами, жестянки съ патронами, ящики съ гранатами, поломанныя каруцы съ отоцавшими волами и проч. Видно было, что всю излишнюю тяжесть и все то, что поломалось, турки выбрасывали на дорогу. 3-му баталіону подъ начальствомъ полковника Авинова, было приказано во-первыхъ, заняться закапываніемъ въ землю ящиковъ съ патронами, для того чтобъ уничтожить опасный взрывчатый матеріалъ; а во-вторыхъ, надо было убрать съ дороги брошенные три орудія и доставить ихъ въ Этрополь. Остальные же два баталіона

1-ый и 2-ой (4-ый былъ въ эту ночь на сторожевой службѣ), продолжали двигаться дальше.

Люди набили себѣ цѣлые мѣшки галетами, но все-таки ихъ валялось еще очень много на дорогѣ. Шедшій съ утра въ Этрополѣ дождь, сталъ понемногу обращаться въ горахъ въ снѣгъ, повалившій вдругъ хлопьями. Большой, вѣковой, буковый лѣсъ, по которому шла дорога, весь побѣлѣлъ; въ лѣсу было совсѣмъ тихо, ни малѣйшаго вѣтра. Мы молча подымались въ гору въ полномъ невѣдѣніи того, что насъ ждетъ впереди.

Мы дошли до драгунскаго бивака, устроеннаго на лужайкѣ среди лѣса; тамъ мы узнали, что генераль Красновъ отправился далѣе по дорогѣ въ горы, чтобъ лично сдѣлать осмотръ турецкой укрѣпленной позиціи, въ которой засѣлъ непріятель. На этомъ бивакѣ была сдѣлана небольшая остановка, чтобъ дать подтянуться полку. Мы продолжали подыматься до самаго того мѣста, гдѣ генераль Красновъ наблюдать за турками; людямъ было приказано соблюдать строгую тишину. Мы дошли до края лѣса, впереди насъ былъ оврагъ, а за нимъ шелъ довольно крутой подъемъ къ высокой голой горѣ, на которой и былъ турецкій редутъ. Я взялъ свою подозрную трубу и весьма ясно увидѣлъ, что по угламъ редута торчали два орудія; турецкій часовой съ поднятымъ на голову капюшономъ расхаживалъ по насыпи укрѣпленія и ежился отъ непогоды. Укрѣпленіе было отъ насъ верстахъ въ полтора; оно было такъ высоко, что глядя на него намъ приходилось значительно подымать голову. Тамъ было все спокойно и турки не могли видѣть насъ въ лѣсу.

Хотя между нами и турками и былъ большой оврагъ, но все таки для спокойствія, 6-ая и 7-ая роты были посланы впередъ для наблюденія за флангами.

Мы слышали, что генераль Гурко поручилъ генералу Краснову преслѣдовать турокъ, а буде возможно, то и занять переваль. Генераль Красновъ не рѣшался на дальнѣйшее наступленіе, говоря, что безъ артиллеріи тутъ ничего не подѣлаешь, и только рискуешь положить подъ стѣнами редута весь отрядъ. Командиръ 7-ой роты, Александръ Никифоровичъ Алферовъ, задыхаясь, прибѣжалъ изъ цѣпи и доложилъ князю Оболенскому, что турки выслали изъ редута нѣсколько сомкнутыхъ частей, которыя спустились внизъ по направленію къ нашему правому флангу. Тогда князь Оболенскій подошелъ къ генералу Краснову, какъ старшему въ нашемъ отрядѣ, и спросилъ его, что онъ прикажетъ дѣлать Преображенскому полку. Я самъ слышалъ, какъ генераль Красновъ велѣлъ подать себѣ лошадь, еще разъ повторилъ, что безъ артиллеріи тутъ нечего дѣлать и велѣлъ полку отойти обратно внизъ. Драгуны остались наверху, а мы начали спускаться внизъ тихо со всѣми предосторожностями, хотя никакого обхода со стороны турокъ нельзя было и ожи-

дать: мѣстность была слишкомъ пересѣчена глубокими, непроходимыми оврагами, поросшими буковымъ лѣсомъ.

Снѣгъ не переставалъ падать; весь полкъ, за исключеніемъ 2-го баталіона, вернулся обратно въ Этрополь, а 2-ой баталіонъ, назначенный въ дежурную часть, остановился у подножія горъ, недалеко отъ города. Сразу я никакъ не могъ сообразить, какимъ образомъ мы устроимся на ночь въ снѣгу, котораго выпало вершка на четыре; люди тоже не знали, какъ взяться за дѣло. Но нужда всему научить. Отыскавъ болѣе удобное мѣсто для бивака, полковникъ Евреиновъ разрѣшилъ намъ раскинуть палатки. Прежде чѣмъ ставить палатку, приходилось сгребать снѣгъ и вокругъ нея выкопать маленькія канавки для стока воды отъ таявшаго снѣга. Прямо на мокрую землю я положилъ маленькій непромокаемый брезентъ, которымъ покрывался व्यюкъ, на него посыпалъ дроблой соломы, взятой съ крыши какой то разрушенной избы, а уже потомъ разложилъ походную гуттаперчевую постель, которая оказалась неоцѣнимой въ походѣ. Это былъ длинный гуттаперчевый мѣшокъ на толстой подкладкѣ изъ верблюжьего сукна. Онъ былъ разрѣзанъ вдоль, чтобъ можно было въ него лечь и имъ же закрыться; полы завязывались тесемками, а подъ голову подкладывалась гуттаперчевая же подушка, надуваемая воздухомъ. Холодъ не проникалъ въ мѣшокъ, а тепло не выходило изъ него; мы это называли — спать въ своемъ собственномъ соку. Мою палатку обложили вокругъ снѣгомъ, для того чтобъ въ нее не поддувало. Напившись чаю, мнѣ сдѣлалось въ ней даже жарко. На ночь я имѣлъ обыкновеніе снимать пальто и мундиръ и оставался въ длинномъ шелковомъ наполеоновскомъ жилетѣ (но только съ рукавами), подбитомъ бѣличьимъ мѣхомъ; сапоги снималъ, а на ноги надѣвалъ длинные самой толстой шерсти чулки, голову покрывалъ феской. Денщикъ укладывалъ меня въ мѣшокъ, точно въ гробъ, завязывалъ тесемки мѣшка, покрывалъ буркой и, выходя изъ палатки, заваливалъ входъ въ нее снѣгомъ. Въ снятые съ меня мокрые сапоги, сейчасъ же вкладывались маленькіе походные колодки; такимъ образомъ сапоги не съѣживались отъ мокроты и не доставляли мнѣ тѣхъ мученій, которыя испытывали другіе, не подумавшіе въ Петербургѣ о своихъ ногахъ и не догадавшіеся сдѣлать себѣ во время похода колодки хотя изъ балканскаго бука; жаль было смотрѣть на этихъ мучениковъ, когда они по утрамъ, натягивая ссохшіеся за ночь у костра сапоги, подсакивали на другой ногѣ. Изъ боязни тревоги, многіе вовсе не снимали на ночь сапогъ, и по утрамъ, отъ тяжести въ ногахъ, были обыкновенно не въ духѣ.

Я прекрасно проспалъ всю ночь; къ утру, палатка была занесена снѣгомъ и замерзла какъ колъ, но въ ней было такъ тепло, что я не могъ опредѣлить виѣшнюю температуру. Когда же денщикъ подаль мнѣ чай, тогда я замѣтилъ, что его борода и усы были въ ледяныхъ под-

вѣскахъ, а на меня вдругъ пахнуло нашей сѣверной зимой. Лишь только показалось солнце, все начало таять, въ горахъ сдѣлалось такъ скользко, что мнѣ пришлось вооружиться длиннымъ двухъ-аршиннымъ посохомъ, къ которому съ тѣхъ поръ я такъ привыкъ, что не выпускалъ его изъ рукъ до самаго Мраморнаго моря. Подчасъ въ исключительныхъ случаяхъ, а главное, въ отвѣтственныхъ, какъ напр. во время втаскиванія орудій въ горы, мой посохъ обращался въ активную эмблему власти, когда ни у ротнаго командира, ни у охрипшаго отъ крика фельдфебеля уже не хватало ни словъ, ни терпѣнія, ни голоса.

Въ это утро (15-го ноября), прошла мимо насъ какая-то кавалерійская часть туда, гдѣ мы были наканунѣ, а за ней проѣхалъ и генераль Гурко. Онъ ѣхалъ лично осмотрѣть турецкій редутъ (Шандорникъ), за которымъ сейчасъ же шло шоссе изъ Орханіе на Софію. Редутъ этотъ прикрывалъ дорогу, по которой туркамъ пришлось бы отступать изъ Орханіе. По своему значенію, редутъ былъ самымъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ всей турецкой позиціи; съ его потерей, турки обязательно должны были очистить всю ихъ позицію и уйти уже на южный склонъ Балканъ.

Генераль Красновъ былъ правъ, когда онъ говорилъ, что взять Шандорникъ штурмомъ невозможно; 16-го ноября генераль Гурко послалъ Псковскій и Великолукскій полки съ ихъ бригаднымъ командиромъ генераломъ Дандевилемъ къ этому редуту. Люди добрались до Шандорника, ворвались въ него, но дѣло все-таки не удалось: одна часть была истреблена въ рукопашной схваткѣ, а другая отступила. Я вспоминаю, какъ 16-го ноября эти полки шли, мимо нашего бивака, весело въ горы и не подозрѣвали того, что ихъ тамъ ожидаетъ; 19-го декабря, послѣ общаго отступленія турокъ на южный склонъ Балканъ, семеновцы побывали въ Шандорникѣ и рассказывали, что въ канавахъ около редута еще валялись трупы храбрыхъ солдатъ Псковскаго полка, добравшихся 16-го ноября до него. Несмотря на этотъ неудачный штурмъ, генераль Дандевиль все-таки занялъ подъ Шандорникомъ хорошую позицію.

XI.

Выступление изъ Этрополя въ горы.—Позиція подъ Шандорникомъ.

Шандорникъ оказался недосыгаемымъ пунктомъ для открытой силы. Тогда генераль Гурко рѣшилъ попробовать другое средство, а именно: втащить на горы побольше орудій и начать его громить гранатами. Артил-

леристы заявили, что лошади не будутъ въ состояніи однѣ, безъ помощи людей, дотащить орудія до тѣхъ высотъ, на которыхъ имѣлось въ виду заложить батареи. На 19-ое ноября было назначено выступленіе артиллеріи изъ Этрополя къ перевалу, уже занятому отрядомъ генерала Дандевіля; каждой ротѣ нашего полка было поручено по одному орудію и по одному зарядному ящику. Сначала лошади везли легко, но вскорѣ пришлось имъ помогать. Людей дѣлили на двѣ смѣны, одна помогала скользившимъ лошадямъ, а другая несла ружья работавшихъ; люди сейчасть же смекнули, что возни съ заряднымъ ящикомъ было больше, чѣмъ съ орудіемъ, а потому всѣ охотно бросались къ орудію. Въ первый день подъема, дорога не была особенно крута, но все-таки лошадямъ и людямъ было не легко; солдаты обливались потомъ, приходилось шлепать по грязи и по снѣгу, а на застывшихъ сѣверныхъ склонахъ ноги лошадей и людей скользили. Лошади везли неровно, малѣйшая задержка останавливала всѣхъ, кто слѣдовалъ сзади. Я остановилъ уже поздно вечеромъ свою роту, вмѣстѣ съ орудіемъ и ящикомъ, тамъ, гдѣ насъ застала ночь; шедшая впереди меня рота значительно меня опередила, а шедшая за мной осталась внизу гдѣ то очень далеко. Сбиться съ дороги было невозможно, но все-таки я чувствовалъ себя изолированнымъ и въ густомъ буковомъ лѣсу мнѣ казалось дико, непривѣтливо. Къ тому же ночью разыгралась страшная буря; сильный вѣтеръ нагибалъ высокія деревья, а нѣкоторыя изъ нихъ недалеко отъ насъ были вырваны съ корнями. Наши костры поминутно тухли; но самое большое горе состояло въ томъ, что вокругъ не было воды, такъ что пришлось всю ночь просидѣть безъ горячей пищи и безъ чаю. Люди грѣлись у костровъ, а одинъ солдатикъ, никогда не унывавшій, и умѣвшій всегда разсмѣшить людей, рѣшилъ, что по этимъ горамъ подобаеетъ ходить только туркѣ, да черту, а не намъ, православнымъ христіанамъ. Въ эту ночь я вполне оцѣнилъ бурку; вѣтеръ былъ пронизывающій, я надѣлъ башлыкъ, закутался въ бурку и прислонился, къ большому дереву спиной къ вѣтру; въ такомъ положеніи я просидѣлъ и продремалъ всю ночь у костра, согрѣвая по временамъ свои отсырѣвшія ноги.

Едва стало свѣтать, какъ люди уже разобрались и снова потянули въ гору орудіе и ящикъ, но на этотъ разъ уже безъ лошадей; къ орудію привязали выданныя намъ веревки, лямки, но ихъ оказалось недостаточно. Скрѣпя сердце, солдаты подвязали къ лафету свои тоненькія бичевки отъ палатокъ, хотя и знали напередъ, что эти веревки всѣ перервутся, но ничего другого нельзя было придумать. Безъ лошадей, дѣло пошло лучше и ровнѣе; смѣна ни на шагъ не отходила отъ орудія, которое, безъ поддержки, могло бы скатиться въ кручу. Во время отдыха, солдаты подкладывали подъ колеса большія чурки и въ то же время привязывали лафетъ къ дереву. Они затачивали «дубинушку»

дружно налегали на лямки, проходили шаговъ десять и снова останавливались, чтобъ перевести духъ и откашляться; въ этотъ періодъ все люди поголовно кашляли. Дорога была не только узка, но очень извилиста и ея поворы причиняли намъ наиболѣе хлопотъ и задержекъ. Ротные командиры не отходили отъ орудій и все время подбадривали людей; но между солдатами были и такіе хитрецы, которые, не желая работать, ухитрялись скрываться по сосѣдству въ лѣсу. Въ такіа серьезные, отвѣтственные минуты, взысканія мирнаго времени непримѣнимы; приходилось прибѣгать къ отеческимъ напоминаніямъ, которымъ, вообще говоря, большинство людей въ ротъ симпатизировало. Упоминаю объ этихъ хитрецахъ, какъ объ исключеніяхъ; въ общемъ же, люди не роптали, понимали серьезное значеніе работы, вели себя молодцами и были всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Мудрость русскаго человѣка и состоитъ въ томъ, что его ничѣмъ не удивишь и ничто не нарушить его покоя; онъ умѣетъ терпѣливо переносить все, что ниспошлетъ ему судьба, и никогда не будетъ жаловаться на нее.

Намъ на встрѣчу текли по дорогѣ ручьи отъ таящаго снѣга, вода просачивалась сквозь сапоги, а ноги отъ того холодѣли. Все наши полковые кавалеристы спѣшились и предпочли подыматься пѣшкомъ.

Съ самого утра, мысль о томъ, что мнѣ не удалось выпить чаю, не выходила у меня изъ головы. Кто не былъ въ походѣ, тотъ не можетъ себѣ представить, до чего человѣкъ иногда можетъ быть одержимъ мыслью о чаепитіи; это бываетъ похоже на бредъ больного, который мечтаетъ о квасѣ или о чемъ нибудь кисломъ. Вдругъ я вижу, что впереди меня на дорогѣ сидитъ на камнѣ мой денщикъ и ждетъ меня со стаканомъ чаю въ рукахъ; онъ опередилъ насъ верхомъ, добылъ гдѣ то воды, развелъ огонекъ и заварилъ чай, который хотя и отзывался дымомъ, но казался мнѣ въ то время необыкновенно вкуснымъ. Эпизодъ о чайномъ бредѣ весьма незначительный, но въ то же время незабвенный въ моихъ воспоминаніяхъ.

Въ 4 часа пополудни (20-го ноября), я доставилъ и орудіе и ящикъ на батарею и вздохнулъ полною грудью. По моему разсчету мы двигались въ этотъ день по полъ-верстѣ въ часъ; уже по этому можно заключить о томъ трудѣ, который былъ затраченъ людьми во время втаскиванія орудій.

На томъ мѣстѣ, гдѣ я сдалъ орудіе, была устроена земляная насыпь, на землѣ лежали гранаты и шрапнели, доставленные наверхъ солдатами въ ихъ башлыкахъ; между деревьями были прорублены просвѣты, чрезъ которые можно было удобно стрѣлять по Шандорнику. Командиръ батареи полковникъ Герингъ въ волненіи расхаживалъ по батарее, видимо радуясь всякому вновь прибывшему орудію; онъ надѣялся въ этотъ же вечеръ начать бомбардировку редута, въ которомъ турки, судя по царившему тамъ спокойствію, и не подозревали, какое

имъ готовится угощеніе. Я помню, что кто то разматривалъ на батарѣ карту и сказалъ, что мы находимся на высотѣ 4000 футовъ; значитъ мы втащили орудія на 2000 футовъ выше Этрополя. Сдавъ орудіе и ящикъ, мои люди, чуть не кубаремъ скатились съ этой горы немного внизъ, гдѣ счастливы, раньше насъ окончившіе заданную задачу, уже варили себѣ кашу, послѣ двухъ-дневной сухой пищи. Полкъ расположился за батареей на скатѣ, противоположномъ къ непріятелю. Такимъ образомъ было поднято 24 орудія.

Вскорѣ раздался первый выстрѣлъ по Шандорнику изъ 9-ти фунтовки; турки сейчасть же отвѣтили изъ своихъ 4-хъ фунтовокъ; ихъ гранаты лопались гдѣ то впереди въ лѣсу, или же перелетали черезъ наши головы и разрывались въ оврагѣ, гораздо ниже нашего бивака. Огонь непріятеля не могъ быть мѣткимъ, ибо съ Шандорника не было видно ни батарей, ни нашего бивака. Вся мѣстность, гдѣ мы находились, должна была казаться сверху сплошнымъ лѣсомъ, въ которомъ показывались дымки послѣ выстрѣловъ, да и тѣ сейчасть же уносились вѣтромъ и не представляли надежной цѣли для непріятеля. Бомбардированіе Шандорника происходило съ большими перерывами, потому что на него часто находили облака, но лишь только онъ показывался, сейчасть же снова начиналась стрѣльба; она не прекращалась и ночью. Для того, чтобъ непріятель не спалъ, каждую четверть часа, посылалась туда граната.

Сначала эти выстрѣлы, подѣ самымъ нашимъ ухомъ, заставляли насъ просыпаться, мы чувствовали даже нѣкоторое содроганіе земли; но усталость, послѣ утомительныхъ двухъ дней, взяла свое, я крѣпко заснулъ и уже болѣе не слышалъ ни выстрѣловъ, ни разрывовъ. Такимъ образомъ провели мы весь слѣдующій день 21-го ноября; надъ нами летали гранаты, а мы совершенно покойно сидѣли въ палаткахъ и попивали чаекъ.

Въ этотъ день намъ было поручено разработать по гребню соединительную дорогу между нашей позиціей и позиціей генерала Дандевилля, который стоялъ правѣе насъ. На всякій случай мы рыли ровики и ложементы. На этомъ бивакѣ было скверно, мы чувствовали недостатокъ въ сухомъ деревѣ, было очень сыро, а нашимъ животнымъ было голодно: за фуражемъ посылали въ какую то деревню, лежащую внизу, а привозили его немного и то съ большимъ трудомъ по грязнымъ крутымъ дорогамъ; лошади порядкомъ похудѣли.

21-го ноября пріѣхалъ къ намъ на позицію полковникъ Семеновскаго полка Чекмаревъ и привезъ намъ Георгіевскіе кресты, пожалованные государемъ нижнимъ чинамъ за дѣло подѣ Этрополемъ. Государь называлъ Правецкое и Этропольское дѣло гвардейскою побѣдою. Для распредѣленія этихъ крестовъ (по два на роту), людямъ было пре-

доставлено самимъ выбрать достойнѣйшихъ; кресты достались моему фельдфебелю и старшему барабанщику, числящемуся въ моей ротѣ. Первый выборъ былъ симпатиченъ, но второй никуда не годился; люди выбирали не достойныхъ, а старшихъ, власть имѣющихъ. Мы просили разрѣшить намъ на будущее время раздавать кресты тѣмъ, кого мы сами, ротные командиры, найдемъ достойными.

Въ этотъ же день 21-го ноября вечеромъ до насъ дошли слухи, что турки атаковали Московскій полкъ, который стоялъ въ авангардѣ Шуваловской позиціи подъ Арабъ-Конакомъ. Графъ Шуваловъ, опасаясь чтобъ турки не вздумали на другой день снова атаковать его позицію, просилъ нашего начальника отряда генерала Рауха прислать ему на подкрѣпленіе одинъ полкъ. 22-го ноября утромъ, Преображенскій полкъ былъ снятъ съ земляныхъ работъ, и насъ повели вдоль гребня, по которому былъ расположенъ отрядъ генерала Дандевилля. Мы шли быстро и скрытно отъ непріятеля, только въ одномъ мѣстѣ онъ открылъ по насъ огонь; мы подошли къ одной небольшой полянѣ, черезъ которую обязательно должны были пройти, чтобъ снова войти въ горы. Турки, увидя насъ на этой полянѣ, открыли сильный орудійный огонь; мы перебѣгли черезъ эту поляну въ разбродъ для того, чтобъ не привлекать особеннаго вниманія непріятеля; потерь у насъ не было. Далѣе мы продолжали нашъ путь по очень узкому ущелью, которое вывело насъ прямо на Орханійское шоссе, гдѣ стоялъ отрядъ графа Шувалова. 2-ой и 4-ый баталіоны остались на позиціи впереди Арабъ-Конака, а 1-й и 3-й баталіоны были отведены къ городу Орханіе для какихъ-то работъ.

ХІІ.

Выходъ на Орханійское шоссе.—Отдыхъ въ городѣ Орханіе.—Пять дней въ горахъ подъ Арабъ-Конакомъ.

Все Орханійское шоссе было заставлено нашими орудіями, которыя оставались безъ дѣла. Позиція графа Шувалова была не очень велика: сколько требовалось орудій столько и было поднято въ горы, остальные же остались на дорогѣ. Шоссе шло по очень узкой долинѣ, окруженной высокими горами; въ этой долинѣ нашъ полкъ расположился бивакомъ.

Вѣрилось какъ-то съ трудомъ, чтобы Орханіе, которое было такъ сильно укрѣплено и на которое турки такъ надѣялись, было ими покинуто безъ выстрѣла. По разсказамъ братушекъ, теперь оставалось у турокъ на сѣверномъ склонѣ Балканъ только одна укрѣпленная позиція Арабъ-Конакъ, а далѣе шель уже спускъ къ широкой долинѣ, ведущей прямо къ городу Софіи. Городъ Орханіе былъ покинутъ вѣроятно поспѣшно, потому что въ немъ нашли громадныя склады для всей балканской турецкой арміи. Охраной и распредѣленіемъ всего завѣдывалъ

генераль Эллисъ; возлѣ его палатки, недалеко отъ нашего бивака, были навалены мѣшки съ рисомъ, громадныя бочки съ буйволовымъ масломъ, мѣшки съ турецкими галетами. Галеты были испечены изъ грубой пшеничной муки и плохо высушены, такъ что на нихъ легко садилась плесень; а если ихъ обмакнуть въ воду и погрѣть у костра, то они дѣлались совершенно мягкими. Рисъ былъ безукоризненно хорошъ и замѣнялъ людямъ гречневую кашу; но буйволовье масло не отличалось приятнымъ вкусомъ, оно было плохо промыто и грязно. Наши денщики промывали его для насъ въ нѣсколькихъ водахъ, солили и сдавливали въ твердый кусокъ; въ такомъ видѣ оно держалось долго. Для всѣхъ насталъ довольно сытный періодъ; между офицерами нашлись скрытые таланты дѣлать вкусный рисовый пловъ съ бараниной. Несмотря на обиліе найденнаго провіанта, продовольствіе въ ротахъ учитывалось въ то время довольно строго; въ приказахъ все время подтверждалось, чтобъ люди не переѣдали хлѣба. Люди не голодали, но ѣсть имъ хотѣлось всегда; общихъ котловъ не было, всякій самъ себя варилъ пищу.

Однажды утромъ въ горахъ послышалась сильная перестрѣлка; наши люди, варившіе себя въ это время пищу, мгновенно ее побросали и безъ всякаго на то приказанія, живо собрались къ выступленію. Они сдѣлали это инстинктивно; усидѣть спокойно на бивакѣ, когда возлѣ въ горахъ разыгрывается дѣло, очень трудно. Командиръ полка разсердился, что людей напрасно тревожатъ безъ приказанія; но виновныхъ не нашлось, никто не приказывалъ, а все сдѣлалось само собою. Люди начали нехотя снимать съ себя амуницію, всякій изъ нихъ держалъ про себя думу, что не миновать сегодня дѣла; но перестрѣлка скоро прекратилась, и костры снова затрещали.

Въ другой разъ перестрѣлка въ горахъ была такая сильная, что даже вызвала въ полку настоящую тревогу. 2-й баталіонъ былъ двинутъ впередъ въ горы; но опять тревога была напрасная. Нѣсколько турокъ вышли изъ редута за дровами; наши солдаты начали по нимъ стрѣлять, турки отвѣтили и завязалась перестрѣлка. Съ нашей стороны оказалось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, которыхъ пронесли на перевязочный пунктъ мимо нашего бивака. Я остановилъ носилки, на которыхъ лежалъ покрытый шинелью раненый солдатъ, и началъ его разспрашивать. Солдатъ рассказалъ намъ цѣлую исторію про одного раненаго Московскаго полка. Во время атаки турокъ на Московскій полкъ (21-го ноября), этотъ солдатикъ былъ раненъ въ ногу и остался подъ горой. Замѣтивъ, что возлѣ него бѣгаютъ турки, солдатъ, чтобъ спастись отъ турецкаго штыка, притворился мертвымъ. Было уже порядочно темно, когда къ нему подошли двое турокъ и начали стаскивать съ него сапоги; онъ крѣпился всѣми силами, чтобъ не крикнуть отъ боли, когда они взяли за его больную ногу. Забравъ сапоги, турки убѣжали. Когда же совсѣмъ стемнѣло, тогда раненый солдатъ къ

величайшему удивленію товарищей, приползъ наверхъ къ своему полку.

Наши солдаты съ большимъ любопытствомъ слушали его рассказъ, который онъ закончилъ практичнымъ совѣтомъ на тотъ случай, когда кому нибудь придется находиться въ такомъ же положеніи.

— Первымъ дѣломъ, сказалъ онъ, снимай сапоги и скорѣй бросай ихъ въ кусты; турки сильно обносились, и очень падки на наши сапоги.

Наша жизнь на Орханійскомъ шоссе не отличалась особеннымъ разнообразіемъ: раза два пришлось втаскивать въ горы орудія на вновь воздвигнутыя батареи. Утромъ 27-го ноября, намъ привезли пріятное извѣстіе, что генералъ Гурко приказалъ Преображенскому полку отойти назадъ въ городъ Орханіе и расположиться въ немъ на квартирахъ. Намъ уже давно хотѣлось отдохнуть въ теплой комнатѣ, умыться теплой водой и вообще привести себя въ порядокъ. Люди собрались живо, точно по тревогѣ; сначала мы шли по узкому ущелью, но на его выходѣ, передъ нами вдругъ, совсѣмъ неожиданно, открылась большая Орханійская котловина. Вдали виднѣлся городъ съ выдающимся минаретами, а по сторонамъ его покинутые турецкіе редуты. Мнѣ припомнились рассказы братушекъ, что съ самаго начала войны турки уже стали укрѣплять Орханіе, но укрѣпленія эти не принесли имъ побѣды.

Городъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ былъ расположенъ среди большого котла; а высокія сплошныя горы, отстоящія отъ самаго города верстъ на десять по всѣмъ направленіямъ, изображали стѣнки этого котла. Людей размѣстили въ разоренныхъ домахъ и сараяхъ, а офицеры разыскали себѣ дома, гдѣ можно было топить. Объ окнахъ и дверяхъ мы не думали, вездѣ все было поломано, разнесено; разбитыя стекла я велѣлъ заклеить бумагой, а двери устроилъ изъ повѣшеннаго брезента. Говорили, что городъ пострадалъ болѣе всего во время междоусобицы, т. е. когда турки его покинули, а русскіе еще не вошли; въ это время братушки, пользуясь анархіей и безначаліемъ, грабили все, что только могли.

Моя комната предварительно была вымыта; я поставилъ въ нее походную кровать, столикъ, стулъ; солдатикъ-плотникъ сдѣлалъ мнѣ для пріема гостей двѣ табуретки, у меня подъ ногами лежалъ кусокъ войлока; платье было развѣшено въ комнатѣ на веревкѣ, сапоги стояли у стѣнки; всѣ принадлежности для умыванія были разложены на лежанкѣ, а на сдѣланной вновь полкѣ стояла походная посуда, лежала провизія и проч. На столѣ появилась почтовая бумага, чернильница, двѣ свѣчки, воткнутыя въ бутылки; на стѣнѣ висѣло мое оружіе, а въ углу стоялъ мой неразлучный посохъ; однимъ словомъ, комната приняла жилой видъ, такъ что даже не хотѣлось изъ нея выходить.

Умывшись съ головы до ногъ въ первый разъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ и переѣхавъ бѣлье, я почувствовалъ такое блажен-

ство, которое можно ощущать только въ походѣ. Въ этотъ день я впервые спалъ раздѣтый въ теплѣ, какъ бы дома. Мои обѣ лошади и оба ослика не были забыты; ихъ помѣстили подѣ навѣсомъ на сухой соломенной подстилкѣ, которую они тоже впервые увидѣли подѣ собой. Я охотно зазывалъ къ себѣ товарищей, кого на чай, а кого и на битки съ картофелемъ, который я добылъ у маркитана по 5 коп. за штуку. Замѣчательно, что у болгаръ культура картофеля не привита; они довольствуются своей кукурузой и не думаютъ о немъ.

Домъ, въ которомъ я помѣстился, принадлежалъ турецкому семейству. Въ углу моей комнаты было маленькое отдѣленіе, въ которомъ производилось омовеніе, безѣ котораго мусульманинѣ, согласно корану, не предпринимаетъ никакого дѣла. Потолокъ былѣ выложенѣ чудными досечками изѣ балканскаго бука, отличающагося красивымъ, игривымъ узоромъ въ подѣлкахъ въ видѣ маленькихъ глазокъ, которые смотря по тому съ какой стороны на нихъ смотришь, различно отливаютъ свѣтъ и тѣмъ производятъ необыкновенные свѣтовые аффекты. Такой потолокъ могъ бы служить прекраснымъ украшеніемъ въ любомъ изящномъ кабинетѣ. Судя по всему, турки должны быть хорошіе столяры; я не могъ воздержаться, чтобѣ не забрать съ собой нѣсколько такихъ досечекъ, изѣ которыхъ я надѣлалъ себѣ въ Петербургѣ много вещей для кабинета.

Сверхъ того я привезъ съ собой турецкія ружья рѣшительно всѣхъ образцовъ, которыя я подбиралъ и покупалъ послѣ сраженій: болгарскую пицаль, нѣсколько пистолетовъ, найденныхъ мною въ Ташкисенскомъ редутѣ, ятаганы, маленькій турецкій барабанъ, азіатскую трапезондскую скрипку, купленную у одного слѣплого музыканта, деревянные болгарскія флаги, о которыхъ въ богатой лѣсомъ Россіи не имѣютъ понятія, гранаты, женскіе болгарскіе браслеты, болгарское и турецкое шитье.

Турецкіе дома отличались отѣ болгарскихъ солидностью постройки и большими внутренними удобствами; было видно, что турки жили богаче болгаръ. Въ углу моей комнаты, валялись всякія аптечныя мелочи, какъ то: ступочки, вѣсы и проч. Надо полагать, что въ этомъ домѣ жилъ турокъ, приготовлявшій разныя мази для краски волосъ и ногтей турецкихъ женщинъ.

Не успѣлъ я устроиться, какъ уже вошелъ ко мнѣ болгарскій священникъ съ дьячкомъ; вовсе не глядя на меня, онѣ устремилъ свои взоры, по привычкѣ, въ уголъ, и заплѣлъ ужаснымъ голосомъ молитву, подходящую къ случаю новоселья. Знакомый мнѣ пріемъ пастыря заставилъ меня опустить руку въ карманъ и вынуть нѣсколько четвертаковъ, а денщику я приказалъ подать священнику рюмку коньяку. Священникъ показалъ мнѣ образъ Александра Невскаго, который онѣ держалъ въ рукахъ; я приложился и далъ знакъ денщику сдѣлать то же, но онѣ отказался и какъ будто чего то опасался. Онѣ недовѣрчиво поглядывалъ на попа, и рѣшилъ про себя, какъ я уже узналъ послѣ, что

этотъ священникъ должно быть бѣглый, а образъ, пожалуй и не освященный. Мой фельдфебель Мазуровъ, случайно находившійся въ это время у меня, какъ старообрядецъ, не признающій образовъ безъ лика Спасителя, тоже не приложился къ образу. Полагаю, что пощъ долженъ былъ вынести отъ меня весьма своеобразное мнѣніе о русскихъ, увидя, что изъ трехъ, двое отказались поцѣловать ликъ Александра Невского, который онъ избралъ, безъ сомнѣнія, въ честь государя Александра Николаевича. Священникъ выпилъ коньякъ маленькими глотками, взялъ деньги и пригласилъ меня вечеромъ ко всенощной. Своимъ образованіемъ и внѣшнимъ видомъ онъ напомнилъ мнѣ нашихъ забытыхъ сельскихъ священниковъ.

Прийдя въ церковь еще до начала службы, я успѣлъ ее внимательно осмотрѣть. Царскія двери и алтарь были такіе же, какъ и въ нашихъ церквяхъ; въ остальномъ же замѣчалось нѣкоторое отетупленіе. Надъ входною дверью были хоры, огороженные очень частой рѣшеткой; тамъ было мѣсто для женщинъ, совсѣмъ отдѣльныя отъ мужчинъ, что указывало на пришлое съ востока, гдѣ женщину прячутъ; кромѣ того весьма ясно было отдѣлено мѣсто для оглашенныхъ. Въ церкви я нашелъ нѣсколько очень оригинальныхъ фресокъ, нарисованныхъ на ея внутреннихъ стѣнахъ; на одной былъ изображенъ Богъ въ видѣ старца, грозящій указательнымъ пальцемъ Адаму и Евѣ; на другой стѣнѣ, Богъ создавалъ Адама изъ какой то синей массы; на третьей, Ева прядетъ нитки, а Адамъ сѣетъ свекловицу. Между прочимъ, священникъ сообщилъ мнѣ, что въ этой церкви тщательно хранится евангеліе, пожертвованное императрицей Екатериной II-й.

Въ стѣнахъ были подѣланы ниши съ маленькими скамейками, въ которыхъ могъ помѣститься только одинъ человекъ.

Въ этотъ вечеръ служба происходила смѣшанная; всенощная была отслужена нашими священниками соборне съ болгарскими. Мнѣ кажется, что болгарская служба не можетъ произвести на массу такое обаятельное впечатлѣніе, какъ наша; въ ней мало торжественности.

Хотя людямъ и было строго запрещено дотрогиваться до домовъ и заборовъ, но все-таки городъ въ нѣсколько дней успѣлъ слегка порѣдѣть; усмотрѣть за солдатами не было никакой возможности. Пребываніе войскъ въ городахъ бываетъ всегда сопряжено съ извѣстной долей безобразій. Люди стали за послѣднее время похварывать, покашливать; случалось такъ, что во время усиленнаго подъема, вдругъ вся рота начинать ужъ не кашлять, а просто лаять по собачьему; дыхательные пути были у всѣхъ задыты, а у другихъ начали разыгрываться ревматизмы. Весь городъ былъ занятъ войсками и дома были обращены частію въ конюшни; изъ разоренныхъ лавокъ безъ дверей люди устроили себѣ помѣщенія, причемъ со стороны улицы лавка завѣшивалась палаточными полами,

а внутри разводился костеръ, около котораго люди мылись, сушились, чинились, грѣлись. Послѣ горь, подобныя помѣщенія ихъ вполне удовлетворяли; люди были сверху защищены отъ дождя и снѣга и были вполне счастливы.

Въ городѣ уцѣлѣло нѣсколько лавокъ, въ которыхъ продавали хлѣбъ, болгарскую водку (ракія), консервы, табакъ и проч. Для печенія хлѣба изъ найденной въ турецкихъ складахъ муки были сложены большія печи, такъ что ежедневно мы ѣли свѣжій хлѣбъ, о которомъ забыли и думать. Маркитанъ Львовъ немного оживилъ городъ; офицеры ходили въ его ресторанъ спускать залежавшіеся въ карманѣ полуимперіалы. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ русскій фотографъ и мы снимались группами; его поѣздка въ Турцію окупилась ему съ барышемъ, потому что послѣ похода онъ разсылалъ намъ всѣмъ фотографіи и получалъ за это деньги чрезъ полковыхъ казначеевъ.

Во время нашего отдыха въ Орханіе, однажды за ночь выпалъ глубокій снѣгъ; природа преобразилась совсѣмъ въ зимній пейзажъ, но все-таки погоду нельзя было назвать зимней; на солнцѣ снѣгъ таялъ и обращался въ грязь, а только по ночамъ легкіе морозы сковывали землю. Шляться по снѣгу и грязи намъ надоѣло; мы отсиживались по домамъ у огонька и поигрывали по самой маленькой въ ералашъ.

По вечерамъ я писалъ очень много писемъ; мы имѣли большое довѣріе къ полевой почтѣ, хотя случалось видѣть, и не разъ, какъ усталые почтальоны отдыхали на грудѣ писемъ, лежащихъ на полу.

Нѣсколько разъ я ѣздилъ верхомъ осматривать окрестности Орханіе; осмотрѣлъ одно укрѣпленіе, на скатѣ горы, въ которомъ оборона была устроена въ нѣсколько ярусовъ; чистота отдѣлки была поразительная. Затѣмъ я заѣхалъ въ деревню Врачешъ, лежащую въ трехъ верстахъ отъ Орханіе: въ ней были сосредоточены всѣ доставшіеся намъ склады. Мундирная одежда была отдана въ армейскіе полки, которые съ апрѣля уже успѣли сильно обноситься. Тутъ же я видѣлъ складъ безрукавокъ, стеганныхъ на ватѣ, которыя выдавались туркамъ въ зимніе мѣсяцы; они поддѣвали ихъ подъ мундиры. Всѣ склады были сильно тронуты нашей кавалеріей, которая раньше всѣхъ вошла во Врачешъ; правильный надзоръ за вещами былъ учрежденъ, къ несчастію, немного поздно. Въ эту кампанію, интендантскимъ чиновникамъ не было отведено должное мѣсто; сколько разъ случалось видѣть, какъ какой нибудь представитель интендантства ѣдетъ вмѣстѣ съ пѣхотною частью и приятно бесѣдуетъ съ офицерами, тогда какъ его настоящее мѣсто было впереди съ кавалеріей, для того чтобъ во-время останавливать разносы. Заботливость турецкаго интендантства о своемъ войскѣ была всюду видна; вопросъ о продовольствіи былъ у нихъ прекрасно разрѣшенъ, и благодаря только ихъ запасамъ мы могли такъ быстро двигаться.

Въ Орханіе я познакомился съ однимъ образованнымъ болгаринѣмъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что представители ихъ интеллигенціи—это купцы, учителя и студенты, учащіеся въ различныхъ европейскихъ университетахъ, изъ коихъ за послѣдніе годы многихъ казнили и сослали. Когда же онъ мнѣ объяснилъ, въ какихъ большихъ размѣрахъ взимаютъ съ болгаръ подати, то мнѣ просто не вѣрилось; турки драли съ нихъ пять шкуръ. Въ Орханіе мнѣ пришлось встрѣтить между болгарами совсѣмъ русскіе голубоглазые типы, сохранившіеся въ нихъ еще со временъ ихъ заводской жизни. Замѣчательно, что болгары, несмотря на почти пятистолѣтнее пребываніе среди нихъ турокъ, съ ними вовсе не помѣшались и вполне сохранили чистоту своей расы.

Въ одинъ изъ снѣжныхъ, пасмурныхъ дней, а именно 29-го ноября, пришло къ намъ извѣстіе о паденіи Плевны и о плѣненіи Осман-паша со всей его арміей. Это извѣстіе было передано въ Орханіе двумя телеграммами; первая гласила такъ: «Османъ атакуетъ гренадеръ, успѣхъ боя еще не извѣстенъ; Плевно и укрѣпленія покинуты»; а другая, «Османъ послѣ отчаяннаго натиска отброшенъ обратно и безусловно сдался». Крики «ура» раздались во всѣхъ концахъ города и всѣ ликовали.

Вскорѣ послѣ того моей ротѣ было предписано конвоировать батарею, назначенную на вновь возведенный редутъ противъ непріятельской позиціи Лютиково. Это былъ турецкій наблюдательный постъ, лежащій въ горахъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ Арабъ-Конака. Съ Лютикова турки могли слѣдить за всей Орханійской котловиной и за всѣми нашими движеніями. Сбить ихъ съ этой позиціи было невозможно: она была очень высоко въ горахъ и никакихъ прямыхъ дорогъ къ ней не было. Наши батареи пробовали стрѣлять по турецкой позиціи на разстояніи 3-хъ верстъ, но турки не отвѣчали. Противъ этого Лютиково, генералъ Гурко приказалъ соорудить редутъ, слѣдить внимательно за турками и быть все время на чеку.

Со всѣми предосторожностями, я двинулся съ моей ротой и съ батареей въ путь; дорогу указывалъ намъ солдатъ Егерскаго полка, хорошо знавшій мѣсто, гдѣ сооруженъ нашъ новый редутъ, потому что тамъ стоялъ его полкъ. Изъ Орханіе пришлось выступить довольно поздно, уже послѣ обѣда; темнота застала насъ въ дорогѣ. Въ Лютиково засвѣтились бивачные огоньки, но нашего редута все еще не было видно. Я уже началъ сомнѣваться, такъ ли мы идемъ, но солдатъ говорилъ, что редутъ долженъ быть не далеко. Ночное скитаніе при полной темнотѣ, по незнакомымъ горамъ, возбудило во мнѣ нѣкоторое безпокойство, отъ котораго я отдѣлался только тогда, когда увидѣлъ вдали огоньки Егерскаго полка. Точно гора свалилась съ плечъ, когда я сдалъ егерямъ батарею. Мы были для нихъ желанные гости, такъ какъ безъ артиллеріи редутъ казался сиротой и егерямъ было скучно. Орудія были не-

медленно втащены въ редутъ, а мы, немного отдохнувъ, отправились обратно въ Орханіе. Чтобы не сбиться съ дороги, я взялъ съ собой того же жожака. Когда мы добрались до Орханіе, то всё уже спали, кромѣ выдвинутой впередъ дежурной части, мимо которой намъ пришлось проходить; люди сидѣли у костровъ и, несмотря на ночное время, варили себѣ въ котелкахъ пищу: они навѣрно ужъ поужинали съ вечера, но въ то время у нихъ былъ нѣкоторый избытокъ въ провизіи, такъ что поѣсть лишній разъ составляло удовольствіе, отъ котораго они за послѣднее время совсѣмъ отвыкли.

Доведя роту до города, я отправился къ его высочеству принцу Алекс. Петр. Ольденбургскому, чтобы доложить ему о благополучномъ доставленіи батареи. Онъ ужиналъ въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ нашего полка. Требовательный по службѣ его высочество былъ у себя дома всегда очень привѣтливъ и ласковъ къ подчиненнымъ. Онъ отнялъ мою руку отъ козырька, попросилъ снять головной уборъ и посадилъ меня около себя, по-товарищески предлагая закусить. Переноса всё невзгоды войны одинаково съ нами, его высочество имѣлъ много разъ случаи, какъ и мы всё, быть не въ духѣ и отъ неудачъ, и отъ другихъ причинъ; но съ нимъ этого никогда не бывало; всегда въ хорошемъ расположеніи, онъ живительно дѣйствовалъ на окружающихъ.

Вспоминая о принцѣ, нельзя не упомянуть и о супругѣ его, ея императорскомъ высочествѣ принцессѣ Евгеніи Максимиліановнѣ Ольденбургской. Традиціи нашего полка, въ которомъ начали службу во фронтѣ братья и супругъ принцессы, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, были всегда близки сердцу ея высочества; она любила преображенцевъ какъ своихъ родныхъ. Находясь въ Петербургѣ во время войны во главѣ обширнаго дѣла оказанія помощи въ Турціи голоднымъ, холоднымъ и раненымъ, ея высочество не забыла и нашихъ родныхъ въ Петербургѣ — всё ихъ письма отсылались принцессой въ Турцію, для большей вѣрности, на имя супруга ея высочества въ одномъ общемъ большомъ конвертѣ. Нечего и говорить, что этимъ путемъ, во-первыхъ, было спасено не мало писемъ отъ неминуемыхъ, во время похода, потерь; а во-вторыхъ, нашимъ роднымъ былъ доставленъ душевный покой и увѣренность, что ихъ слово дойдетъ до насъ. Живо припоминаю ту радость, которую мы всё испытывали, когда этотъ большой конвертъ появлялся въ Турціи у его высочества.

Въ Орханіе, рядомъ съ дивизионнымъ лазаретомъ, былъ устроенъ баракъ Краснаго Креста; изъ разговоровъ съ солдатами, я могъ заключить, что они хорошо знали разницу между этими двумя учрежденіями; во второмъ больные и раненые были удобно и тепло помѣщены, сестры ухаживали за ними съ любовью, а самъ баракъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ; въ первомъ же, больные лежали на рагожахъ, недо-

статокъ чувствовался во всемъ, а подневольные фельдшера, исполняли свою обязанность небрежно.

Я припоминаю два періода во время войны, въ которые убыль людей въ моей ротѣ отъ болѣзней была поразительно велика; это было въ С. Стефано гдѣ у меня сразу полъ роты лежало въ тифѣ; а въ другой разъ, во время нашего Арабъ-Конакского томленія въ Балканахъ. Хворать въ С. Стефано было не опасно; это было уже послѣ заключенія мира, а время было лѣтнее, теплое; но подъ Арабъ-Конакомъ было совсѣмъ другое дѣло; гигіеническія условія для заболѣвшихъ отвратительныя, а передъ нами стоитъ непріятель, съ которымъ не сегодня—завтра придется потягаться. Положеніе наше было затруднительно, потому что изъ тѣхъ 30-ти тысячъ, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ очеркѣ полковникъ Епанчинъ, тысячъ десять оказалось больными. Въ это время можно было себя утѣшать тѣмъ, что и у турокъ, вѣроятно, происходило то же самое. На Софійскомъ шоссе вблизи Орханіе было еще сносно, но въ тѣхъ отрядахъ, которые были размѣщены отдѣльно въ горахъ, по рассказамъ пріѣзжихъ оттуда семеновцевъ, какъ напр. подъ Шандорникомъ, убыль людей заставляла начальниковъ даже задумываться.

Въ подобныя тяжелыя минуты, когда всплываютъ наружу съ особенною ясностью разныя обстоятельства, тормозящія успѣхъ дѣла, начальнику отряда бываетъ не весело на душѣ; онъ хочетъ скорѣй укрѣпить мѣстность, а ему докладываютъ, что инструмента не хватаетъ; дѣлается диспозиція по часамъ, а орудія отстаютъ или ихъ замечаетъ снѣгомъ; люди просятъ ѣсть, а сухарей не хватаетъ; люди зябнутъ, ободрались, а помочь нечѣмъ; приказываютъ скорѣй открыть сильный орудійный огонь, а гранаты еще не доставлены на горы; отдается приказъ выдавать людямъ по фунту сухарей на день, а въ то же время сознается, что этого мало; армія таетъ отъ голода и холода, а помочь дѣлу нечѣмъ. Надо имѣть сильный характеръ и желѣзную волю для того, чтобъ при всѣхъ этихъ невзгодахъ не потерять энергіи и довести дѣло до конца. Генераль Гурко былъ одинъ изъ такихъ людей, которые вполне обладаютъ этими качествами. Въ этотъ періодъ войны главное вниманіе генерала Гурко было обращено на укрѣпленіе позицій въ особенности передъ самымъ Арабъ-Конакомъ и въ горахъ подъ Шандорникомъ, откуда увели 22-го ноября нашъ полкъ. Тамъ, судя по рассказамъ пріѣзжавшихъ оттуда семеновцевъ, понастроили не мало редутовъ, укрѣпленій, батарей. Время для работъ было удобное, туманы гуляли по горамъ и скрывали работы отъ непріятеля.

При насъ прибылъ изъ Петербурга въ Орханіе транспортъ теплыхъ вещей, пожертвованныхъ цесаревной Маріей Ѳеодоровной для Краснаго Креста; нѣкоторымъ офицерамъ удалось добыть себѣ изъ этого склада по войлочной шапкѣ.

На кавалеристахъ показались коротенькіе, новенькіе полушубки, и

то не на всѣхъ; они были присланы изъ Россіи. Посылки доставлялись очень неаккуратно, но про письма сказать этого нельзя; по крайней мѣрѣ, никто не жаловался на медленность ихъ пересылки. Между присланными теплыми вещами, я нашелъ маленькіе, шерстяные вязаные, двухъ вершковыя цилиндрики, которые вѣроятно были предназначены для согрѣванія пульса (Pulswärmer). Когда я ихъ передалъ моему фельдфебелю для раздачи солдатамъ, тогда онъ съ чисто хохлацкимъ юморомъ рѣшилъ: «Это ваше высокоблагородіе за первый сортъ чистить амуницію».

Наконецъ дождались мы 3-ей гвар. пѣх. дивизіи, которая 7-го декабря пришла изъ подъ Плевны; ей приказано было размѣститься въ городѣ, чтобъ отдохнуть послѣ тяжелаго перехода, а намъ—выступить опять въ то же Орханійское ущелье, гдѣ мы уже разъ стояли бивакомъ. Въ Орханіе посылались поочередно полки, чтобъ тамъ погрѣться и отдохнуть.

Жаль было разставаться съ Орханіе, въ которомъ мы прожили 11 дней; мы въ немъ отдохнули и успѣли забыть всѣ трудности и невзгоды, пережитыя въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Опять мы зашагали по тому же самому шоссе, по которому 27-го ноября, можно сказать, лѣтели изъ ущелья на отдыхъ въ Орханіе. Всѣ горы были теперь густо покрыты снѣгомъ; намъ на встрѣчу дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, заставлявшій ежиться, а порой, даже съ нимъ бороться. Не было сомнѣнія, что наступила настоящая Балканская зима.

Солдаты вовсе не жаловались на погоду: ихъ снѣгомъ и холодомъ не удивишь, надо было только удивляться, съ какой находчивостью и какъ быстро они устроили бивакъ на мѣстѣ, заваленномъ снѣгомъ. Сначала сгребался снѣгъ, вырывались неглубокія ямы, чтобъ уберечься отъ вѣтра, затѣмъ надъ ними раскидывали палатки, засыпали ихъ снѣгомъ, вырывались вокругъ палатокъ канавки для стока воды, по всему биваку протоптавались тропинки. Прошелъ какой нибудь часъ времени, какъ ужъ всѣ люди сидѣли у костровъ. Орханіе забыто и снова всѣ зажили бивачной жизнью. Въ каждой *tente abri* помѣщалось по шести чело-вѣкъ солдатъ, которые, въ холодныя ночи, согрѣвали другъ друга своимъ собственнымъ тепломъ.

Нашъ новый бивакъ былъ на этотъ разъ расположенъ на возвышеніи, которое назвали Преображенской горой, немного въ сторонѣ отъ шоссе, по которому дулъ сильный, пронизывающій сѣверный вѣтеръ. Довольно широкой ручеекъ, бѣжавшій съ горъ возлѣ самаго бивака, замерзъ по берегамъ и только по срединѣ, узкой лентой, струилась вода, отъ которой подымался паръ. На другой день, весь бивакъ былъ занесенъ снѣгомъ; морозъ дошелъ до 10-ти градусовъ. Погода напоминала нашу русскую зиму, но воздухъ былъ, вообще говоря, мягкій и пріятный.

Нѣкоторые офицеры, при помощи ротныхъ плотниковъ, живо пона-дѣлали себѣ, для забавы, сани; а солдаты, возвращающіеся съ горъ съ вязанками дровъ, садились на нихъ верхомъ и, какъ деревенскіе маль-

чишки, забавлялись тѣмъ, что съѣзжали внизъ по скользкимъ дорогамъ. На бородахъ и усахъ показались длинные ледяныя подвѣски; уши и кончики пальцевъ порядкомъ пощипывало. Я сдѣлать себѣ пару наушниковъ изъ отрѣзанныхъ отъ башлыка концовъ и пару рукавицъ изъ куска, отрѣзаннаго отъ узорчатаго войлочнаго коврика. Купленные проѣздомъ чрезъ Москву сапоги на войлокѣ дождались своей очереди.

Къ кому бы ни пришелъ, вездѣ угощаютъ чаемъ: нигдѣ не отказываешься, вездѣ его пьешь. Придешь къ себѣ въ палатку, ляжешь почитать какуюнибудь старую газету, а денщикъ ужъ дѣзетъ въ нее съ чаемъ, берешь стаканъ и опять пьешь. Денщики стали ухаживать за нами съ большимъ вниманіемъ; они твердо знали, что каждый разъ чтонибудь перепадетъ и на ихъ долю; въ холодное время они дѣлались такими же какъ и мы, если только не болѣе ярыми, темніаками. Мои солдаты пили кирпичный чай, прессованный въ видѣ небольшихъ плитокъ; они его попивали и похваливали. Несмотря на свою неизбалованность, они все-таки сильно терпѣли отъ холода, такъ какъ у нихъ не было ни теплой одежды, ни шерстяныхъ фуфаякъ, ни шерстяныхъ чулокъ. Все это замѣнялось хорошимъ костромъ, отъ котораго люди не отходили и пожгли себѣ всѣ шинели и фуражки. Вмѣсто спаленныхъ шапокъ появились фески, на прожженныхъ шинеляхъ иногда не доставало цѣлой полы; вмѣсто проношенныхъ сапогъ люди добыли болгарскія опанки, а у нѣкоторыхъ даже трудно было разобрать, во что были обмотаны ноги. Немытыя, закоптѣлыя лица обросли самыми разношерстными бородами, обратившимися въ войлокъ; похудѣлыя лица свидѣтельствовали о постоянномъ недостаткѣ въ пищѣ. Рѣшительно у всѣхъ гноились глаза отъ ѣдкаго дыма костровъ. Я убѣжденъ, что товарищи, оставшіеся въ Петербургѣ, ни за что не узнали бы ихъ сразу. Жаль, что не было фотографіи, чтобы увѣковѣчить наглядно тотъ жалкій, нищенскій видъ, до котораго дошли въ походѣ наши солдатики.

Вправо отъ насъ шла въ гору маленькая тропинка, по которой можно было перевалить чрезъ большіе Балканы и выйти въ большую Софійскую долину, ведущую прямо къ городу Софіи. Эта тропинка была когда-то Старо-Софійской дорогой, но съ проведеніемъ шоссе изъ Орханіе чрезъ Арабъ-Конакъ, она совсѣмъ заросла травой и превратилась въ гнѣздоходную тропу. Мнѣ рассказывалъ полковникъ л.-гв. Улан. полка Пилсудскій, что еще въ ноябрѣ, тотчасъ же по занятіи Орханіе, было поручено полковнику генеральнаго штаба Ставровскому, при содѣйствіи дивизіона уланъ, сдѣлать подробную рекогносцировку этой заброшенной дороги и выяснитъ, возможно ли будетъ разработать ее въ такую дорогу, по которой могла бы двигаться артиллерія. По этой тропинкѣ повелъ ихъ одинъ братушка; она была до того узка, что вьюки двигались не иначе, какъ гуськомъ. Рекогносцировка была не легкая, тропинка все

время шла по скатамъ горъ, которыя были поросши густымъ буковымъ лѣсомъ; съ непривычки къ горамъ и отъ худобы лошади натерли себѣ спины; ночь пришлось провести въ лѣсу на самомъ перевалѣ въ виду деревни Чурьякъ, лежащей уже на южномъ склонѣ Балканъ и занятой въ то время турками. Уланамъ было запрещено разводить огни, а лошади были поставлены головами вмѣстѣ, для того, чтобъ не было неизбѣжнаго, при разбросанномъ бивакѣ, ржанья коней. Болгаринъ-проводникъ удралъ и весь отрядъ остался въ горахъ безъ провожатаго. На другой день уланы благополучно вернулись въ Орханіе, а тропинка была признана вполне удобной для разработки.

Послѣ этой рекогносцировки, генералъ Турко рѣшилъ предпринять обходное движеніе вокругъ всей Арабъ-Конакской позиціи и попытаться этимъ способомъ заставить непріятеля отступить. Планъ этотъ вполне удался, но все-таки мы провозились въ горахъ съ разработкой дороги и обходнымъ движеніемъ около десяти дней.

Ежедневно мы ходили по тропинкѣ въ горы и раздѣлывали дорогу, къ вечеру же возвращались обратно на бивакъ. Скоро, подъ руководствомъ гвардейскихъ саперъ, тропинка обратилась въ дорогу шириною въ одну сажень. Такъ какъ она шла по скатамъ горъ, то приходилось сильно врѣзаться въ землю для того, чтобъ сдѣлать ее горизонтальной. Въ то время земля промерзла на два вершка, ее пришлось колоть и разрыхлять; кромѣ того попадались въ землѣ каменные породы, которыя надо было разбивать, а мѣшавшія деревья срубить. Послѣднія два обстоятельства сильно задерживали работу: громадные камни выворачивались изъ земли цѣлкомъ дружнымъ натискомъ людей и спускались въ оврагъ вездѣ приходилось подрубать топорами толстые буковые корни. Работа могла бы идти гораздо скорѣй, если бы не было недостатка въ рабочемъ инструментѣ; работала только часть людей, а остальные сидѣли и покуривали трубочки, потому что нечѣмъ было работать.

Дорога приняла благообразный видъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже напоминала *corniche* южнаго берега Крыма. Дни шли быстро; бывало такъ набѣгаешь въ теченіе дня, наблюдая за растянувшеюся на версту ротою, что къ вечеру перестаешь чувствовать подъ собою ноги, доберешься до палатки, поѣшь и моментально заснешь. При спускѣ на бивакъ по вновь разработанной дорогѣ, ноги сильно скользили по замерзшей къ вечеру землѣ; дорога покрывалась къ ночи ледяною корою, походка была нетверда, люди постоянно падали. Всѣ принуждены были вооружиться посохами, и для болѣе твердой опоры я вбилъ въ свой посохъ гвоздь.

Кромѣ того, я обертывалъ свои сапоги кусками старого войлока, что придавало походкѣ большую увѣренность; другіе наматывали себѣ на ноги куски воловьей шкуры, шерстью наружу: это было прочнѣе

войлока, но зато и тяжелѣе. Про турокъ, сидящихъ въ Арабъ-Конакъ, мы забыли и думать; на работѣ мы очень уставали, такъ что намъ было не до нихъ. На болѣе крутыхъ мѣстахъ этой дороги, прорѣзывались въ замерзшей землѣ поперечные желобки для того, чтобъ лошадямъ было бы за что цѣпляться; вновь подкованная лошадь подымалась въ гору довольно твердо, но къ вечеру шипы стирались и она начинала скользить. Турецкія лошадики чувствовали себя на этой дорогѣ гораздо тверже нашихъ. Несмотря на турецкую сплошную подкову, онѣ скользили меньше; ихъ ноги хотя и разѣзжались врозь, но сохраняли свою устойчивость. У осликовъ было еще больше сноровки; тяжело навьюченные и только слегка подгоняемые сзади, они шли совсѣмъ свободно.

Въ приказѣ, отданномъ генераломъ Турко, предписывалось нѣкоторымъ войскамъ (въ томъ числѣ и нашему полку) начать движеніе впередъ; ближайшая цѣль движенія не разъяснялась, но она была намъ ясна. Генераль задумалъ обходное движеніе справа и слѣва Арабъ-Конакской позиціи, которое могло привести къ двумъ результатамъ: мы могли окружить турокъ или могли заставить ихъ покинуть Арабъ-Конакъ, послѣдній оплотъ ихъ на сѣверномъ склонѣ Балканъ. Войска дѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, изъ которыхъ три оставались на мѣстѣ (противъ Шандорника, Арабъ-Конака и Лютикова), а стальные два двинулись впередъ, причемъ лѣвая колонна подъ начальствомъ генерала Дандевилля, а правая (въ которую входилъ и нашъ полкъ) подъ начальствомъ генерала Рауха. Наша колонна должна была идти по разработанной нами дорогѣ. Въ этомъ приказѣ было сказано: «нашъ Царь, вся Россія, весь свѣтъ слѣдятъ за вашими подвигами и проч.». Приказъ былъ короткій, но сильный, способный подбодрить людей. Намъ было приказано двигаться въ горахъ безъ шума, безъ костровъ, не обращать никакого вниманія на могущую возникнуть гдѣ-нибудь въ сторонѣ перестрѣлку и не опасаться никакого серьезнаго нападенія ни съ фланговъ, ни съ фронта, потому что по сторонамъ были непроходимыя кручи и овраги, а впереди насъ уже была небольшая кавалерійская часть.

Для полноты разсказа сдѣлаю маленькое добавленіе. Послѣ паденія Плевны, освободившіяся войска поплы на усиленіе тѣхъ отрядовъ, которые должны были перевалить черезъ Балканы. Шипка была занята генераломъ Радецкимъ, влѣво отъ него черезъ Ханкюи долженъ былъ перейти горы генераль Святополкъ-Мирскій, вправо отъ него черезъ Зелено-Древо—генер. Скобелевъ, еще правѣе черезъ Траянъ—генераль Карцевъ, а еще правѣе черезъ Арабъ-Конакъ—генераль Турко; этотъ послѣдній отрядъ назывался Западнымъ.

XIII.

Обходъ Арабъ-Конака.—Переваль черезъ Балканы.—Чурьякъ.—Дѣло съ черкесами на Лысой горѣ.

Въ ночь съ 12-го на 13-ое декабря было назначено начало общаго обходнаго движенія для обоихъ эшелоновъ Западнаго отряда; людямъ выдали по 3 фунта говядины и по 6 фунтовъ сухарей. Въ продолженіе 12-го числа, 1-й и 2-й баталіоны нашего полка еще додѣлывали дорогу; этимъ двумъ баталіонамъ было предписано не спускаться, по окончаніи работъ, внизъ на бивакъ, а остаться въ горахъ и понемногу подвигаться впередъ къ перевалу, къ которому придутъ къ вечеру и остальные два баталіона. Каждая рота, окончивъ свой урокъ и не дожидаясь остальныхъ ротъ своего баталіона, не спѣша потянулась въ гору. Мнѣ припоминаются два красивыхъ, величественныхъ вида, которые пришлось видѣть въ этотъ день во-время подъема. Въ одномъ мѣстѣ, съ лѣвой стороны была почти отвѣсная скала, а съ другой стороны почти отвѣсный оврагъ. Одна только мысль о возможности слетѣть внизъ уже слегка туманила мнѣ голову. Въ другомъ же мѣстѣ, открылся такой дивный видъ на всѣ пройденные нами Балканы, вплоть до придунайской равнины, что его нельзя забыть. Вглядываясь въ ту ровную мѣстность, которая осталась далеко за нами, нельзя было не удивляться при мысли о той высотѣ, на которую мы залѣзли; разстояніе отъ насъ до той равнины не казалось особенно большимъ, а между тѣмъ прошло уже сорокъ дней съ тѣхъ перъ, какъ мы покинули Дольній Дубнякъ и направились съ генераломъ Гурко въ горы. Всюду въ горахъ лежалъ снѣгъ. Этотъ чудный видъ *à vol d'oiseau* былъ вблизи перевала, до котораго мы добрались около пяти часовъ вечера. Первые роты, пришедшія къ самому перевалу были: рота Его Величества и моя 5-я. Мы остановились и расположились на сѣверномъ скатѣ перевала, а людямъ было разрѣшено, покуда еще не очень стемнѣло, развести небольшіе костры, чтобъ погрѣться около нихъ. Поблизости не было воды, пришлось заваривать чай на снѣжной водѣ и надо было имѣть много терпѣнія, чтобъ дожждаться, покуда изъ таявшаго снѣга наберется маленькій чайникъ воды; за снѣгомъ мы посылали далеко въ сторону, чтобъ не набрать какой-нибудь нечистоты. Чай на снѣжной водѣ оказался значительно менѣе вкуснымъ, чѣмъ на ключевой, вѣроятно вслѣдствіе отсутствія солей и постороннихъ примѣсей.

Нашъ приваль былъ въ вѣковомъ пустомъ буковомъ лѣсу, въ которомъ было много снѣгу. Лишь только стемнѣло, всѣ костры были потушены, чтобъ не выдать непріятелю наше присутствіе на перевалѣ.

Хотя непріятеля и не было вблизи, но у турокъ легко могъ быть въ горахъ отдѣльный наблюдательный постъ.

Остальные роты 1-го и 2-го батальоновъ подошли къ перевалу, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Въ ожиданіи прибытія 3-го и 4-го батальоновъ мы порядкомъ мерзли; къ ночи морозъ покрѣпчалъ, а люди, за неимѣніемъ костровъ, дѣлали гимнастику, дрались на кулачкахъ и проч. Мой фельдфебель Мазуровъ, въ подобныхъ случаяхъ, умѣлъ воодушевлять роту, вызывалъ на единоборство съ нимъ молодыхъ солдатъ, которымъ удавалось наносить ему здоровые боксы; рота разражалась дружнымъ смѣхомъ, конечно, въ десятеро сильнѣйшимъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы ударъ былъ нанесенъ между ровнями; его примѣръ заражалъ другихъ, составлялись партіи и происходила общая свалка.

Къ ночи весь Преображенскій полкъ былъ въ сборѣ на перевалѣ. Мы составляли авангардъ колонны и должны были незамѣтно для непріятеля перевалить въ эту ночь черезъ перевалъ и занять уже на южномъ склонѣ деревню Чурьякъ, прикрывая тѣмъ спускъ главныхъ силъ нашей колонны. Въ то время, когда мы переваливали, главные силы еще не снимались съ бивака подъ Арабъ-Конакомъ. Нѣсколько ротъ были оставлены на перевалѣ для разработки спуска, а остальнымъ князь Оболенскій приказалъ начать перевалъ. Впереди шелъ 1-й баталіонъ.

Люди разобрались въ темнотѣ и начали вытягиваться по-ротно по узкой дорогѣ, ведущей въ деревню Чурьякъ, покинутую турками. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ въ гору, я вдругъ почувствовалъ подъ ногами, что дорога пошла подъ гору; люди обрадовались и всѣ сразу заговорили, такъ что пришлось ихъ унимать. Итакъ, въ эту ночь мы перевалили на южный склонъ первыми изъ всѣхъ отрядовъ, о которыхъ я упоминалъ въ прошлой главѣ.

Люди все болѣе и болѣе и растягивались; доходило до того, что идущимъ назади приходилось бѣжать, чтобъ только не потерять въ темнотѣ связь съ идущими впереди. Изъ-подъ снѣга торчали острые камни и мелкій кустарникъ, въ которомъ запутывались ноги; люди скользили, на каждомъ шагу падали, а иногда имъ приходилось даже скатываться, гдѣ было очень круто, на спинѣ, чтобъ только не задерживать движенія и не отставать отъ другихъ.

Ни разу въ моей жизни мнѣ не приходилось видѣть такой спѣшки, такого возбужденнаго движенія, — у всѣхъ было только одно на умѣ: какъ бы только не отстать и не потерять связь съ идущими впереди. Конечно, темнота много способствовала тому, что колонна такъ сильно растянулась, но главной причиной этой суматохи былъ черезчуръ быстрый шагъ головы колонны; шедшіе впереди рослые люди государственной роты, понятно, спѣшили спускаться, намъ же, идущимъ въ хвостѣ колонны, пришлось уже бѣжать. Я много разъ падалъ и, несмотря на

морозъ, былъ весь въ поту отъ бѣготни и непокойнаго духа. Были такіе моменты, что я даже проклиналъ судьбу, но все-таки старался утѣшать себя тѣмъ, что переживаю интересныя минуты въ моей жизни.

Спускъ дѣлался понемногу все отложе и наконецъ я почувствовалъ, что двигаюсь по ровному мѣсту—мы шли уже по Чурьякскому ущелью и подходили къ деревнѣ Чурьякъ. 1-й баталіонъ насъ пожалѣлъ, остановился и далъ подтянуться 2-му баталіону. Дойдя до остановившихся людей, я повалился на землю и только отдувался отъ жары. Я вынулъ изъ кармана маленькую походную фляжку съ коньякомъ и поздравилъ самъ себя съ благополучнымъ переваломъ черезъ Балканы.

Баталіоны двинулись далѣе. При нашемъ входѣ въ дер. Чурьякъ начало уже порядкомъ свѣтать; въ какія-нибудь четверть часа всѣ люди укрылись въ избахъ и дворахъ. При насъ не было ни единого орудія, мы перевалили на-легкѣ. Намъ было приказано сидѣть въ избахъ, не разводить костровъ, не выходить изъ деревни, а главное—не выпускать изъ нея братушекъ, которые могли бы донести туркамъ о нашемъ появленіи на южномъ склонѣ Балканъ.

Я расположился въ избѣ, въ которой жили двое молодыхъ болгаръ; они живо развели въ очагѣ огонь, притащили пшеничной соломы и я растянулся на ней. Въ продолженіе утра спустились съ горъ наши оставшіяся тамъ части, такъ что къ полудню весь нашъ полкъ былъ въ сборѣ въ деревнѣ Чурьякъ. По диспозиціи мы должны были, не теряя времени, въ этотъ же день продолжать дальнѣйшее движеніе, для того, чтобъ, выйдя въ Софійскую долину, скорѣй войти въ связь съ колонной генерала Дандевилля, обходившаго Арабъ-Конакъ съ другой стороны. Къ сожалѣнію, наша артиллерія застряла на перевалѣ и тѣмъ затянула дѣло. Оказалось, что спускать орудія съ горъ было гораздо труднѣе, чѣмъ ихъ втаскивать. По рассказамъ, людямъ, при помощи привязанныхъ къ орудію лямокъ, приходилось при спускѣ поддерживать орудія сзади, на что при большихъ крутизнахъ у нихъ не хватало силы; орудія катились внизъ, а за ними и люди, все время не выпускавшіе изъ рукъ лямки, такъ какъ иначе орудіе могло разбиться въ дребезги. Лошади были отпряжены, а наши оставшіяся тамъ роты на-скоро исправляли дорогу.

Нашъ перевалъ былъ, судя по картѣ, на высотѣ 3.400 фута, но Траяновъ былъ еще выше на 3.000 футовъ; тамъ было еще холоднѣе.

Современемъ, когда альпинисты будутъ совершать свои прогулки и по Балканамъ, тогда гиды-братушки будутъ имъ указывать, въ видѣ курьеза, тѣ заросшія тропинки, по которымъ мы перетаскивали орудія. Какъ въ Швейцаріи показываютъ Суворовскій Чортовъ мостъ, такъ и въ Болгаріи будутъ показывать чортовы дороги.

Отдохнувъ на соломѣ, я не усидѣлъ въ избѣ, прошелся по деревнѣ и вышелъ изъ нея къ выходному ущелью; тамъ я встрѣтилъ полковника Стрезова и прусскаго военнаго агента майора Лигница, милаго, образованнаго человѣка, продѣлавшаго весь балканскій походъ, но не въ одномъ, а попеременно въ различныхъ отрядахъ, смотря по тому, гдѣ было для него интереснѣе. Мы втроемъ немного прошли по Чурьякскому ущелью; оно шло версты на три и упиалось въ совершенно Лысую гору, на которой виднѣлись отдѣльные люди и всадники, рѣзко обрисовывающіеся на снѣжномъ фонѣ. Въ трубу я могъ ясно разглядѣть посты турецкихъ черкесовъ, слѣдившихъ за Чурьякекимъ ущельемъ. Черкесы сходились другъ съ другомъ, размахивали руками, указывали ими на что-то вдаль, ежились отъ холода и опять расходились, ведя своихъ лошадей въ поводу. Они меня очень занимали, такъ что я долго за ними слѣдилъ. Насмотрѣвшись на нихъ вдоволь, я отправился домой обѣдать. Деревня была почти пуста, но съ большими запасами сѣна, соломы, ячменя; судя по избамъ, она была чисто болгарская и, должно быть, богатая. Около деревни протекала небольшая рѣчка, которая могла во-очію убѣдить всякаго, что мы находимся уже на южномъ склонѣ Балканъ—она текла съ горъ на югъ, тогда какъ всѣ ручьи до сихъ поръ текли съ горъ на сѣверъ.

Мои молодые болгары были родные братья, но совсѣмъ различныхъ характеровъ. Младшій изъ нихъ шустрый, расторопный, разъ десять разсказывалъ мнѣ одно и то же, какъ онъ вздумалъ сегодня сходить во Враченъ къ своимъ роднымъ и какъ его не пропустила наша цѣпь; онъ все просилъ меня дать ему записку для пропуска, и такъ мнѣ этимъ надобѣ, что я на него даже прикрикнулъ. Другой братушка, его братъ, былъ спокойный, худой, неподвижный, молчаливый; онъ сидѣлъ у очага, подкладывалъ дрова и пекъ себѣ въ золѣ кукурузу; отъ предложенной ему вареной говядины, къ моему удивленію, отказался. Его шустрый братъ, который ни отъ чего не отказывался, объяснилъ мнѣ, что теперь Рождественскій постъ, что его братъ постится и не ѣстъ блажнаго, т. е. скоромнаго. Я былъ очень удивленъ встрѣтить такого строгаго постника, а главное въ такое время, когда не приходилось разбирать пищу, а съѣдалось все, что только попадалось подъ руку.

Послѣ обѣда я отсыпалъ имъ немного чаю и сахару; они заварили его въ деревянной чашкѣ и пили по-очередно вмѣстѣ съ листьями, поминутно сплевывая ихъ въ сторону. Они сами видѣли, что не умѣютъ его пить и смѣялись надъ этимъ вмѣстѣ съ нами; но русскій крѣпкій шекеръ одобрили. Они разсказывали мнѣ много интереснаго про ихъ жизнь въ деревнѣ и про турокъ, которымъ не удалось окончательно разграбить Чурьякъ, такъ какъ, изъ боязни быть застигнутыми русскими, они поспѣшили его покинуть, хотя бѣольшую часть скотины все-таки

увели съ собой; остальная часть была продана болгарамъ во Врацѣ русскимъ войскамъ.

Я замѣтилъ, что мои болгары относились совсѣмъ равнодушно къ тому, какъ солдаты разносили для подстилки ихъ солому, а для топлива ихъ плетни; мнѣ показалось, что потерявъ скотъ, они уже не дорожили ни соломою, ни плетневыми загородами.

Къ вечеру явился къ нимъ ихъ старшій братъ, бывшій въ то время проводникомъ въ л.-гв. Павловскомъ полку; онъ пришелъ съ позиціи полка подъ Арабъ-Конакомъ провѣдать своихъ братьевъ и принесть имъ солдатскаго хлѣба и говяжьихъ пайковъ. Они втроемъ сѣли на полъ и начали ужинать; приволокли какой-то деревянный кругъ, нѣчто въ родѣ стола безъ ножекъ, разложили на немъ ѣду и молча начали чавкать.

Старшій братъ зналъ поименно все наше высшее начальство; зналъ чѣмъ командуетъ графъ Шуваловъ, зналъ названія различныхъ полковъ, а командиръ Павловскаго полка, полковникъ Шмитъ, былъ для него полубогъ; на каждомъ десятомъ словѣ, онъ упоминалъ о немъ. Съ нимъ было легче говорить, чѣмъ съ его братьями, онъ насъ лучше понималъ. Онъ намъ разсказалъ, что своихъ бабъ и дѣтей увелъ въ такія уединенныя деревни, куда ни турокъ, ни русскій не попадутъ. Его разсказы о болгарскихъ обрядахъ были для меня крайне интересны.

На другое утро, 14-го декабря, вставъ рано утромъ, старшій братъ отправился къ своему возлюбленному полубогу. Всѣ трое твердили въ унисонъ, что они не запомнятъ такой суровой зимы; это мнѣніе высказывалось одинаково всѣми болгарамъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить. Никакой особо суровой зимы въ этотъ годъ не было, а просто братушкамъ, которые въ силу обстоятельствъ должны были проводить всю зиму на улицѣ, казалось холодно; они бѣгали всю зиму по горамъ, то къ своему семейству, то навѣдать свою избу; торговали скотомъ, добывали, воровали и, т. д. и все время думали только объ одномъ, какъ бы поѣсть, какъ бы согрѣться. Отъ нихъ я узналъ, что въ Софіи «нѣма дровъ» и что они поставляютъ въ городъ дрова. Всѣ окружающія Чурьякъ горы были дѣйствительно уставлены кучами напиленныхъ дровъ и хвороста, которыя мы издали принимали за турецкіе шалаши. Далѣе болгары съ особеннымъ вкусомъ говорили о томъ, что въ Софіи «има добро винце», при этомъ они улыбались и причмокивали губами. Они зазывали меня на соседнюю высокую гору или, какъ они выразились, «на балкантъ», откуда можно было увидѣть вдали Софію. Если бы я не былъ утомленъ, то я бы пошелъ, но меня тошнило отъ горъ, такъ что я предпочелъ лучше пролежать на соломѣ.

Мы просидѣли въ Чурьякѣ 13-е и 14-е декабря; 15-го утромъ было уже спущено внизъ нѣсколько горныхъ и 9-ти фунтовыхъ орудій,

такъ что можно было продолжать дальнѣйшее движеніе. Я вспоминаю, какъ шумъ и трескъ, производимый при въѣздѣ въ Чурьякъ, лафетами и зарядными ящиками, пріятно ласкалъ мой слухъ и чѣмъ больше было шума, тѣмъ веселѣе дѣлалось на душѣ; на войнѣ безъ артиллеріи скучно.

Въ этотъ же день нашъ полкъ выступилъ изъ Чурьяка по направленію къ Лысой горѣ, за которой сейчасъ же начиналась большая Софійская долина; съ этой горы мы должны были сбить черкесовъ. Лишь только роты стали вытягиваться по ущелью, какъ по всему краю вдругъ появились всадники-черкесы; они сосредоточились къ серединѣ, составили довольно большую часть и должно быть держали промежъ себя совѣтъ, какъ имъ быть. Изъ ущелья мы свернули немного влѣво, незамѣтно пробрались по горамъ и вышли къ подошвѣ той горы, на которой были черкесы. Сбить ихъ съ горы было не трудно; 3-й и 4-й баталіоны были выдвинуты впередъ, а 1-й и 2-й шли сзади. Черкесы сѣлились, разошлись по хребту и открыли по насъ жестокую трескотню изъ магазинокъ. Наша цѣль ползла въ гору и не тратила понапрасну патроны, а открыла по неприятелю огонь только тогда, когда подошла на ружейный выстрѣлъ. Подъ прикрытіемъ пороховаго дыма, наступленіе пошло дружнѣй; черкесы прекратили огонь и спустились съ горы внизъ въ Софійскую долину. Когда мы добрались до верху, то еще можно было видѣть отдѣльныхъ отставшихъ черкесовъ, вразсыпную удиравшихъ отъ насъ. По окончаніи дѣла у насъ оказалось только двое раненыхъ. Весь полкъ поднялся на гору и занялъ довольно длинную позицію. Во время перестрѣлки, шедшая съ нами сотня изъ Кавказской бригады, проскочила чрезъ какое-то боковое ущелье въ Софійскую долину и затѣяла тамъ дѣло съ черкесами, конвоировавшими большой обозъ, шедшій по шоссе изъ Софіи въ Арабъ-Конакъ. Я сожалѣю, что мнѣ не удалось видѣть этой лихой схватки, которая была видна съ Лысой горы, какъ на ладони. Когда нашъ 2-й баталіонъ добрался до верху, то отъ черкесовъ и слѣдъ простылъ; я только видѣлъ, какъ наши осетины забирали съ дороги турецкія подводы и увозили ихъ по направленію къ намъ; они до того разогрѣли нагайками воловъ, что тѣ бѣжали крупною рысью. Въ обозѣ было много галетъ; одной изъ ротъ 2-го баталіона (не помню только которой) было приказано спуститься съ горы и поддержать осетинъ: въ этотъ вечеръ на ея долю выпало счастье поживиться на счетъ неприятеля; мы же все остались на Лысой горѣ.

Съ этой горы открылась величественная картина на всю Софійскую долину, по которой извивалось шоссе въ видѣ змѣйки, а сама она была такъ широка, что даже трудно было опредѣлить ея размѣры. Это не была долина какой-нибудь рѣки, а просто котловина среди Балканскихъ горъ, въ которой былъ расположенъ городъ Софія верстахъ въ трид-

цати отъ насъ. По долинѣ всюду были разбросаны деревни; она тянулась какъ будто безъ конца, нигдѣ никакихъ редутовъ, никакихъ укрѣпленій. Намъ казалось, какъ будто мы спустились съ горъ въ низшія сферы, а между тѣмъ, мы были еще очень высоко, такъ какъ Софійская долина расположена на высотѣ 2.000 футовъ.

Погода вдругъ испортилась, къ ночи повалилъ снѣгъ, начался сильный вѣтеръ; вскорѣ вьюга до того усилась, что мы очутились въ снѣжномъ безбрежномъ морѣ. Разставляя вечеромъ съ полковникомъ Евреиновымъ аванпостную цѣпь по скату горы, мы долго съ нимъ бродили, пока не нашли нашу сомкнутую часть, оставленную на горѣ. Вьюга заносила наши слѣды, а предметовъ, по которымъ мы могли бы ориентироваться, на Лысой горѣ не было вовсе: ни одного дерева, ни одного кустика; снѣгъ крутился вихремъ и хлесталъ по лицу, хотя вѣ были въ башлыкахъ. Ночь обѣщала быть ужасной, дровъ вовсе не было, поддерживать связь съ сосѣдними частями было почти невозможно; отправленный посыльный, не дойдя до сосѣдней роты и боясь ночью заблудиться въ обширномъ снѣговомъ пространствѣ, возвращался обратно. Тогда посылались цѣлая цѣпь людей, которые не теряя другъ друга изъ виду, доходили до полковника, который провелъ эту ночь съ 8-й ротой.

Внизу подъ нами весь вечеръ лаяли и выли собаки, свидѣтельствовавшія о близости деревни. Я отправилъ команду надежныхъ людей, приказавъ имъ добыть, во что бы то ни стало, дровъ для костровъ, ибо сидѣть въ такую ужасную ночь на вышкѣ безъ огня было очень тяжело. Люди долго пропадали и только часа три спустя, внизу, подъ горой, слышались голоса возвращающихся. Они приволокли большія полѣнья дровъ, принесли куръ, соленой свинины, творогу, масла, муки; затрепали костры, началась стряпня. Мнѣ сварили супъ изъ необыкновенно жирной курицы, кормленной, вѣроятно, кукурузой, потому что она дала янтарно-желтый наваръ; люди поджаривали свинину, варили кашницу, дѣлали что-то такое изъ муки съ творогомъ. На мой вопросъ: откуда все это добыто? они отвѣчали единогласно, что въ подгорной деревнѣ турецкіе дома были покинуты и что все это они нашли, будто бы, тамъ. Въ продолженіе войны, мнѣ приходилось слышать отъ людей всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ, т. е., что все ими добытое принадлежитъ туркамъ, а не болгарамъ. Я замѣтилъ, что въ походѣ часто *les extrémités se touchent*: то нѣтъ ни гроша, а то вдругъ появляется алтынъ.

Я завернулся въ башлыкъ и бурку и всю ночь пролежалъ у костра въ полной неизвѣстности относительно того, гдѣ и что дѣлаютъ остальные пятнадцать ротъ полка.

Къ утру мятель утихла и мнѣ выяснилось наше положеніе. Полкъ спустился внизъ въ долину и занялъ позицію поперекъ Софійскаго шоссе, спиной къ Софіи, а фронтомъ по тому направленію, куда намъ

надлежало идти для соединенія съ отрядомъ генерала Дандевилля. Въ то время мы еще не знали о тѣхъ ужасахъ, которые претерпѣлъ его отрядъ во-время снѣжной бури; мятель задѣла насъ только крыломъ, а тамъ, гдѣ былъ отрядъ Дандевилля, она разразилась со всею силою. Я не помню цифру захворавшихъ и обмороженныхъ въ эту ночь людей въ его отрядѣ, но знаю, что ихъ было ужасно много; люди сидѣли тамъ безъ костровъ, которые отъ вѣтра не могли горѣть, орудія были брошены въ снѣгу, ихъ замело и весь отрядъ вернулся назадъ, откуда вышелъ. Болѣе всѣхъ опять-таки пострадалъ Псковскій полкъ. Окружить общими силами Арабъ-Конакъ такъ и не удалось.

Мы стремились на соединеніе съ генераломъ Дандевиллемъ, но двигаться съ мѣста не могли, потому что передъ нами снова очутились турки. У деревни Ташкисенъ они начали возводить два редута, одинъ побольше, другой поменьше. По настоящему надо было сейчасъ же выбить турокъ изъ Ташкисенъ и продолжать движеніе, но насъ было тогда мало въ Софійской долинѣ, а покуда подошли къ намъ подкрѣпленія, турки уже успѣли соорудить весьма солидный редутъ. Въ ожиданіи подхода войскъ, были сдѣланы такія распоряженія: ежедневно наша дежурная часть оставалась на шоссе на позиціи, а остальные три баталіона отдыхали въ ближайшей деревнѣ Негашово; наша же кавалерія разъѣзжала по всей широкой Софійской долинѣ и изрѣдка перестрѣливалась съ черкесами.

XIV.

Три дня до Ташкисенъ на Софійскомъ шоссе. —Ташкисены. —Враждебно.

Появленіе наше въ Софійской долинѣ было неожиданностью для турокъ, и если бы непріятель подозрѣвалъ о нашемъ переходѣ черезъ Балканы, то навѣрно устроилъ бы намъ подобающую встрѣчу. Но въ Софійской долинѣ мы никого не нашли, кромѣ спокойно двигающихся обозовъ, конвоируемыхъ черкесами.

Въ ожиданіи прихода другихъ частей съ сѣвернаго склона Балканъ, мы простояли на Софійскомъ шоссе 16-ое, 17-ое и 18-ое декабря. Въ дер. Негашово мы нашли болгарскія семейства съ женщинами, дѣтьми, которыхъ болгары не успѣли убрать въ горы до нашего прихода. Проводя цѣлые дни въ этой деревнѣ, я присмотрѣлся къ домашней жизни болгаръ, которую до сихъ поръ не имѣлъ случая видѣть. Хозяйка распоряжалась всѣмъ домомъ, пекла въ золѣ лепешки, кормила дѣтей и въ то же время покрикивала на хозяина, который все время молчалъ; они жили въ очень бѣдной обстановкѣ, дѣтей кормили кукурузой, а маленькая дѣвчонка, вѣроятно съ голоду, до того наѣлась этой тяжелой пицци, что ее начало рвать. Всѣ ихъ запасы были разграблены, и я убѣжденъ, что наши солдатики тоже попользовались ими въ ту неза-

бвенную бурную ночь, которую мы провели на Лысой горѣ. Къ нимъ въ избу вошелъ старый болгаринъ и, со слезами на глазахъ, разсказалъ, что турки разнесли его домъ въ дер. Комарцы близъ Арабъ-Конака, а теперь онъ не знаетъ куда идти и что дѣлать; въ то время всѣ были болѣе или менѣе разорены, всѣ плакали, всѣ проклинали войну.

Несмотря на удручающую бѣдность домашней обстановки, хозяйка была разукрашена браслетами и бусами. Тутъ я впервые узналъ, что молодую замужнюю женщину зовутъ булкой, слово, которое при незнаніи болгарскаго языка, можетъ легко привести къ разнымъ недоразумѣніямъ. Станъ хозяйки былъ опоясанъ широкимъ, старымъ, металлическимъ поясомъ, на который я обратилъ особенное вниманіе. Я спросилъ болгарку, сколько она за него возьметъ? Она зачмокала языкомъ, въ знакъ нежеланія продать и объяснила мнѣ, что этотъ поясъ достался ей отъ бабки и что она его ни за что не отдастъ. Семейныя традиціи перевѣсили презрѣнный металлъ, но зато она продала мнѣ, послѣ продолжительной семейной конференціи, нѣсколько браслетовъ и старыхъ бляхъ съ кушаковъ; она была очень счастлива получить деньги. Но я не сразу понялъ ихъ рѣшеніе; въ этой мѣстности существуетъ особенный способъ для выраженія согласія или несогласія, совсѣмъ противоположный нашему общепринятому. Такъ напр. въ случаѣ согласія, братушка мотаетъ головой вправо и влѣво, а въ случаѣ несогласія, киваетъ головой; въ послѣднемъ случаѣ, онъ иногда произноситъ турецкое слово *іокъ* или же причмокиваетъ языкомъ нѣсколько разъ подрядъ.

Внутренность избы была украшена всякими плетеніями изъ пшеничной толстой соломы, которыя возобновляются у болгаръ ежегодно во время посѣванія пшеницы. Оригинальныя и красивыя, они были подвѣшаны къ потолку на ниточкахъ и изображали люстры, клѣтки для птицъ, фонари, тарелки и проч. Ко всему были подвѣшены маленькія подвѣски, тоже изъ соломы, которыя, при малѣйшемъ движеніи воздуха, приходили въ колебаніе.

Въ Негашовѣ я добылъ сани и велѣлъ устроить ихъ для перевозки своихъ вещей; по сторонамъ дороги было еще достаточно снѣга для того, чтобъ сани могли скользить безъ особеннаго труда для лошади.

Вошедшій въ избу денщикъ доложилъ мнѣ, что двое драгунъ привели какихъ то двухъ связанныхъ бродягъ. Я вышелъ къ нимъ и увидѣлъ двухъ здоровыхъ брюнетовъ со связанными назадъ руками и съ раскраснѣвшимися, отъ быстрой ходьбы, щеками. Несмотря на 10-ти градусный морозъ, они были босые, съ обнаженной головой и въ одной рубашкѣ; а у одного изъ нихъ голова была чѣмъ то разсѣчена.

Драгуны объяснили мнѣ, что имъ приказано сдать этихъ людей генералу Рауху; что въ одной деревнѣ нѣсколько вооруженныхъ людей напали на разъѣздъ и что драгуны перебили всю шайку, а этихъ двухъ забрали въ плѣнъ. Я никакъ не могъ опредѣлить, къ какой націи принадлежали эти оборванцы: по виду, они вовсе не походили на турецкихъ солдатъ; оказалось, что это были босняки. Такихъ вооруженныхъ разбойниковъ, шлявшихся по болгарскимъ деревнямъ и грабившихъ болгаръ, было, во время войны, не мало; они наводили ужасъ на болгаръ, которые иногда обращались къ русскимъ войскамъ съ просьбой сдѣлать на нихъ облаву и всѣхъ до одного уничтожить.

Отъ усиленной ходьбы и вѣроятно подгоняемые нагайкой, чтобъ не отставали отъ всадниковъ, босняки были, несмотря на морозъ, въ поту и усиленно вдыхали въ себя воздухъ; я только удивлялся, что съ такой большой раной на головѣ, боснякъ могъ еще ходить. Драгунамъ было мною указано направление, по которому имъ слѣдовало ѣхать къ генералу Рауху; одинъ изъ нихъ поднялъ нагайку и крикнулъ: «хайде»; черезъ нѣсколько секундъ они скрылись изъ виду.

Болгары объяснили мнѣ, что это были отуречившіеся славяне-босняки, находящіеся на турецкой службѣ; всѣ они отъявленные негодяи и разбойники.

18-го декабря, 2-ой баталіонъ былъ въ дежурной части на позиціи. За послѣдніе два дня работы въ турецкомъ редутѣ (Ташкисены) сильно подвинулись; турки живо сложили его изъ большихъ камней; большій же редутъ (ихъ было два) имѣлъ весьма внушительный видъ. Чтобъ нашимъ людямъ не сидѣть въ виду непріятеля со сложенными руками, моею ротѣ бывшей въ цѣпи, приказано было вырыть вокругъ нашей позиціи 20 ложементовъ на тотъ непредвидѣнный случай, если бы туркамъ вздумалось насъ атаковать. Находясь все время при работахъ, я слѣдилъ въ подозрную трубу за дѣйствіями непріятеля въ редутѣ и за нашей кавалеріей, которая большой массой двигалась въ долину по шоссе по направленію къ Софіи. Въ этотъ день кавалеріи было предписано сдѣлать усиленную рекогносцировку всей долины. Въ одной верстѣ отъ меня, внизу, въ долину слышались рѣдкіе выстрѣлы; я направилъ туда мою трубу и увидѣлъ интересную схватку между нашими тремя уланами и однимъ турецкимъ черкесомъ. На снѣжномъ фонѣ я могъ прекрасно слѣдить за неравной борьбой на жизнь или смерть сцѣпившихся четырехъ всадниковъ. Конный черкесъ, при помощи магазинки, отстрѣливался отъ трехъ уланъ; никто изъ нихъ не стоялъ смирно на мѣстѣ, всѣ они суетливо передвигались, то рысью, то вскачь, чтобъ не дать противнику хорошо прицѣлиться. Уланы были отъ него шагахъ въ двухъ стахъ и усердно стрѣляли по немъ изъ своихъ берданокъ. Вдругъ я вижу, что лошадь черкеса поднялась на дыбы и

упала; она была поражена пулей. Черкесь ловко соскочилъ съ сѣдла, и продолжалъ отстрѣливаться, бѣгая взадъ и впередъ по снѣгу; затѣмъ одинъ уланъ налетѣлъ на него со стороны и ударилъ его саблей: черкесь ткнулся въ снѣгъ, вскочилъ и снова побѣжалъ; уланъ его догналъ и вторично нанесъ ему сабельный ударъ, черкесь снова упалъ, затѣмъ послѣдовалъ третій ударъ, послѣ котораго черкесь былъ убитъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ уланъ уже не было; только на снѣгу ясно обрисовывались два трупа, черкеса и его лошади.

Подъ вечеръ спустились изъ Ташкисенскаго редута человѣкъ сто турокъ, которые направились въ дер. Даушкѣй, лежащую недалеко отъ редута. Болгары говорили намъ, что въ этой деревнѣ много сѣна, и мы думали, что турки предприняли эту прогулку въ деревню ради фуражировки. Въ этомъ мы имъ не мѣшали, тѣмъ болѣе что до сбора всего нашего отряда на Софійскомъ шоссе генераль Гурко не желалъ начинать съ непріятелемъ никакого дѣла. Черезъ нѣсколько времени, въ этой деревнѣ, во многихъ мѣстахъ сразу показался сперва дымъ, а вскорѣ и огонь, который живо охватилъ деревню со всѣхъ сторонъ. Турки подожгли богатые запасы сѣна и, пользуясь дымомъ, незамѣтно отступили обратно въ редутъ; густой дымъ застилалъ всю мѣстность и даже скрылъ отъ насъ редутъ. Ко мнѣ въ цѣль пришелъ генераль Раухъ съ посохомъ въ рукахъ; онъ разспрашивалъ меня, какъ все это произошло, а уходя, съ улыбкой намекнулъ, что мои солдатики напрасно трудятся надъ ложементами, что теперь у насъ много войска въ сборѣ и что завтра мы снимемся съ позиціи; о предполагаемомъ штурмѣ редута онъ умолчалъ.

Въ ночь съ 18-го на 19-ое декабря, весь нашъ отрядъ, еще затемно, собрался въ долину у шоссе; въ 6-омъ часу пріѣхало наше высшее начальство. Всѣмъ была выяснена ихъ роль во время штурма редута, и ровно въ 6 часовъ мы двинулись впередъ. Какъ потомъ оказалось, вся ташкисенская позиція была очень обширная, турки возвели много укрѣпленій. Нашему полку и Императорскимъ стрѣлкамъ было предписано штурмовать правый флангъ турецкой позиціи, гдѣ находился большой Ташкисенскій редутъ; Измайловцы были направлены правѣе отъ насъ, сколько мнѣ помнится, на дер. Ташкисены, а еще правѣе пошла 3-я гвард. пѣх. дивизія съ генераломъ Курловымъ въ обходъ Ташкисенской позиціи.

Съ самаго ранняго утра на позиціи подъ Арабъ-Конакомъ, былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь съ цѣлью отвлечь вниманіе Арабъ-Конакскихъ турецкихъ войскъ отъ Ташкисенъ. Наше дѣло началось съ артиллерійской перестрѣлки на разстояніи 2-хъ верстъ отъ редута; турки отвѣчали, насколько мнѣ помнится, изъ 4-хъ орудій. Мѣткость ихъ стрѣльбы была поразительная; гранаты падали весьма близко

одна отъ другой, но рѣдкая изъ нихъ разрывалась. Мы избѣгали двигаться впередъ сомкнутыми частями, которыя непріятель легко замѣчалъ еще издали на снѣжномъ фонѣ и тотчасъ же направлялъ на нихъ орудія. Такъ напр., я видѣлъ въ этотъ день какъ Императорскіе стрѣлки, которые все время были влѣво отъ насъ, переходя сомкнутой частью черезъ одну поляну, привлекли на себя особенное вниманіе турокъ; въ нихъ полетѣли девять гранатъ, одна за другой; всѣ онѣ ложились вострѣ сомкнутой части, а одна даже попала въ самую середину роты. Люди вразсыпную разбѣжались по сторонамъ, а на мѣстѣ паденія гранаты остались убитые и раненые, которыхъ можно было всѣхъ пересчитать по числу черныхъ пятенъ на снѣжномъ фонѣ.

Я убѣжденъ, что всѣ разстоянія отъ редута до болѣе или менѣе выдающихся предметовъ, находящихся передъ нимъ, были предварительно измѣрены турками; иначе я не могу себѣ объяснить поразительной мѣткости ихъ стрѣльбы. Такъ, стрѣлки проходили мимо двухъ растущихъ среди поляны деревьевъ—и этого уже достаточно для непріятеля, чтобъ сдѣлать стрѣльбу мѣткой. Послѣ одного удачнаго выстрѣла 3-ей батареи полковника Кокорева, въ редутѣ произошелъ необыкновенный взрывъ; цѣлое облако густаго дыму скрыло на время редутъ; не было сомнѣнія, что тамъ взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ. Послѣ этого взрыва, артиллерійскій огонь съ редута сталъ понемногу утихать; турки подняли флагъ съ красной луной, желая показать, что тамъ будто бы устроенъ перевязочный пунктъ. На эту хитрость никто конечно не обратилъ вниманія, и обстрѣливаніе редута продолжалось безостановочно.

Мы съ интересомъ слѣдили за ходомъ артиллерійскаго дѣла и выслѣживали полетъ гранатъ, которыя не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія какъ пули; между двумя шипѣніями гранатъ можно хоть немного отдохнуть духомъ, тогда какъ пули все время держать челоуѣка въ напряженномъ состояніи. Во время артиллерійской перестрѣлки, нашъ полкъ слегка подвигался впередъ; но когда идти далѣе сдѣлалось уже не безопаснымъ, тогда мы остановились за горкой въ ожиданіи приказанія двинуться на штурмъ. Впереди находились 3-ій и 4-ый баталіоны, 2-ой баталіонъ за ними, а 1-ый въ резервѣ. У насъ въ резервѣ почему то очутился одинъ баталіонъ Козловскаго полка; гдѣ находились остальные баталіоны этого полка, мнѣ неизвѣстно. За этой горкой мы простояли довольно долго; развели маленькіе огоньки, вскипятили воду и напились чаю. Офицеры вели подходящіе случаю разговоры.

Артиллерійское дѣло шло своимъ порядкомъ, огонь не прекращался ни на минуту. Наши денщики, увидѣвъ внизу въ лощинѣ какихъ то бродячихъ лошадей, отправились ихъ ловить; забавно было смотрѣть

на эту ловлю; солдаты дружно смѣялись, какъ будто впереди не предстояло ничего серьезнаго, а между тѣмъ имъ предстоялъ штурмъ редута, а можетъ быть и недалекая смерть. Тѣмъ и хорошъ русскій человѣкъ, что даже въ самые серьезные моменты онъ не думаетъ о смерти. Помолившись разъ Богу, онъ все время не забываетъ двѣ поговорки: «чему бывать, того не миновать»; и «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать».

Въ продолженіе всего дня замѣтно было за редутомъ, вдали въ горахъ, какое то передвиженіе турецкихъ войскъ. Судя по тому что за ними шли выюки, надо было предположить, что турки предприняли отступленіе изъ Арабъ-Конака и что мы имѣемъ дѣло только съ боковымъ заслономъ, выставленнымъ въ Ташкисенахъ для обезпеченія отступленія. Мы питали твердую надежду, что генераль Дандевилъ задержитъ отступленіе турокъ, покуда мы не справимся съ Ташкисенами; но наши надежды не оправдались. Какъ я уже упомянулъ выше, застигнутый снѣжной бурей на Бабъ-горѣ съ 16-го на 17-ое декабря, его отрядъ завязъ въ снѣгу, люди поморозили себѣ руки и ноги, орудія завалило снѣгомъ. Генераль Дандевилъ не могъ выполнить возложенную на него задачу, онъ отступилъ въ болѣе закрытыя мѣста, чтобы только не погубить окончательно весь отрядъ.

Въ этотъ день, 19-го декабря, всѣ позиціи подъ Арабъ-Конакомъ, Шандорникомъ и Лютиковымъ были одновременно покинуты турками, которые отступили изъ Арабъ-Конака къ югу, пройдя безнаказанно между нами и пострадавшимъ отъ выюги отрядомъ генерала Дандевила.

Наконецъ насталъ періодъ дѣла, въ который было рѣшено двинуть пѣхоту на штурмъ редута; турки ослабили артиллерійскій огонь и видимо готовились къ отступленію; нѣсколько орудій было уже увезено ими изъ редута. Пріѣхавшій отъ генерала Рауха ординарецъ передалъ приказаніе наступать. Лишь только началось наше движеніе, турки сейчасъ же открыли изъ редута сильный ружейный огонь. Насталъ скверный моментъ: на насъ сыпались пули, ударялись о камни, буравили землю, свистали надъ головами, производя полную иллюзію сильнаго града. Наша артиллерія усилила огонь и стрѣляла безъ умолку, а цѣпь, подъ прикрытіемъ пороховаго дыма, живо подвигалась впередъ. Турки не выдержали атаки и, покинувъ редутъ, побѣжали вслѣдъ за своими отступающими орудіями. 3-ій баталіонъ нашего полка ворвался въ большой редутъ, прошелъ его насквозь, вышелъ по другую сторону горы и открылъ сильный огонь по отступающему непріятелю. Люди стрѣляли собственно не по немъ, такъ какъ наступившая темнота скрыла его отъ насъ; они стрѣляли только по направленію его отступленія и все таки, какъ мы убѣдились на другой день, масса свинца, посланная имъ вдогонку, задѣла очень многихъ изъ нихъ.

Не успѣли мы войти въ редутъ, какъ залетали надъ нашими головами гранаты; онѣ пролетали такъ близко отъ насъ, что даже ощущалось сотрясеніе воздуха, а чья то лошадь даже упала на колѣни. Пораженные неожиданнымъ сюрпризомъ, мы обмѣнивались другъ съ другомъ отрывочными вопросами и въ недоумѣніи не знали, что намъ дѣлать, залечь ли въ редутъ, или же увести людей куда нибудь подъ гору, чтобъ скрыться отъ выстрѣловъ; но стрѣльба скоро прекратилась и мы успокоились. Гранаты летѣли въ насъ съ той позиціи, гдѣ отступившіе турки думали провести ночь. Мѣткость ихъ стрѣльбы въ темнотѣ, можно было объяснить только тѣмъ, что направленіе и разстояніе было заблаговременно опредѣлено; въ предусмотрительности такого рода турки неподражаемы.

Редутъ былъ окруженъ стѣной, наскоро сложенной изъ крупныхъ камней; надобно только удивляться тому терпѣнію, съ которымъ турки ворочали эти громадныя каменные массы. Я полагаю, что имъ было невыносимо тяжело выдерживать въ редутѣ нашъ артиллерійскій огонь; на голой каменной вышкѣ, прятаться отъ нашихъ залповъ было некуда; а отступитъ ранѣе ночи они боялись, да вѣроятно и не смѣли, потому что они прикрывали общее отступление турокъ со всѣхъ позицій. Въ редутѣ валялись убитые и раненые турки; на землѣ было разбросано кой-какое оружіе, всюду были видны осколки нашихъ гранатъ. Мѣсто, гдѣ произошелъ взрывъ заряднаго ящика, было сильно обуглено. Нашъ солдатикъ поднялъ валявшійся на землѣ большой флагъ красной луны, которымъ турки хотѣли насъ обмануть. Всѣ палатки остались на своихъ мѣстахъ и между ними отличалась одна, обтянутая зеленой шелковой матеріей; въ ней, должно быть, жилъ паша. Кто то изъ солдатъ, ради шутки, поджегъ ее снизу; огонь живо ее охватилъ и въ нѣсколько минутъ палатки не стало. Этимъ глупымъ шуткамъ сейчасъ же былъ положенъ конецъ; было не безопасно шутить съ огнемъ тамъ, гдѣ всюду были разбросаны патроны.

Между валяющимся оружіемъ я поднялъ два пистолета; они были кремневые, но безъ кремней, а у одного изъ нихъ даже не держался курокъ на взводѣ. Спрашивается, зачѣмъ турки таскали съ собой оружіе, изъ котораго нельзя было стрѣлять? То же самое я не разъ замѣчалъ и у братушекъ; думаю, что они носили съ собой это негодное оружіе только для того, чтобъ пугать тѣхъ, кого имъ приходилось грабить.

Ночь провели мы среди непривѣтнаго дикаго каменнаго редута вмѣстѣ съ Императорскими стрѣлками, которые, вслѣдъ за нами, тоже вошли въ редутъ. Командиръ этого баталіона графъ Влад. Петр. Клейнмихель добрался до редута пѣшкомъ, хотя ему было не легко подниматься наверхъ. Войдя въ редутъ, онъ подошелъ къ намъ и раз-

сказалъ, какъ полчасу тому назадъ его казначей, все время шедшій съ нимъ рядомъ, былъ сраженъ пулею на смерть.

Эту ночь мы провели безъ व्यюковъ, которые, по причинѣ темноты, не могли до насъ добраться. Я завернулся въ бурку и залегъ въ какой то землянкѣ, въ которую набралось много нашихъ офицеровъ. Послѣ утомительнаго дня я спалъ очень хорошо, только съ вечера передъ засыпаніемъ мнѣ все казалось, что я слышу шипѣніе гранатъ. Послѣ каждого дѣла я испытывалъ эту слуховую галлюцинацію, которая появлялась у меня въ то время, когда вокругъ все стихало и когда меня начиналъ одолѣвать сонъ.

На другой день, 20-го декабря, рано утромъ мы спустились съ горы, по тому направленію, по которому отступилъ непріятель. Впереди насъ все было тихо, даже мертво; по всѣмъ горамъ виднѣлись части нашего отряда, которыя, переходя съ горы на гору, подвигались впередъ. Въ снѣгу валялось много убитыхъ турокъ; одни изъ нихъ были убиты пулями, которыя посылались имъ наканунѣ въ догонку 3-имъ баталіономъ, а другіе, вѣроятно раненые еще въ редутѣ, слѣдовали за отступающими, но отъ истощенія силъ падали и за ночь умирали или замерзали. Ящики съ гранатами, тормозившіе отступление, были брошены въ снѣгу; вездѣ были видны слѣды безпорядочнаго бѣгства.

Разъѣздъ, посланный генераломъ Гурко по шоссе по направленію къ Арабъ-Конаку, вернулся съ извѣстіемъ, что турокъ нигдѣ нѣтъ. Арьергардъ турецкихъ войскъ, сумѣвшихъ такъ ловко отступить, еще видѣлся вдали къ Комарційской долинкѣ. Сейчасъ же имъ вслѣдъ была послана 3-я гвард. пѣх. дивизія, а вмѣстѣ съ нею и 1-ая наша батарея полковника Стрижевскаго, первая попавшаяся генералу Гурко на глаза. На покинутыхъ турками позиціяхъ живо появились братушки; они собирали брошенные лохмотья, а главное, воловьіе шкуры для выдѣлки кожъ. Всѣмъ войскамъ, бродившимъ по горамъ, было приказано спуститься къ Софійскому шоссе и расположиться на отдыхъ. По шоссе проскакали съ нашимъ конвоемъ трое турокъ, которыхъ генералъ Гурко приготовилъ на тотъ случай, если бы пришлось посылать парламентаровъ въ Арабъ-Конакъ; они отвратительно сидѣли на коняхъ и такъ высоко задирали голову, что я даже опасался за участь ихъ фесокъ.

Съ этого дня можно было считать переходъ Западнаго отряда черезъ Балканы совершившимся фактомъ, такъ какъ послѣднія турецкія позиціи на сѣверномъ склонѣ: Арабъ-Конакъ, Шандорникъ, Лютиково, были покинуты; съ этого же дня начали спускаться на южный склонъ Балканъ и тѣ части нашего отряда, которыя стояли передъ этими пунктами. Генералъ Гурко объѣзжалъ войска и поздравлялъ всѣхъ съ переходомъ черезъ Балканы. Я убѣжденъ, что турки не менѣ

насъ были рады покинуть свои позиціи. Не привыкшіе къ морозамъ, они страдали отъ холода, пожалуй побольше насъ, несмотря на то, что ѣли сытнѣе нашего солдата и были помѣщены въ чудныхъ палаткахъ, въ сравненіи съ которыми наши палатки казались чѣмъ то очень мизернымъ, ненадежнымъ.

До этого дня мы не знали, куда насъ поведутъ послѣ Ташкисенъ, налѣво или направо къ Софіи; но теперь путь отступленія турокъ выяснился; ихъ преслѣдовала 3-я гвар. пѣх. дивизія, насъ же оставили на ночлегъ у подножія Ташкисенскаго редута.

Рано утромъ 21-го декабря мы двинулись по направленію къ Софіи и, пройдя по шоссе верстъ 20-ть, подошли къ дер. Бугарово, гдѣ наканунѣ, т. е. 20-го декабря, генераль Вельяминовъ удачно отразилъ нѣсколько атакъ турокъ, вышедшихъ изъ Софіи и порывавшихся пройти къ намъ въ Ташкисены. Отрядъ генерала Вельяминова прекрасно исполнилъ свою задачу и далъ намъ спокойно справиться съ Ташкисенами. Когда мы подходили къ Бугарову, то генераль Вельяминовъ (старый преображенецъ) встрѣтилъ нашъ полкъ и спросилъ насъ, офицеровъ: «Хорошо ли я вамъ помогъ вчера и третьяго дня?» Убитыхъ турокъ въ дѣлѣ подъ Бугаровымъ насчитывали до 700 человекъ; раненыхъ же не оказалось, такъ какъ турки ихъ подобрали и забрали съ собою въ Софію; со стороны же русскихъ было изъ строя до 200 человекъ. По обѣ стороны дороги, куда ни взглянешь, вездѣ валялись въ снѣгу убитые турки; никто не думалъ ихъ убирать, морозъ застраховалъ трупы отъ разложенія, а они никому не мѣшали.

Пройдя еще верстъ пять, мы были остановлены завязавшейся перестрѣлкой между нашими осетинами и турецкими черкесами. Передъ нами протекалъ большой Искеръ поперекъ Софійской долины, а на немъ былъ мостъ, который охранялся непріателемъ, засѣвшимъ впереди него.

Рѣка большой Искеръ замѣчательна тѣмъ, что беретъ начало на южномъ склонѣ Балканъ, дѣлаетъ въ большихъ Балканахъ громадный прорывъ и впадаетъ въ Дунай.

Чтобъ заставить непріателя отступить, Преображенскій полкъ былъ посланъ въ обходъ непріательской позиціи. Мы подошли къ рѣкѣ и перешли на другую сторону по льду въ то время еще довольно крѣпкому. Турки, завидя нашъ обходъ, снялись съ позиціи, перебрались черезъ мостъ на ту сторону рѣки, а мостъ подожгли; наша артиллерія все время преслѣдовала шрапнелью отступавшихъ. Пожаръ былъ потушенъ осетинами, и къ вечеру перебрались на ту сторону наша артиллерія и наши व्यюки.

Сейчасъ же за мостомъ направо была деревня Враждебна и къ ночи она запылала. Пожаръ былъ вѣрнымъ признакомъ отступленія турокъ, которые поджигали все, что только могло горѣть. Осетины пре-

слѣдовали непріятеля до самой ночи и остались въ передовой линіи; мы же расположились возлѣ пылавшей деревни фронтомъ къ Софіи. Отъ пожара, на бивакѣ было совсѣмъ свѣтло; огонь все болѣе и болѣе разгорался.

Въ этомъ дѣлѣ у насъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ; только лошадь нашего командира полка, князя Оболенскаго, была ранена пулей на вылетъ въ шею.

На другой день, частямъ, свободнымъ отъ аванпостной службы, было разрѣшено размѣститься въ деревнѣ Враждебно по уцѣлѣвшимъ отъ пожара избамъ; всюду по деревнѣ еще тлѣли кучи, оставшіяся послѣ сгорѣвшихъ скирдовъ пшеницы, всюду стоялъ такой душливый запахъ гари, что воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ не пришлось; солдаты предпочли расположиться бивакомъ въ полѣ, а офицеры кое какъ устроились въ палаткахъ, приткнутыхъ къ плетню или къ какому нибудь уцѣлѣвшему скирду, чтобъ только укрыться отъ пронзительнаго холоднаго вѣтра. Я вошелъ въ одну избу, или кашту по болгарски, и нашелъ въ ней большое семейство болгаръ, состоящее изъ трехъ поколѣній. Бабка, женщина еще не совсѣмъ старая, была до того согнута, что верхняя половина ея стана была почти въ горизонтальномъ положеніи; ея замужнія дочки, пришедшія къ ней изъ разоренныхъ деревень, сидѣли и кормили своихъ дѣтей; онѣ были одѣты въ ихъ національный костюмъ, еще ни разу не видѣнный мною до сихъ поръ. Рубашка и чулки были вышиты самымъ мелкимъ славянскимъ узоромъ; юбка съ маленькимъ лифомъ изъ темнокоричневаго сукна, была украшена рядами цвѣтныхъ снуровъ. Бабы называли юбку сукномъ; талія была опоясана цвѣтнымъ кушакомъ съ большими металлическими пряжками, на которыхъ разными красками были изображены драгоценные камни. Въ концы распущенныхъ косъ были влетены мелкія монеты, производившія, при каждомъ поворотѣ головы, легкое бряцанье; на шеѣ висѣли нитки цвѣтныхъ бусъ. Въ первый разъ пришлось мнѣ видѣть красивый типъ болгарскихъ женщинъ: лицо длинное съ правильнымъ прямымъ носомъ, волосы черные, а глаза темные съ длинными рѣсницами.

Окрестности Софіи отличаются тѣмъ, что здѣсь сохранился въ своей полной силѣ чисто болгарскій типъ. Мужчины показались мнѣ очень подвижными и шустрыми. Насколько придунайскій болгаринъ казался мнѣ забитымъ, равнодушнымъ, на столько забалканскій братушка казался мнѣ бойкимъ, предприимчивымъ, развитымъ; а женщины южной Болгаріи положительно красивѣе своихъ сѣверныхъ сосѣдокъ. Округъ Софіи самый населенный во всей Турціи, и это много способствуетъ развитію братушекъ; они борются за существованіе и стараются другъ друга перехитрить. Костюмъ южныхъ братушекъ ничѣмъ не отличался отъ

сѣверныхъ, только ихъ рубахи были вышиты разнообразными узорами.

Снявъ съ одного болгарина шапку, я, къ моему удивленію, увидѣлъ, что его голова была выбрита, только на макушкѣ оставался длинный чубъ, который онъ тщательно подбиралъ въ свою шапку. Я просилъ болгарина объяснить мнѣ, зачѣмъ они это дѣлаютъ. Вполнѣ понимая до чего онъ былъ смѣшонъ и смѣясь вмѣстѣ со мной, онъ разсказалъ мнѣ, что въ окрестностяхъ Софіи, еще съ-поконъ вѣковъ, ведется такая мода; но какъ истый славянинъ, онъ не могъ при этомъ случаѣ не пошутить и не позазать, какъ турки берутъ болгарина за чубъ лѣвой рукой, а правой бьютъ его палкой; онъ продѣлалъ руками всѣ эти эволюціи съ большимъ юморомъ.

Въ избу вѣбжала маленькая шустрая дѣвчонка и кричала: «Мамка, черкесъ има крстъ». Всѣ выбѣжали смотрѣть на это чудо; оказалось что мимо избы прошелъ нашъ осетинъ съ виду похожій на турецкаго черкеса, а у него на груди висѣлъ крестикъ. Старуху бабу я не узналъ на дворѣ, она вдругъ выпрямилась и стала высокой женщиной но векорѣ же она снова обратилась въ вопросительный знакъ и пошла обратно въ избу; она напомнила мнѣ птицу, которая, для того чтобъ высмотрѣть опасность, вытягиваетъ шею и потомъ снова ее въ себя втягиваетъ. Все семейство было полно энергіи; вѣроятно оттого они и не ушли изъ деревни и сѣумѣли отстоять свой домъ отъ огня, отгрызаясь отъ турокъ.

Весь этотъ день 22-го декабря мы провели въ деревнѣ Враждебно.

XV.

Выступленіе изъ дер. Враждебно въ г. Софію.—Пребываніе въ г. Софіи.

23-го декабря, наша кавалерія дошла до самой Софіи, которая была отъ насъ верстахъ въ десяти, и убѣдилась что въ ночь на 23-е число турки ее покинули, отступивъ по двумъ направленіямъ: на западъ по шоссе на Филиппополь, и на югъ въ горы. Всѣ отступленія турокъ совершались всегда по ночамъ; днемъ они боялись преслѣдованій. Въ одну ночь они обыкновенно уходили такъ далеко, что догнать ихъ пѣхотой было невозможно, а отъ преслѣдованій нашей кавалеріи они ловко скрывались въ горахъ, гдѣ кавалеріи было трудно дѣйствовать.

Вѣсть объ очищеніи Софіи мгновенно разнеслась по войскамъ; недоваренная пища была вылита изъ котелковъ, баталіоны сами приготовились къ выступленію безъ всякаго на то приказанія. Преображен-

скій полкъ, какъ старѣйшій, долженъ былъ вступить въ Софію первымъ. По дорогѣ ротные командиры осматривали свои роты и приводили ихъ въ болѣе приличный видъ; прожженные шинели съ черными заплатами, драныя шапки безъ козырьковъ, фески, стеганныя турецкія безрукавки, которыя замѣняли солдатамъ сторѣвшія шинели, все это было припрятано въ середину роты; люди расчесывали себѣ пальцами бороды, поправляли смятыя фуражки, надѣвали ихъ слегка на бокъ, чтобъ придать себѣ болѣе молодцоватости. Общій видъ роты сдѣлался болѣе удовлетворительный, но все-таки онъ былъ весьма печальный.

По количеству оставленныхъ турками вблизи города палатокъ можно было судить о томъ, что въ Софіи было сосредоточено не мало войскъ; палатокъ можно было насчитать тысячи, но почти всеѣ полы ихъ были изрѣзаны; непріятель сдѣлалъ это изъ злости, что ему пришлось удирать изъ Софіи налегкѣ безъ палатокъ.

Наконецъ вдали показалась та самая Софія, про которую братушка въ деревнѣ Чурьякѣ говорилъ: «Тамъ има добро винце». Подходя къ городу, чехлы съ знаменъ были сняты, для того чтобъ войти въ него съ распущенными знаменами, что обыкновенно дѣлается только въ исключительныхъ случаяхъ. Баталіоннымъ музыкантамъ съ продранными барабанами и поломанными флейтами, было приказано играть марши. Узнать мелодію, которую старались высвистывать флейтчики, было невозможно; вслѣдствіе потерянныхъ клапановъ, мотивъ постоянно прерывался, а вмѣсто нотъ слышалось шипѣніе воздуха, выходящаго изъ флейты, кожа барабановъ размокла, самъ барабанъ расклеился, такъ что на немъ выходили какіе то низкіе звуки съ сильнымъ дребезжаніемъ. Но все-таки эта оригинальная музыка помогала намъ идти въ ногу. При входѣ въ городъ стояла довольно пестрая толпа народу, частью въ фескахъ, а частью въ болгарскихъ бараньихъ шапкахъ; передъ толпой стояло духовенство въ полномъ облаченіи, съ иконами и хоругвями; солдаты снимали фуражки и крестились, что производило на народъ, еще никогда не видавшій русскаго аскера (солдата), хорошее впечатлѣніе. Народъ встрѣчалъ насъ съ радостными криками, но все-таки было замѣтно, что онъ кричалъ нерѣшительно и не такъ дружно, какъ бы можно было ожидать въ подобномъ случаѣ. Крики собравшихся были облечены въ форму протяжнаго: а а а а...., никакихъ ура или живіо они не кричали; другіе же хлопали въ ладоши. Женщины бросали въ насъ вѣтки зелени, мы ихъ подымали и обязательно нюхали, хотя онѣ ничѣмъ не пахли.

Между толпой, опытный офицерскій взглядъ сейчасъ же примѣтилъ лакеевъ изъ гостиницы, одѣтыхъ во фраки съ громадными металлическими пуговицами и съ салфеткой подъ мышкой. Думаю, что въ это время, послѣ 3-хъ мѣсячнаго скитанія по разореннымъ мѣстамъ да по снѣжнымъ горамъ, у всѣхъ офицеровъ, при видѣ этихъ лакеевъ, должна

была промелькнуть одна и та-же мысль о водкѣ, о бифштексахъ и о многомъ другомъ, о чемъ мы забыли и думать. До гостиницъ добрались мы не сразу; войдя въ городъ, насъ повели по кривымъ и узкимъ улицамъ. Всѣ ставни и ворота были заперты; всюду пахло востокомъ, восточною грязью. Мы вышли на городскую площадь. Здѣсь нашъ полкъ былъ остановленъ; къ намъ подошли иностранные консулы и предложили свои услуги для расквартированія войскъ. Покуда наши квартиреры объѣзжали городъ, консулы угощали насъ тутъ же на площади коньякомъ и англійскимъ печеньемъ; мы не заставляли ихъ долго насъ просить. Разговоръ съ ними шелъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; они были предупредительны и внимательны къ намъ и удивлялись прекрасному выговору русскихъ офицеровъ. Узнавъ, что между нами находится нашъ бригадный командиръ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, они сконфузились и стали выказывать его высочеству особенное вниманіе, чѣмъ только стѣсняли принца, который своей простотой обращенія и обходительностью сейчасъ же успокоилъ ихъ эмоціи.

По разсказамъ консуловъ, въ промежутокъ времени между отступленіемъ турокъ и нашимъ вступленіемъ, въ городѣ царилъ полнѣйшая анархія, продолжавшаяся нѣсколько дней безъ всякаго начальства. Болгары разносили турецкіе оружейные склады, грабили турецкихъ жителей до такой степени, что магазины должны были прекратить торговлю. Консулы, опасаясь народныхъ безобразій, вовсе не выходили на улицу и были до того напуганы только что пережитымъ временемъ, что сейчасъ же обратились къ его высочеству съ просьбой назначить къ ихъ домамъ караулы. Между прочимъ они указали принцу нѣсколько подозрительныхъ личностей, считавшихся въ Софіи турецкими шпионами; они вѣшали и преслѣдовали болгаръ по приказанію турокъ. Его высочество моментально же приказалъ взять ихъ подъ стражу и отвести подъ арестъ.

Къ намъ подходили молодые болгары, которыхъ только что выпустили изъ заточенія въ тюрьмѣ, гдѣ они томились по подозрѣнію въ пропагандѣ противъ турокъ. Одни изъ нихъ сидѣли съ самаго лѣта и были въ соломенныхъ шляпахъ, которыя вѣроятно носили еще во время ареста; ихъ лица были веселыя и они охотно съ нами разговаривали; большая часть ихъ была изъ учителей, которыхъ турки ненавидѣли и уничтожали, гдѣ только могли.

Въ Софіи мы узнали, что въ городѣ было около 30-ти таборовъ, и что турки отступили въ самомъ жалкомъ видѣ; между ними было много изнуренныхъ отъ плохой пищи и отъ морозовъ. Въ городѣ по госпиталямъ лежало до 2000 больныхъ и раненыхъ. Доктора были все больше нѣмцы и англичане. Они пришли на площадь тоже посмотреть на насъ; на рукѣ была у нихъ повязка красной луны, а на головѣ феска. Доктора сейчасъ же заявили, что, такъ какъ уже болѣе нѣтъ турецкаго

управленія, то они отказываются лечить больныхъ и раненыхъ, тѣмъ болѣе, что вся больничная прислуга разбѣжалась; они выразили желаніе уѣхать въ Андріанополь. Тогда имъ было объявлено, что свободныхъ врачей у насъ нѣтъ и что ихъ изъ Андріанополя не выпускать; волей-неволей они должны были остаться и продолжать разъ уже начатое ими дѣло. За организацію этого важнаго дѣла горячо взялся нашъ командиръ полка князь Ник. Ник. Оболенскій, назначенный военнымъ губернаторомъ города Софіи. Въ городѣ была нѣкоторая благотворительная помощь красной луны, но она была незначительная и держалась только англичанами; отъ турецкаго же правительства на дѣло медицинской помощи отпускалось весьма мало.

Болгарская часть города была разрушена и сожжена; во многихъ мѣстахъ еще тлѣлъ огонь. Нашъ полкъ былъ размѣщенъ по домамъ въ покинутой турками и богатыми евреями части города; она сохранилась отъ пожара, но не отъ разграбленія. Внутри домовъ мы нашли только голыя стѣны; вѣроятно болѣе цѣнное добро было увезено хозяевами, а оставшееся разграблено чернью. Мы посылали людей за топливомъ въ сгорѣвшую часть города, тамъ подбирались обгорѣлые остатки домовъ.

Я помѣстился въ одномъ совсѣмъ пустомъ домѣ, принадлежавшемъ, судя по надписямъ, какому то богатому еврею; домъ былъ красиво выстроенъ, только въ немъ не было ни единой печки. На Востокѣ, для согрѣванія комнатъ, обыкновенно вносятъ мангалъ, т. е. желѣзную жаровню съ горящими въ ней древесными углями. Въ походѣ мы его очень полюбили; — это скорый и недорогой способъ нагрѣванія воздуха въ домѣ или въ палаткѣ. Только надо быть съ нимъ очень осторожнымъ, потому что рано внесенный въ комнату мангалъ, еще не съ прогорѣвшими углями, можетъ легко причинить головную боль, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ—угаръ.

Въ мою комнату внесли мангалъ, который нагрѣлъ ее въ нѣсколько минутъ. Я воспользовался тепломъ и во второй разъ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, умылся съ головы до ногъ теплой водой; это было для меня событіемъ, поэтому и вспоминаю о немъ какъ о чемъ то необыкновенномъ.

На дворѣ этого дома былъ красивый колодезь, изъ котораго добывалась чудная прохладная вода; всюду по городу замѣчалось обиліе такихъ колодезевъ, которые все были устроены на восточный манеръ, т. е. въ красивой каменной отдѣлкѣ съ разными надписями изъ корана.

Не успѣлъ я устроиться въ этомъ домѣ, какъ мою роту уже вызвали на городскую площадь, гдѣ предполагалось устроить нѣчто въ родѣ гауптвахты. Я разставилъ ко всемъ консульскимъ домамъ часовыхъ; по просьбѣ консуловъ приходилось посылать часовыхъ и къ ихъ знакомымъ.

Купцы, опасаясь ночного разноса ихъ магазиновъ, просили меня о томъ же. Двое докторовъ, въ числѣ которыхъ былъ знакомый мнѣ врачъ Ник. Влад. Эккъ, подошли ко мнѣ и умоляли дать имъ съ собой хоть двухъ солдатиковъ. Имъ отвели квартиру гдѣ то на краю города и они тоже опасались всякихъ безобразій; отказать было невозможно. Кромѣ того днемъ и ночью разгуливали по городу мои патрули.

Нѣсколько часовъ послѣ нашего вступленія въ Софію, уже въѣхалъ обратно въ городъ цѣлый обозъ турецкихъ жителей города, пожелавшихъ снова поселиться въ своихъ домахъ. Въ ожиданіи сраженія подъ городомъ, они заблаговременно покинули его и жили все время вблизи въ своихъ телѣгахъ. Старики турки, съ виду совсѣмъ патріархи, съ подстриженными сѣдыми бородами и въ чалмахъ, въ какихъ обыкновенно рисуютъ турокъ, управляли волами, идя впереди ихъ. Во всемъ обозѣ я не замѣтилъ молодыхъ турокъ; они должно быть были всѣ въ рядахъ турецкой арміи; старики были всѣ очень типичны, а нѣкоторые даже красиво живописны. Но внѣшній видъ турчанокъ поражалъ своимъ безобразіемъ; ихъ лицъ почти не было видно, вся нижняя часть лица была покрыта тонкимъ кисейнымъ платкомъ, который у рта былъ мокрый отъ слюней; ихъ черные глаза блестѣли, но цвѣтъ лба былъ желтый, томный, отъ постоянной сидячей комнатной жизни; а зеленый капюшонъ, развѣвавшійся отъ вѣтра, обнажилъ всю грязь ихъ одежды. Когда же солдатики увидѣли ихъ широкія неэстетичныя шальвары, забрызганные грязью, то всюду послышался смѣхъ.

До сихъ поръ намъ ни разу не приходилось видѣть турецкихъ жителей, а между тѣмъ, мы прошли уже больше половины Турціи; можно было въ то время смѣло сказать, что во всей придунайской Болгарии вплоть до самой Софіи не осталось ни единого турецкаго семейства.

Весь обозъ, доѣхавъ до городской площади, былъ остановленъ въ виду возникшаго вопроса о разрѣшеніи имъ въѣхать въ свои жилища. Къ обозу подошли болгары и вступили съ турками въ споръ и драку изъ-за воловъ, будто бы похищенныхъ турками у нихъ. Для меня не было сомнѣнія, что болгары, пользуясь нашимъ пребываніемъ въ городѣ, придумывали всякія исторіи, чтобъ только ограбить турокъ; они просили моего содѣйствія въ разрѣшеніи ихъ спора. Чтобъ прекратить шумъ и драку, я приказалъ своимъ людямъ разогнать братушекъ, и порядокъ былъ восстановленъ. Я приказалъ солдатамъ подробно рассмотреть обозъ и обезоружить тѣхъ, у кого будетъ найдено какое-нибудь оружіе.

Уже начало темнѣть, а я все еще не получалъ никакихъ приказаній относительно турецкаго обоза; ему пришлось провести эту ночь въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ былъ остановленъ. Для турецкихъ женщинъ и дѣтей былъ отведенъ на ночь отдѣльный домъ; когда всѣ эти муміи понаѣззили туда, тамъ сдѣлалась такая вонь, поднялся та-

кой крикъ дѣтей, что оставаться долго между ними было невозможно. Около этого дома я приказалъ поддерживать въ продолженіе всей ночи нѣсколько большихъ костровъ съ цѣлю освѣщать внутренность этого дома, гдѣ сидѣли турчанки; а старики турки легли около своихъ арбъ. Городская площадь имѣла въ эту ночь совсѣмъ праздничный видъ отъ множества разведенныхъ на ней огней. Къ ночи всѣ поумаялись и успокоились; почти вся моя рота была разобрана для охраны; небольшая оставшаяся отъ нея часть устроилась на самой площади, развела костры и начала варить себѣ ужинъ. Я подошелъ къ ней, и въ первый разъ, въ продолженіе всего дня присѣлъ; мои ноги ныли и отъ усталости, отказывались двигаться. Я поѣлъ, растянулся около костра и сейчас же заснулъ.

Эта ночь была преисполнена всякихъ событій; мнѣ не давали спать, потому что на мою гауптвахту то и дѣло приводили всякихъ шлюющихся по городу подозрительныхъ людей. Началось съ того, что патруль задержалъ въ городѣ двухъ вооруженныхъ людей; они объяснили мнѣ по болгарски, что здѣшніе купцы, вышли погулять по городу и на всякій случай, для самозащиты, захватили съ собой револьверъ и ятаганъ; оружіе было у нихъ отобрано, а сами они были задержаны до утра. Въ это время, когда я съ ними объяснялся, послышался на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ турецкій обозъ, женскій крикъ, почти ревъ, поднятый одной турчанкой; я бросился туда и долго не могъ понять о чемъ она плачетъ. Переводникъ, которому приходилось сразу выслушивать и ее и старого турка, объяснилъ мнѣ въ чемъ было дѣло; оказалось, что ночью кто-то выкралъ у нихъ изъ арбы цѣлую бочку съ медомъ.

Всѣмъ солдатамъ было приказано не отлучаться съ мѣстъ ихъ расположения; но они все-таки незамѣтно ускользали, разносили винные склады, напивались и въ нетрезвомъ видѣ были доставляемы патрулями на мою гауптвахту. Хозяева разнесенныхъ складовъ приходили ко мнѣ утромъ жаловаться, но виновныхъ конечно не могли указать. Я не могъ имъ помочь, а только совѣтовалъ попросить на будущую ночь часовыхъ для караула.

У одного приведеннаго пьянаго солдата, при обыскѣ, нашли въ карманѣ нѣсколько прекрасныхъ дорогихъ шитыхъ шелкомъ турецкихъ полотенецъ, которыя онъ гдѣ то добылъ; солдата я отправилъ въ его полкъ, а полотенца были переданы мнѣ. Я не зналъ что съ ними дѣлать; пришлось оставить покуда у себя. Эти полотенца и по сіе время хранятся у меня какъ память о Софіи. Точно такимъ же образомъ достался мнѣ въ эту ночь чудный ятаганъ, тоже отобранный у какого то пьяненькаго солдата.

Въ продолженіе всей ночи раздавались въ различныхъ мѣстахъ города какіе то выстрѣлы; они не могли не нарушать покоя. По направ-

ленію выстрѣловъ я посылалъ патруль, но онъ возвращался каждый разъ съ извѣстіемъ, что никого не нашелъ. Сперва я не могъ понять, кто и зачѣмъ стрѣляетъ; но одинъ консулъ, всю ночь не спавшій отъ безпокойства и нѣсколько разъ навѣщавшій меня на гауптвахтѣ, разъяснилъ мнѣ, что стрѣляютъ подвыпившіе болгары, которые еще до нашего вступленія въ городъ, разграбили оружейные склады и запаслись оружіемъ; они стрѣляли боевыми патронами хотя и вверхъ, но все-таки пули летали надъ городомъ и пугали жителей. Дѣлали же они это для того, чтобъ выказать свою радость по случаю прибытія русскихъ войскъ. Всѣ мои попытки разыскать расхитившихся болгаръ были неудачны; выстрѣлы продолжались до разсвѣта, а пули повисывали всю ночь надъ городомъ.

На другой день послѣ нашего входа въ Софію былъ канунъ Рождества, и всѣ офицеры съ командами нижнихъ чиновъ собрались въ Софійскій соборъ къ вечернѣ. Службу совершалъ нашъ священникъ вмѣстѣ съ болгарскимъ дьякономъ; служба прошла довольно гладко. Софійскій соборъ очень помѣстительный, а внутренней отдѣлкой и пестротой сильно напоминаетъ Востокъ. Мнѣ разсказывали, что въ этотъ день въ одномъ полку, офицеры втащили въ домъ вѣтку кипариса, зажгли вокругъ нея дюжину стеариновыхъ свѣчей, усялись за столъ, на которомъ стояли бутылки вина, и самымъ положительнымъ образомъ встрѣтили въ походѣ праздникъ.

25-го утромъ происходило въ соборѣ торжественное богослуженіе; нѣкоторымъ частямъ былъ сдѣланъ церковный парадъ.

Въ продолженіе дня по всему городу, ради праздника, раздавались выстрѣлы; братушки продолжали стрѣлять боевыми патронами. По всему побережью Мраморнаго, Эгейскаго, Ионическаго морей, въ Греціи, Черногоріи, даже у насъ въ Крыму, существуетъ этотъ обычай стрѣлять въ праздники, но конечно не боевыми патронами; братушки же до того обрадовались ружьямъ, что забавлялись ими какъ дѣти игрушками, и не видѣли того безобразія, которое творили стрѣльбой боевыми патронами.

До нашего вступленія въ Софію, въ ней насчитывалось до 20.000 жителей; мы нашли значительно меньшее число, но съ каждымъ днемъ, убѣжавшіе жители снова возвращались въ городъ. Князю Ник. Ник. Оболенскому въ первые дни было не мало хлопотъ, чтобъ водворить въ городѣ хоть немного порядка; жители приходили жаловаться на совершенныя у нихъ кражи съѣстныхъ припасовъ, но въ то же время не могли указать виновныхъ. Несмотря на посылаемые по ночамъ патрули, рѣшительно нельзя было услѣдить за всѣми безобразіями, совершаемыми ночью въ неосвѣщенномъ городѣ по дворамъ и закоулкамъ. При всемъ желаніи помочь пострадавшимъ сдѣлать этого было невоз-

можно. Большая часть грабежа выпадала на долю винныхъ складовъ; а какъ разыскать украденное вино, которое уже давно выпито? Страстное желаніе добратъся до «добро винце» дѣлало солдатъ хитрыми и изворотливыми.

Въ помощь губернатору было организовано городское управленіе, состоявшее изъ почетныхъ жителей города; а изъ лучшихъ солдатъ была составлена полицейская стража. Благодаря энергіи князя въ городѣ востановилось спокойствіе, магазины были открыты; въ нихъ торговали все больше чаемъ, сахаромъ, виномъ, печеньемъ, консервами, закусками и проч.; въ пекарняхъ пекли хлѣбъ по два раза въ день. Большая часть магазиновъ была расположена на городской площади, въ лучшей части города; тутъ же были и гостиницы и дома, принадлежащія иностраннымъ консуламъ. Эти дома были выстроены на европейскій ладъ и служили украшеніемъ площади. Офицеры проводили весь день въ гостиницахъ, курили, болтали, пили мѣстный винный квасокъ. Намъ пришлось въ первый разъ въ Болгаріи пить мѣстное вино; оно было очень кисло, всѣ его хулили, но въ то же время усердно попивали.

Самая большая гостиница была l'Union; въ ней мы задумали устроить полковой обѣдъ и опредѣлили на то по полуимперіалу съ офицера. къ обѣду былъ приглашенъ старый преображенецъ генераль Ник. Ник. Вельяминовъ, выдержавшій 20-го декабря подъ Бугаровымъ сильный натискъ турокъ. Обѣдъ былъ безъ музыки, которая почему то не была разрѣшена. Общее настроеніе за обѣдомъ было иное, чѣмъ бывало въ мирное время; да и понятно, можно ли отдаться всей душой веселому настроенію, когда дѣло еще далеко не кончено, когда всюду пахнетъ смертью, ужасами и всякими лишениями войны? Тоскъ за здоровье храбраго генерала Вельяминова былъ принять съ большимъ и неподдѣльнымъ сочувствіемъ. Обѣдъ длился очень долго; сидѣть было невыносимо трудно; я, за время четырехъ мѣсячнаго пребыванія въ горахъ, до того отвыкъ отъ спертаго трактирнаго воздуха, что даже почувствовалъ головокруженіе. Шумъ отъ общаго разговора, стукъ тарелокъ, облака дыму, все это произвело на меня одуряющее дѣйствіе. Я вышелъ на улицу и тогда только почувствовалъ себя снова хорошо, когда сталъ дышать чистымъ воздухомъ.

Всѣ софійскіе турецкіе запасы были приведены въ извѣстность; оказалось, что всѣ мечети до самаго верху, были переполнены мѣшками съ пшеничной мукой, такъ что нашихъ солдатъ стали кормить бѣлымъ пшеничнымъ хлѣбомъ. Стеганныхъ турецкихъ фуфаекъ нашлось въ складахъ большое количество и при отсутствіи въ нашихъ войскахъ дубленокъ и теплой одежды, болѣе цѣннаго пріобрѣтенія нельзя было и придумать. Солдаты надѣвали ихъ подъ мундиръ и чувствовали отъ нихъ большое тепло. Изъ склада мѣдныхъ инструментовъ, я вы-

бралъ себѣ на память самый маленькій барабанъ, который былъ мною привезенъ въ Петербургъ, гдѣ онъ попалъ въ Аничковскій дворецъ, на музыкальныя собранія у наслѣдника цесаревича Александра Александровича, который во время отдыха между игрой на своемъ громадномъ мѣдномъ инструментѣ Геликонѣ, бралъ иногда этотъ барабанъ и участвовалъ на немъ въ исполненіи какого нибудь марша.

Во время нашего пребыванія въ Софіи, нельзя было пожаловаться на погоду, хотя она и была довольно переменчивая, то морозъ, а то вдругъ оттепель. При тепломъ южномъ вѣтрѣ воздухъ дѣлался мягкимъ и пріятнымъ, а солнце порядкомъ пригрѣвало. Вообще послѣ нашего перехода чрезъ Балканы, сдѣлалось значительно теплѣе и нельзя было не почувствовать, что мы находимся уже на южномъ склонѣ горъ. По рассказамъ софійскихъ жителей, вся зима состоитъ у нихъ изъ перемежающейся погоды безъ суровыхъ морозовъ и продолжается весьма короткое время; затѣмъ отъ сильнаго солнца начинается таять снѣгъ и поля быстро обнажаются. Уже тотъ фактъ, что жаворонки не улетаютъ зимой изъ южной Болгаріи, свидѣтельствуетъ о томъ, что они могутъ тамъ кормиться въ продолженіе всей зимы.

Дальнѣйшія предположенія генерала Турко состояли въ томъ, чтобы продолжать наступленіе на Филиппополь и какъ можно быстрѣе, въ виду дошедшихъ до насъ слуховъ, что турки желаютъ мириться.

Пришло время покинуть Софію; я купилъ себѣ провизіи, которой хватило мнѣ до самаго Адрианополя. Въ Софіи я нашелъ прекрасную копильню окороковъ, которые поставлялись хозяиномъ этого заведенія въ Филиппополь и даже въ Адрианопись; у него я приобрѣлъ два копченыхъ окорока и малороссійскаго сала, которое я охотно ѣлъ, въ особенности въ холодное время, и такъ къ нему привыкъ, какъ самоѣдъ къ своей ворвани. Дальнѣйшее мое продовольствіе во время нашего быстрого движенія къ Константинополю было организовано такъ: на привалахъ, денщикъ подавалъ мнѣ кусокъ сала и варилъ рисъ; а вечеромъ, по приходѣ на мѣсто, онъ угощалъ меня супомъ съ говядиной. При такой однообразной жизни и при большомъ движеніи, я чувствовалъ себя все время здоровымъ какъ никогда.

Софійскій округъ всегда славился красивымъ болгарскимъ питьемъ и кружевами народнаго плетенія; мнѣ указали въ городѣ одну болгарку, которая этимъ занималась. Я отправился къ ней передъ самымъ нашимъ выходомъ изъ Софіи и купилъ много болгарскаго питья по полотну; его рисунокъ былъ красивѣе и оригинальнѣе нашихъ русскихъ пѣтушковъ. Болгарка совѣтовала мнѣ обратить вниманіе, по дорогѣ въ Филиппополь, на дер. Вакарель, которая издавна славилась въ Болгаріи красивымъ питьемъ. Наконецъ былъ объявленъ день выступленія изъ Софіи и порядокъ слѣдованія войскъ; нашъ полкъ попалъ въ

самый глубокий резервъ колонны графа Шувалова, предназначенной двигаться на Филиппополь по шоссе; другія колонны были двинуты обходными путями съ цѣлью охватить отступившаго непріятеля съ фланговъ. Турки могли намъ оказать серьезное сопротивленіе только въ одномъ мѣстѣ недалеко отъ гор. Ихтимана. Мѣсто это называлось Траяновыми воротами и представляло весьма узкій проходъ между двумя высокими горами, миновать который мы не могли.

XVI.

Выступленіе изъ гор. Софіи.—Ени-Магале.—Вакарель.—Ихтиманъ.—Капуджикъ.—Траяновы ворота.—Вѣтренево.—Татаръ-Базарджикъ.—Корнари.

29-го декабря наша бригада подъ начальствомъ его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго покинула Софію; остальные два полка нашей дивизіи: Измайловскій и Егерскій, остались въ городѣ; впереди насъ шла 2-я гвард. пѣх. дивизія.

Во время нашего пребыванія въ Софіи, выяснилось, что турки отступили на ю. в. къ Татаръ-Базарджику, и на югъ на Радоміръ; насъ двинули по первому направленію.

Мысли, съ которыми мы выступили изъ Софіи, вообще говоря, были далеко не веселыя; хотя Шишка и пала наканунѣ (28-го дек.), но мы объ этомъ еще не знали; потомъ по дорогѣ мы узнали, что 3-я гвард. пѣх. дивизія, преслѣдовавшая отступившихъ изъ Арабъ-Конака турокъ, была принуждена выдержать въ горахъ, подъ Мечкой, натискъ турокъ, которые въ слѣдствіе вялаго ихъ преслѣдованія, имѣли дерзость перейти въ наступленіе. Вялое же преслѣдованіе, судя по слухамъ, происходило отъ многихъ причинъ; во-первыхъ, мѣстность была гористая, неудобная для движенія артиллеріи; а кавалерія въ горахъ не могла дѣйствовать. Былъ недостатокъ въ сухаряхъ, и ко всему этому въ дивизіи были убиты два генерала, Философовъ и Каталей.

По выходѣ изъ города, шоссе тотчасъ же пошло въ гору; а спустя нѣсколько часовъ, мы снова очутились въ горахъ, такъ называемыхъ среднихъ Балканахъ; шоссе, по которому мы двигались, шло на Татаръ-Базарджикъ, Филиппополь, Адрианополь и далѣе на Царьградъ.

Нашъ первый ночлегъ былъ въ дер. Ени-Магале, а второй въ дер. Вакарель; оба деревни были разрушены до тла, какъ будто ихъ не существовало, и намъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, гдѣ нибудь вблизи отъ развалинъ. Въ дер. Вакарель я не могъ не вспомнить той софійской болгарки, которая совѣтовала мнѣ обратить вни-

маніе на прекрасный уголокъ Болгаріи, гдѣ можно было купить болгарское питье и вообще гдѣ процвѣтала кустарная промышленность конечно она не знала, что творилось по пути отступленія турокъ, она не знала, что дер. Вакарель уже болѣе не существуетъ. Послѣ четырехъ мѣсячнаго пребыванія въ Болгаріи, я зналъ, что страна разорена, но развалины Вакарель и слова этой болгарки помогли мнѣ еще яснѣе увидѣть то, что война могла сдѣлать изъ этой страны.

Въ горахъ опять сдѣлалось дико, непривѣтливо и нашимъ лошадямъ снова насталъ голодный періодъ; они кормились только тѣмъ ячменемъ который мы забрали съ собой изъ Софіи, и потому зерно расходовалось осторожно съ большимъ расчетомъ.

Третій переходъ, 31-го декабря, былъ назначенъ отъ Вакарель до Капуджика, который былъ у самаго подножія Траяновыхъ воротъ, засѣвшихъ у всѣхъ гвоздемъ въ головѣ. Привалъ былъ сдѣланъ въ городѣ Ихтиманѣ; назвать его городомъ немного рисковано, это скорѣй очень большая восточная деревня, въ которой еще издали виднѣлись два минарета. Здѣсь мы узнали радостную вѣсть — въ Траяновыхъ воротахъ турокъ не было и мы могли спокойно двигаться дальше.

Въ первый разъ въ продолженіи всего похода, въ Ихтиманѣ у меня немного просвѣтлѣло на душѣ; здѣсь я увидѣлъ офицера, присланнаго турецкимъ главнокомандующимъ въ отрядъ генерала Гурко съ объявленіемъ, что султанъ уже послалъ въ главную квартиру великаго князя уполномоченныхъ для веденія переговоровъ о перемиріи. Въ виду этого Сулейманъ-паша и проситъ пріостановить дальнѣйшее наступленіе. Этотъ офицеръ говорилъ довольно порядочно по французски; мы выложили нашъ товаръ лицомъ и показали ему нашихъ рослыхъ преображенцевъ государевой роты, ровно на цѣлый аршинъ выше его ростомъ; онъ смотрѣлъ на нихъ съ непритворнымъ изумленіемъ, а мы забавлялись произведеннымъ на него впечатлѣніемъ.

Его направили къ генералу Гурко, который не обратилъ никакого вниманія на хитрость непріятеля и велѣлъ, напротивъ того, продолжать наступленіе еще съ большей быстротой безъ всякихъ дневокъ и проволочекъ времени. Турки любили прибѣгать къ подобнымъ хитрымъ уловкамъ, когда имъ приходилось плохо, когда ихъ тѣснили. Миссія турецкаго посланнаго вполнѣ не удалась, все равно какъ не удалась миссія и другихъ офицеровъ, посланныхъ Сулейманомъ тотчасъ же послѣ паденія Шипки, одновременно во всѣ другіе отряды съ тою же просьбою пріостановить движеніе. Эта азіятская хитрость имѣла въ виду дать отступающимъ туркамъ возможность гдѣ нибудь сосредоточиться. Такимъ серьезнымъ пунктомъ впереди насъ былъ Адрианополь, который былъ замѣчательно хорошо укрѣпленъ и легко могъ бы затянуть кампанію.

Въ отрядѣ генерала Вельяминова, шедшаго на гор. Самаковъ, пра-

вѣе насъ, произошла вѣлѣдствіе появленія турецкаго офицера небольшой остановка; но прискакавшій отъ генерала Гурко ординарецъ разрѣшилъ сомнѣнія и передалъ приказаніе отнюдь не останавливаться. Рассказываютъ, что въ этотъ день перемирія, солдаты отряда генерала Вельяминова сходились съ турками и другъ друга не трогали; но обидно было то, что турки, отступившіе изъ Софіи на югъ на Радомірѣ, успѣли въ этотъ день черезъ гор. Самаковъ пройти въ Татарь-Базарджикъ, куда шла наша колонна, и чего бы не было, если бы колонна генерала Вельяминова не сдѣлала остановки. Въ то время въ Татарь-Базарджикѣ собралось много турецкаго войска, которое пришло туда изъ Софіи и изъ Арабъ-Конака.

Короткій отдыхъ въ Ихтиманѣ мнѣ памятенъ еще потому, что здѣсь мы узнали о паденіи Шипки и о плѣненіи всей арміи Весселя-паши. Какъ будто запахло миромъ; на душѣ повеселѣло, усталость забыта; мы знали, что послѣ паденія Шипки, вся русская армія тотчасъ же перевалитъ на южный склонъ и покатится внизъ какъ на салазкахъ.

Кстати упомяну здѣсь о послѣдовательности переходовъ черезъ Балканы пяти отрядовъ: западный отрядъ генерала Гурко перевалилъ вблизи Арабъ-Конака (3.400 фут.)—12-го декабря; отрядъ генерала Карцева черезъ Траянъ (6.700 фут.)—26-го декабря; князь Святополкъ Мирскій восточнѣе отъ Шипки черезъ Ханкюй (4.000 фут.)—26-го декабря; генералъ Скобелевъ западнѣе отъ Шипки черезъ Зелено-Древо (4.500 фут.)—27-го декабря; и наконецъ генералъ Радецкій черезъ Шипку въ день ея паденія 28-го декабря.

Послѣ двухъ часового привала, ободренные хорошими извѣстіями, мы весело продолжали путь на Капуджикъ. Еще далеко не доходя до него, мы увидѣли вдали Траяновы ворота, которыя изображали изъ себя глубокую, узкую щель между двухъ выдающихся горъ. Подойдя на ночлегъ къ Капуджику, мы могли близко разсмотрѣть балканскія Оермопилы которыя очутились совсѣмъ передъ нами. Вокругъ насъ была очень гористая мѣстность, вездѣ было много снѣгу, а морозъ сталъ опять пощипывать носъ и уши. Въ этой щели шла дорога, а по обѣ стороны, совсѣмъ круто подымались скалы; вотъ и все, что можно сказать про Траяновы ворота, которыя носятъ свое названіе еще со временъ римскаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ во времена императора Траяна.

Ложась спать, я вдругъ вспомнилъ, что черезъ нѣсколько часовъ наступитъ Новый годъ, а вмѣстѣ съ этимъ припомнилъ пьесу, видѣнную мною когда то на нѣмецкой сценѣ вкорѣ послѣ Франко-Прусской войны. Прусскій солдатъ наканунѣ новаго года стоитъ на аванпостѣхъ, воспоминаетъ далекую родину и поетъ на эту тему чувствительные куплеты, которые трогали нѣмецкія сердца. Я тоже попробовалъ помечтать о далекой родинѣ, но это мнѣ не удалось, я сейчасъ же

заснулъ отъ усталости и встрѣтилъ новый годъ въ объятіяхъ Морфея.

Судя по картѣ, разстояніе отъ Капуджика до дер. Вѣтреново, куда мы перешли въ самый новый годъ, было около 16-ти верстъ; но на самомъ дѣлѣ, принимая въ расчетъ очень гористую мѣстность, оно было верстъ двадцать, не болѣе; мы же были въ пути, почти нигдѣ не останавливаясь, цѣлыхъ 16 часовъ! Ужъ изъ этого одного можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о томъ, что намъ пришлось въ этотъ день испытать; вся задержка происходила отъ артиллеріи, которую мы не могли бросить на произволъ судьбы и съ которой намъ опять пришлось возиться въ горахъ. Мы были увѣрены, что орудія уже нигдѣ не будутъ застревать въ горахъ; но Траяновы ворота были для насъ неожиданнымъ сюрпризомъ. Лошади снова начали скользить по крутымъ горамъ и не были въ состояніи втягивать наверхъ орудія; онѣ опять были выпряжены, солдатики снова заплѣли «дубинушку» и потянули вверхъ и орудія и ящики. При крутыхъ спускахъ, нѣсколько человекъ руководили дышломъ, а остальные, придерживая при помощи веревокъ катившійся внизъ лафетъ, катились вмѣстѣ съ нимъ и упирались на ходу ногами въ землю; они, хотя и чувствовали, что орудіе ушло изъ ихъ власти, но все-таки не выпускали изъ рукъ веревки. Картина подобнаго спуска орудій, написанная талантливымъ художникомъ, могла бы служить прекрасной иллюстраціей перенесенныхъ нашими солдатами трудовъ и мученій въ борьбѣ съ балканской природой.

При всей осторожности, все-таки случались несчастія. Такъ напр. одинъ зарядный ящикъ полетѣлъ съ дороги въ оврагъ; въ моей ротѣ одному поскользнувшемуся солдату колеса переѣхали по ногамъ, другой солдатъ, натиная при спускѣ веревку, споткнулся, упалъ бокомъ на тупой конецъ тесака и переломилъ себѣ ребро.

Жестоко ошибется тотъ, кто себѣ вообразить, что въ подобные трудные моменты солдаты были не въ духѣ и проклинали судьбу; надо было только удивляться ихъ веселости; все это у нихъ сопровождалось смѣхомъ, веселыми криками и самою добродушною безобидною руганью въ третью лицѣ.

Конечнымъ пунктомъ этого труднаго перехода была деревня Вѣтреново, лежащая на выѣздѣ изъ Среднихъ Балканъ въ долину р. Марицы. Бѣжавшіе намъ на встрѣчу рассказывали, что въ этой долинѣ уже совсѣмъ тепло и очень мало снѣгу. Какъ то странно было слышать о солнечномъ теплѣ въ какихъ нибудь десяти верстахъ отъ насъ, и въ то же время видѣть на бородахъ ледяные подвѣски, видѣть вокругъ себя зимній пейзажъ и дѣлать гимнастику, чтобъ только согрѣть окоченѣвшіе члены.

По выходѣ изъ Траяновыхъ воротъ дорога сдѣлалась ровнѣе и

пошла замѣтно подѣ уклонѣ. Въ дер. Вѣтреново я прибылъ со своей ротой уже поздно ночью, и на этотъ разъ сверхъ ожиданія помѣстился въ приготовленной моими квартирерами избѣ; мнѣ удалось уснуть только нѣсколько часовъ, а другимъ, пришедшимъ позже меня, и вовсе не удалось отдохнуть. Чуть свѣтъ, насъ подняли и повели дальше. Мои ноги начинали чувствовать усиленный маршъ; самыя тяжелыя минуты, мнѣ приходилось переживать по утрамъ при вставаніи, но не проходило и полчаса, какъ ноги разминались на ходу и усталость пропадала; но зато на другое утро тяжесть въ ногахъ чувствовалась сильнѣе. По настоящему слѣдовало бы сдѣлать хоть одну дневку; но въ то время было не до дневокъ, надо было гнать турокъ какъ можно энергичнѣе, чтобъ тѣмъ повліять на условія перемирія.

Мы вышли 2-го января изъ Вѣтренова; скаты на южномъ склонѣ Балканъ показались мнѣ много круче, чѣмъ безконечный подъемъ въ горы на сѣверной ихъ сторонѣ; здѣсь мы точно катились внизъ, тогда какъ при восхожденіи, мы уже начинали чувствовать подъемъ чуть ли не съ самаго Дуная. Потомъ горы на югѣ были какъ будто голы; о томъ чудномъ вѣковомъ буковомъ лѣсѣ, который росъ на сѣверѣ, здѣсь не было и помину. Видъ дѣлался все шире, горы понемногу отходили отъ насъ вдаль, а долина р. Марицы все болѣе и болѣе стала выясняться. Мнѣ казалось на глазъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она должна была доходить до 30-ти верстъ ширины. Рѣка Марица текла все время недалеко отъ той дороги, по которой мы шли; тутъ же недалеко былъ конечный пунктъ желѣзной дороги, шедшей по этой долинѣ на Филиппополь, Адрианополь и Константинополь. Теперь уже не было никакого сомнѣнія, что мы распростились съ Балканами и болѣе ихъ не увидимъ.

Переходъ изъ горъ въ долину показался мнѣ очень разительнымъ. Еще наканунѣ мы мерзли въ горахъ Ихтиманскаго прохода, а теперь отъ солнечнаго тепла выступалъ на лицѣ потъ. Снѣгу почти вовсе не было, поля были голы, кое-гдѣ показывалась даже пыль. По обѣ стороны шоссе шли поля изъ-подъ риса, раздѣленные ирригаціонными канавками на квадратики въ нѣсколько квадратныхъ сажень; по долинѣ часто встрѣчались намъ богатые деревни.

Новая природа, новые виды на будущее, свѣтлыя надежды, высказываемыя въ веселыхъ разговорахъ, облегчили намъ 30-ти верстный переходъ въ этотъ день отъ Вѣтренова до Татаръ-Базарджика. Въ этотъ день Балканскія горы какъ то особенно замѣтно остались далеко за нами; онѣ точно вросли въ землю, только вдали виднѣлся ихъ снѣжный контуръ. Оглядываясь на нихъ, нельзя было не припомнить, до малѣйшихъ подробностей, тѣ тяжелые дни, которые мы провели среди грандіозныхъ, непривѣтныхъ, снѣжныхъ каменныхъ массъ; нельзя было

забыть, какъ солдатики вмѣстѣ съ орудіями скатывались на спинахъ съ горъ; нельзя было забыть тѣхъ снѣжныхъ мятелей, которыя заносили снѣгомъ наши палатки, и все это теперь миновало. Благодаря только своей неизбалованной натурѣ, русскій человѣкъ и могъ справиться съ такой суровой природой, — онъ удивилъ всю Европу; на турокъ же нагналъ такой страхъ неожиданнымъ зимнимъ переходомъ черезъ Балканы, что они покинули всѣ свои позиціи, бѣжали и искали мира.

Въ то время, когда мы были въ Балканахъ, нашъ подвигъ не казался такимъ высокимъ, какъ онъ мнѣ показался уже потомъ, когда мы ихъ покинули и почувствовали подъ ногами ровную мѣстность. Туркамъ было тоже не особенно хорошо въ горахъ, но они строили редуты, по большей части, въ горныхъ долинахъ около шоссеиныхъ дорогъ, по которымъ имъ привозилось все необходимое и по которымъ они и отступали. Намъ же приходилось дѣлать обходы этихъ редутовъ по неприступнымъ снѣжнымъ вершинамъ, разрабатывать тропинки въ дороги, втягивать по нимъ наверхъ орудія и т. д. Нашу жизнь въ горахъ нельзя сравнивать съ жизнью турокъ въ Балканахъ; имъ было значительно лучше, теплѣе и сытнѣе.

Къ намъ подошли болгары и рассказали, что у нихъ въ деревнѣ живутъ нѣсколько оставшихъ турецкихъ солдатъ, которые безнаказанно грабятъ жителей и наводятъ страхъ на всю окрестность; брагушки брались довести нашихъ солдатъ до деревни и указать разбойниковъ. Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій въ одно мгновеніе распорядился послать туда двѣ роты Семеновскаго полка и нѣсколько осетинъ для уничтоженія шайки. Семеновцы свернули съ дороги влѣво и пошли за болгарами къ деревнѣ, лежащей въ полутора верстахъ отъ болшой дороги, по которой мы шли. Мы продолжали нашъ путь на Татаръ-Базарджикъ и слышали, какъ Семеновцы затѣяли съ кѣмъ то перестрѣлку.

Въ Татаръ-Базарджикѣ во многихъ мѣстахъ еще дымились послѣ пожара обгорѣлые дома; большая часть города была разрушена; всѣ лавки и магазины были пусты и разорены; на улицахъ валялись въ грязи убитые болгары и турки; тутъ же лежали павшіе волы и поломанные телѣги. Видно было, что въ городѣ происходилъ бой на смерть между болгарами и турками, отнимавшими другъ у друга собственность. Между оставшимися въ городѣ болгарами замѣчалось большое движеніе; они снѣжили забрать имущество турокъ, покинувшихъ наканунѣ городъ. Между вещами, которыя перетаскивались болгарами изъ турецкой части города въ болгарскую, можно было замѣтить разную домашнюю утварь, турецкія туфли, женскія шелковыя панталоны, прялки, соломенные. тонкаго плетенія, ковры съ турецкими узорами на нихъ—однимъ словомъ болгары обирали полностью турецкіе дома. Одного изъ нихъ я остановилъ и спросилъ, зачѣмъ онъ грабитъ? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что

береть себѣ обратно только тѣ вещи, которыя турки будто бы взяли у болгаръ. Тогда я, ради шутки, утеръ болгарину потъ съ его лица, зелеными, шелковыми, женскими шальварами и сказалъ: «Твоя булка (баба) должно быть тоже носить панталоны?» Братушка какъ истый славянинъ, сейчасъ же понялъ шутку, осклабился и рысью побѣжалъ послѣ моего «хайде!» по направленію къ болгарской части города.

Оба полка, нашъ и Семеновскій, свободно размѣстились въ уцѣлѣвшихъ домахъ. Городъ, повидимому, велъ до его разграбленія обширную торговлю и недаромъ назывался Базарджикомъ.

Къ вечеру совсѣмъ неожиданно мы выступили далѣе по тревогѣ. Изъ передовыхъ частей нашей колонны были получены отъ ея начальника графа Шувалова утѣшительныя вѣсти: онъ настигъ непріятеля и успѣшно напиралъ на армію Сулеймана, отступавшаго на Филиппополь. Нашему отряду нельзя было отставать отъ графа Шувалова, почему насъ и передвинули въ эту ночь верстъ на десять поближе къ нему.

Пройдя верстъ пять по шоссе, наша артиллерія была задержана довольно широкой канавой, выкопанной непріятелемъ поперекъ дороги съ цѣлью задержать наше движеніе; переправить черезъ нее орудія было положительно невозможно, по сторонамъ же шоссе было очень топко. Одно орудіе попробовало объѣхать канаву по полю, но сейчасъ же завязло. Артиллеристы разулись и съ босыми ногами полѣзли въ ледяную воду вытаскивать орудіе; имъ вѣрно было обуться. Орудія были перевезены на ту сторону канавы обходнымъ путемъ по очень топкому полю; пришлось для того припрягать лошадей отъ другихъ орудій. Труда и времени было потрачено не мало. 2-й баталіонъ, назначенный въ прикрытіе артиллеріи, не могъ ее покинуть, а потому и долженъ былъ простоять возлѣ этого фатальнаго перекопа до тѣхъ поръ, покуда не переправилось на ту сторону послѣднее орудіе. Гвардейскіе саперы пришли изъ Татаръ-Базарджика чинить перекопъ уже тогда, когда переправа была окончена; они вышли изъ города, почему то значительно позже насъ, хотя вступили въ него почти одновременно съ нами. Но гораздо болѣе удивляло меня то обстоятельство, что части, прошедшія по этой же дорогѣ впереди насъ, не обратили должнаго вниманія на эту преграду, не распорядились перекинуть черезъ нее мостъ, или не дали о томъ знать въ нашъ отрядъ. Отъ этого упущенія намъ вовсе не удалось въ эту ночь поспать, такъ что на другой день мы вступили въ дѣло порядкомъ усталые. Когда мы пришли къ мѣсту, опредѣленному для ночлега при дер. Корнари, то было уже такъ поздно, что не стоило устроиваться, и мы всю ночь провели у костровъ.

Мои ноги чувствовали 40-ка верстный переходъ; а между тѣми людьми, которые его не выдержали и по дорогѣ отстали, было за эту

ночь нѣсколько случаевъ ознобленія ногъ, не отъ мороза, который былъ вовсе не сильный, а отъ изнеможенія и отъ общаго болѣзненнаго состоянія оставшихъ, у которыхъ отъ недостатка жизненной силы остывшіе ноги и онѣмѣлые пальцы легко поддавались воздѣйствію самаго незначительнаго мороза. Покойный докторъ Боткинъ высказалъ это мнѣніе, когда говоритъ про частые случаи ознобленія ногъ на Шипкѣ.

XVII.

Выступленіе изъ дер. Корнари.—Дѣло подѣ Филиппополемъ 3-го января.—Переправа черезъ Марицу 5-го января.—Городъ Филиппополь.—Куклены.—Станимаки.

Съ разсвѣтомъ 3-го января, насъ повели по шоссе, по направленію къ Филиппополю, причемъ колонной командовалъ его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Не имѣя никакого понятія о томъ, что дѣлается впереди, мы шли спокойно и сначала никакой перестрѣлки не слышали; но пройдя верстъ 10—15, вдали и немного вправо отъ дороги послышались орудійные выстрѣлы. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались, канонада усиливалась и наконецъ намъ сдѣлалось ясно, что по ту сторону р. Марицы, идетъ горячее дѣло. Мы подошли такъ близко къ полю сраженія, что артиллерія нашей колонны могла принять участіе въ дѣлѣ; и открыла огонь по непріятелю, сидѣвшему по ту сторону рѣки въ окопахъ. По приказанію принца, Семеновскій полкъ свернулъ вправо, подбѣжалъ къ самой Марицѣ и открылъ огонь по туркамъ. Мы же свернули съ шоссе влѣво и, занявъ лѣсокъ, растущій вдоль рѣки, рассыпались по берегу и открыли огонь.

Покуда мы не добрались до этого лѣска, пришлось пережить тяжелыя минуты; непріятель все время угощалъ насъ гранатами, которые ложились совсѣмъ близко, но къ счастью, весьма рѣдко разрывались. Трудно было опредѣлить, откуда онѣ летѣли, но все-таки наша цѣпь открыла огонь примѣрно по тому направленію, гдѣ должны были находиться турки. 1-ый и 2-ой баталіоны шли въ первой линіи. Въ нашемъ 2-омъ баталіонѣ 6-ая и 7-ая роты шли цѣпью, а моя 5-ая рота и 8-ая держались недалеко отъ цѣпи. Цѣпь, подѣ прикрытіемъ порохового дыма, пододвигалась незамѣтно для непріятеля впередъ; но положеніе всѣхъ сойкнутыхъ частей, двигавшихся за нами безъ выстрѣла, было скверное. Укрыться отъ пуль было некуда: мы шли по гладкому полю, покрытому снѣгомъ и служили непріятелю прекрасной мишенью въ видѣ черныхъ

пятенъ на бѣломъ фонѣ. Я все время не упускалъ изъ виду 6-ой роты, находившейся передо мной, и дѣлалъ наступленіе перебѣжками. Съ большимъ трудомъ, при помощи прапорщика Сергѣя Арсеньевича Обухова мы стянули подъ огнемъ людей и продолжали перебѣжки; но люди сейчасть же снова растянули фронтъ; всякій по своему примѣнялся къ мѣстности, какъ ему было удобнѣй. Держать людей подъ сильнымъ огнемъ въ сомкнутомъ строѣ оказалось прямо невозможнымъ, люди раздавались въширь инстинктивно.

Для пули, летящей болѣе чѣмъ на версту, разстояніе между первой и второй линіей въ какіе нибудь 200 или 300 шаговъ не представляетъ большой разницы, такъ что уставное правило, требующее во 2-ой линіи сомкнутый строй, оказалось на дѣлѣ непримѣнимымъ и даже опаснымъ. Непріятель посылалъ массу свинца видимо только туда, гдѣ онъ замѣчалъ какую нибудь сомкнутую часть. Въ этомъ дѣлѣ страдали даже 3-ій и 4-ый баталіоны, которые находились въ резервѣ въ сомкнутомъ строѣ. Во время боя были такіе моменты, въ которые непріятель направлялъ всю силу своего огня не по наступающимъ въ первой линіи, а по резервамъ, благодаря только тому, что онъ видѣлъ вдали сомкнутыя части.

Моя рота не могла добѣжать до лѣсочка сразу; на такомъ сравнительно небольшомъ разстояніи ей пришлось три раза ложиться въ снѣгъ, чтобъ только отвлечь отъ себя вниманіе непріятеля. Послѣдній, потерявъ изъ виду цѣль, которую представляла моя рота, направлялъ огонь на другую сомкнутую часть и принимался ее разстрѣливать; тогда я живо подымалъ роту и мы опять дѣлали перебѣжку. Черезъ нѣсколько минутъ рота снова удостоивалась вниманія непріятеля: пули снова залетали къ намъ и заставили мою роту опять ткнуться въ снѣгъ. Наконецъ мы добѣжали до лѣса. вмѣстѣ съ нами подъ самый сильный огонь попалъ и принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, лично ведшій наши баталіоны впередъ. Въ этотъ день подъ нимъ была лошадь, которой не нравились гранаты; но его высочество подъ самымъ сильнымъ огнемъ живо привелъ ее въ порядокъ и продолжалъ съ нами наступать.

Несмотря на скверное наше положеніе во время перебѣжекъ, веселое расположеніе духа не оставляло солдатъ; слышались солдатскія шутки и прибаутки; такъ напр. передъ самымъ лицомъ одного молодого солдата, лежавшаго возлѣ меня, полоснула по снѣгу пуля и онъ довольно громко, а главное ужъ очень наивно ахнулъ; его сосѣдь сейчасть же подшутилъ надъ нимъ и сказалъ: «Что братецъ, не любишь»; другіе начали надъ нимъ смѣяться; нѣсколько минутъ спустя, этотъ солдатикъ былъ раненъ въ плечо.

Вообще я замѣтилъ, что во время дѣла, когда было не до шутокъ, всегда находились въ ротѣ шутники, которые всѣхъ смѣшили. Мнѣ кажется, что нѣкоторые дѣлали это отчасти въ возбужденномъ состоя-

ни, чтобъ хоть немного отвлечь отъ себя страхъ; но другіе были просто хвастунишки—ухари, которые даже подъ пулями не могли удержаться, чтобъ не похвастать своимъ пренебреженіемъ къ смерти. Надъ каждою шуткой, сказанной во время дѣла даже самой плохой, люди смѣялись всегда очень дружно. Я убѣжденъ, что эти шутки дѣйствовали освѣжительно на тяжелое психическое состояніе человѣка, находившагося подъ пулями, именно тѣмъ, что вносили въ его взвинченную психику свѣжія мысли. Трудно себѣ вообразить положеніе хуже того, которое мы тогда испытывали: чистое снѣжное поле, негдѣ укрыться, непріятель стрѣляетъ въ насъ, какъ въ мишень, а откуда летятъ въ насъ пули, мы не знаемъ, почему и не можемъ ему отвѣчать. Всякая стрѣльба, даже не по непріятелю, а просто въ воздухъ, облегчила бы намъ переходъ черезъ эту поляну: во-первыхъ, пороховой дымъ скрылъ бы насъ отъ непріятеля, а во-вторыхъ, во время палбы, наше незавидное положеніе, въ которомъ мы очутились, не было бы столь очевиднымъ для насъ.

Во время этой перебѣжки, у меня въ ротѣ оказалось двое убитыхъ и семь человѣкъ раненыхъ; всѣ они остались назади на полянѣ. Ни одного изъ нихъ мнѣ не пришлось видѣть, и я узналъ объ этомъ лишь тогда, когда мы вѣбжали въ лѣсокъ. Мнѣ было ужасно жарко, я былъ насквозь мокрый отъ бѣготни, а главное отъ возни съ ротой. Спустившись въ низину, заваленную снѣгомъ, я сейчасъ же провалился въ рыхлый снѣгъ по самый поясъ. При помощи людей, бывшихъ при мнѣ, я вылѣзъ изъ него и мнѣ сдѣлалось еще жарче. Съ усиленіемъ перевода дыханіе, пришлось на минутку присѣсть около громаднаго дерева, и въ продолженіе самаго короткаго времени въ это дерево ударились двѣ непріятельскія пули, но оно было такъ толсто, что могло насъ всѣхъ прикрыть. Мой жалонеръ Пѣтуховъ и не думалъ о закрытіи, стоялъ въ сторонѣ и преспокойно грызъ сухарь. Я не могъ не позавидовать покою этого простаго человѣка, но въ то же время приказалъ ему встать за дерево.

Войдя въ лѣсъ я прежде всего старался собрать роту. Конечно всѣ люди были тутъ же возлѣ меня въ кустахъ, но они такъ ловко въ нихъ скрылись, что лѣсъ казался пустымъ. Моя рота наткнулась на цѣпь 6-ой роты, залегшей по берегу Марицы и перестрѣливающей съ непріятелемъ, находившимся недалеко отъ берега по ту сторону рѣки. Идти далѣе было уже некуда. Подпоручикъ Ладыженскій (Сергій Федоровичъ), желая пробраться еще ближе къ непріятелю, полѣзъ съ небольшой кучкой людей въ воду и хотѣлъ занять маленькій островокъ, лежащій среди рѣки; но раненый пулей въ ногу, долженъ былъ вернуться.

Еще засвѣтло, турки начали понемногу очищать свои позиціи и отступать; ихъ артиллерія замолкла и къ ночи перестрѣлка прекрати-

лась. Когда кончилось дѣло, я приказалъ фельдфебелю раздѣлить между людьми водку, купленную еще въ Софіи и разлитую въ четыре большія фляги, которыя поочередно носились всей ротой; но фляги оказались пустыми, а кто ихъ выпилъ и когда, то вѣдаетъ Аллахъ; всякій говорилъ что получалъ флягу уже пустою.

Мы начинали зябнуть и коченѣть отъ долгаго сидѣнія на одномъ и томъ же мѣстѣ; наконецъ пришло приказаніе выйти на шоссе, которое было тутъ же возлѣ лѣса, и, несмотря на ночь, продолжать движеніе на Филиппополь, отъ котораго мы были не болѣе какъ въ десяти верстахъ. Весь полкъ собрался на шоссе; расскажемъ не было конца, а товарищи, при встрѣчѣ въ эту ночь, жали другъ другу руку какъ то особенно крѣпко, выражая тѣмъ радость, что Богъ помиловалъ.

Изъ офицеровъ были въ этотъ день ранены: командиръ полка князь Николай Николаевичъ Оболенскій, полковникъ Стрезовъ (командиръ 1-го баталіона), скончавшійся нѣсколько дней спустя отъ раны, и подпоручикъ Сергѣй Ладыженскій; изъ нижнихъ же чиновъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными человекъ около ста. Командованіе полкомъ принялъ на себя флигель-адъютантъ полковникъ Федоръ Алекс. Авиновъ. Въ продолженіе всего дня я былъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи относительно той роли, которую намъ приходилось играть въ этотъ день; только лишь ночью, когда дѣло уже кончилось, я узналъ, что нашъ полкъ вступилъ въ демонстративный бой и тѣмъ ослабилъ огонь непріятеля, всецѣло направленный на 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію графа Шувалова, которая сильно отъ него терпѣла. Его высочество принцъ Ольденбургскій разсказалъ намъ, что во время дѣла, графъ Шуваловъ потребовалъ къ себѣ на ту сторону рѣки нашу бригаду; но исполнить это приказаніе было невозможно, такъ какъ бригада была уже введена въ дѣло. Тутъ же на шоссе, мы узнали, что графъ Шуваловъ имѣлъ дѣло съ Сулейманомъ, который засѣлъ по ту сторону рѣки въ горахъ, верстахъ въ десяти недоходя до Филиппополя; потомъ разсказывали про переправу чрезъ Марицу Архангелогородскаго полка 5-ой дивизіи, который верхомъ на лошадяхъ подъ огнемъ переходилъ рѣку вбродъ. Всѣ новости передавалась намъ ординарцами отдѣльныхъ начальниковъ, которые всегда были болѣе свѣдущи въ общемъ ходѣ дѣлъ, чѣмъ нашъ братъ—пѣхотинецъ. Въ этотъ день главная атака противъ непріятеля велась на той сторонѣ Марицы; съ этой же стороны, нашу бригаду ввели въ дѣло для фланговаго воздѣйствія на него, а остальные войска были въ то-же время направлены къ Филиппополю. Ходъ боя на той сторонѣ постоянно мѣнялся, такъ что артиллерія, находившаяся на нашемъ берегу, была часто въ недоумѣніи и боялась стрѣлять по своимъ; отличить же издали своихъ отъ непріятеля было трудно. Одновременно съ нашимъ боемъ,

3-я гвард. пѣх. дивизія была уже возлѣ Филиппополя и вела дѣло съ непріателемъ, уничтожившимъ мостъ черезъ Марицу и занявшимъ южную нагорную часть города; а кавалерія была уже далеко за Филиппополемъ и угрожала пути отступленія арміи Сулеймана.

Весь отрядъ генерала Гурко ввязался въ этотъ день въ дѣло; Сулейманъ походилъ на волка, котораго травятъ со всѣхъ сторонъ. Филиппопольское дѣло было лебединой пѣсенкой турокъ. Сулейманъ не могъ не знать, что наша Шипкинская армія уже идетъ на Адрианополь; ему оставалось только одно—отступить на югъ въ Родопскія горы, что онъ и сдѣлалъ. Паденіе Шипки и Филиппопольскій бой были два момента, рѣшившіе кампанію. Похоронивъ солдатиковъ и досыта наговорившись съ товарищами о впечатлѣніяхъ дня, мы двинулись по направленію къ Филиппополю.

Все, что намъ разсказывали про этотъ городъ, дѣйствительно подтвердилось; верхній городъ, расположенный по ту сторону рѣки, еще не былъ покинутъ непріателемъ; нижній же городъ, по сю сторону, былъ ими очищенъ; большой мостъ черезъ Марицу былъ разрушенъ и сожженъ. Было уже совсѣмъ темно, когда мы подошли къ нижнему городу и расположились на ночь по избамъ и дворамъ; всюду затрещали костры и началась варка пищи. Въ эту ночь намъ было не до турокъ, которые были по ту сторону рѣки совсѣмъ близко отъ насъ; у всѣхъ было только одно на умѣ—облегчить ноги, растянуться и поѣсть что нибудь горячее. Всѣ очень устали, во-первыхъ—отъ шестидневнаго усиленнаго марша безъ дневокъ отъ Софіи до Филиппополя, потомъ отъ 40-ка верстнаго перехода наканунѣ, и наконецъ отъ самаго боя въ этотъ день.

Несмотря на очень большую усталость, я не могъ скоро заснуть, мои нервы были слишкомъ напряжены; сильныя ощущенія, которыя мнѣ пришлось въ этотъ день испытать, не выходили изъ головы и не давали мнѣ забыться.

За эти шесть дней, моя рота сильно порѣдѣла; кромѣ убитыхъ и раненыхъ, я потерялъ по дорогѣ отсталыми 22 человекъ. Одни отставали дѣйствительно отъ утомленія, теряли дырявые сапоги, натирали себѣ ноги и проч., а другіе отставали просто отъ жадности; все, что только имъ попадалось подъ руку, они навьючивали на себя, тяжѣли и не поспѣвали за ротой. Хотя мы и принимали самыя энергичныя мѣры для уменьшенія числа отсталыхъ, но все-таки люди ухитрялись незаметно отставать. Послѣдніе усиленные переходы подѣйствовали губительно и на наши вьюки; спины животныхъ оказались до того сильно потертыми, что при видѣ ранъ, меня даже корбило. Мой маленькій осликъ, который всегда весело шелъ впереди всѣхъ вьюковъ, на по-

слѣднемъ 40-ка верстномъ переходѣ крикнулъ; я его подарилъ болгарину, и взаменъ купилъ себѣ лошадь.

Турки, какъ и надо было ожидать, покинули Филиппополь и отступили частью на югъ въ горы, а частью по дорогѣ на Адрианополь. 4-го января утромъ насъ ввели въ нижнюю часть города и размѣстили по домамъ; но видно намъ было не суждено отдохнуть въ Филиппополѣ. Не прошло и двухъ часовъ, какъ наша 1-я бригада съ ея командиромъ принцемъ Ольденбургскимъ во главѣ, была выведена изъ города, по приказанію генерала Гурко, въ поле. Въмѣсто того, чтобъ отдохнуть въ теплѣ, послѣ такого тяжелаго времени, насъ заставили раскинуть бивакъ въ грязи и въ снѣгу, подъ самымъ городомъ; но несмотря на то, хорошій духъ насъ не покидалъ.

Все 4-ое января мы провели въ грязи, лежа въ палаткахъ или сидя у костровъ. Въ продолженіе всего дня слышалась въ горахъ за Филиппополемъ сильная ружейная перестрѣлка съ довольно рѣдкими орудійными выстрѣлами; вѣсти, приходившія отсюда, были самыя утѣшительныя: непріятель, преслѣдуемый нашими войсками, поспѣшно и безпорядочно отступилъ, даже бѣжалъ, на югъ въ горы и по всему пути отступления побросалъ орудія; а ихъ было болѣе ста.

На другой день, 5-го января, наша бригада была вызвана на помощь 3-ей гвард. пѣхотной дивизіи, которая вела дѣло съ отступающимъ непріятелемъ. Мы прошли весь нижній городъ и подошли къ Марицѣ, которая уже была въ весеннемъ разливѣ. Куски льда быстро уносились теченіемъ, а сама рѣка широко выступила изъ своихъ береговъ. Отъ сожженнаго моста остались одни только каменные устои, которыхъ было что то очень много; саперы приводили въ порядокъ разрушенный мостъ, но обѣщали исправить его не ранѣе какъ къ вечеру. Такъ какъ намъ невозможно было дожидаться до вечера, то мы начали переправу черезъ рѣку. Съ того берега рѣки были потребованы маленькіе паромы и лодки, на которыхъ греки начали перевозку людей. Переправа шла черепашьимъ шагомъ; болѣе двадцати человѣкъ заразъ не умѣщались на паромѣ, а паромовъ было не много. Эскадронъ лейбъ-уланъ переправился на нашихъ глазахъ на ту сторону, гдѣ впасть, а гдѣ и вбродъ; точно такъ-же перебрались и наши выючныя животныя; но возни съ ними было не мало. Мой денщикъ, освободивъ спину лошадей отъ выюковъ, которые были переправлены на паромѣ, привязалъ лошадей одну къ другой за хвостъ, самъ же сѣлъ на мою верховую лошадь и благословясь двинулся со своимъ караваномъ въ путь. Болѣе всего я боялся за ослицу, которая во время плаванія легко могла отстать отъ лошадей; но этого не случилось и мои животныя, 3 лошади и ослица, благополучно добрались до того берега. Во время переправы потонуло нѣсколько лошадей

и ословъ; денщики думали переправить ихъ съ выюками на спинѣ, но лошади вязли, падали и захлебывались водой.

Наконецъ весь полкъ былъ переправленъ на правый берегъ Марицы, мы поднялись къ верхнему городу, прошли по его нижнимъ улицамъ и вышли на Адрианопольскую дорогу. Чтобъ дать возможность подтянуться отставшимъ людямъ, мы остановились на одной улицѣ города минутъ на десять; въ это время мнѣ удалось купить у одного болгарина два мѣшка краденыхъ турецкихъ галетъ, которыя сейчасъ же были раздѣлены между солдатами; каждому досталось по двѣ галеты. Братушка оказался недогадливымъ воромъ, онъ спросилъ за эти два мѣшка всего только два четвертака; если бы онъ потребовалъ три рубля или даже болѣе, то можно было охотно ихъ дать, но онъ видно еще не зналъ настоящей цѣны нашимъ деньгамъ.

По выходѣ изъ города въ поле, мы тотчасъ же перешли черезъ полотно желѣзной дороги; было пріятно увидѣть послѣ дикой балканской природы рельсы, по которымъ въ другое время можно было бы, въ мягкомъ вагонѣ, доѣхать прямо до Константинополя. Мы шли по ровной мѣстности; вправо отъ насъ въ горахъ слышалась перестрѣлка. На ночь мы остановились въ брошенной турецкой деревнѣ Куклены, утопавшей въ лѣсѣ грецкихъ орѣховъ; всюду вокругъ деревни были виноградники. Деревня была чисто турецкая; въ чистенькихъ турецкихъ домикахъ мы нашли большіе запасы орѣховъ и варенья. Въ виду отсутствія въ Кукленахъ болгарскаго элемента, намъ было разрѣшено забрать въ этой деревнѣ все, что только могло быть для насъ полезнымъ. Въ теченіе похода, ни разу не выдавалось людямъ такого праздника, ни разу не приходилось получать такого пріятнаго разрѣшенія; но зато много разъ приходилось отвѣчать за какую-нибудь болгарскую овцу въ тѣхъ случаяхъ, когда голодный желудокъ не разсуждалъ о томъ, принадлежала ли она туркамъ или братушкамъ. Солдатамъ было приказано турку бить, а братушку беречь; первое они исполняли прекрасно, но противъ второго часто грѣшили вслѣдствіе голода. Съ людей взыскивали за это, а они только недоумѣвали и не понимали, за что имъ приходится отвѣчать: въ одной деревнѣ имъ говорятъ: не смѣй трогать, а въ другой: бери сколько влѣзетъ.

Роты отрядили команды преимущественно изъ малороссовъ для забора гуляющаго вблизи деревни турецкаго скота; на долю моей роты достался цѣлый десятокъ здоровыхъ воловъ, которые слѣдовали все время за ротой и расходовались по мѣрѣ надобности. На слѣдующій день, 6-го января насъ повели далѣе по Адрианопольской дорогѣ на деревню Станимаки, которая лежала немного вправо отъ шоссе; вдали въ горахъ, вправо отъ нашего движенія, виднѣлись на снѣжномъ фонѣ хвосты отступающихъ турокъ, которыхъ преслѣдовали по пятамъ наши

войска; непріятель отступалъ прямо на югъ. Деревня Станимаки была послѣднимъ пунктомъ, въ которомъ держались турки; въ эту ночь, когда мы ночевали въ Кукленахъ, непріятель ее покинулъ и кинулся въ горы. Продолжать отступление на Адрианополь Сулейманъ - паша побоялся, потому что по дорогѣ отъ Филиппополя до Адрианополя (180 верстъ) не было ни одинаго мѣста, въ которомъ онъ могъ бы намъ оказать серьезное сопротивленіе. Желѣзной же дорогой изъ Филиппополя въ Адрианополь онъ не успѣлъ воспользоваться; да къ тому же на Адрианополь шла наша Шипкинская армія. Все это турки прекрасно взвѣсили и рѣшили, ради своего спасенія, отступить въ горы и, побросавъ всѣ орудія, пробраться по горнымъ тропинкамъ въ Македонію, чтобъ выйти гдѣ нибудь къ Эгейскому морю. Это былъ для Сулеймана единственный исходъ, чтобъ не погубить окончательно армію.

Во время нашего пребыванія въ Адрианополѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ директоромъ желѣзной дороги, австрійскимъ нѣмцемъ, который разсказалъ мнѣ, что въ то время, когда мы подходили къ Филиппополю, Сулейманъ, сидя на Филиппопольской телеграфной станціи, посылалъ въ Адрианополь телеграмму за телеграммой съ просьбой прислать ему воинскіе поѣзды для перевозки войскъ въ Адрианополь. Директоръ дѣлалъ о томъ запросы въ Константинополь и каждый разъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ — ему приказывали употребить всѣ свободные поѣзды исключительно только на перевозку турецкихъ жителей Адрианополя въ Константинополь. Это распоряженіе было вызвано той паникой, которая охватила Адрианополь тотчасъ же по полученіи извѣстія о паденіи Шипки, отгуда шла прямая дорога на этотъ городъ. Кромѣ того, управленіе желѣзной дороги, боясь чтобъ весь подвижной составъ не достался бы въ наши руки, приказало убрать изъ Филиппополя лишніе вагоны. Всѣ эти распоряженія привели къ тому, что по взятіи Филиппополя мы не могли воспользоваться рельсовымъ путемъ.

Разсказы этого директора были очень интересны, въ особенности когда онъ меня посвящалъ въ подробности того, что происходило у него на желѣзной дорогѣ во время охватившей всѣхъ паники. Страхъ оуялъ всю Турцію; а въ Адрианополѣ боялись главное того, что ринувшая съ Шипкинскихъ горъ наша армія можетъ легко отрѣзать путь отступленія на Константинополь. Вопросъ объ отступленіи изъ Адрианополя былъ живо рѣшенъ, и желѣзная дорога безъ отдыха увозила войска изъ этого города въ Царьградъ.

Переходъ 6-го января изъ Кукленъ въ чисто греческій городокъ Станимаки невеликъ. Мы шли весело, но все-таки посматривали направо въ горы, которыя начинались возлѣ самой дороги. Трудно было предполагать, чтобъ турки потревожили насъ съ фланга; но они во всякомъ случаѣ были недалеко отъ насъ, такъ какъ отступили въ горы только что въ минувшую ночь.

Подходя къ Станимаки, мы увидѣли крестный ходъ по случаю Крещенія, а можетъ быть и по случаю нашего прихода. Впереди шло греческое духовенство въ облаченіи, съ хоругвями и образами, а за нимъ масса народу съ обнаженными головами. Завидя насъ, всѣ двинулись намъ на встрѣчу; но къ несчастью, въ это самое время, нашъ полкъ долженъ былъ свернуть съ дороги въ сторону, такъ что мы не попали подъ благословеніе и окропленіе святой водой; намъ было только видно, какъ кто-то изъ старшихъ начальниковъ со свитой подошли къ духовенству и приняли окропленіе.

Станимаки мнѣ очень понравились; всѣ дома были выстроены изъ дерева и обшиты досками; доски были некрашены, а потому городокъ имѣлъ довольно темный, сѣрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ чистый видъ. Вокругъ города, по выдающимся горамъ, виднѣлись наскоро вырытыя турками укрѣпленія, а кое-гдѣ еще дымились ихъ костры. Въ самомъ городкѣ, греки указывали домъ, въ которомъ, будто-бы, ночевалъ Сулейманъ-паша. Меня сначала поразило то обстоятельство, что городъ былъ нетронутъ турками; но объяснилось это непривычное для насъ явленіе тѣмъ, что населеніе Станимаки было греческое, а съ греками турки жили всегда въ ладу. Вообще я могъ замѣтить въ продолженіе всего похода, что турки щадили только тѣ мѣста, гдѣ были иностранные консулы, и мѣста, гдѣ жили греки и армяне; все же остальное уничтожалось. Въ Станимаки между греками попадались и болгары, но ихъ одѣяніе было уже не чисто болгарское: на головѣ они носили что то въ родѣ турецкой чалмы, обмотанной около фески; это придавало имъ совсѣмъ турецкій видъ. Чистокровный балканскій братушка началъ здѣсь уже пропадать и перемѣнилъ свой виѣшній видъ, помѣшавшись съ грекомъ.

Всѣ жители Станимакъ, по случаю праздника, были пьяны и относились къ намъ, повидимому, очень радушно, хотя я склоненъ думать, что грекамъ наша война съ турками была не по нутру; при туркахъ имъ жилось хорошо и вся торговля была у нихъ въ рукахъ; теперь же болгары навѣрно будутъ съ ними конкурировать и тѣмъ подорвать ихъ благосостояніе. Попробовавъ мѣстное вино я пришелъ отъ него въ восторгъ; такого вкуснаго, ароматнаго вина я нигдѣ еще не встрѣчалъ. Судя по большимъ бочкамъ, которыя показалъ у себя на дворѣ мой хозяинъ, уже можно было судить о тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ выдѣлывалось здѣсь вино. Во избѣжаніе соблазна людямъ, я приказалъ поставить часового возлѣ бочекъ; эта мѣра, можетъ быть, сохранила вино моему хозяину, но нисколько не воспрепятствовала людямъ найти другіе источники.

Грекъ, у котораго я устроился, жилъ очень чисто и въ довольствѣ; кромѣ винныхъ подваловъ, я нашелъ у него на дворѣ куръ, индѣекъ, всякую живность и фонтанъ воды въ мраморной оправѣ. Въ домѣ было

чисто; мнѣ предложили мягкія, пуховыя подушки, отъ которыхъ я конечно не отказался. Послѣ моей походной подушки, надуваемой воздухомъ, онѣ показались даже слишкомъ мягкими; но все-таки я на нихъ проспалъ всю ночь такъ хорошо, какъ давно не спалъ. Съ вечера я велѣлъ закупить у грековъ провизію, свѣжаго хлѣба, куръ и проч. Обѣ мои болгарскія деревянныя фляги были наполнены краснымъ виномъ; всего этого хватило мнѣ до самаго Адрианополя, а хлѣбъ даже не успѣлъ почерствѣть, такъ какъ мы дошли до него въ семь дней.

Кстати скажу нѣсколько словъ о болгарскихъ деревянныхъ флягахъ жидкость въ нихъ не согрѣвается отъ солнца, онѣ помѣстительны, удобны для носки, ихъ можно даже ставить на столъ; онѣ были очень распространены въ походѣ.

Начиная съ Софіи, у насъ было всего вдоволь; люди были сыты, а говядины было даже въ избыткѣ. Мы шли на Адрианополь скоро и весело и знали, что впереди насъ и до самаго этого города не было неприятеля.

XVIII.

Изъ г. Станимакъ въ Адрианополь. — Папасли. — Каялы. — Хаскіой. — Германлы.

7-го января мы сдѣлали переходъ изъ Станимакъ въ дер. Папасли, лежащую на дорогѣ изъ Филиппополя въ Адрианополь. Эта деревня была вконецъ разорена турками, въ особенности же турецкими ея жителями; они обирали болгаръ, жгли ихъ дома, вступали съ ними въ борьбу на смерть. На улицахъ валялись въ грязи мертвые болгары и турки; у всѣхъ труповъ были перерѣзаны горла. Оставшіеся въ живыхъ болгары, потерявшіе во время погрома все свое имущество, шпіались по деревнѣ изъ угла въ уголъ.

Возлѣ моей избы, въ которой я остановился, вдругъ послышался раздражающій душу женскій крикъ; я выскочилъ на дворъ и увидѣлъ что мои солдаты разматривали какое то женское платье, которое держалъ въ рукахъ одинъ изъ нихъ, а возлѣ нихъ кричала старуха—болгарка. Весь шумъ вышелъ изъ за того, что мои люди нашли въ закромѣ подъ молоченой кукурузой женское платье; одному солдату пришлось въ голову опустить свою руку въ кукурузу и пошарить на днѣ закрома, надѣясь тамъ что нибудь найти. Съ триумфомъ онъ вытащилъ оттуда расшитый костюмъ болгарки и самъ не зная, что съ нимъ дѣлать; болгарка до того испугалась, что пропадетъ ея драгоценность, что начала кричать, точно ее кто рѣзалъ. Я пристыдилъ

солдатъ и велѣлъ отдать ей платье; она его схватила и, несмотря на преклонный ея возрастъ, побѣжала въ свою избу. Солдаты потѣшались надъ старухой и рѣшили, что баба ужъ больно хитро придумала мѣсто; а тотъ солдатъ, который нашелъ платье, вѣроятно одаренный необыкновенно острымъ чутьемъ, отвѣтилъ имъ: «хитра, да не совсѣмъ, когда я ее перехитрилъ».

Дойдя до Папасли, мы очутились въ авангардѣ тѣхъ войскъ, которыя шли въ Адрианополь. Въ ожиданіи сухарей и провіанта, безъ которыхъ нельзя было продолжать наступленіе, мы просидѣли въ этихъ развалинахъ болѣе двухъ дней. Мы иногда любили сахарныя задержки: изъ-за нихъ назначались лишнія дневки, и мы могли лишній разъ отдохнуть; но для успѣшнаго хода кампаніи онѣ были убійственны. Не время было останавливаться, когда требовалось энергичное преслѣдованіе непріятеля; отовсюду приходили извѣстія о томъ, что турки бѣгутъ, а намъ пришлось сидѣть въ Папасли и ждать у моря погоды. Стоянка въ Папасли была изъ ряду вонъ выходящая по унынію и однообразію, но тамъ случилось въ нашей 1-й бригадѣ выдающееся событіе, которое было принято съ великою радостью одинаково всѣми безъ исключенія чинами бригады—нашъ бригадный командиръ, его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій получилъ Георгія 4-й степени за дѣло подъ Филиппополемъ. Преображенскій полкъ, въ ожиданіи пріѣзда принца, былъ выстроенъ покоемъ; а при появленіи его высочества, съ крестомъ въ петлицѣ, прокричалъ ему очень громкое и очень продолжительное ура. Принцъ, будучи видимо тронутъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ родного ему полка, старался съ присущею ему скромностію умалить свои заслуги, говоря, что онъ дѣлалъ только то, что слѣдовало дѣлать каждому на его мѣстѣ. При этихъ словахъ я вспомнилъ то обстоятельство, что онъ преспокойно могъ бы остаться во время Филиппопольскаго дѣла гдѣ нибудь съ резервами своего отряда, а между тѣмъ онъ былъ въ первой линіи; я его видѣлъ возлѣ моей роты въ тотъ самый моментъ, когда я не зналъ, куда укрыться отъ непріятельскихъ пуль; объ этихъ скверныхъ минутахъ я уже писалъ выше; командиръ полка князь Оболенскій, бывшій тоже вмѣстѣ съ нами впереди, былъ раненъ именно въ этотъ періодъ боя.

Людей, собранныхъ для поздравленія принца, распустили по палаткамъ, а мы, офицеры, остались около его высочества, который привезъ намъ нѣсколько утѣшительныхъ новостей о движеніи Шипкинской арміи на Адрианополь, которая должна была подойти къ нему ранѣ насъ. Всѣхъ занимала одна и та же мысль—окажутъ ли турки сопротивленіе въ Адрианополѣ, или же бросятъ его и отступятъ къ Константинополю?

Въ этотъ вечеръ проскакалъ мимо Папасли по дорогѣ на Филиппополь казакъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ слышалъ, какъ онъ кри-

чалъ, на всемъ скаку, что Адрианополь очищенъ турками, и что наши войска уже въ немъ. Это извѣстіе было настолько правдоподобно, что можно было ему повѣрить. Послѣ паденія Шипки и послѣ пораженія Сулеймана подъ Филиппополемъ, оставаться имъ въ Адрианополь было невозможно. Филиппополь произвелъ на нихъ потрясающее впечатлѣніе; они потеряли довѣріе къ своимъ силамъ. И Шипка и Филиппополь навели на турокъ такую панику, что они побросали чудныя, надежныя укрѣпленія около Адрианополя, и все ихъ долготлѣтніе труды пропали даромъ.

Въ то веселое для насъ время, каждый день приносилъ съ собой какія нибудь хорошія вѣсти; всемъ хотѣлось скорѣй добраться до Адрианополя, а тутъ сиди въ какомъ нибудь Папасли да жди сухарей.

Наконецъ ихъ привезли; людямъ выдали фунтовъ по десяти на человека, и 10-го января мы двинулись далѣе. До Адрианополя оставалось около 150 верстъ, которые предположено было пройти въ пять дней безъ всякихъ дневокъ; ночлеги были назначены въ Каялы, Хаскіюй, Германлы, Мустафа-паша и Адрианополь, куда мы должны были придти не ранѣе 14-го января къ вечеру; но мы прибыли въ Адрианополь днемъ раньше, а именно 13-го января вечеромъ, благодаря только тому, что нашъ полкъ былъ перевезенъ изъ Мустафа-паша въ Адрианополь по желѣзной дорогѣ.

Мы дѣлали ежедневно переходы по 30-ти верстъ; это были самые веселые дни изъ всего похода. Намъ было весело отъ того, что мы уже болѣе не видимъ балканскихъ снѣжныхъ горъ, которыя намъ надѣли и напоминали издали только голодъ да холодъ; вдали за нами надъ горизонтомъ виднѣлся лишь ихъ темный контуръ, да и то какъ бы въ туманѣ. Теперь мы шли по мѣстамъ хотя и неровнымъ, но все-таки гористыми ихъ назвать нельзя; вообще въ Турціи нигдѣ не встрѣтишь совсѣмъ ровной мѣстности, она вездѣ холмистая, и кругозоръ влѣдствіе того былъ всегда болѣе или менѣе ограниченъ.

Дорога, по которой мы шли, то подымалась, то шла подъ гору; но подъемы были такъ нечувствительны, что артиллерія уже болѣе не нуждалась въ нашей помощи и шла самостоятельно вплоть до Константинополя.

Погода дѣлалась все теплѣе; мѣхъ и тулупы, которые еще недавно были такъ пріятны, были уже невыносимыми; теплыя перчатки оставались въ карманѣ, а обнаженные руки пріятно обдувались теплымъ южнымъ вѣтромъ. Вѣтеръ часто мѣнялъ направленіе: дуй съ сѣвера съ балканскихъ горъ, онъ всегда приносилъ съ собой холодъ, а иногда даже подмораживалъ шоссеую дорогу, по которой тогда дѣлалось невыносимо скользко идти. Въ такихъ случаяхъ я надѣвалъ поверхъ сапогъ войлочные широкія туфли. Вообще же на шоссе днемъ было много

слякоти; снѣгъ всюду растаялъ, только кое-гдѣ въ оврагахъ на сѣверныхъ склонахъ еще были видны небольшія бѣлыя пятна.

Все наше хорошее настроеніе, вызванное въ насъ и положеніемъ дѣлъ и возраждающейся весной, отравлялось тѣми сценами, которыя намъ пришлось увидѣть во время нашихъ переходовъ до Адріанополя.

По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ въ до-Балканской Болгаріи, всѣ турецкіе жители до-Балканскихъ деревень бѣжали за Балканы, забравъ въ пароволовыя каруццы свои семейства и весь свой домашній скарбъ; они устроились биваками на южныхъ склонахъ Балканъ. Но послѣ нашего зимняго, неожиданнаго для нихъ перехода черезъ Балканы, всѣ эти бѣженцы бросились отъ страха уже далѣе по большой дорогѣ, ведущей на Филиппополь. Къ нимъ присоединились обозы забалканскихъ турокъ изъ гор. Софіи, изъ Софійскаго округа и изъ всѣхъ многочисленныхъ деревень, лежащихъ по дорогѣ на Филиппополь; все это было объято паникой. До Филиппополя обозы дошли благополучно; но уже далѣе начались бѣдствія. Судя по брошеннымъ турками вещамъ, которыя намъ приходилось видѣть по дорогѣ, можно было заключить, что первоначально турки забирали въ каруццы все свое достояніе, но гдѣ нибудь по дорогѣ ломалась каруцца или падалъ отъ истощенія волъ; тогда имъ приходилось дѣлать уже болѣе строгую разборку и они бросали ненужныя вещи. По дорогѣ валялись поломанныя каруццы, а возлѣ нихъ были разбросаны веретена, теплыя драныя одѣяла, подушки, много всякаго цвѣтнаго тряпья, отъ котораго еще издали пестрѣла дорога; тутъ же валялись кораны и пр. Мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ ночевалъ ихъ обозъ, нельзя было пройти безъ того, чтобъ не заткнуть отъ вони носъ и не отплюнуться сто разъ. Всѣ турецкіе биваки вообще отличаются особенною вонью, но на этихъ ночлежныхъ пунктахъ, кромѣ того, еще носились міазмы отъ разлагающихся труповъ.

Хотя мы всегда спѣшили проходить мимо этихъ ночлеговъ, но все таки нельзя было не замѣтить слѣдовъ тѣхъ драмъ, которыя здѣсь разыгрывались. Масса поломанныхъ телѣгъ, частью тутъ же сожженныхъ въ кострахъ, валялись по всему биваку; изнеможенные и брошенные волы лежали безъ корму, безъ жвачки; а нѣкоторые изъ нихъ, которые еще кое-какъ могли передвигаться, бродили по биваку и глодали валяющіяся въ грязи метелки изъ жесткой травы, которыми турки подметали у себя въ домѣ полы. Но самое ужасное было видѣть трупы стариковъ, старухъ и больныхъ дѣтей, брошенныхъ еще живыми, какъ лишній хламъ и умершихъ отъ голода, холода, болѣзни, истощенія. По положенію труповъ можно было заключить, что эти дѣти боролись со смертью; нѣкоторые старики лежали мертвые на спинѣ съ застывшими открытыми глазами, прижавъ къ груди коранъ. Старыя турчанки съ распущенными выкрашенными въ ярко рыжій цвѣтъ волосами и ног-

тими, лежали въ самыхъ отчаянныхъ положеніяхъ. Все это лежало въ грязи, а нѣкоторыя дѣти вовсе съ нею смѣшались; у нѣкоторыхъ лица были изъѣдены свѣжей оспой. Трудно выразить, до чего это печальное зрѣлище дѣйствовало на мой духъ; я старался побороть въ себѣ тяжелое чувство, но при каждомъ новомъ ужасномъ явленіи, меня опять начинало коробить. Наши лошади подозрительно фыркали при видѣ подъ ногами мертвaго тѣла и сами бережно его обходили.

Среди всѣхъ этихъ ужасовъ, я замѣтилъ одну сидѣвшую закутанную турчанку; подойдя къ ней, я увидѣлъ, что возлѣ нея лежалъ умирающій ея ребенокъ, бросить котораго у ней не хватило силъ. Въ другомъ мѣстѣ лежалъ старикъ, повидимому мертвый, но на самомъ дѣлѣ еще хлопавшій глазами въ предсмертной агоніи; онъ былъ покрытъ хорошимъ, яркимъ, ковровымъ одѣяломъ. Я подошелъ къ нему и увидѣлъ слабое движеніе вѣкъ; а возлѣ него уже сидѣлъ братушка и покури-валъ трубочку. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе хищника, стерегущаго добычу, или ворона, сидящаго около падали; для меня не было сомнѣнія, что братушка мѣтилъ на одѣяло и съ нетерпѣніемъ ждалъ нашего ухода.

Живыя дѣти были подобраны нѣкоторыми полками; ихъ отогрѣвали въ фургонахъ, нянчились съ ними въ продолженіе всего похода; затѣмъ привезли ихъ въ Россію и воспитывали; дѣвочекъ выдавали замужъ и считали ихъ свадьбу семейнымъ полковымъ торжествомъ.

Солнце сильно способствовало быстрому разложенію труповъ, запахъ котырыхъ расходился не далекое разстояніе. Какъ то разъ, желая сдѣлать небольшой привалъ около рѣчки, мы нашли около нея слѣды турецкаго ночлега. Зараза была на столько велика, что мы должны были пройти еще цѣлую версту, чтобъ только выдти изъ зараженнаго района. Я себѣ легко воображаю, во что обратились, мѣсяцъ спустя, всѣ эти ночлежные пункты. Дезинфекція тыла еще не была въ то время устроена, такъ что виды на появленіе всякихъ тифовъ, оспы, чумы и проч. были очень большіе.

Весь полуорасто-верстный путь отъ Папасли до Адрианополя мы сдѣлали легко; на день выходило по 30-ти верстѣ; ночи проводили спокойно, никто насъ не тревожилъ; впереди не предстояло никакого столкновенія съ непріателемъ. Всѣ переходы были очень однообразны по впечатлѣніямъ, такъ что даже не о чемъ и вспоминать.

На первомъ ночлегѣ въ Каялы я устроился не совсѣмъ удачно; въ избѣ, гдѣ мнѣ пришлось ночевать, въ продолженіе всей ночи стонала больная болгарка, которую турки, во время потасовки съ болгарами, до того избили, что она съ трудомъ могла дышать. Одинъ изъ ея сыновей былъ тоже сильно помятъ, и харкалъ кровью; а у другого шея и руки были изрублены во время схватки съ турками. На ихъ скотину

было жаль смотрѣть; она стояла безъ корму, потому что некому было ее кормить; она глодала плетень около дому и силилась достать до соломённой крыши.

Еще до выступленія въ походъ, я прочелъ статью, написанную извѣстнымъ Макъ-Гаханомъ объ ужасахъ, которые ему пришлось видѣть въ 1877-мъ году, когда турки вырѣзывали болгарскія деревни въ окрестностяхъ Филиппополя. Его описанія казались мнѣ тогда преувеличенными; но пройдя отъ Филиппополя до Адрианополя, я могъ лично убѣдиться, что все видѣнное нами по этой дорогѣ, еще ужаснѣе того, о чемъ онъ писалъ.

Уцѣлѣвшіе болгары не зѣвали; они пристроивались къ какому нибудь полку и шли съ нимъ все время до тѣхъ поръ, покуда не почувляли гдѣ нибудь по дорогѣ наживу. Они сдирали съ павшихъ воловъ кожи для ихъ выдѣлки, ловили шляющихся по полямъ скотъ, запрягали его въ поломанныя и наскоро поправленные каруцы, складывали въ нихъ все, что только валялось на дорогѣ, и увозили къ себѣ въ деревню.

Недоходя 11-го января до дер. Хаскюй, мы встрѣтили громадный обозъ турецкихъ бѣженцовъ, который тянулся на нѣсколько верстъ въ два ряда по дорогѣ; онъ стоялъ на мѣстѣ и не могъ двигаться впередъ, такъ какъ генераль Струковъ, войдя съ кавалеріей въ покинутый Адрианополь, распорядился не допускать обоза до города и приказалъ вернуть его обратно. Бѣженцы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, оказались въ безвыходномъ положеніи; уходить отъ насъ впередъ, теперь уже не имѣло смысла, а возвращаться домой въ свои покинутыя деревни, было не зачѣмъ: все хозяйство было уже уничтожено болгарами, скотъ разграбленъ. Къ тому же болгары начали бы имъ чувствительно мстить за прошлое и снова учинили бы рѣзню. Съ братушками было теперь плохо шутить, они заважничали и очень часто были даже смѣшны. Мнѣ много разъ приходилось видѣть, какъ они навъючивали на себя всевозможное старое оружіе, вовсе негодное къ употребленію, затѣмъ расхаживали по деревнѣ и забавлялись этимъ какъ дѣти; ихъ тѣшило то, что вдругъ послѣ четырехъ сотъ лѣтняго турецкаго ига, они могутъ носить оружіе и никто имъ этого не запрещаетъ.

Въ то время всѣ эти ужасы, происходившіе на задворкахъ войны, скользили по насъ и, вообще говоря, не оставляли въ насъ очень глубокаго впечатлѣнія, мнѣ кажется оттого, что мы уже приглядѣлись къ нимъ, а потомъ и оттого, что наши мысли въ то время были далеко впереди насъ. И слава Богу, что во время войны мы схватывали одну только виѣшнюю картину, и не углублялись въ нее чувствомъ; не то пожалуй не хватило бы энергіи продѣлать походъ съ бодрымъ духомъ.

Во время нашего перехода 13-го января изъ Германлы въ Мустафа-пашу, мы вдругъ услышали вдали свистъ локомотива; мы знали, что параллельно нашей дорогѣ идетъ рельсовый путь, но никакъ не подозрѣвали, что движеніе поѣздовъ уже налажено. Знакомый свистъ, отъ котораго уже успѣли отвыкнуть, подѣйствовалъ на насъ весьма пріятно; вдали показался дымокъ, а вскорѣ подкатилъ къ намъ поѣздъ, наполненный войсками; на локомотивѣ, на тендерѣ и всюду, даже на крышахъ вагоновъ, были размѣщены солдаты. Поѣздъ двигался тихо по направленію къ Адріанополу; полки принадлежали къ дивизіи Скобелева, который счумѣлъ выпросить себѣ поѣздъ изъ Адріанополя, гдѣ былъ захваченъ небольшой подвижной составъ, состоящій изъ двухъ локомотивовъ и 26-ти вагоновъ.

Несмотря на нашу общую радость увидѣть въ непріятельской странѣ налаженное желѣзнодорожное движеніе, ни одинъ изъ солдатъ не крикнулъ ура, которое мнѣ кажется было бы въ этомъ случаѣ вполне естественно и кстати. Виню въ этомъ не ихъ, а насъ, офицеровъ, которые не подали примѣръ; мнѣ кажется, что въ это время мы все были заняты одной и той же мыслью объ удобствѣ ѣхать въ вагонѣ и о неудобствѣ шагать по грязи; или, другими словами, мы просто завидовали тѣмъ, кому посчастливилось прокатиться въ Адріанополь по желѣзной дорогѣ. Привожу этотъ фактъ какъ примѣръ, показывающій что такъ называемые шкурные интересы могутъ въ походѣ заглушать чувства болѣе высшаго порядка.

Недоходя до Мустафа-паши, намъ сообщили, что насъ тоже перевезутъ въ Адріанополь по желѣзной дорогѣ; а для того насъ направили не въ деревню, а на станцію Мустафа-пашу, немного вправо отъ дороги. До Адріанополя оставался всего только одинъ переходъ верстъ въ тридцать, который мы должны были сдѣлать на слѣдующій день. Но такъ какъ великій князь Николай Николаевичъ рѣшилъ на слѣдующее утро 14-го января совершить торжественный вѣздъ въ Адріанополь, то въ виду этого и приказалъ перевезти туда въ ночь нашъ полкъ для предстоящей торжественной встрѣчи.

Извѣстіе о перевозкѣ полка по желѣзной дорогѣ, было встрѣчено нами съ восторгомъ; мы до того отвыкли отъ удобныхъ сообщеній; до того намъ надоели утомительные переходы и грязные биваки, что путешествіе въ вагонѣ казалось намъ праздничной прогулкой. Намъ пришлось довольно долго ждать на станціи, пока не вернулся изъ Адріанополя тотъ самый поѣздъ, который свезъ туда армейцевъ. Я пошелъ въ телеграфную комнату, чтобъ узнать у телеграфиста о поѣздѣ; онъ сообщилъ мнѣ очень много интереснаго относительно желѣзнодорожнаго движенія въ данный моментъ. Онъ имѣлъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ теперь находились отступающіе турки, гдѣ нашъ авангардъ и проч. Между прочимъ онъ разсказалъ намъ о тѣхъ

страхахъ, которые ему пришлось претерпѣть за послѣднее время; онъ показалъ мнѣ стоящій въ углу несгораемый ящикъ, въ которомъ онъ хранилъ казенныя деньги; ящикъ былъ сильно помятъ и исецарапанъ турецкими черкесами, которые до прихода русскихъ занимали на этой станціи наблюдательный постъ. Сначала они до него не дотрогивались, но когда увидѣли вдали нашихъ казаковъ, шедшихъ впереди спускавшихся съ Шипки нашихъ войскъ, тогда они бросились, на прощанье, на этотъ желѣзный ящикъ и начали его ломать. Ящикъ былъ надежный, такъ что ихъ труды оказались напрасными.

Вскорѣ послѣ удаленія черкесовъ, прибыли на станцію казаки; со страху, телеграфистъ заперся у себя въ комнатѣ, но долго тамъ не просидѣлъ—онъ все боялся за цѣлость ящика. Выйдя изъ своей комнаты, онъ увидѣлъ, что ящикъ былъ цѣлъ, но телеграфный аппаратъ былъ разрушенъ: винты вывинчены и брошены, всѣ части тронуты со своихъ мѣстъ. По своимъ грубымъ понятіямъ о телеграфѣ, казаки не нашли достаточнымъ только перервать проволоки, а сочли нужнымъ, непременно повредить самый аппаратъ.

Нѣсколько дней спустя по словамъ телеграфиста, прибылъ на эту станцію генераль Струковъ; онъ такъ хорошо обошелся съ нимъ, такъ убѣдительно просилъ его хоть кое-какъ возстановить телеграфное сообщеніе, что телеграфистъ тотчасъ же занялся труднымъ дѣломъ исправленія механизма. Въ первый день, по исправленіи, депеши передавались неважно; но въ тотъ день, когда мы поджидали поѣздъ, телеграфъ былъ уже въ полномъ порядкѣ. Мы сейчасъ же воспользовались имъ и просили телеграфировать на станцію Адрианополь, чтобъ къ нашему пріѣзду приготовили что нибудь поѣсть.

Часамъ къ 7-ми вечера, подъѣхалъ на станцію изъ Адрианополя очень длинный, пустой поѣздъ; онъ могъ вмѣстить всего только два баталіона. 1-ый и 2-ой баталіоны были въ немъ размѣщены, а 3-ій и 4-ый должны были дожидаться на станціи до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не вернется къ нимъ изъ Адрианополя. Послѣ всего пережитаго, было какъ то странно и въ то же время отрадно сидѣть на пружинныхъ подушкахъ и катиться плавно по рельсамъ. Я не могъ не улыбаться тѣмъ мыслямъ, которыя лѣзли мнѣ въ голову. Нашъ истрепанный видъ совсѣмъ не подходилъ къ вагонамъ 1-го класса, обитымъ бархатнымъ трипомъ; мнѣ вдругъ подумалось, что такой пестрой командѣ здѣсь вовсе не мѣсто и что насъ слѣдовало бы вывести вонъ изъ чистыхъ вагоновъ.

XIX.

Прїѣздъ въ Адріанополь.—Перемиріе.

Въ 9 часовъ вечера 13-го января мы подъѣхали къ станціи Адріанополь, которая отстояла отъ города въ трехъ верстахъ.

Въ тотъ памятный для всѣхъ періодъ войны, просто глазамъ не вѣрилось, какъ быстро перемѣнялись обстоятельства на театрѣ военныхъ дѣйствій. Еще недѣлю тому назадъ, когда мы возились съ Филиппопольскою арміею Сулеймана, Адріанополь казался намъ гдѣ то очень далеко; мы были увѣрены, что турки не отдадутъ намъ даромъ тѣ образцовыя укрѣпленія, которыя они понастроили около города; и вдругъ теперь мы вѣѣзжаемъ въ него по желѣзной дорогѣ и посылаемъ туда денешу насчетъ ужина.

Я думалъ найти тамъ большую станцію съ буфетомъ и другими удобствами для публики; но жестоко ошибся—вмѣсто благоустроенной станціи, оказались только большія грязныя сѣни съ каменнымъ поломъ и большими вѣсами для взвѣшиванія товаровъ. Станція была не освѣщена, а ея начальникъ былъ навеселѣ. Баталіоны расположились на ночь возлѣ станціи въ грязи. По причинѣ темноты и отсутствію экипажей, мы не могли отойти далеко отъ станціи. Вблизи оказался какой-то грязный трактирчикъ; тамъ намъ подали макароны, говяжій рагу, кофе и наикислѣйшее мѣстное красное вино. Грязь въ трактирѣ и невкусная пища насъ возмущали, но въ то же время мы ѣли и даже повторяли порціи; отъ краснаго вина стягивало ротъ,—мы его пили и требовали еще. Другихъ офицеровъ, вмѣстѣ съ принцемъ Ольденбургскимъ, начальникъ станціи свелъ немного дальше въ заведеніе Вейдемана, старичка нѣмца, котораго мы впоследствии очень полюбили. При помощи красивой, блѣнокурой, жирной нѣмки, завѣдывавшей кухней, онъ всегда умѣлъ угодить на нашъ вкусъ. Послѣ ужина надо было гдѣ нибудь устроиться на ночь. Я дерзнулъ послать своего денщика въ домъ директора желѣзной дороги, тутъ же возлѣ станціи, съ просьбою разрѣшить мнѣ переночевать у него въ домѣ. Денщикъ явился ко мнѣ съ приглашеніемъ.

Директоръ, рыжій австрійскій нѣмецъ, принялъ меня радушно, угостилъ хорошимъ мѣстнымъ краснымъ виномъ и нѣсколько разъ принимался меня разспрашивать о нашемъ зимнемъ переходѣ черезъ Балканы. Онъ высказалъ мнѣ, что всѣ безъ исключенія были убѣждены въ томъ, что намъ не справиться зимой съ Балканами. Это убѣжденіе было до того сильно, что при первомъ же появленіи русскихъ войскъ на южныхъ склонахъ горъ, паника сразу охватила Адріанополь; а послѣ паденія Шипки, въ немъ началось уже столпотвореніе. Со всѣхъ

концовъ сталъ собираться на станцію всякій народъ и съ ятаганами въ рукахъ требовалъ поѣздовъ въ Константинополь. Поѣзды были переполнены, народъ садился даже на крыши вагоновъ; но и ихъ конечно не могло хватить на всѣхъ. Начался ропотъ, пошли безпорядки; дорожное начальство совсѣмъ потеряло голову, пряталось отъ народа и наконецъ потребовало изъ Адрианополя одинъ таборъ для поддержанія порядка. Когда же отъѣхали въ Константинополь послѣднія турецкія войска, то въ городѣ началась настоящая анархія: народъ безобразничалъ, грабилъ, разносилъ оружейные склады, безчинствовалъ на всѣ лады. Всѣ стали съ нетерпѣніемъ ожидать прибытія русскихъ войскъ, появленіе которыхъ должно было прекратить анархію и успокоить волнующійся народъ.

По словамъ директора, громадныя поѣзда съ турецкими войсками все время двигались изъ этого города по направленію къ Константинополю, вплоть до того дня, когда вступила въ Адрианополь наша кавалерія. Но самое интересное свѣдѣніе, почерпнутое мною изъ нашей ночной бесѣды, было о Сулейманѣ, который въ то время, когда мы подошли къ Филиппополю, требовалъ у директора поѣздовъ для вывоза своей арміи изъ Филиппополя, но таковыхъ не получилъ, потому что всѣ вагоны работали по линіи Адрианополь-Константинопольской.

Наговорившись съ нимъ до сыта, я отправился съ денщикомъ къ нему въ кабинетъ, предоставленный мнѣ на ночь. Я легъ на диванъ, а денщикъ устроился возлѣ, на полу. Выйдя утромъ на балконъ, я узналъ, что возлѣ меня, въ корридорѣ, провели ночь шесть турецкихъ солдатъ; дѣло въ томъ, что директоръ просилъ у наши, отъѣзжавшаго въ Константинополь съ послѣднимъ воинскимъ поѣздомъ, оставить ему шесть надежныхъ аскеровъ, которыхъ директоръ общалъ взять подъ покровительство австрійскаго консульства. Въ то время народъ такъ волновался, что директоръ боялся остаться безъ всякой защиты. Эти шесть турокъ скрывались въ его домѣ и боялись показаться наружу. Я былъ очень доволенъ, что не зналъ объ этомъ съ вечера, не то провелъ бы безпокойную ночь, зная что возлѣ меня находятся наши враги. Домъ стоялъ особнякомъ, въ непосредственной близи никого изъ нашихъ не было; а на дворѣ было ночью совсѣмъ темно, хоть глаза выколи.

14-го января съ самаго ранняго утра, полкъ началъ чиститься и приводить себя въ порядокъ для торжественнаго вѣзда великаго князя въ Адрианополь. Въ моей ротѣ оказалось, что человекъ десять не могли быть выведены въ строй; у нѣкоторыхъ вмѣсто фуражекъ были фески, у другихъ были какіе то ярко красныя штаны, у третьихъ были сожжены шинели и. т. д. Этихъ людей пришлось оставить при ротныхъ вещахъ. Людей подвели къ станціи и разставили шпалерами по шоссе,

идущему отъ станціи къ городу; полкъ вытянулся въ двѣ шеренги чуть ли не на версту. Въ ожиданіи поѣзда съ великимъ княземъ, людямъ было велѣно составить ружья, а большая часть офицеровъ отправилась погрѣться на станцію.

Мимо насъ проѣхалъ по направленію изъ Адрианополя къ станціи, ординарецъ генерала Скобелева, ночевавшего въ эту ночь въ самомъ городѣ. Подѣзжая къ оставшимся при ротахъ офицерамъ, онъ прикладывался къ козырьку и передавалъ просьбу генерала Скобелева не беспокоиться при его проѣздѣ изъ города на станцію и не разбирать ружей. Немного погодя, я вдругъ вижу, что мои люди живо разбираютъ, безъ моего приказанія, ружья, становятся во фронтъ и сами, безъ команды, берутъ ружье на плечо. Въ это время съ лѣвой стороны подѣзжалъ къ моей ротѣ на бѣломъ конѣ генераль Скобелевъ со своими ординарцами. Солдаты много про него слышали, но до сихъ поръ ни разу его не видѣли; люди впились въ него глазами, у всѣхъ было радостное выраженіе на лицѣ. Генераль сказалъ въ полголоса каждой ротѣ что нибудь пріятное; на мою роту выпали слѣдующіе слова: «Слышалъ я, ребята, про вашу Филиппопольскую побѣду; наконецъ то мы добрались до Адрианополя, гдѣ уже сорокъ девять лѣтъ не было нашихъ знаменъ». Генераль говорилъ эти слова на ходу; его привѣтливое лицо, его обыкновеніе говорить просто съ солдатами, наконецъ умѣнье задрѣть за живую струнку, все это вмѣстѣ произвело громадный эффектъ на людей.

Оставшіеся на дорогѣ наши офицеры, въ томъ числѣ и я, отправились на станцію (шагахъ въ двухъ стахъ отъ насъ), чтобъ поближе посмотреть на Скобелева; мы не менѣе солдатъ интересовались этимъ совѣмъ изъ ряду вонъ выходящимъ молодымъ генераломъ, въ которомъ вмѣщался умный, образованный стратегъ, военная натура, прекрасно понимающая солдата, и вмѣстѣ съ тѣмъ ловкій, забавный, элегантный, свѣтскій офицеръ, любящій пожить. Генераль дѣлалъ на платформѣ станціи смотръ почетному караулу, назначенному изъ его 16-ой дивизіи для встрѣчи великаго князя.

На станцію прибѣжалъ нашъ солдатикъ съ извѣстіемъ, что генераль Гурко подѣзжалъ къ полку и очень сердится, что нѣтъ офицеровъ. Мы, сломя голову, побѣжали къ своимъ ротамъ. Этотъ непріятный эпизодъ могъ бы не случиться, если бы насъ предупредили, что генераль ночуетъ въ Адрианополѣ и поѣдетъ на станцію для встрѣчи великаго князя. Мы бросились въ роты и намъ пришлось выслушать строгое замѣчаніе генерала Гурко.

Вдали послышался свистъ локомотива; къ станціи подошелъ поѣздъ, войска взяли «на плечо», великій князь сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи большой свиты, двинулся шагомъ по направленію къ Адрианоп-

полю. При видѣ своего дѣтища (такъ онъ называлъ гвардію), великій князь весело улыбался и, по своему обыкновенію, отрывисто кивалъ намъ головой. За свитой ѣхала карета, въ которой сидѣли два турецкихъ офицера; о нихъ будетъ рѣчь впереди. Въѣздъ въ самый городъ, по словамъ присутствующихъ, былъ совершенъ съ подобающею событію торжественностью. Великій князь остановился въ конакѣ, т. е. въ домѣ, гдѣ обыкновенно проживалъ турецкій генераль-губернаторъ.

Въ этотъ же день нашъ полкъ былъ переведенъ въ Адрианополь и размѣщенъ по теплымъ квартирамъ; меня же съ моей ротой назначили комендантомъ мѣстечка Карагача, лежащаго въ пяти минутахъ ходьбы отъ станціи; туда я перешелъ съ ротой на жительство. Эта командировка послѣдовала вслѣдствіе просьбы иностранцевъ, жившихъ въ Карагачѣ и просившихъ, ради спокойствія ихъ семействъ, отрядить къ нимъ на постой небольшую часть войска. Очередь пала на мою роту.

Мы устроились въ Карагачѣ очень удобно въ теплыхъ квартирахъ: моя комната приняла совсѣмъ жилой, уютный видъ. Карагачъ оказался славнымъ мѣстечкомъ; судя по тутовымъ плантаціямъ, жители занимались даже шелководствомъ. Въ немъ было много красивыхъ на европейскій ладъ построенныхъ домовъ, нѣсколько магазиновъ, содержимыхъ удалившимися изъ отечества поляками, больница, школа для дѣтей, устроенная французскимъ благотворительнымъ обществомъ, католическая церковь, много маленькихъ лавочекъ, торговавшихъ хлѣбомъ, виномъ, кожей и наконецъ ресторація старика Вейдемана, о которой я упоминалъ выше. Его домикъ былъ съ виду не казистый, но впослѣдствіи оказался очень симпатичнымъ—въ немъ всегда можно было получить вкусный домашній столъ, кофе со сдобнымъ хлѣбомъ, приготовленнымъ по вѣнски, мѣстное, сносное вино и проч. Радужный Вейдеманъ только и думалъ о томъ, чтобъ намъ угодить; а захворавшаго нашего офицера барона Ѳедора Леопольдовича Корфа, онъ даже пріютилъ у себя и ухаживалъ самъ за нимъ во время болѣзни. Когда я вступалъ въ Карагачъ, то на улицахъ никого не было видно; всѣ сидѣли дома съ закрытыми ставнями и боялись выходить; Карагачъ казался мертвымъ. Но это обошлось скоро; публика къ намъ приглядѣлась и стала понемногу выходить на улицу.

Я былъ очень доволенъ своей командировкой, никто меня не беспокоилъ, службы никакой не было; моя рота могла вполне отдохнуть, оправиться, помыться, почиститься и починиться.

Менѣ всего пришлось людямъ поправлять обувь; по совѣту фельдфебеля Мазурова, я велѣлъ купить, еще въ Петербургѣ, подметки и товаръ для чинки сапогъ, такъ что по мѣрѣ надобности, люди чинили себѣ сапоги.

Устроившись въ Карагачѣ, я въ первый же день сѣлъ верхомъ и

поѣхалъ въ Адрианополь. До города было всего только три версты; но прежде чѣмъ вѣхалъ въ городъ, надо было переѣхать по мосту рѣку Марицу. Мостъ былъ каменный на каменныхъ устояхъ, очень длинный, а на мосту была выстроена небольшая часовенка. Въ то время было половодье, рѣка разлилась очень широко, мутныя весеннія воды неслись очень быстро и увлекали съ собой все, что только попадалось имъ по дорогѣ. Картина весенняго половодья была очень красивая; я долго стоялъ на мосту и любовался бушевавшей рѣкой.

Подѣзжая къ Адрианополу, можно было замѣтить нѣсколько громадныхъ редутовъ, расположенныхъ примѣрно верстахъ въ трехъ отъ города.

Въ этотъ день я побывалъ только въ конакѣ, въ которомъ засталъ настоящій военный раутъ; туда были все вхожи толпились въ большой залѣ, одни изъ нея выходили, другіе входили, встрѣчались знакомые, сообщались новости. Тутъ же передавались самыя невозможныя слухи, напоминавшіе мнѣ новости, приносимыя гимназистами изъ гимназіи, въ родѣ того, что будто бы султанъ уже убѣжалъ со своимъ гаремомъ изъ Константинополя въ Брусу. Но въ то-же время передавалось и то, что всякое сообщеніе съ Константинополемъ прервано, и что тамъ происходитъ, того знать нельзя. Многіе приѣзжали предстать великому князю; всюду слышался шумъ и говоръ. Я радъ былъ повидаться съ моимъ старымъ знакомымъ и сотоварищемъ по музыкѣ ротмистромъ Димитрій Антоновичемъ Скалономъ, адъютантомъ великаго князя. Въ продолженіе всей кампаніи, онъ былъ ближе всѣхъ къ великому князю, зналъ все его помыслы; чрезъ него великій князь отдавалъ все свои приказанія.

Я конечно тотчасъ же закидалъ ротмистра вопросами, которые меня и вообще всѣхъ насъ интересовали; но я узналъ отъ него немного. Онъ, рассказалъ мнѣ, что сообщеніе съ Константинополемъ дѣйствительно прервано, а сплетня о бѣгствѣ султана не заслуживаетъ вниманія. Между прочимъ, онъ разъяснилъ мнѣ присутствіе при вѣздѣ великаго князя двухъ турецкихъ офицеровъ, которыхъ везли сзади въ каретѣ.

Еще въ послѣднихъ числахъ декабря, въ то самое время, когда мы встрѣтили въ Ихтиманѣ посланнаго Сулейманомъ въ нашъ отрядъ турецкаго офицера, явились отъ султана въ главную квартиру великаго князя тоже два турецкихъ посла Намыкъ-паша и Серверъ-паша съ предложеніемъ о перемиріи. Великій князь заявилъ, что торговаться съ ними не желаетъ, и сообщилъ свои условія перемирія, которыя тотчасъ же были отправлены съ турецкимъ курьеромъ въ Константинополь; общее же наступленіе войскъ не было остановлено. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже болѣе двухъ недѣль, не было никакого отвѣта отъ султана, а двое турецкихъ пословъ состояли при главной квартирѣ; они продѣлали вмѣ-

стѣ съ великимъ княземъ весь переходъ черезъ Шипку до Адрианополя. Директоръ желѣзной дороги, у котораго я ночевалъ, далъ мнѣ еще нѣсколько добавочныхъ свѣдѣній объ этихъ уполномоченныхъ; онъ разсказалъ, что они привезли съ собою изъ Константинополя цѣлый вагонъ съ посудой и прочими принадлежностями для угощенія; они вѣроятно имѣли въ виду, въ случаѣ удачныхъ переговоровъ, давать обѣды, а кончили тѣмъ, что ихъ самихъ кормили при главной квартирѣ.

По утрамъ приходили ко мнѣ съ жалобами жители Карагача, одинъ жаловался на то, что у него передъ домомъ гниетъ падалъ; другой привелъ какого то солдата, который велъ по дорогѣ принадлежащихъ жалобщику двухъ воловъ, недавно кѣмъ то у него украденныхъ. Приходилось посылать за чорбаджи (городской голова) Карагача и вмѣстѣ съ нимъ сличать какія то клейма на волахъ и проч., а самому чорбаджи, подъ угрозой взысканія, приказывалось мною немедленно же исполнять мои приказанія.

Старикъ нѣмецъ Вейдеманъ пришелъ ко мнѣ тоже съ жалобой на то, что ему не даютъ по ночамъ покоя; въ продолженіе всей ночи, шляющийся народъ стучится въ запертыя двери его гостиницы и требуетъ, чтобъ ее отперли. Я давалъ ему по ночамъ трехъ солдатъ, которые поочередно оберегали покой несчастнаго старика. Эта командировка была для людей не службой, а праздникомъ; старикъ ихъ хорошо кормилъ и угощалъ краснымъ виномъ.

Большая часть консуловъ оказались купцами, имѣвшими въ Карагачѣ свои дома; они торговали рисомъ, виномъ и проч. Приходя ко мнѣ, какъ будто съ визитомъ, они сейчасъ же предлагали товаръ и просили сдѣлать у нѣкоторыхъ ненадежныхъ жителей Карагача обыскъ съ цѣлью отобрать отъ нихъ оружіе. Я это сдѣлалъ для ихъ успокоенія.

Вечера я проводилъ у инспектора желѣзной дороги г. Коста, очень образованнаго австрійца; онъ явился ко мнѣ на другой же день съ приглашеніемъ у него отобѣдать. Его жена съ ужасомъ вспоминала о тѣхъ страхахъ, которые ей пришлось испытать до насъ. Въ томъ домѣ, гдѣ я жилъ теперь, стояли зейбеки, полудикіе азіаты; они нѣсколько разъ пробовали вламываться къ нимъ во дворъ (инспекторъ жилъ противъ меня), но не могли этого сдѣлать только потому, что ворота и ставни были сооружены съ особенною прочностью, свойственною вообще на Востокѣ всякимъ защитнымъ отъ нападеній сооруженіямъ.

По вечерамъ мои солдаты выходили на улицу, становились въ кружокъ и пѣли пѣсни; прохожіе останавливались и съ любопытствомъ слѣдили за лихими плясунами, выдѣлывавшими такую необыкновенную гимнастику ногами, которая, безъ сомнѣнія, никогда не снилась мирнымъ жителямъ Карагача. Мнѣ сказали, что турки никогда не поютъ и все-

гда въ какомъ то мрачномъ настроеніи; такъ что добродушный видъ русскаго солдата и его постоянное хорошее настроеніе не могли не поражать жителей.

Однажды вечеромъ, когда я усѣлся въ своей уютной комнатѣ писать письма, ко мнѣ вбѣжалъ фельдфебель и доложилъ, что въ Адрианополѣ пожаръ и слышна перестрѣлка. Я выскочилъ на дворъ, дѣйствительно увидѣлъ пожаръ и услыхалъ отдѣльные выстрѣлы; зарево все увеличивалось, а выстрѣлы учащались. Мы всѣ разинули рты; посмотримъ и не понимаемъ, что тамъ творится. Я тотчасъ же послалъ туда верхового на моей лошади, который вернулся черезъ часъ и разъяснилъ намъ загадочную перестрѣлку. Въ Адрианополѣ горѣли казармы, въ которыхъ былъ помѣщенъ какой то гвардейскій полкъ; люди, выбѣгая оттуда, второпяхъ всюду раскидали патроны; когда же огонь добирался до патроновъ, то они лопались и производили трескотню, издали напоминающую перестрѣлку. Не могу забыть того глупаго положенія, въ которомъ я находился, слыша въ продолженіе цѣлаго часа перестрѣлку и въ то-же время не понимая, отчего бы она могла произойти.

Я пользовался своимъ авторитетнымъ положеніемъ и бѣдилъ часто на станцію на телеграфъ, гдѣ телеграфисты показывали мнѣ всѣ телеграммы, которыя посылались великимъ княземъ въ передовой отрядъ генералу Струкову, ушедшему впередъ верстъ на 80-ть по направленію къ Константинополю. Въ телеграммахъ передавалась русская рѣчь, но писалась она латинскими буквами; телеграфистъ грекъ автоматически передавалъ буквы, но смысла депеши не понималъ. Читая эти телеграммы, я поправлялъ ему ошибки, которыхъ было не мало. Отъ генерала Струкова получались отвѣтныя депеши тѣмъ же шифромъ. Въ то время у него были ежедневныя стычки съ турецкими черкесами, оберегавшими арьергардъ отступившихъ турокъ.

Наше передвиженіе войскъ по желѣзной дорогѣ по направленію къ Константинополю было задержано не турками, а однимъ нашимъ молодымъ кавалеристомъ, выказавшимъ *trop de zèle*. Находясь въ самомъ переди со своимъ разбѣздомъ, въ то горячее время, когда турки уже отступали, а наши войска подходили къ Адрианополю, онъ налетѣлъ на желѣзнодорожный мостъ, находившійся по дорогѣ изъ Адрианополя на Константинополь, и сильно его попортилъ съ цѣлью прервать желѣзнодорожное сообщеніе.

Одна изъ радостныхъ и интересныхъ телеграммъ, прочитанныхъ мною на станціи, была получена отъ инженернаго капитана Иванова изъ Деде-Агача, городка, лежащаго недалеко отъ впаденія Марицы въ Эгейское море. Этотъ капитанъ проѣхалъ туда въ сопровожденіи одной роты и нагналъ такой страхъ на небольшое количество оставшихся тамъ турецкихъ солдатъ, что они сейчасъ же разбѣжились, и Деде-Агачъ,

приморскій пунктъ, оказался въ нашихъ рукахъ. Въ этомъ городѣ капитанъ Ивановъ забралъ много вагоновъ и нѣсколько локомотивовъ; объ этомъ цѣнномъ приобрѣтеніи онъ и телеграфировалъ великому князю. Я тотчасъ же велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадей и поскакалъ въ Адріанополь сообщить объ этомъ радостномъ событіи товарищамъ, которымъ я часто, благодаря своей командировкѣ, могъ сообщать животрепещущія новости даже раньше чѣмъ онѣ доходили до великаго князя.

Я ѣздилъ ежедневно въ Адріанополь и обязательно заѣзжалъ въ конакъ, чтобы узнавать о новостяхъ. По слухамъ, въ то время уже велись переговоры между великимъ княземъ и султаномъ. Люди, близко стоящіе къ дѣлу, не имѣли права оглашать ихъ до поры до времени; но по ихъ улыбкамъ, легкимъ намекамъ и спокойствію, можно было заключить, что дѣла идутъ на ладъ, и что вскорѣ мы узнаемъ о перемиріи.

Адріанополь поражалъ меня своею грязью и тѣсною улицей; самая главная улица, на которой сосредоточивалась вся жизнь города, была до того узка, что двѣ пароволыны подводы могли съ трудомъ разъѣхаться, а пѣшеходамъ уже не оставалось мѣста. На этой улицѣ были лавки, рестораны, цырюльни, булочныя, кузницы и проч.; но все это имѣло восточный оттѣнокъ, вовсе непохожій на то, что мы привыкли видѣть въ Европѣ. Въ городѣ было замѣтно большое оживленіе, конечно, благодаря только приходу русскихъ войскъ; по улицамъ шло много народа; офицеры пѣшкомъ и верхомъ, солдаты, братушки, греки, турки въ фескахъ и разноцвѣтныхъ чалмахъ, волыны каруццы, городскія коляски, обитыя свѣтлоокраснымъ бархатнымъ трипомъ; общій говоръ и шумъ не умолкалъ ни на минуту. Мнѣ припомнилась наша толкучка, только съ тою разницею, что у насъ она представляетъ темную массу; здѣсь же на Востокѣ, она имѣла совсѣмъ своеобразный пестрый характеръ, благодаря разноцвѣтнымъ яркимъ цвѣтамъ костюмовъ.

Въ городѣ попадались такъ называемые испанскіе евреи тоже съ фесками на головахъ—это были потомки древнихъ мавровъ, когда-то пришедшихъ изъ Аравіи въ Европу; въ нихъ не было ничего жидовскаго въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать евреевъ. Всѣ они довольно крупнаго роста съ большимъ открытымъ лицомъ, съ подстриженной бородой, но все-таки, глядя на нихъ, нельзя было не замѣтить что-то среднее евреямъ эпохи патріарховъ. Они всѣ хорошіе ремесленники, но торговлю не любятъ и не оспариваютъ ее у грековъ—настоящихъ торгашей въ Турціи. Мнѣ кажется, что турки не могли бы существовать безъ грековъ и евреевъ; ихъ жизнь въ полной зависимости отъ этихъ предприимчивыхъ людей. Вообще говоря, туракъ было все-таки не много въ городѣ, и то только одни старики въ чалмахъ при воловьихъ повозкахъ. Въ лавкахъ торговали халвой, изюмомъ, миндалемъ, орѣхами и всякою восточною дрянью. На улицахъ жарилась на жаровняхъ

для народа какая то снѣдь, отъ которой отдавало горькимъ масломъ, тутъ же стояли кальяны съ нѣсколькими каучуковыми кишками, выходящими изъ одного и того же резервуара; вокругъ него постоянно сидѣли курильщики; одни уходили, другіе садились на ихъ мѣсто.

Портные-евреи и сапожники занимались на улицахъ чинкой; около нихъ толпилось много солдатъ и чтобъ починить обувь или одежду, всякій ожидалъ своей очереди. Сапоги солдатъ пришли въ такой жалкій видъ, что кромѣ еврея, мнѣ кажется, никто не сѣумѣлъ бы ихъ починить.

Лучшія лавки находились въ большомъ адріанопольскомъ базарѣ; это былъ длинный, высокій и довольно темный корридоръ, который освѣщался сверху, гдѣ на потолкѣ были устроены окна. По обѣ стороны корридора шли лавки, одна подлѣ другой; полъ лавокъ былъ приподнятъ на цѣлый аршинъ выше прохода, по которому ходила публика. На полу лавокъ были разложены ковры, на которыхъ сидѣли по-турецки торговавшіе армяне и греки; ихъ туфли стояли въ уголку, а они сами ходили по ковру въ шерстяныхъ чулкахъ; но это случалось весьма рѣдко, такъ какъ они весь день сидѣли, упорно молчали и, съ идіотскимъ выраженіемъ лица, курили свой кальянъ, прихлебывая въ то-же время изъ чашки черной кофе *à la turca*, т. е. сваренный вмѣстѣ съ сахаромъ и налитый вмѣстѣ съ гущей, которая понемногу осѣдаетъ въ чашкѣ. Я останавливался нѣсколько разъ передъ этими словно застывшими людьми и съ любопытствомъ слѣдилъ за ихъ лѣнивыми, неповоротливыми движеніями; они нисколько не стѣснялись моимъ испытующимъ взглядомъ и продолжали пребывать въ блаженной нирванѣ, не спѣша, перенося свой тупой взглядъ то на кофе, то на кальянъ.

Войдя со свѣту на базаръ, въ немъ казалось сначала очень темно, но мало-по-малу глазъ привыкалъ къ темнотѣ и начиналъ ясно различать всѣ предметы. Я имѣлъ большое желаніе купить себѣ что нибудь оригинальное, восточное, но ничего такого не нашелъ. Въ Адріанополѣ остались одни только подонки торговаго міра; все, что только было хорошаго и интереснаго въ городѣ, то было уже давно увезено изъ него, а то, что осталось и продавалось на большомъ базарѣ, то было гадко и дорого. Я былъ не мало пораженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованъ, когда увидѣлъ тамъ наши московскіе ситцы съ восточнымъ рисункомъ.

На главной улицѣ между ресторанами, если только можно такъ называть комнаты, въ которыхъ на накрытыхъ не совсѣмъ чистыхъ столахъ стояли пустыя горчицницы и солонки, былъ даже нотный и книжный магазинъ, въ которомъ продавался табакъ, мука, соль и проч. Этотъ магазинъ помогаль офицерамъ оріентироваться относительно разныхъ кабачковъ. Я зашелъ въ магазинъ и попросилъ показать мнѣ ноты. Выборъ пьесъ былъ допотопный, но я все таки ради памяти купилъ

себѣ два турецкихъ марша, одинъ Османіа-маршъ, а другой Меджидіа-маршъ; оба казались образцовою дрянью.

Мы всѣ побывали въ восточныхъ цырюльняхъ и привели себя въ порядокъ, но бородъ не брили; я рѣшилъ до тѣхъ поръ не бриться, покуда не прикажетъ начальство, тѣмъ болѣе, что походъ еще не былъ оконченъ. Но нѣкоторые офицеры все-таки воспользовались случаемъ сбрили себѣ бороды и приняли свой прежній петербургскій вадъ. На Востокѣ цырюльники необыкновенно ловки, вѣроятно отъ большой практики. Турки брѣютъ себѣ головы, а греки и армяне одаренные отъ природы богатою растительностью волосъ, брѣютъ себѣ бороды, лобъ, затылокъ и брови, чтобъ казаться красивѣе.

Въ Адрианополѣ замѣчательна по внутренней отдѣлкѣ мечеть Селима; она очень обширна. По преданію, это былъ въ старину византійскій храмъ, обращенный султаномъ Селимомъ въ мечеть. Судя по шарообразному куполу и по колоннамъ внутри мечети, это преданіе не подлежитъ сомнѣнію. Ея внутренность поражаетъ пестротой отдѣлки, свѣтъ проникаетъ въ мечеть чрезъ цвѣтныя стекла и даетъ весьма оригинальное освѣщеніе; всѣ стѣны и колонны украшены цвѣтными шкалками въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются у насъ на плохихъ иллюминаціяхъ; ихъ зажигаютъ въ торжественные магометанскіе праздники. Къ мечети пристроены четыре минарета, которые нисколько не подходятъ къ стилю храма.

По дорогѣ домой въ Карагачъ, я заѣхалъ на выѣздѣ изъ города въ кузницу, чтобъ подковать мою лошадь. Въ то время всѣ кузницы были завалены работой; онѣ работали день и ночь надъ телѣгами полковыхъ обозовъ; не было ни единой телѣги, которая не требовала бы починки. Одна только русская телѣга могла выдержать балканскій походъ; она вязла въ снѣгу, въ грязи, опрокидывалась въ овраги, ея немазанныя колеса визжали словно звѣрь, просящій ѣсть, но все-таки не сдала, не крикнула и вмѣстѣ съ нами дошла до Царьграда. Я думаю, что послѣ этого похода, тотъ англичанинъ, который предлагалъ большую премію за изобрѣтаніе чего нибудь хуже русской телѣги, долженъ былъ перемѣнить свое мнѣніе о ней.

Настало 19-ое января. Въ этотъ день великій князь во всеуслышаніе объявилъ о заключенномъ съ турками перемиріи. Узнавъ утромъ въ Карагачѣ изъ вѣрныхъ источниковъ объ этомъ (я прочелъ на телеграфѣ депешу великаго князя къ Струкову), я собралъ свою роту, которая не подозрѣвала, зачѣмъ я ее собираю. Узнавъ объ этомъ радостномъ событіи, люди грянули такое громкое и продолжительное «ура», которое только однажды въ жизни и пришлось мнѣ слышать; мы съ фельдфебелемъ Мазуровымъ даже облобызались. Моментъ былъ слишкомъ торжественный, слишкомъ изъ ряду вонъ выходящій.

Жители Карагача высыпали изъ своихъ домовъ на улицу и подходили къ намъ, чтобъ узнать въ чемъ дѣло. Нѣкоторые изъ нихъ говорили мнѣ, что къ такимъ дружнымъ крикамъ турки неспособны, да и вообще они рѣдко прибѣгаютъ къ такому способу выраженія радости.

Въ довершеніе этого счастливаго дня, я приказалъ раздать людямъ пудъ русской махорки, присланной мнѣ женой изъ Систова еще тогда когда мы были въ Яблоницѣ; а вмѣстѣ съ табакомъ и по стакану ракіи, болгарской водки не особенно крѣпкой съ анисовымъ запахомъ. Перемиріе, махорка, водка! Люди были въ восхищеніи.

Я поѣхалъ верхомъ въ Адрианополь; тамъ было большое оживленіе, всѣ поздравляли другъ друга, лобызались. Изъ всего тамъ слышаннаго я могъ вынести такое заключеніе, что наши войска, согласно условіямъ перемирія, будутъ пододвинуты къ Константинополю. Это движеніе официально мотивировалось необходимостью устроить болѣе удобное размѣщеніе для войскъ, какъ ради здоровья такъ и ихъ продовольствованія. Въ сущности же войска должны были пододвинуться къ Константинополю для того, чтобъ сдѣлать турокъ сговорчивѣе.

На другой день, 20-го января было назначено въ большомъ Адрианопольскомъ греческомъ соборѣ торжественное богослуженіе съ колѣнопреклоненіемъ. Въ соборѣ было приготовлено великому князю почетное мѣсто на небольшомъ возвышеніи подъ балдахиномъ; соборъ былъ биткомъ набитъ военными; всѣ были въ наилучшемъ настроеніи. Послѣ молебствія маститый, самый старшій изъ русскихъ священниковъ подошелъ къ главнокомандующему и произнесъ подходящую событію рѣчь; въ ней онъ восхвалялъ святую цѣль войны, мудрыя распоряженія августѣйшаго вождя, переплывшаго со своимъ храбрымъ войскомъ Дунай аки лебедь, вознесшагося на Балканы аки орелъ. Въ появившемся послѣ того приказѣ по войскамъ, великій князь, отдавая должную справедливость солдатамъ, благодарилъ ихъ за службу и въ одномъ мѣстѣ приказа, тоже упомянулъ объ орлахъ и лебедяхъ. Лучшаго, болѣе картиннаго сравненія, мнѣ кажется, трудно было и подыскать, потому что дѣйствительно мы иногда залѣзали на такую высь, гдѣ было хорошо орламъ, но гдѣ людямъ, вообще говоря, нечего было тамъ дѣлать.

XX.

Выступленіе изъ Адрианополя.—Выходъ къ Мраморному морю.—Силиври.

Выступленіе изъ Адрианополя было назначено на 24-ое января. Коначнымъ пунктомъ нашего движенія былъ маленькій городокъ Силиври,

лежащій на Мраморномъ морѣ; до него мы должны были дойти въ девять дней; а промежуточными пунктами для ночлеговъ были опредѣлены: Хавса, Баба-Эски, Люле-Бургасъ, Караштиранъ, Чорлу, Чанта и наконецъ Силиври.

Мы выступили изъ Адрианополя въ полной надеждѣ, что вскорѣ наступитъ конецъ войны и мы вернемся въ Россію. Но мы жестоко тогда ошибались и ни за что не повѣрили бы тому ясновидящему, который сказалъ бы намъ, что мы простои́мъ въ Турціи еще цѣлыхъ семь мѣсяцевъ!

Все обширное пространство отъ Адрианополя до Силиври очень мало заселено; намъ случалось дѣлать переходы по 27 верстъ и не встрѣчать ни единой деревни. Я не ожидалъ найти тамъ такую бѣдность населенія; по обѣ стороны дороги, на сколько было возможно окинуть глазомъ, всюду было пусто, а земля была мало обработана. Объясняя это тѣмъ, что тамъ земля ужъ очень плохого качества, глинистая липкая; настоящему землепашцу-болгарину въ этой южной полосѣ Турціи нечего дѣлать. Недаромъ туркамъ было такъ тяжело разставаться съ черноземной Болгаріей—единственною ихъ житницею въ Европейской Турціи.

Ночлежные пункты были населены довольно густо, но не болгарами, а больше греками, которые твердо засѣли на югѣ Турціи и вообще по всему побережью Мраморнаго, Эгейскаго и другихъ южныхъ морей, въ томъ частѣ конечно и Чернаго моря.

Мы двигались по дорогѣ, шедшей все время между холмами, которыми изобилуетъ весь югъ Турціи. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ высоки, что съ нихъ открывался кругозоръ верстъ на тридцать во всѣ стороны.

Солнце съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пригрѣвало; воздухъ дѣлался, по мѣрѣ приближенія къ морю, все мягче, теплѣе и влажнѣе. Кое гдѣ уже начала показываться свѣжая трава. Скворцы табунились тысячами. Такихъ громаднхъ стай мнѣ никогда не приходилось видѣть; они безпокоились, прыгали по полямъ, дрались; а щебетанье такого большого количества птицъ было слышно еще издали. У нѣкоторыхъ жаворонковъ уже начинала слагаться весенняя витѣватая пѣснь; они свѣчей подымались вверхъ, но высоко еще не рѣшались залетать, тотчасъ же спускались на землю и прерывали пѣніе. Изрѣдка стали попадаться чайки—вѣстники близости моря. Изъ всѣхъ птицъ, онѣ были для меня самыя пріятныя, потому что напоминали нашъ скорый выходъ къ теплomu южному морю. Вообще говоря, эти девять дней прошли быстро и очень однообразно. Припоминаю общія впечатлѣнія этого походнаго движенія: убійственное однообразіе, разцвѣтъ весны и самыя свѣтлыя розовыя мечты о будущемъ.

Наша дневка въ дер. Чанта 31-го января, верстахъ въ пятнадцати отъ Силиври, отличалась особеннымъ оживленіемъ. Нисколько не

разоренная, какъ и всѣ греческія деревни, Чанта была населена одними греками. Они безсмысленно улыбались и плохо соображали; на всѣ вопросы, они отвѣчали съ идиотской улыбкой одно и тоже: «не знаемъ, не знаемъ»; этимъ исчерпывалось все ихъ знаніе русскаго языка. Жилось имъ здѣсь, должно быть, хорошо; деревня была окружена виноградниками и занималась выдѣлкой вина. Греки живо пронюхали, что мы щедро платимъ за все серебромъ, и сейчасъ же стали намъ показывать бочки съ виномъ. Въ этотъ день было выпито въ Чанта не мало вина; греки съ нами подружились и не отставали отъ насъ въ этомъ дѣлѣ. На душѣ у всѣхъ было весело: завтра мы должны были выйти къ морю, а дальше идти уже некуда, Балканъ больше не увидимъ, Константинополь—рукой подать.

Я вышелъ изъ дома и сѣлъ на крылечкѣ; ко мнѣ подошелъ нашъ полковой докторъ Фавеликъ и еще кое кто изъ офицеровъ. Погода была чудная; мой хозяинъ грекъ принесъ намъ хлѣба, копченой рыбы и своего лучшаго бѣлаго вина. Мы ѣли съ аппетитомъ, мирно бесѣдовали и смаковали вкусное вино. Шагахъ въ пятидесяти отъ насъ тоже собралась группа молодыхъ офицеровъ, которые взялись за дѣло познергичнѣе насъ: для своей забавы, они начали спаивать грековъ.

1-го февраля утромъ, мы выступили изъ Чанта по дорогѣ къ Силиври; дорога къ морю шла все время подъ гору. За ночь пере-мѣнился вѣтеръ, подулъ съ сѣвера; воздухъ посвѣжѣлъ и вскорѣ заморосилъ дождикъ. Мраморное море видѣлось вдаль какъ въ туманѣ, а то вдругъ вовсе пропадало у насъ изъ глазъ. Въ этомъ отношеніи нашъ выходъ къ морю былъ не совсѣмъ удаченъ; въ хорошую, ясную погоду, видъ на море долженъ быть очарователенъ, но дождь испортилъ все дѣло, тѣмъ болѣе что вскорѣ обратился въ снѣгъ, и поля вдругъ начали бѣлѣть. Рѣзкая пере-мѣна погоды была поразительна; она напомнила мнѣ нѣчто похожее на то, что иногда бываетъ у насъ въ Петербургѣ весной, когда послѣ чудной погоды вдругъ выпадаетъ снѣгъ. Мнѣ было жаль, что, приближаясь къ морю, не удалось вполне испытать того отраднаго чувства, которое я предвкушалъ въ продолженіе всего полуторасто-верстнаго пути отъ Адрианополя до Силиври. Мы приблизились къ самому берегу моря, но снѣгъ до того залѣплялъ намъ глаза, что ничего нельзя было видѣть впереди; въ это время я мало думалъ о морѣ, а болѣе мечталъ о томъ, какъ бы скорѣй добраться до Силиври и укрыться отъ непогоды. Но все-таки я никогда не забуду тѣхъ радостныхъ чувствъ, которыя, несмотря на бурю, овладѣли мной, когда я увидѣлъ неподвижно сидящихъ совсѣмъ возлѣ насъ на самомъ берегу на пескѣ чаекъ, а главное, когда я услышалъ плескъ волнъ.

Насъ размѣстили въ Силиври, въ покинутой турецкой части города.

Силиври былъ греческій городокъ, выстроенный на высокомъ берегу надъ самымъ моремъ; онъ былъ очень грязный съ узкими, вонючими улицами, но въ то же время издали очень красивъ, въ особенности если выѣхать на лодкѣ въ море и посмотреть на него оттуда. Азіатскій берегъ по ту сторону моря былъ ясно виденъ; снѣговыя вершины горъ красиво освѣщались въ ясные дни солнцемъ и казались, какъ будто, не въ очень далекомъ отъ насъ разстояніи, а между тѣмъ до того берега моря было очень далеко, а до горъ еще дальше. Силиври находился всего только въ двухъ переходахъ отъ Царьграда; впереди насъ видѣлась Азія, идти далѣе некуда. Своимъ географическимъ положеніемъ, это мѣсто мнѣ показалось очень интереснымъ и сознавалось, что мы совершили большой подвигъ, что мы достигли чего-то очень хорошаго, что мы участвуемъ въ историческомъ событіи.

Первые дни мы бѣдствовали; всѣ лавки были закрыты, а греки, какъ будто, боялись торговать и даже бѣлаго простого хлѣба нельзя было достать. Прогуливаясь на другой день послѣ нашего прихода по берегу моря, я высмотрѣлъ у одного грека, прибывшаго изъ Царьграда въ лодкѣ, черствый бѣлый хлѣбъ. Я его купилъ за четвертакъ и вполне довольный своимъ пріобрѣтеніемъ отправился домой. Товарищи мнѣ завидовали и спрашивали, нѣтъ ли у него еще продажнаго хлѣба; въ то время черствый бѣлый хлѣбъ считался лакомствомъ.

Наше бѣдствіе продолжалось не болѣе двухъ дней; греки почуяли наживу, открыли лавки и начали торговать, но не сразу раскусили, что въ нашемъ бумажномъ рублѣ было менѣе четырехъ четвертаковъ. Я видѣлъ, что они принимали бумажный рубль какъ за серебряный; многіе воспользовались въ первый день ихъ незнаніемъ, но уже на второй день, ни одного грека нельзя было надуть.

Ежедневно приходилъ изъ Царьграда въ Силиври пароходъ; онъ привозилъ оттуда хлѣбъ, вино, провизію, зелень, овощи, мѣстные французскія газеты. Кромѣ пароходовъ стали приходить отовсюду парусныя лодки, нагруженныя пшеничнымъ хлѣбомъ; все это скупалось нашимъ полкомъ и раздавалось людямъ по три фунта хлѣба въ сутки. Рисъ покупался у мѣстныхъ купцовъ, мяса было достаточно, пища варилась вкусная и обильная. Люди начали отъѣдаться и стали видимо поправляться. Для чинки обмундированія, мы выписывали изъ Царьграда чернаго и краснаго сукна; все, что намъ желалось сегодня, было уже завтра привозимо съ пароходомъ оттуда. Цѣны на все были очень высокія, но денегъ у насъ было довольно, и мы платили охотно. Денежной единицей сдѣлался въ Силиври нашъ четвертакъ; бывало что не спросишь, за все просили четвертакъ, и за номеръ газеты, и за яффскій апельсинъ, и за хлѣбъ и проч. Но были и дешевые продукты; напр. зелень была поразительно дешева, въ особенности же цвѣтная

капуста, которая въ это время, въ началѣ февраля, начинаетъ тамъ поспѣвать; я помню, что за 8 кочней величиною, какъ выразился Гоголь, съ добрую чиновничью голову, я заплатилъ всего только два четвертака; изъ нихъ мнѣ варили щи въ продолженіе цѣлой недѣли.

Въ городѣ были назначены комендантъ и начальникъ порта для надзора за прибывающими въ бухту судами. По городу ходили наши солдатики — городовые съ номеромъ на груди; вездѣ водворялся порядокъ. Было организовано правильное печеніе хлѣба; за пекарнями слѣдилъ шт. кап. Галлеръ, ¹⁾ которому поручена было вмѣстѣ съ тѣмъ и раздача хлѣба.

Въ то время, моя рота была очень богата мясомъ; по дорогѣ изъ Чанта въ Силиври, двое отсталыхъ солдатъ примѣтили въ горахъ, вдали отъ всякихъ селеній, стадо пасущихся безъ пастуха овецъ штукъ около ста. Все это стадо, вѣроятно турецкое, они пригнали въ Силиври на дворъ, гдѣ была расположена моя рота. Ихъ расходовали по мѣрѣ надобности; но отъ недостатка корма овцы были тощи: шашлыкъ выходилъ совсѣмъ сухой, мясо не поджаривалось въ своемъ соку, а только пригорало; весна — плохой сезонъ для шашлыка.

Чтобъ занять людей и отвлечь ихъ отъ всякой блажи, приказано было заняться съ ними одиночнымъ обученіемъ, т. е. ружейными приѣмами, стойкой, маршировкой и вообще всей первоначальной азбукой обученія; это было для нихъ очень полезно. Послѣ ученія, они накидывались съ особеннымъ аппетитомъ на ѣду, а недостатка въ ней не было; поѣдятъ, затѣмъ лягутъ спать, смотришь, скоро и дню конецъ. Такимъ образомъ проходили дни за днями безъ всякихъ безобразій; люди отъѣдались и отсыпались.

Я замѣтилъ во время похода, что какая нибудь незначительная рѣченка уже оживляла бивачную жизнь; такое же живительное воздѣйствіе на всѣхъ имѣло Мраморное море. Его близость разнообразила нашу жизнь, а влажнымъ воздухомъ дышалось легко. Плохая погода держалась не долго, вѣтеръ повернулъ, и снова сдѣлалось тепло; море успокоилось и очистилось отъ тумановъ; азіатскій берегъ выяснился въполнѣ.

Мнѣ говорили, что Мраморное море любимо всѣми моряками; войдя въ него, капитаны спокойно отправляются отдыхать въ каюту. Они знаютъ, что ничего не можетъ случиться: подводныхъ камней и мелей нѣтъ, а большихъ бурь никогда не бываетъ. Весь день кувыркались передъ нами дельфины; солдаты, никогда не видѣвшіе ни моря, ни его обитателей, стояли на берегу по часамъ и слѣдили съ любопытствомъ за этими животными; но все таки они мнѣ не повѣрили, когда я имъ

¹⁾ Нынѣ интендантъ гвардейскаго корпуса.

сказалъ, что они питають своихъ дѣтенышей молокомъ. Цвѣтъ воды этого моря зеленовато-голубой, напоминающій разрѣзъ толстаго зеркальнаго стекла; а сама вода гораздо теплѣе чѣмъ въ Черномъ морѣ и не такъ темна. Въ городѣ можно было достать свѣжую мѣстную рыбу, какъ то: кефаль, моферъ, скумбрію и др. Однажды грекъ носилъ по улицѣ какое то морское чудовище изъ породы слизняковъ, у котораго трудно было сразу разобрать, гдѣ голова, а гдѣ хвостъ; всѣ его обязательно тыкали палкой или чѣмъ попало, переворачивали. Мы часто потѣшались надъ греками, заставляя ихъ входить по колѣно въ воду, доставать со дна всякую морскую слизь, улитокъ и при насъ же ихъ сбѣдать; для насъ это была потѣха, за которую мы имъ давали мелкія монеты, а для нихъ это былъ цѣлый завтракъ. Они привыкли, взявъ съ собою кусокъ хлѣба, шлѣться по цѣлымъ часамъ въ водѣ и наѣдаться до сыта морскими слизняками; зато съ ними нельзя было близко говорить, до того они воняли морскимъ сырѣемъ.

Возлѣ Силиври были небольшія болотистыя мочевины; я ходилъ туда выпугивать утокъ, куликовъ и бекасовъ, которые всѣ зимовали по берегамъ Мраморнаго моря. Вся эта весенняя обстановка природы — дичь, трава, теплое море, свѣжія овощи, свѣжая зелень и проч. какъ то плохо вязалась съ понятіемъ о февралѣ, который не то что въ Россіи, но даже въ сѣверной Болгаріи, не позволилъ бы какому нибудь бекасу неходить себѣ кормъ; а между тѣмъ эта дичь сыта здѣсь въ продолженіе всей зимы, что доказываетъ благодатный климатъ морского побережья.

Мы подошли къ Мраморному морю въ полномъ невѣдѣніи того, что совершается на бѣломъ свѣтѣ и готовы были вѣрить всему, что только намъ приходилось слышать. Въ этотъ періодъ войны, почту мы получали изрѣдка; извѣстія, которыя черпали изъ писемъ и телеграммъ, были конечно запоздалыя. Такъ, телеграмма, посланная мнѣ женою изъ Систово, гуляла по Болгаріи 10 дней. Какъ примѣръ нашей отсталости могу привести такой фактъ: мы съ удивленіемъ узнали изъ французскихъ газетъ, что на италіанскомъ тронѣ возсѣдаетъ уже не Викторъ-Эммануиль, а сынъ его Гумбертъ. Точно также мы не знали о плѣненіи на Черномъ морѣ «Вестой» турецкаго парохода «Пендераклинъ», на которомъ перевозили 700 турецкихъ солдатъ. Все это уже было старо, объ этомъ перестали говорить, а между тѣмъ для насъ это было новостью. О смерти полковника Стрезова мы узнали только тогда, когда намъ сообщилъ объ этомъ нашъ казначей поруч. фонъ-Бломъ, пріѣхавшій къ намъ изъ Филиппополя, много дней спустя послѣ его похоронъ. Въ Силиври въ греческой церкви, была совершена по немъ панихида.

Въ одной изъ французскихъ газетъ, издаваемыхъ въ Царьградѣ, мы прочли, въ первые же дни нашего пребыванія въ Силиври, одну

новость, которая привела насъ въ полное недоумѣніе. Нѣсколько дней до нашего выхода къ Мраморному морю, появился на этомъ морѣ англійскій броненосный флотъ въ числѣ шести судовъ. Англичане нарушили международное право относительно прохода чрезъ Дарданеллы, ворвались въ Мраморное море какъ пираты и встали близъ Царьграда у Принцевыхъ острововъ. Они сдѣлали это противъ желанія султана, который боялся, что этимъ насиліемъ они могутъ только нарушить правильный ходъ мирныхъ переговоровъ между Россіей и Турціей. До сихъ поръ мы были покойны и не подозрѣвали никакихъ политическихъ осложнений, но это извѣстіе насъ совсѣмъ смутило; не было сомнѣній, что англичане хотятъ намъ помѣшати. Но въ чемъ именно заключался ихъ ловкій шахматный ходъ, того мы въ то время не понимали и никто не могъ намъ его разъяснить; поневолѣ приходилось вѣрить разнымъ газетнымъ сплетнямъ и сенсационнымъ разсказамъ пріѣзжавшихъ изъ Царьграда грековъ, которые, какъ люди торговые, видѣли все въ мрачномъ свѣтѣ.

Въ числѣ предприимчивыхъ людей, пріѣхавшихъ въ Силиври, былъ одинъ французъ m-r Douce, содержавшій когда то на Кавказѣ гостиницу, а теперь занимавшійся тѣмъ же дѣломъ въ Царьградѣ. Узнавъ о нашемъ прибытіи въ Силиври, онъ явился къ намъ съ предложеніемъ устроить ресторанъ, гдѣ бы можно было играть въ карты, читать газеты, ѣсть и пить. Появленіе жиденькаго француза показалось всѣмъ очень симпатичнымъ. Его свели къ принцу Ольденбургскому, которому онъ поднесъ по русскому обычаю хлѣбъ-соль въ видѣ паштета изъ дичи. Онъ предложилъ принцу съѣздить съ нимъ на лодкѣ на пришедшій изъ Царьграда пароходъ, чтобъ дать возможность убѣдиться, что у него дѣйствительно есть поваръ, посуда, бѣлье и вообще всѣ принадлежности для хорошаго ресторана. Его высочество взялъ съ собою нѣсколькихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и меня, и мы отправились на маленькой лодкѣ на пароходъ. На пароходѣ m-r Douce подвелъ къ принцу своего повара, который сейчасъ же показалъ часы, подаренныя ему великимъ княземъ Николай Николаевичемъ во время его путешествія къ Святымъ мѣстамъ. Кромѣ того онъ перечислилъ намъ всѣхъ тѣхъ великихъ князей, которыхъ ему приходилось кормить, хотя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ были намъ вовсе не извѣстны. M-r Douce во время разговора его высочества съ поваромъ таялъ отъ удовольствія, его глаза все время перебѣгали съ принца на повара и обратно; своей мимикой онъ старался какъ бы дополнить разсказъ хвастливаго повара.

Въ присканіи удобнаго помѣщенія въ городѣ этому французу было оказано полное содѣйствіе; полковые плотники застучали топорами и такъ успѣшно, что уже на другой день былъ назначенъ, для открытія ресторана, общій обѣдъ для офицеровъ Преображенскаго и Семенов-

скаго полковъ. Надо было только удивляться храбрости m-r Douce, не побоявшагося принять такое большое общество гвардейскихъ офицеровъ, со вкусами которыхъ, судя по его разговорамъ, онъ былъ хорошо знакомъ. За неимѣніемъ прислуги, ему отрядили ловкихъ солдатиковъ для службы за столомъ, а самъ m-r Douce предвидя, что ему придется во время обѣда избѣгать верстѣ пятьдесятъ, надѣлъ вмѣсто сапогъ туфли.

На этомъ обѣдѣ присутствовалъ нашъ бригадный командиръ принцъ Ольденбургскій. Когда все разошлись по мѣстамъ, тогда m-r Douce приказалъ подать всемъ по стакану пива, о которомъ мы забыли и думать. Стаканы моментально опустѣли: первое впечатлѣніе было весьма хорошее, и m-r Douce улыбался отъ удовольствія. Когда же все потребовали *bis*, тогда онъ полетѣлъ въ буфетъ, расположенный двумя ступенями ниже столовой, и съ этого момента уже не переставалъ летать взадъ и впередъ до самаго конца обѣда. Ступени для него не существовали, онъ перепрыгивалъ ихъ съ одинаковою быстротою какъ внизъ, такъ и наверхъ; мнѣ казалось, что его скачекъ наверхъ былъ даже энергичнѣе; какъ ядро, онъ вылеталъ изъ буфета съ бутылками въ рукахъ и подъ мышками. Въ этотъ день винный погребокъ былъ его *cheval de bataille*. Офицеры, почуя трактирный запахъ, а главное услышавъ звуки полковой музыки, все сразу начали требовать вина, сердились отъ нетерпѣнія и кончали тѣмъ, что сами приносили его себѣ изъ буфета.

Обѣдъ былъ приготовленъ не дурно, но тянулся очень долго; при каждомъ тостѣ, которыхъ было безъ конца, музыка играла тушь.

Обѣдъ кончился. M-r Douce успокоился. Онъ началъ подумывать о сборѣ денегъ съ офицеровъ, но не зналъ какъ взяться за дѣло; разнообразіе нашихъ вкусовъ приводило его въ недоумѣніе; онъ ничего не записывалъ и не зналъ, какъ сосчитать эту массу пустыхъ бутылокъ. Мы посовѣтовали ему подходить къ каждому и сводить съ нимъ счеты; онъ такъ и сдѣлалъ; обѣдъ безъ вина обошелся по 12-ти четвертаковъ съ персоны.

Въ этотъ же день вернулся обратно въ нашъ полкъ штабсъ-капитанъ Дмитрій Николаевичъ Мартыновъ ¹⁾, который вмѣстѣ съ капитаномъ Петръ Павловичемъ Гессе ²⁾, еще до мобилизаціи гвардіи, отправились въ дѣйствующую армію и продолжали весь походъ въ руссукомъ отрядѣ наслѣдника цесаревича, состоя первый въ Днѣпровскомъ полку, а второй—въ Украинскомъ. Капитанъ Гессе прибылъ къ намъ въ Силиври днемъ позже штабсъ-капитана Мартынова.

Получивъ разрѣшеніе вернуться обратно въ полкъ, штабсъ-капитанъ Мартыновъ и капитанъ Гессе (въ то время подполковникъ 47-го Украин-

¹⁾ Нынѣ варшавскій губернаторъ.

²⁾ Нынѣ генераль-адъютантъ.

скаго полка) сѣли на коней, снарядили легонькую плетеную паровозовую повозку, забрали провизію, консервы и, въ сопровожденіи однихъ только денщиковъ, отправились изъ рушукскаго отряда чрезъ всю Турцію въ длинный путь отыскивать свой полкъ. Они держали путь на Тырново, Шишку, Казанлыкъ и т. д. и руководствовались картой. Ночи проводили или въ ущѣлѣвшихъ хатахъ или въ палаткахъ. Въ исходѣ третьей недѣли, они дошли наконецъ до рельсоваго пути, шедшаго изъ Филиппополя на Адрианополь. Встрѣтившійся казакъ разсказалъ имъ, что тутъ недалеко есть станція Семеново (Сейменли), откуда господа изволятъ ѣздить по желѣзной дорогѣ въ Адрианополь. Дѣйствительно на этой станціи путешественниковъ посадили въ вагонъ и довели до Адрианополя.

Штабсъ-капитанъ Мартыновъ, выѣхавшій далѣе изъ Адрианополя, однимъ днемъ ранѣе капитана Гессе, долженъ былъ выйти на одной промежуточной станціи, считавшейся ближайшею къ Силиври, гдѣ въ то время стоялъ нашъ полкъ. Дальнѣйшій путь отъ этой станціи до Мраморнаго моря ему пришлось сдѣлать уже пѣшкомъ, такъ какъ на станціи не нашлось повозокъ. До Силиври онъ добрался къ ночи. Его направили прямо къ ресторану, въ который онъ вошелъ именно въ тотъ моментъ, когда температура воздуха и темпераментовъ достигла наивысшаго давленія. Его сразу охватили два совершенно противоположныя чувства; одно необыкновенно пріятное: онъ увидѣлъ послѣ 9-ти мѣсячной разлуки своихъ товарищей, изъ которыхъ многихъ, я думаю, не сразу узналъ; мы всѣ обросли бородами, обрюзгли, наши голоса поглубѣли; а другое чувство было тягостное—не легко было войти свѣжему человѣку, только что дышавшему чуднымъ, чистымъ, морскимъ воздухомъ, въ помещеніе, гдѣ ему приходилось дышать однимъ только табачнымъ дымомъ. Оба эти офицеры были переведены обратно въ нашъ полкъ прежними чинами.

Живо вспоминаю то наслажденіе, которое я испытывалъ, когда по выходѣ поздно вечеромъ изъ ресторана, снова началъ дышать полною грудью воздухомъ теплаго южнаго моря.

XXI.

Выступленіе изъ Силиври. — Каликрата. — Кучукъ-Чекмедже.

Мы были въ полномъ убѣжденіи, что простои́мъ въ Силиври до самаго заключенія мира, но вышло иначе; наша бригада, совершенно неожиданно была переведена въ деревню Каликрата, лежащую ближе къ

Царьграду и тоже на Мраморномъ морѣ. Великій князь главнокомандующій счелъ необходимымъ, чтобъ сдѣлать турокъ стоворчивѣе, пододвинуть всю армію еще ближе къ Царьграду. 8-го февраля мы простились съ Силиври, только не съ м-г Douce, который послѣдовалъ за нами туда же. Переходъ показался мнѣ пріятной прогулкой; все время мы шли по берегу моря и посматривали на него, думая увидѣть мониторы нашихъ недоброжелателей; но ихъ нельзя было видѣть, потому что они стояли гдѣ то въ бухтѣ на азіатскомъ берегу за Принцевыми островами, откуда слѣдили за нами, какъ хищникъ за намѣченной добычей. Въ Каликрата мы размѣстились по квартирамъ.

Рѣчка, протекавшая возлѣ деревни, считалась, по условію перемирія, демаркаціонной линіей, переступать черезъ которую намъ было строго запрещено. Черезъ рѣчку былъ перекинутъ мостъ, соединявшій Каликрату съ деревней Бююкъ-Чекмедже, лежащей сейчасъ же по ту сторону рѣчки. Въ этой деревнѣ не было турецкихъ войскъ, а ея жители постоянно перебѣгали къ намъ и приносили кое-что на продажу. Самый ближайшій къ намъ турецкій отрядъ былъ расположенъ въ одномъ переходѣ отъ насъ въ деревнѣ Кучукъ-Чекмедже на берегу моря. Въ Каликратѣ мы нашли то же что и въ Силиври; тѣ же греки, то же торговое движеніе, то же ежедневное сообщеніе съ Царьградомъ; только квартиры были уютнѣе и теплѣе; греки поняли съ кѣмъ имѣли дѣло и уступали намъ свои лучшія комнаты. Въ этой деревнѣ нашъ полкъ снова вступилъ подъ команду своего законнаго командира князя Николая Николаевича Оболенскаго, оправившагося въ Филиппополь послѣ пятинедѣльнаго леченія отъ раны, полученной въ дѣлѣ подъ Филиппополемъ.

Въ Каликратѣ мы узнали, что въ главной квартирѣ главнокомандующаго состоялся приказъ, въ которомъ объявлялось, что въ виду вступленія въ непродолжительномъ времени нашихъ войскъ въ Царьградъ, будетъ для того сформированъ избранный отрядъ изъ полковъ: Преображенскаго и Семеновскаго, гвардейскихъ саперъ, стрѣлковой гвардейской бригады, лейбъ-уланъ и нѣсколькихъ гвардейскихъ батарей; этому отряду будетъ предписано пододвинуться къ демаркаціонной линіи и ждать приказаній. Кромѣ того, въ этомъ приказѣ намекалось, что во главѣ этого отряда, во время вступленія въ Царьградъ, будетъ находиться особое лицо; надо полагать, что подъ этимъ особымъ лицомъ, подразумѣвался самъ великій князь. Самое оригинальное въ этомъ приказѣ было то, что господамъ офицерамъ воспрещалось, во время занятія столицы, устраивать въ Царьградѣ кутежи, которые могли бы повлечь за собой нежелательныя объясненія и столкновенія между сторонами. Изъ этого приказа было видно, что вопросъ о занятіи Царьграда

былъ рѣшенъ утвердительно; намъ даже называли казармы, въ которыхъ мы должны были тамъ расположиться.

Въ эту эпоху мы переживали хорошіе дни; я чувствовалъ себя вполне счастливымъ, что не сегодня—завтра, мнѣ придется быть свидѣтелемъ и участникомъ одного изъ величайшихъ событій въ исторіи русскаго народа. Сомнѣнія не могло быть, коль скоро о вступленіи въ Царьградъ упоминалось въ приказѣ; а между тѣмъ въ это время въ Европѣ рѣшался, а можетъ быть уже былъ рѣшенъ другой вопросъ диаметрально противоположный нашимъ розовымъ мечтамъ.

Въ виду вступленія въ Царьградъ, ежедневно производили всѣмъ полкомъ церемоніальный маршъ. Велика была разница между церемоніальнымъ маршемъ въ Акчаирѣ передъ царскимъ смотромъ, когда впереди насъ была одна только неизвѣстность, и этимъ церемоніальнымъ маршемъ, когда намъ предстояло только торжественное вступленіе въ Царьградъ и скорое возвращеніе домой.

Въ ночь съ 10-го на 11-е февраля, насъ подняли по тревогѣ. Я живо одѣлся и съ безпокойнымъ духомъ выбѣжалъ на улицу, гдѣ мои люди въ темнотѣ дѣлили сухари, которые въ-торопяхъ были высыпаны изъ мѣшковъ въ одну кучу. Сдѣлать правильной дѣлжки было невозможно: всякій забиралъ сколько хотѣлъ. На улицахъ происходила бѣготня; въ темнотѣ люди сталкивались и всѣ бѣжали къ тому ровному мѣсту на берегу рѣчки, гдѣ мы ходили церемоніальнымъ маршемъ. Мы не знали причины тревоги, но у всѣхъ промелькнула одна и та же мысль—мы думали, что переговоры съ турками идутъ не ладно и что великій князь имѣетъ въ виду сдѣлать на нихъ нажимъ. Несмотря на перемиріе, мнѣ казалось въ эту ночь, что столкновение съ турками весьма возможно.

Когда весь отрядъ былъ въ сборѣ, то начальникъ его графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ собралъ всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ. Пользуясь темнотой, я тоже подбѣжалъ къ кружку, собранному графомъ, и слышалъ его слова. Его взглядъ на предстоящій нашъ маневръ былъ мрачный; онъ сказалъ, что задача, заданная нашему отряду, можетъ оказаться весьма серьезной. Отряду предписано подойти къ деревнѣ Кучукъ-Чекмедже, которая сама по себѣ уже представляетъ чудную позицію для турокъ; эта деревня была занята турками. Къ нимъ будетъ посланъ парламентаръ съ предложеніемъ очистить эту позицію и отступитъ къ Царьгару для того, чтобы мы могли ее занять. Буде же турки того не исполняютъ, тогда отряду слѣдуетъ развернуться въ боевой порядокъ и начать бомбардировать Кучукъ-Чекмедже; причемъ графъ приказалъ внушить людямъ, чтобы при наступленіи они не смѣли начинать пальбу.

Послѣ рѣчи графа, мы перешли демаркаціонную линію въ томъ

убѣжденіи, что въ этотъ день легко можетъ завязаться съ турками дѣло. Мы не знали, что наше передвиженіе совершалось въ силу обоюднаго соглашенія обѣихъ сторонъ. Великій князь, съ согласія султана, рѣшилъ перевести свою главную квартиру въ Санъ-Стефано—мѣстечко, лежащее на берегу Мраморнаго моря, куда онъ могъ проѣхать по желѣзной дорогѣ. А для того надо было предварительно очистить отъ турокъ ближайшую къ Санъ-Стефано станцію—Кучукъ-Чекмедже. Туркамъ было приказано изъ Царьграда, мирно покинуть этотъ пунктъ, а намъ предстояло его мирно же занять. Въ этомъ и состояла вся задача.

Взводъ лейбъ-уланъ, съ нашимъ парламентаремъ гусаромъ Сухановымъ во главѣ, вышелъ первымъ изъ Каликрата; за нимъ начала вытягиваться пѣхота; нашъ полкъ шелъ во главѣ. Не доходя до деревни Кучукъ-Чекмедже, насъ остановили на дорогѣ, но такъ, что турки могли насъ видѣть. Здѣсь графъ Шуваловъ рѣшилъ дожидаться возвращенія парламентаря. Мы остановились на такомъ высокомъ пригоркѣ, съ котораго открылся чудный видъ на Царьградъ; даже невооруженнымъ глазомъ можно было вдаль различить бѣлыя строенія, минареты, большія мечети. Я чувствовалъ, что переживаю историческій моментъ, который не забуду до конца жизни; я ощущалъ нѣчто подобное тому, что должны чувствовать глубоко вѣрующіе хрістіане и магометане, когда, добравшись пѣшкомъ до Іерусалима или Мекки, издали впервые завидятъ зданія этихъ обѣтованныхъ мѣстъ. Мы направили на городъ бинокли; а нѣкоторымъ офицерамъ даже мерещилось, что они видятъ храмъ Св. Софіи, что было, конечно, невозможно, такъ какъ трудно было разобрать въ сплошной массѣ бѣлыхъ строеній.

Направивъ на деревню Кучукъ-Чекмедже свою подзорную трубу, я разглядѣлъ, что турецкія войска начали очищать деревню; но въ то же время я видѣлъ, какъ группы какого-то народа сбѣгали съ сосѣднихъ горъ и входили въ нее. Это движеніе было для меня загадкой, но вечеромъ, когда мы вошли въ Кучукъ-Чекмедже, я узналъ, что при извѣстіи о нашемъ приближеніи, всѣ жители деревни, боясь возникновенія дѣла, удалились въ горы; убѣдясь же въ мирномъ разрѣшеніи вопроса, они начали возвращаться къ своимъ домамъ.

Парламентарь прислалъ изъ деревни графу Шувалову донесеніе, что паша готовъ отвести свои войска къ Царьграду, но только стѣсняется относительно артиллеріи и складовъ, которые требуютъ времени для перевозки. Графъ послалъ туда другого парламентаря съ предложеніемъ пашѣ оставить въ деревнѣ при орудіяхъ и складахъ только необходимое число солдатъ, остальныхъ же немедленно удалить. Такъ и было сдѣлано; мы вошли въ деревню, когда уже было темно, прошли ее насквозь и расположились бивакомъ въ полѣ. Графъ Шуваловъ провелъ ночь въ самой деревнѣ.

На другое утро, гуляя по деревнѣ, я замѣтилъ, что всѣ склады охранялись одновременно двумя часовыми, русскимъ и турецкимъ; наши люди живо подружились съ турками. Мѣстомъ ихъ сближенія была маленькая лавченка, гдѣ продавали ракію. Между турками я замѣтилъ одного стараго воина, у котораго висѣла медаль за Крымскую компанію 1854 года. Утромъ были увезены изъ деревни остальные турецкія орудія, и наши солдаты, видя что турецкія лошадки плохо везли орудія въ гору, не могли удержаться, чтобъ имъ не помочь; воспоминаніе о балканскихъ мученіяхъ съ орудіямъ было еще свѣжо въ памяти людей.

Въ это же утро 12-го февраля, проѣхалъ мимо насъ, по желѣзной дорогѣ, въ Санъ-Стефано великій князь и тотчасъ же потребовалъ къ себѣ изъ Кучукъ-Чекмедже Преображенскій полкъ. Полкъ поспѣшилъ исполнить приказаніе, такъ какъ возлѣ великаго князя въ Санъ-Стефано, кромѣ небольшого конвоя терцевъ и кубанцевъ, вовсе не было русскихъ войскъ. Черезъ нѣсколько часовъ мы уже были тамъ.

Къ этому же времени надо отнести письмо полученное принцемъ А. П. Ольденбургскимъ отъ наслѣдника цесаревича, въ которомъ онъ проситъ его высочество передать гвардіи его глубокое сожалѣніе, что ему не пришлось продѣлать походъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ ему гвардейскимъ корпусомъ. Принцъ Ольденбургскій собралъ офицеровъ Преображенскаго полка и прочелъ вслухъ это письмо. Не легко было цесаревичу, въ такой серьезный моментъ жизни какъ походъ, быть вдали отъ своей гвардіи, которую онъ такъ любилъ и зналъ. Если бы это зависѣло отъ него одного, то его императорское высочество былъ бы безъ сомнѣнія все время съ нами.

XXII.

Вступленіе въ Санъ-Стефано. — Объявленіе мира.

Великій князь встрѣтилъ насъ радостно. Судя по его веселому настроенію, можно было заключить, что дѣла по замиренію шли хорошо. Это было 12-го февраля. Этимъ днемъ, собственно говоря, оканчивается наша походная жизнь и начинается 180-ти дневное нѣтъ въ ожиданіи возвращенія въ Россію.

Нашъ полкъ былъ остановленъ подъ самымъ городомъ; но такъ какъ квартирный вопросъ еще не былъ вполне выясненъ, то намъ пришлось эту ночь провести въ полѣ. Кое-кто изъ санъ-стефанскихъ жителей явились къ намъ на бивакъ поглазѣть на рослыхъ преображен-

цевъ; между ними былъ американскій консулъ, прїѣхавшій изъ Царьграда съ привѣтствіемъ къ великому князю. Онъ просилъ меня показать ему бивачную жизнь, о которой онъ не имѣлъ никакого понятія. Я свелъ его въ государеву роту и показалъ ему правофланговаго рядового; увидѣвъ его ростъ, американецъ разинулъ ротъ, подошелъ къ нему и сталъ съ нимъ мѣряться. Американскій консулъ мнѣ понравился тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ англичанъ и сочувственно относился къ Россіи. Онъ никакъ не могъ понять, какъ можно было зимой перевалить черезъ Балканы. Этотъ вопросъ подымался рѣшительно всѣми, съ кѣмъ мнѣ только приходилось разговаривать; всѣ удивлялись и пожимали плечами. Генералъ Раухъ былъ правъ, когда онъ высказалъ въ своемъ приказѣ передъ самымъ нашимъ переходомъ на южный склонъ Балкановъ, что въ этотъ моментъ на насъ устремлены глаза всего свѣта.

На слѣдующій день, нашъ полкъ былъ введенъ въ городъ и размѣщенъ по обывательскимъ квартирамъ; людямъ было строго внушено, чтобъ они вели себя хорошо, не шались по городу, не шумѣли, не пѣли, не попадались бы на глаза великому князю, который тоже устроился въ городѣ.

Сначала мы думали, что въ Санъ-Стефано дѣйствительно живутъ лорды и лэди, но потомъ оказалось, что тамъ жили не лорды, а всякіе армяне, греки и разный торговый народъ. Дѣйствительно, въ городѣ былъ отель для прїѣзжающихъ—чудное четырехъэтажное зданіе «Hôtel de St. Stefano»; но онъ былъ пустъ. Полагаю, что царьградскіе европейцы, въ виду того, что миръ еще не былъ заключенъ, боялись ѣздить въ Санъ-Стефано, который въ это время изображалъ изъ себя русскій военный лагерь. Моей ротѣ достался домъ, въ которомъ жили французы-доктора Красной Луны. Сначала они были очень любезны и ничего не имѣли противъ того, чтобъ моя рота расположилась въ пустой, незанятой ими части дома; но когда они провели ночь въ сосѣдствѣ съ шумной ротой, распустившей по всему дому солдатскій духъ, тогда потребовали очищенія дома, грозя въ противномъ случаѣ поднять изъ-за этого международный вопросъ, такъ какъ учрежденіе Красной Луны состоитъ подъ такимъ же общеевропейскимъ покровительствомъ, какъ и Красный Крестъ. Прикрываясь знакомъ Красной Луны, заносчивымъ, тощимъ французамъ удалось достигнуть того, что мою роту вывели изъ дома. Комендантъ Санъ-Стефано, генералъ Штейнъ, просилъ меня «ради Бога» скорѣй увести куда-нибудь мою роту, чтобъ только не подымать изъ-за пустяковъ исторіи. Нечего было дѣлать, пришлось переночевать въ полѣ, а слѣдующее утро мою роту снова размѣстили въ городѣ, но не въ одномъ домѣ, а въ нѣсколькихъ. Вскорѣ эти французы сами покинули и домъ и Санъ-Стефано.

На первыхъ порахъ, люди были рады устроиться въ теплѣ, но вскорѣ

имъ показалось въ городѣ и тѣсно и душно; они такъ привыкли къ свободой бивачной жизни, что по стой въ городѣ ихъ началъ тяготить.

Великій князь помѣстился въ большомъ домѣ, принадлежавшемъ кн. Дадіанъ. Возлѣ этого дома, на площади, сосредоточивалась въ первые дни вся санъ-стефанская уличная жизнь. Ежедневно по утрамъ на этой площади происходило нѣчто въ родѣ ярмарки: тутъ торговали греки, армяне, выкрикивались царьградскія газеты; тутъ же появлялись походныя кухни на жаровняхъ; вездѣ слышался шумъ, говоръ, пахло сквернымъ масломъ и вообще грязнымъ востокомъ. Но эта толкучка продолжалась всего только нѣсколько дней: для рынка отвели другое мѣсто на краю города, а на площади устроили гауптвахту; площадь вымели, разставили на ней полицейскихъ городовыхъ (изъ надежныхъ солдатиковъ); въ самомъ городѣ водворилась тишина, чистота и покой.

На этой площади былъ, при нашемъ вступленіи въ городъ, всего только одинъ ресторанъ. Офицеры съ жадностью накупились на закуски, сыръ, пиво. Вилочъ и ножей не полагалось; по восточному обычаю ѣли пальцами, въ которыхъ, какъ говорятъ на Востокѣ, начинается вкусъ. Вдругъ вносятъ изъ кухни громадное блюдо со слоеными пирожками; всѣ накидываются на него и разбираютъ до послѣдняго. Но ѣсть такую мерзость, приготовленную на деревянномъ маслѣ, было невозможно; всѣ бросаютъ пирожки и начинаютъ отплеиваться.

Первый предпримчивый грекъ, пріѣхавшій въ Санъ-Стефано изъ Царьграда и открывшій приличную съѣстную лавку, былъ Спонецъ. его кто-то окрестилъ, за богатый выборъ закусокъ, Смуровымъ и ему даже намалевали выѣску съ надписью «Смуровъ». За нимъ появились другіе, которые открыли уже настоящіе рестораны; всѣ эти заведенія прекрасно торговали потому, что все съѣстное, привозимое изъ Царьграда, полностью поѣдалось.

Недовольство жителей, вслѣдствіе постоя войскъ, возрастало, такъ что пришлось ихъ вывести изъ города и расположить по близости биваками. Нашъ полкъ устроился въ полуверетѣ, а офицерамъ было разрѣшено остаться въ городѣ.

Въ первые дни послѣ нашего прибытія въ Санъ-Стефано, фуражъ былъ до того дорогъ, что я сейчасъ же рѣшилъ распродать своихъ выючныхъ животныхъ, тѣмъ болѣе, что идти далѣе было уже некуда. Легко было сказать, чтобъ ихъ продали, но покупателей не находилось. Тогда я рѣшилъ оставить себѣ только мою верховую лошадь, а остальныхъ двухъ лошадей и ослицу велѣлъ, во что бы то ни стало, сбыть. Моему денщику посчастливилось продать одну выючную лошадь и ослицу за два рубля, а другую лошадь онъ свелъ подальше въ поле и пустилъ ее на всѣ четыре стороны. Сначала за сѣно мы платили по два серебряныхъ рубля за пудъ; потомъ, когда его стали подвозить, то цѣна

ему уменьшилась, но все-таки мы все время платили за пудъ болѣе рубля.

Въ продолженіе первыхъ двухъ-трехъ недѣль жизнь въ Санъ-Стефано не отличалась большимъ оживленіемъ; въ виду ожиданія скораго отплытія въ Россію, находилось мало людей, которые рѣшались дѣлать непроизводительныя затраты на устройство для насъ, на такое короткое время, ресторановъ, разныхъ увеселеній и проч. Мы объ этомъ, впрочемъ, и не думали; у всѣхъ было одно на умѣ—какъ бы скорѣе добраться домой.

Великій князь дѣлалъ изрѣдка войскамъ военныя прогулки въ виду Царьграда, съ цѣлью поугаждать турокъ и понудить ихъ къ скорѣйшему заключенію мира, который думали подождать къ 19-му февраля, ко дню восшествія на престолъ императора Александра Николаевича. Турки однокоже упорно торговались изъ-за мелочей и дѣлали все возможное, чтобъ только затянуть мирныя переговоры.

Наконецъ настало 19-е февраля. Съ утра было молебствіе, а въ часъ былъ назначенъ парадъ всѣмъ войскамъ. Великій князь объѣхалъ войска и велѣлъ составить ружья; мы сначала удивились этому, но скорѣе разнеслась по войскамъ вѣсть, что его высочество ожидаетъ изъ Царьграда извѣстій о подписаніи мира, а потому и медлитъ съ церемоніальнымъ маршемъ. Проходитъ часъ, другой; всѣ начинаютъ поглядывать на часы; пробило пять часовъ, а извѣстій все еще нѣтъ. У всѣхъ на лицѣ полное недоумѣніе; разговоръ идетъ о возможности военной демонстраціи противъ Царьграда. Уже начинается смеркаться. Вдругъ мы видимъ, что изъ Санъ-Стефано, по направленію къ великому князю, несется коляска съ графомъ Игнатьевымъ, который, поднявъ высоко надъ головой свертокъ бумаги, потрясалъ имъ въ воздухъ. Войска заколыхались, а люди всѣ сразу заговорили. Великій князь взявъ этотъ свертокъ, приподнялся на стременахъ и своимъ яснымъ, сильнымъ голосомъ возвѣстилъ намъ миръ. Воодушевленіе, охватившее всѣхъ при этомъ извѣстіи, было особенное, изъ ряду вонъ выходящее.

Великій князь потребовалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ, благодарилъ ихъ за труды и вспомнилъ о нашихъ занятіяхъ въ Красномъ Селѣ, которыя, по его словамъ, не пропали даромъ. Затѣмъ послѣдовало молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и съ провозглашеніемъ вѣчной памяти убиеннымъ.

Начался парадъ; нашъ полкъ дефилировалъ впереди, такъ что намъ удалось раньше другихъ добраться до Grand Hôtel S.-Stefano, гдѣ въ эту ночь былъ пиръ горой. Здѣсь мы узнали отъ одного изъ генераловъ, хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣлъ, о тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, въ которыхъ была намѣчена, по Санъ-Стефанскому договору, Болгарія;

онъ указалъ намъ на картѣ проектированныя границы, которыя доходили даже до Эгейскаго моря и захватывали портъ Кавалу. Къ западу отъ Болгаріи была намѣчена автономная Македонія, а Турціи былъ оставленъ весьма небольшой клочекъ земли, вмѣщавшій въ себя Адрианополь съ его округомъ и все пространство между нимъ и Константинополемъ. Турція была, въ силу этого договора, почти что совсѣмъ уничтожена; глядя на карту, дѣлалось весело на душѣ. Поужинавъ, я вышелъ изъ гостиницы на улицу, а парадъ все еще продолжался; было уже совсѣмъ темно.

Вслѣдъ за этимъ парадомъ появился приказъ великаго князя по войскамъ. Сильный, правдивый, понятный для каждого солдата, вылившійся въ чисто русскіе выраженія прямо изъ души главнокомандующаго; онъ производилъ большое впечатлѣніе. Такой приказъ могъ написать только человѣкъ, любившій военное дѣло, хорошо понимавшій русскаго солдата. Ему онъ отвелъ въ приказѣ первенствующее мѣсто; ему онъ отдалъ вполне заслуженную дань.

Утромъ 19-го февраля, въ день парада, является ко мнѣ посланный отъ его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго и передаетъ мнѣ приглашеніе явиться къ его высочеству. Войдя къ принцу, я получилъ изъ его рукъ телеграмму, адресованную моею женой къ его высочеству, въ которой она проситъ сообщить мнѣ, что она пріѣхала изъ Одессы въ Константинополь, находится въ данную минуту на Босфорѣ, на французскомъ пароходѣ «Messageries Maritimes» и проситъ меня выслать ей кого-нибудь, чтобъ доставить ее ко мнѣ, въ Санъ-Стефано. Я былъ пораженъ неожиданностью извѣстія: миръ еще не былъ заключенъ наше положеніе было самое неопредѣленное, военная демонстрація противъ Царьграда считалась возможной и я не зналъ, на что рѣшиться. Я обратился за совѣтомъ къ его высочеству; но и принцъ, въ виду могущихъ быть усложненій, не рѣшался мнѣ посовѣтовать перевезти жену въ Санъ-Стефано. Намъ помогъ рѣшить вопросъ генералъ-адъютантъ Поповъ, бывшій въ это время съ визитомъ у его высочества. Привыкшій, какъ морякъ, ко всякимъ международнымъ отношеніямъ онъ высказалъ, что не видитъ ничего особеннаго въ томъ, что барыня желаетъ пріѣхать къ своему мужу, и можетъ только поздравить супруга. Въ сущности, адмиралъ не далъ намъ никакого совѣта; но для меня было уже довольно услышать спокойную рѣчь, чтобъ принять рѣшеніе. Я тотчасъ же послалъ какого-то грека за женой, и 20-го февраля утромъ она пріѣхала въ Санъ-Стефано, гдѣ и прожила, какъ бы на дачѣ съ чуднымъ купаніемъ въ Мраморномъ морѣ, вплоть до нашего возвращенія въ Россію, т. е. въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Съ ея легкой руки, вслѣдъ за объявленіемъ мира, потянулись въ Санъ-Стефано, изъ всей Россіи, и другія барыни. Жена пріѣхала въ

Царьградъ съ видомъ, выданнымъ ей въ Одессѣ англійскимъ консуломъ. вмѣстѣ съ ней на французскомъ пароходѣ ѣхалъ полковникъ Б. съ письмомъ къ великому князю отъ императора Александра Николаевича. Подѣхавъ на пароходѣ къ Царьграду, полковникъ узналъ, что миръ еще не былъ заключенъ. Тогда онъ высказалъ моей женѣ свои предположенія, что весьма легко могутъ возникнуть вовсе нежелательныя осложненія, и что его, какъ военнаго, могутъ даже и не пропустить въ Санъ-Стефано. Полковникъ былъ правъ, дѣлая такія предположенія. Въ то неопредѣленное время не то что вновь прибывшій, но даже мы, близко стоявшіе къ дѣлу, были въ продолженіе всего 19-го февраля (день заключенія мира) въ полномъ невѣдѣніи того, что насъ ожидаетъ. Полковникъ Б. обратился къ моей женѣ съ просьбой дать ему слово въ томъ, что если его задержать турки, то она лично доставитъ, по пріѣздѣ въ Санъ-Стефано, это письмо великому князю. Мою жену, бывшую тогда подъ покровительствомъ Англіи, конечно не могли задержать ни въ какомъ случаѣ. Этотъ незначительный эпизодъ вполне характеризуетъ то тревожное время, которое мы все тогда переживали.

XXIII.

Санъ-Стефано отъ объявленія мира (19-го февраля) до отъѣзда великаго князя въ С.-Петербургъ (17-го апрѣля).

Нашу полугодовую походную жизнь я помню очень хорошо, такъ что я могъ прослѣдить ее изо-дня-въ-день; но сдѣлать то же самое со вторымъ полугодіемъ, проведеннымъ въ Санъ-Стефано, я не въ состояніи. Я могу только припомнить выдающіяся событія этого періода и выразить общій характеръ санъ-стефанской жизни въ нѣсколькихъ словахъ: жизнь была очень однообразная, скучная, мало интересная, тревожная; чувствовалось уныніе духа отъ политическихъ неудачъ, отъ малосодержательности жизни и отъ всякихъ эпидемій. Возгоралась ненависть къ нашимъ врагамъ, не туркамъ, а англичанамъ, ощущалась тоска по родинѣ и страстное желаніе скорѣй вернуться домой и проч. Къ рѣдкимъ свѣтлыми проблескамъ отношу чудное купаніе въ Мраморномъ морѣ, чудныя южныя ночи, съ милліонами летающимъ въ темнотѣ свѣтляковъ, теплый климатъ, гдѣ все дозрѣваетъ и принимаетъ даже чудовищныя размѣры, гдѣ если и пришлося намъ всѣмъ похворать, то хворалось легко и наконецъ—интересное сосѣдство Царьграда. Вотъ и все, о чемъ пріятно вспомнить.

Послѣ 19-го февраля, разговоры о нашемъ скоромъ возвращеніи въ Россію стали понемногу утихать, и наконецъ вовсе затихли. Когда выяснилось, что наши войска остаются въ Турціи, тогда вдругъ нахлынули изъ Царьграда въ Санъ-Стефано разные эксплуататоры; рестораны умножились, приняли вполне приличный видъ и каждый изъ нихъ отличался какою-нибудь особенностью. Въ одномъ умѣли хорошо готовить щи, кашу, кулебяки и другія русскія блюда; въ другомъ имѣлись всегда омары и хорошая рыба; въ третьемъ искусно жарили свѣжую дичь, бекасовъ, вальдшнеповъ, и т. д. Мы выучили рестораторовъ подавать намъ все *à la russe*—это значило, чтобъ порціи были большія. Одинъ изъ ресторановъ былъ рядомъ съ театромъ; чрезъ щели, можно было видѣть изъ ресторана, что дѣлается на сценѣ, а пѣніе можно было слышать не хуже, чѣмъ сидя въ театрѣ. Въ оперные дни, по вечерамъ хозяинъ торговалъ очень бойко, такъ какъ его посѣтителы, сидя за кружкой пива, могли даромъ слушать пѣвцовъ.

Откуда-то явилась итальянская опера; храбрый импрессарио не стѣснялся выборомъ оперъ. Конечно, нельзя было быть очень строгимъ къ исполненію и извѣстный хоръ старичковъ изъ «Фауста» исполнялся только четырьмя пѣвцами, которые всякими правдами и неправдами, при помощи жестовъ и стучанія въ тактъ посохами по полу, заслуживали даже *bis*. Примадонна была наша русская барышня Котовичъ, дочь моряка; она пѣла не дурно и очень музыкально, но ей было немного жутко, когда она очутилась одинокой среди совсѣмъ исключительной Санъ-Стефанской обстановки. Она была очень рада познакомиться съ моей женой, которая взяла ее подъ свое покровительство. Кромѣ театра, были разные *café-chantant*; въ одномъ изъ нихъ: «Concordia», игралъ женскій оркестръ. Все это по вечерамъ было переполнено офицерами, которые пріѣзжали въ Санъ-Стефано съ мѣстъ расположенія ихъ частей гурьбой въ ротныхъ телѣгахъ; тѣмъ же порядкомъ, эти же телѣги доставляли ихъ ночью обратно на бивакъ.

Бывало сидишь вечеромъ у себя въ саду, слѣдишь за тысячами мелькающихъ, какъ искры передъ глазами, огненныхъ жуковъ, наслаждаешься очаровательной южной, теплой ночью, прислушиваешься къ мягкому прибою Мраморнаго моря, которое было отъ моего дома въ пятнадцать шагахъ, а издали доносится музыка или нѣчто въ родѣ рева—это господа офицеры выказываютъ свое благоволеніе какой-нибудь пѣвицѣ, которая въ извѣстной аріи изъ «Fille du régiment» вмѣсто *Salut à la France!* поетъ: *Salut à la Russie!* Я часто посѣщалъ эти кабачки, тоже увлекался общимъ движеніемъ и принималъ дѣятельное участіе въ несовсѣмъ общепринятыхъ способахъ выраженія одобренія.

Офицеры не знали куда дѣвать свои силы и какъ убить время; оттого ихъ веселье принимало иногда весьма странную, но во всякомъ случаѣ безобидную форму. Такъ напримѣръ однажды въ «Конкордіи», вечеръ выдался довольно шумный. Не будь тамъ молоденькихъ нѣмочекъ, игравшихъ въ оркестрѣ, офицерамъ никогда не пришло бы въ голову дѣлиться на партіи, которыя на этотъ разъ до того разбушевались, что пришлось прекратить вечеръ раньше времени. Одни требовали исполненія однѣхъ пьесъ, а другіе другихъ. Между офицерами подвизались и не отставали отъ нихъ и жизнелюбивые генералы. Споръ рѣшился самъ собою—офицеры стали тушить огни, такъ что въ саду сдѣлалось совсѣмъ темно. Всѣ смѣялись и въ самомъ хорошемъ настроеніи разошлись по домамъ. Но несмотря на то, одинъ изъ генераловъ, участвовавшій наканунѣ въ партійныхъ волненіяхъ, счелъ необходимымъ доложить объ этомъ шумѣ графу Шувалову. Графъ, выслушавъ съ улыбкой его разсказъ, отвѣтилъ ему: «Охота вамъ, mon cher, быть старостой тамъ, гдѣ веселится молодежь». Тѣмъ все и кончилось.

Однажды офицерское веселье вдругъ обратилось въ панику—въ этотъ вечеръ было землетрясеніе; всѣ бросились къ выходамъ, а многіе даже повыскакали изъ оконъ. Во время землетрясенія, я былъ у себя дома и тоже выскочилъ на улицу; нѣтъ никакихъ силъ оставаться въ домѣ, когда почувствуешь колебаніе почвы. Мнѣ показалось, что въ домѣ всѣ связи нарушаются и все должно непременно рухнуть; мысль останавливается, человѣкъ перестаетъ разсуждать и опрометью стремится наружу. Замѣчательно, что солдаты, спавшіе въ палаткахъ на землѣ, вовсе не ощущали колебанія. Вскорѣ ударъ повторился, но уже гораздо слабѣе.

Между прочимъ, въ этотъ вечеръ случился весьма забавный эпизодъ съ однимъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга чиновникомъ въ Санъ-Стефано на нѣсколько дней по дѣламъ службы. Побывать въ Турціи и не видѣть настоящей гаремной турчанки, казалось ему такъ же невозможнымъ, какъ быть въ Римѣ и не видать папы. Поэтому онъ поручилъ какому-то греку, непременно устроить ему ужинъ съ турчанкой и не иначе какъ съ гаремной. Пріѣхавшая изъ Царьграда затворница въ продолженіе всего ужина не открывала своего лица, такъ что онъ могъ любоваться только ея непокрытыми черными, блестящими глазами. Они объяснялись между собой мимикой. Вдругъ раздается подземный ударъ; турчанка вскочила изъ-за стола, начала креститься и закричала «Господи, спаси насъ грѣшныхъ!» Турчанка была ошеломлена отъ удара, а чиновникъ вдвое. Не будь землетрясенія, онъ никогда бы не узналъ, что грекъ его надулъ, устроивъ ужинъ, съ ловкой, православной одесситкой. Чиновникъ ночевалъ у моихъ товарищей и былъ очень сконфуженъ двойною неожиданностью.

Я помѣстился съ женой въ Сантъ-Стефано въ домѣ одного армянина на самомъ берегу Мраморнаго моря; у насъ были двѣ комнаты, за которыя я платилъ ему въ мѣсяцъ сто рублей. Моего хозяина можно современемъ забыть, но его носъ—никогда; у него былъ не носъ, а цѣлыхъ три багровыхъ носа, одинъ на другомъ; на нихъ росли водоросли, мхи и другія тайнобрачныя растенія. Когда онъ былъ чѣмъ-нибудь очень доволенъ, тогда онъ кивалъ не спѣша головой и одновременно кистью руки, приговаривая: «пѣки, пѣки, пѣки»; но не дай Богъ было его разсердить; тогда у него загорались глаза, носы синѣли, онъ подымалъ голову, чмокалъ какъ-то особенно по восточному языкомъ и частилъ: «іокъ, іокъ, іокъ». Я помню его такимъ, когда онъ узналъ, что наши денщики напустили ему въ садъ самыхъ злѣйшихъ садовыхъ враговъ, а именно черепахъ. Съ этихъ поръ мы его окрестили і о к о м ъ. Я у него прожилъ полгода; имени его я не зналъ и никогда съ нимъ не бесѣдовалъ, а только платилъ ему въ срокъ деньги, на что онъ мнѣ всегда отвѣчалъ одно и тоже: «пѣки, пѣки, пѣки», причемъ отъ удовольствія, онъ закрывалъ глаза и тихо кивалъ головой и рукой.

Къ нашему дому прилегалъ небольшой тѣнистый садикъ, приносившій моему хозяину порядочный доходъ; въ немъ росли гранаты, шелковица, кукуруза, баклажаны, аршинныя длинныя тыквы, полуаршинныя огурцы вѣсомъ до трехъ фунтовъ и проч. Проживъ съ полгода въ этомъ домѣ, я имѣлъ возможность внимательно прослѣдить съ начала до конца огородную культуру, которая доведена на Востокѣ до совершенства. Огородами всегда завѣдуютъ братушки; а способъ поливки до того интересенъ, что стоитъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Шагахъ въ трехстахъ отъ сада, совсѣмъ въ сторонѣ былъ сооруженъ громаднѣйшій колодезь саженнаго діаметра. Онъ былъ выложенъ внутри камнемъ на цементѣ; конный приводъ приводилъ въ движеніе водочерпательный механизмъ, состоящій изъ множества ведеръ, черпающихъ безостановочно воду. Вода выливалась на землю и уже сама текла прямо въ садъ моего хозяина, по маленькимъ вырытымъ на улицахъ канавкамъ, которыя нѣсколько не мѣшали движенію экипажей, такъ какъ экипажъ могъ безпрепятственно переѣзжать черезъ нихъ. При входѣ въ огородъ, вода направлялась братушкой туда, куда ему хотѣлось; насытивъ одну полосу земли, онъ перегораживалъ путь водѣ землей и направлялъ ее на другую полосу. Въ продолженіе часа весь огородъ былъ обильно политъ. Конечно, для этого необходимо, чтобъ колодезь былъ выше сада, чтобъ садъ былъ расположенъ на небольшомъ склонѣ и чтобъ овощи росли не на грядахъ, а въ бороздахъ. При этихъ условіяхъ поливки и при южномъ солнцѣ, овощи доходятъ въ Турціи до колоссальныхъ размѣровъ.

Мнѣ наняли въ Царьградѣ на все лѣто парную коляску со старымъ туркомъ на козлахъ. Это удовольствіе было не дешевое и обходилось дороже чѣмъ въ Петербургѣ, но безъ экипажа нельзя было обойтись, въ особенности въ то время, когда нашъ полкъ былъ переведенъ изъ Санъ-Стефано на позицію въ Кулели, верстахъ въ пяти отъ него; мнѣ приходилось ежедневно ѣздить туда изъ Санъ-Стефано на ученіе, послѣ котораго обыкновенно я возвращался къ себѣ домой. Кромѣ того ежедневно по вечерамъ, мы ѣздили съ женой кататься по окрестностямъ Царьграда и часто захватывали съ собой кого-нибудь изъ знакомыхъ. Мой старый турокъ былъ очень типиченъ въ своемъ національномъ костюмѣ; онъ кормился вмѣстѣ съ нашими денщиками и въ продолженіе всего лѣта, въ родѣ Чичиковскаго Петрушки, ни разу не раздѣвался. Онъ былъ очень мягкаго характера и даже не разъ плакалъ, когда рассказывалъ мнѣ, при помощи переводчика, о своей денежной зависимости отъ хозяина.

Вообще говоря, я вынесъ изъ похода воспоминанія о туркахъ, какъ о хорошемъ, трезвомъ народѣ. Никуда не годятся только люди, стоящіе въ Турціи во главѣ; они всѣ алчные, продажные, порочные; только имъ однимъ и обязана Турція своимъ распаденіемъ, только имъ и обязана Болгарія своимъ воскрешеніемъ.

Противъ того дома, въ которомъ я жилъ, стоялъ домикъ, тоже на берегу моря, принадлежащій г-ну Шнейдеру; въ этомъ домѣ происходили переговоры уполномоченныхъ, назначенныхъ для заключенія Санъ-Стефанскаго мира. Они сходились въ этотъ домикъ ежедневно по два раза въ извѣстные часы. Графъ Игнатьевъ приходилъ всегда пѣшкомъ съ портфелемъ подъ мышкой, а Савфетъ-паша пріѣзжалъ обыкновенно въ ландо. На него нельзя было долго смотрѣть; онъ страдалъ постоянно нервнымъ подергиваніемъ лица и тѣмъ производилъ непріятное впечатлѣніе.

Въ то время вся Европа интересовалась тѣмъ, что происходило въ этомъ домикѣ; но мы какъ-то мало думали о томъ, что въ немъ происходитъ событіе многознаменательное. Къ тому же мы такъ привыкли встрѣчать на улицѣ одни и тѣ же лица, что для насъ какой-нибудь Савфетъ-паша или графъ Игнатьевъ (люди самые интересные въ то время) были ни болѣе, ни менѣе, какъ только знакомыя лица.

Ежедневно на площади, передъ домомъ великаго князя, собирался часовъ около двухъ военный міръ. Тутъ можно было встрѣтить гвардейскихъ офицеровъ разныхъ полковъ, лицъ изъ свиты великаго князя, пріѣзжихъ изъ Петербурга отъ всякихъ благотворительныхъ учреждений и, наконецъ, даже кандидатовъ на болгарскій престолъ. Принцъ

Батенбергскій, будущій князь Болгаріи, а въ то время только поручикъ какого-то прусскаго кавалерійскаго полка съ 2-хъ вершковымъ бѣлымъ воротникомъ на мундирѣ, пробылъ въ Санъ-Стефано не долго; всѣ знали, что покойный государь Александръ II предназначилъ его быть княземъ Болгаріи.

Это былъ настоящій кандидатъ, но тутъ же вертѣлась около главной квартиры еще одна личность изъ родовитыхъ, но выродившихся князей; маленькій, жиденькій, съ виду французъ, ежедневно онъ появлялся въ фешенебельной часъ на площади верхомъ на красивомъ ворономъ конѣ, который, во время его бесѣды съ знакомыми, все время продѣлывалъ, не сходя съ мѣста, высшую школу. Не знаю почему, но онъ всѣмъ казался жаждущимъ кандидатуры.

Съ прїѣздомъ дамъ, офицеры немного занялись своимъ туалетомъ; у кого проглядывала сильная сѣдина, тѣ вовсе сбрасывали бороду, а другіе приводили ее только въ порядокъ. Не могу безъ смѣха вспомнить рассказъ одного молодого офицера Егерскаго полка, котораго Богъ не обидѣлъ волосами; онъ самымъ серьезнымъ образомъ рассказывалъ мнѣ, что ему пришлось заплатить цырюльнику два четвертака лишь за то, чтобъ расчесать его бороду, которая за время похода свалилась въ войлокъ.

Сначала намъ было разрѣшено ѣздить въ Константинополь въ военной формѣ; но влѣдствіе какого то недоразумѣнія, поѣздки были прекращены, а затѣмъ снова разрѣшены, но не иначе какъ въ гражданскомъ платьѣ. Офицеры бросились разыскивать себѣ шляпы, пальто, пиджаки у мѣстныхъ грековъ и армянъ, которые снабжали ихъ своимъ поношеннымъ платьемъ. На станціи, передъ отходомъ поѣзда, составлялся форменный маскарадъ изъ самыхъ невозможныхъ, а подчасъ и жульническихъ костюмовъ. Припоминаю видъ одного нашего поручика: высокіе смазные сапоги въ заплатахъ, брюки военные съ кантомъ, прикрытые длиннымъ пальто на ватѣ, которое, несмотря на жару, ему пришлось таскать весь день на себѣ; другого пальто онъ не добылъ. Въмѣсто галстука, шея была повязана какимъ то полотенцемъ; на головѣ феска ярко-краснаго цвѣта. Поручикъ рассказывалъ мнѣ, что въ Царьградѣ стѣснялись впускать его въ чистыя гостиницы. Все это придавало только веселья нашимъ поѣздамъ. Но въ Санъ-Стефано векорѣ же появились магазины, въ которыхъ можно было достать пиджаки, пальто, шляпы. Многіе изъ офицеровъ вовсе не умѣли носить штатское платье; длинные брюки заворачивали внизу, а шляпу напихивали до самыхъ ушей на затылокъ. Иногда происходила въ вагонахъ, по дорогѣ въ Царьградъ, вторичная примѣрка; офицеры мѣнялись между собой шляпами, пальто, и выходило какъ будто лучше.

Великій князь тоже часто ѣздилъ по желѣзной дорогѣ въ Царь

градъ. Между его высочествомъ и султаномъ возстановились самыя дружелюбныя отношенія; онъ бывалъ у него во дворцѣ въ Чараганѣ и совершенно свободно, никого и ничего не боясь, ѣздилъ по улицамъ Константинополя; останавливался въ сераскириатѣ, гдѣ происходили ученія, и громко высказывалъ похвалу турецкимъ аскерамъ.

Описывать Царьградъ я не буду; упомяну только о нѣкоторыхъ впечатлѣнїяхъ, вынесенныхъ мною изъ этого города. Турецкіе жители Царьграда, конечно, сейчасъ же признали въ насъ переодѣтыхъ военныхъ, но никакой злобы, никакого недоброжелательства къ намъ не было въ нихъ замѣтно. Мы ходили совершенно свободно по городу, ничего не боялись и показывались даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ могъ бы легко проявиться мусульманскій фанатизмъ; но ничего подобнаго не было,—я говорю о селамликѣ и о храмѣ св. Софіи, въ которомъ были въ то время помѣщены несчастные турецкіе бѣженцы.

Въ одну изъ пятницъ, когда султанъ, по своему обыкновенію дѣлаетъ свой еженедѣльный выѣздъ изъ дворца въ мечеть для совершенія молитвы, мнѣ удалось попасть на эту церемонію. Для иностранцевъ была устроена отдѣльная ложа, изъ которой можно было прекрасно видѣть все торжественное шествіе. Въ ложѣ набралось много офицеровъ, Турецкіе войска были размѣщены шпалерами вдоль дороги, идущей изъ дворца въ мечеть. Впереди султана, ѣхавшаго верхомъ на чудномъ конѣ, шли по обѣ стороны дороги, одня за другой турецкіе паши; они показались мнѣ всѣ жирными съ брюшкомъ, сутуловатыми; осанка штатская, а совѣтъ невоенная; шли понуря голову и смотрѣли себѣ подъ ноги, а не впередъ. Султанъ (Абдуль-Гамидъ) былъ въ черномъ двухбортномъ гражданскомъ сюртукѣ и въ темно-вишневой фескѣ. Онъ мнѣ показался очень маленькимъ и очень блѣднымъ. Мы обнажили головы, но султанъ, по существующему обычаю, не посмѣлъ взглянуть на гяуровъ, а тѣмъ болѣе отвѣтить намъ на наше привѣтствіе. Въ это время я подумалъ, не есть ли это *pensens*—терпѣть въ Европѣ, гдѣ всѣ отношенія между людьми регулируются извѣстными законами, обычаями, такой народъ, который невѣжество относительно иностранцевъ считаетъ за достоинство мусульманина.

Султанъ подѣхалъ къ мечети, слѣзъ съ коня и вошелъ въ нее. Во время его молитвы, въ мечети не бываетъ ни единой души, а муэдзинъ въ это время показывается на минаретѣ и призываетъ своими возгласами всѣхъ праворѣрныхъ къ молитвѣ. Но на улицѣ никто не молится; народъ шумитъ, а военные составивъ ружья, гуляютъ и разговариваютъ между собой. По истеченіи получаса; султанъ выходитъ изъ мечети, садится уже не на коня, а въ коляску и рысью возвращается во дворецъ. Народъ бросается къ коляскѣ и бросаетъ въ нее письменныя просьбы, доносы и проч. Но это удастся не многимъ, такъ какъ

коляска двигается быстро. Дежурный генералъ-адъютантъ скачетъ верхомъ за коляской и отбираетъ у остальныхъ просителей бумаги, а полицейскіе кавасы, при помощи тумаконъ, направляютъ смѣлыхъ просителей обратно въ толпу. Общій смѣхъ. Затѣмъ начинается церемоніальный маршъ; войско дефилируетъ не мимо султана, а мимо ихъ начальника. Въ этотъ разъ впереди шли саперы, держа въ рукахъ лопаты и кирки; ихъ кожаные черные фартуки, придавали имъ видъ нашихъ кузнецовъ; за ними шли трубачи, которые, приложивъ трубы къ губамъ, дѣлали только видъ какъ будто они трубятъ, что производило театральное впечатлѣніе; далѣе шли войска. Но самое красивое зрѣлище на селамликѣ представляла многотысячная толпа, стоявшая вокругъ; такой пестроты, такого разнообразія въ цвѣтахъ одежды, нигдѣ въ Европѣ не увидишь. Это былъ букетъ, весьма яркій, красивый издали, но вмѣстѣ съ тѣмъ грязный; на улицѣ сильно пахло Востокомъ.

Въ другой разъ мы съ женой посѣтили храмъ св. Софіи и очутились среди 5-ти тысячъ бѣженцевъ-турокъ, которыхъ временно пріютили въ этой громадной мечети. И опять ни въ комъ изъ нихъ не было замѣтно никакой злобы къ намъ, несмотря на то, что для турка единственнымъ виновникомъ его разоренія долженъ былъ казаться не кто иной какъ гяуръ—русскій. При входѣ въ храмъ, насъ встрѣтили двое священнослужителей, которые сейчасъ же чуть-чуть не подрались—всякому изъ нихъ хотѣлось быть нашимъ проводникомъ; тотъ, который былъ по здоровѣ взять верхъ; онъ повелъ насъ по лѣстницѣ на верхнія галереи. Весь храмъ внизу и всѣ галереи были переполнены турками, которые сидѣли маленькими живописными семейными кружками; среди нихъ были больные, слабые и даже умершіе; вездѣ проглядывала нищета, страданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ покорность судьбѣ. Запахъ въ мечети былъ невыносимый. Трудно себѣ представить людей болѣе несчастныхъ: они навсегда покинули свои родныя мѣста, ихъ имущество было разграблено, дома разрушены, скотъ уничтоженъ. Вернуться обратно на свое пепелище, было для нихъ немыслимо, тамъ уже сдѣлались хозяевами братушки. Въ настоящее время, я даже удивляюсь тому, что мы не побоялись прогуливаться среди такой массы людей, враждебно настроенныхъ противъ русскихъ.

Я былъ радъ выйти изъ храма; впечатлѣніе, вынесенное мною оттуда, было очень тяжелое. Къ тому же я былъ возмущенъ и никакъ не могъ переварить той гадости, которую позволилъ себѣ мулла,—онъ наскребъ со стѣны горсть старой византійской мозаики, которую выложена вся внутренность храма сверху до низу, поднесъ ее мнѣ и попросилъ башкишъ. Святую Софію разносятъ систематично не алчные муллы, а тѣ туристы, которые выучили ихъ соскабливать за деньги мозаику со стѣнъ.

Солдатъ тоже отпускали въ Царьградъ, но они ѣздили туда маленькими группами; выбирались же для того люди самаго лучшаго поведенія. Они пріѣзжали оттуда веселые, довольные поѣздкой. Судя по тому, что они рассказывали, можно было замѣтить, что всё воспринятая за день впечатлѣнія перепутывались у нихъ въ головѣ; но всякій изъ нихъ непременно рассказывалъ, что турчанки ходятъ по улицамъ въ панталонахъ, чего никакъ не могъ переварить русскій мужичекъ.

Послѣ 19-го февраля между Санъ-Стефаномъ и нашими черноморскими портами, возстановилось правильное сообщеніе; провизія, фуражъ и проч. все привозилось къ намъ изъ Россіи. Къ офицерамъ понаѣхали жены, матери, родственницы какъ близкія, такъ и дальнія. Многіе изъ офицеровъ получили кратковременныя отпуска въ Россію. Папаши привозили въ Санъ-Стефано засидѣвшихъ дѣвъ и молодежь сближалась скоростижно; пикники на Принцевы острова имѣли рѣшающее значеніе. На Санъ-Стефанскомъ рейдѣ постоянно стояли на якорѣ наши черноморскіе военные суда, крейсеровавшіе во время войны на Черномъ морѣ; они были выкрашены въ цвѣтъ, довольно близко подходящій къ цвѣту воды, а по обѣ стороны бортовъ торчали длинные минные шесты. Моряки были такъ любезны, что предлагали намъ для прогулокъ ихъ маленькіе паровые катера. Это были тѣ миноноски, которыя взрывали на Дунаѣ турецкіе мониторы; но ихъ нельзя было теперь узнать—онѣ были разоружены и представляли изъ себя не болѣе, ни менѣе, какъ только чистенькую лодочку для катанья.

Мы часто ѣздили въ гости къ морякамъ, которые стояли на рейдѣ; они угощали насъ чисто русскимъ обѣдомъ. Во время одного изъ такихъ посѣщеній, мнѣ удалось съ палубы увидѣть интересный миражъ: вдали отъ насъ шелъ пароходъ, который былъ до того ясно виденъ, что даже можно было различить красную окраску его нижней части. Вдругъ этотъ пароходъ, на моихъ глазахъ, начинаетъ по немногу погружаться въ море; сперва пропала красная полоса, а далѣе сталъ тонуть и самъ пароходъ; надъ водой остались однѣ только мачты, наконецъ и тѣ пропали. Я былъ увѣренъ, что передо мной произошла аварія, но хозяинъ судна, на которомъ мы находились, вышелъ къ намъ на палубу и объяснилъ, что это былъ миражъ. Этотъ пароходъ шелъ отъ насъ такъ далеко, что при нормальномъ состояніи воздуха, его нельзя было и видѣть; но рефракція воздуха, вслѣдствіе сильнаго зноя, приподняла его надъ водой. Мы же наблюдали, именно, тотъ моментъ, когда рефракція кончалась и пароходъ, тѣмъ же порядкомъ какъ подымался, сталъ опускаться.

Трудно себѣ вообразить, что нибудь однообразіе жизни въ Санъ-Стефано; вспоминая время проведенное тамъ, не знаешь на чемъ оста-

новиться. Въ теченіе всего времени, не было ни одного выдающагося событія, ни одного сильнаго ощущенія, ни одной свѣтлой минуты. Угнетеніе нашего духа возрастало съ каждымъ днемъ; мы, хотя и не знали, что творится на Берлинской конференціи, но предвидѣли что-то не ладное. Впрочемъ, иногда выдавались дни, въ которые однообразіе жизни слегка нарушалось какимъ-нибудь не особенно значительнымъ событіемъ, или чьей нибудь смертью, или чьимъ нибудь прїѣздомъ изъ Россіи и проч. Такъ, напримѣръ, въ Санъ-Стефано умеръ одинъ изъ выдающихся людей, изъ плеяды царствованія Александра II-го, князь Черкасскій, завѣдывавшій гражданскою частью въ Болгаріи; потомъ скончался отъ тифа генераль-маіоръ свиты его величества Федоръ Александровичъ Фулонъ, бывшій преображенецъ и рѣдкой души человекъ; мы всѣ его ужасно любили и душевно о немъ скорбѣли. Ему было поручено весьма трудное дѣло—дезинфекція тыла нашей арміи, который былъ до того сильно загаженъ всякими ужасами войны, что могъ легко служить разсадникомъ эпидемій и заразы.

Къ числу болѣе свѣтлыхъ воспоминаній, я отношу встрѣчу, устроенную прїѣхавшимъ изъ города Скутари въ Санъ-Стефано плѣннымъ русскимъ офицерамъ и солдатамъ. Этотъ городъ лежитъ противъ Царьграда, на Босфорѣ, на Азіатскомъ его берегу. По рассказамъ плѣнныхъ, ихъ содержали тамъ довольно хорошо. Когда подъѣхалъ къ пристани пароходъ съ плѣнными, тогда мы всѣ побѣжали имъ на встрѣчу; солдатики, сходя съ парохода на Санъ-Стефанскую пристань, снимали шапки и крестились. Между ними былъ полковникъ Клевезаль, командиръ Орловскаго полка, попавшій въ плѣнъ подъ Еленой. Въ статскомъ платьѣ, съ длинной бородой, онъ былъ неузнаваемъ; его закидывали вопросами, на которые онъ не успѣвалъ отвѣчать. Я мысленно переживалъ съ нимъ тѣ сложныя чувства, которыя должны были охватить человека, только что вырвавшагося изъ плѣна и попавшаго снова въ кругъ близкихъ товарищей.

Не могу не вспомнить объ одномъ изъ многихъ обѣдовъ, которые устраивалъ у себя Скобелевъ, жившій противъ меня въ томъ самомъ домѣ, гдѣ былъ заключенъ Санъ-Стефанскій миръ. При этомъ домѣ былъ садикъ на самомъ берегу моря, а въ саду былъ накрытъ обѣденный столъ человекъ на двадцать. Къ извѣстному часу стали подходить и подъѣзжать къ дому военные агенты иностранныхъ державъ, бывшіе въ свитѣ главнокомандующаго. Тутъ были и французы и нѣмцы, косоглазые японцы, турки и другіе. Обѣдъ былъ устроенъ Скобелевымъ съ предвзятою цѣлью собрать у себя международный букетъ изъ дванадцати языкъ. Между гостями, вперемежку, сидѣли его лихіе ординарцы, за которыми, во время такихъ обѣдовъ, генералъ слѣдилъ не

менѣе зорко, чѣмъ за гостями, все время приговаривая имъ въ пользу: «накачивайте здоровье вашего сосѣда». Между прочимъ, однажды вышелъ такой случай: одинъ турокъ, понявъ русскую рѣчь, адресованную Скобелевымъ къ ординарцу, обратился къ генералу съ умоляющимъ видомъ, и на довольно чисто русскомъ языкѣ, сказалъ: «ваше превосходительство, рѣшительно, не могу больше пить».

На крышѣ моего дома, по восточному обычаю, была площадка съ навѣсомъ; мы часто лазили туда, чтобъ любоваться чуднымъ видомъ на море и на Царьградъ, который бѣлѣлся вдали. Съ этой площадки можно было прекрасно слѣдить за этимъ интереснымъ обѣдомъ. Стремленіе къ популярности было въ характерѣ Скобелева: такой пестрый букетъ могъ подобрать только онъ одинъ. Но этому выдающемуся человѣку нельзя было не прощать его слабыхъ сторонъ характера; онъ затмевался другими, положительными качествами этой личности.

Послѣ обѣда генералъ приказалъ сдѣлать выводку его конямъ; гости обступили его бѣлаго коня, а генералъ имъ что-то рассказывалъ; потомъ онъ поднялъ коню переднюю ногу и началъ ковырять копыто; гости впились глазами въ копыто и со вниманіемъ слушали его рассказъ. Бѣлый конь былъ поданъ къ десерту; этимъ кончился обѣдъ.

Въ числѣ войскъ, стоявшихъ подъ Царьградомъ, были и моряки, тѣ самые, которые отличилась въ началѣ войны на Дунаѣ и которымъ теперь у Мраморнаго моря нечего было дѣлать, такъ какъ самый насущный вопросъ о минированіи Дарданеллъ былъ еще до перемирія рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Великій князь счелъ возможнымъ вернуть моряковъ въ Россію. Въ день, назначенный для отплытія, его высочество, желая съ ними проститься, приказалъ выстроить ихъ на площади передъ своимъ домомъ. Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ жили тоже на этой площади; окна ихъ квартиры выходили на площадь, а у нихъ въ помѣщеніи стояло плохенькое піанино, на которомъ я иногда поигрывалъ. Въ это утро я зашелъ въ эту квартиру съ поручикомъ Алексан. Мих. Охотниковымъ, у котораго былъ очень обширный и необыкновенно сильный басъ. На этотъ разъ онъ общалъ мнѣ спѣтъ романсъ Гумберта: «Прошу васъ птички объ одномъ»—*cheval de bataille* его репертуара. Углубившись въ музыку, мы и не замѣтили, что въ это время великій князь былъ уже на площади и прощался съ моряками. Окна на площадь были открыты. По моей просьбѣ поручикъ Охотниковъ въ это самое время, подражая діакону, провозглашалъ съ потрясающей силой «многая лѣта», постепенно возвышая голосъ и доходя до страшнаго фортиссимо; это выходило у него неподражаемо хорошо, но давалось ему не легко: отъ натуги глаза и жилы на лицѣ наливались кровью. Не успѣлъ онъ произнести послѣдній слогъ воз-

гласа—ттт...а, какъ кто-то изъ товарищей вѣбжалъ къ намъ въ комнату со словами:

— Что вы дѣлаете; великій князь долженъ былъ нѣсколько разъ прерывать свою рѣчь отъ вашего крика.

Мы съ Охотниковымъ слегка струхнули, боясь, что намъ зададутъ за «многая лѣта». Но чаша миновала насъ благополучно. Живо воображаю себѣ эту картину: на площади абсолютная тишина, среди которой откуда-то доносится чей-то зычный голосъ, постепенно растущій и постепенно поднимающій тонъ этого красиваго возгласа.

XXIV.

Отъѣздъ великаго князя въ Россію.—Переходъ Преображенскаго полка изъ Санъ-Стефано въ Кулели.

Великій князь прожилъ съ нами въ Санъ-Стефано немного болѣе двухъ мѣсяцевъ; разстроенное здоровье заставило его вернуться въ Россію. Онъ простился съ войсками въ приказѣ и сдѣлалъ 17-го апрѣля парадъ. Передавъ командованіе войсками генераль-адъютанту Тотлебену, его высочество отбылъ изъ Санъ-Стефано моремъ. Послѣ отъѣзда его высочества наша жизнь измѣнилась, она получила немного иной характеръ. Вслѣдствіе недружелюбнаго къ намъ отношенія Европы, а слѣдовательно и турокъ, потомъ вслѣдствіе усиленной тифозной эпидеміи, генераль Тотлебенъ рѣшилъ измѣнить мѣста нашихъ стоянокъ. При выборѣ новыхъ биваковъ имѣлись въ виду и гигиеническія, и стратегическія условія. Нашъ полкъ устроился въ пяти верстахъ отъ Санъ-Стефано, въ Кулели, на маленькомъ пригоркѣ, которыми изобилуетъ вся окрестность Царьграда.

Скучнѣе и несимпатичнѣе нашего бивака трудно себѣ что-нибудь вообразить; вокругъ насъ разгуливали черепахи и небольшія змѣи. Со-сѣдство всякихъ гадовъ было крайне неприятно, въ особенности же когда они залѣзали къ намъ въ палатки.

Офицеры приобрѣли себѣ чудныя турецкія палатки, которыя были несравненно лучше нашихъ; въ нихъ было просторно и онѣ были сдѣланы изъ плотнаго матеріала. Громадную турецкую палатку раскинулъ на нашемъ бивакѣ грекъ Спонецъ, который потянулся за нами изъ Санъ-Стефано въ Кулели. Онъ открылъ у насъ ресторанъ и не переставалъ кормить вплоть до нашего отъѣзда въ Россію. Старичекъ-поваръ былъ очень угодливый и объяснялся съ нами на французскомъ волапюкѣ.

По утрамъ въ ротахъ происходили ученья, на которыя я ежедневно прѣѣзжалъ въ коляскѣ изъ Санъ-Стефано; послѣ же ученья я отъѣзжалъ обратно въ Санъ-Стефано къ себѣ на дачу. Кромѣ учений, людямъ приходилось много работать въ Санъ-Стефано при разгрузкѣ приходившихъ изъ Россіи съ хлѣбомъ и фуражомъ пароходовъ. Дни шли однообразно, а наши отношенія къ туркамъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялись. Во время перекройки Болгаріи на Берлинской конференціи турки не дремали и возвели въ короткое время подъ стѣнами Царьграда массу укрѣпленій, такъ что городъ, въ который до 19-го февраля мы могли свободно войти церемоніальнымъ маршемъ, сдѣлался теперь неуязвимымъ. Наше положеніе, несмотря на полную побѣду, выходило изъ ряду вонъ. Мы уничтожили всю Турцію, прижали ее къ Босфору, заключили миръ, а между тѣмъ настоящаго мира не было—его можно было назвать вооруженнымъ. Турки укрѣпляли Царьградъ, а мы все время были въ боевой готовности. Судя по вновь воздвигнутымъ укрѣпленіямъ, которые могъ видѣть всякій ѣхавшій по желѣзной дорогѣ въ Царьградъ, они были очень серьезной профили. Всѣ турецкія войска были сосредоточены въ столицѣ, а англичане могли ежедневно усилить свой флотъ новыми броненосцами. Мы никакихъ укрѣпленій не возводили, но наши биваки были все-таки расположены въ боевомъ порядкѣ. Планъ дѣйствій на случай непредвидѣнныхъ обстоятельствъ былъ разработанъ; а всѣмъ частямъ, даже по отдѣльности каждому баталіону, были указаны тѣ мѣста, на которыхъ въ одну ночь должны были у насъ появиться редуты. На этихъ мѣстахъ были вбиты колья для опредѣленія линій и размѣровъ предполагаемыхъ укрѣпленій.

Ежедневно назначалась часть на аванпостную службу. Моей ротѣ пришлось однажды простоять цѣлыя сутки на аванпостахъ подъ громаднымъ деревомъ грецкихъ орѣховъ; они уже начинали поспѣвать и были довольно нѣжны на вкусъ. Денщикъ набралъ мнѣ цѣлую корзину орѣховъ; ради скуки я сталъ очищать ихъ отъ толстой, зеленой, мясистой оболочки, въ которой былъ скрытъ орѣхъ. Оказалось, что совсѣмъ не такъ-то легко было отдирать эту оболочку отъ неспѣлаго плода; да къ тому же всѣ мои пальцы выкрасились въ фіолетовую краску тѣмъ іодистымъ началомъ, которымъ изобилуетъ зеленая кожа; нѣсколько дней я не могъ смыть съ пальцевъ фіолетовыя пятна.

Время настало тревожное; изъ предосторожности мы дѣлали ученья гдѣ-нибудь подальше за позиціей, чтобъ только не тревожить турокъ, а мѣсто для стрѣльбы въ цѣль намъ отвели даже очень далеко, а именно въ Кучукъ-Чекмедже. Этимъ достигалось то, что наши выстрѣлы не могли быть слышны въ турецкомъ лагерѣ. Мы все чего-то ждали и не были увѣрены въ томъ, что турки не учинятъ намъ какой-нибудь гадости. Тревога по всей линіи расположенія нашихъ войскъ, вызванная

изъ-за пустяковъ въ Духовъ день, вполнѣ характеризуетъ то тревожное время, которое мы тогда переживали. Въ Троицу кто-то изъ нашей потребовалъ, чтобъ у насъ были снесены вышки, которыя были сооружены для наблюденія за турками; въ случаѣ отказа паша осмѣлился даже пригрозить тѣмъ, что приметъ мѣры. Требованіе паши доложили генералу Тотлебену; отвѣтъ былъ таковъ, что на слѣдующій день всѣмъ войскамъ было приказано сняться съ биваковъ и занять боевую позицію.

Не зная объ этомъ распоряженіи генерала Тотлебена я въ полномъ покоѣ спалъ въ Санъ - Стефано, но вскорѣ же былъ разбуженъ деньщикомъ, заявившимъ мнѣ, что войска снимаются съ позицій по тревогѣ и готовятся къ бою съ турками. Я не могъ сообразить, про какой бой онъ говорилъ; наконецъ, зачѣмъ бой, когда уже заключенъ миръ? Я поскакалъ ночью верхомъ на бивакъ, а коляску и деньщика оставилъ женѣ на тотъ случай, если дѣйствительно произойдетъ что-нибудь серьезное. Уѣзжая изъ Санъ-Стефано, я сказалъ женѣ, чтобъ она, въ случаѣ нужды, пристроилась со своей коляской къ главной квартирѣ и слѣдовала за ней.

На бивакѣ я впервые узналъ причину тревоги. Мы снялись съ бивака и заняли позицію. Въ продолженіе всего дня мы были въ ожиданіи того, что какой нибудь дуракъ выстрѣлитъ и тѣмъ заварить общую кашу. День миновалъ благополучно; дѣло разъяснилось и уладилось. Сколько мнѣ помнится, то требованіе о снятіи вышекъ было личнымъ распоряженіемъ какого-то дерзкаго паши. Къ вечеру всѣ успокоились, а наши палатки были снова раскинуты на тѣхъ же мѣстахъ. Единственный человѣкъ, который сохранилъ во время тревоги полнѣйшее спокойствіе и не тронулся съ мѣста, это былъ нашъ старичокъ-поварь. Когда всѣ покинули бивакъ, тогда онъ, оставшись одинъ со своей зеленой палаткой, говорилъ, что ничего не будетъ.

Можно себѣ легко вообразить, что должны были испытывать во время тревоги барыни, которыхъ наѣхало изъ Россіи не мало; многія изъ нихъ жили на позиціяхъ въ палаткахъ. На это обстоятельство весьма основательно обратилъ вниманіе генералъ Тотлебенъ и издалъ приказъ, по которому онъ предлагалъ удалить женскій элементъ изъ Санъ-Стефано. Я помню, что этотъ приказъ возбудилъ много разговоровъ. Главнокомандующій имѣлъ неоспоримое право требовать удаленія женщинъ съ биваковъ, но Санъ-Стефано до него не касалось: это былъ городокъ, гдѣ могъ проживать всякій. Все-таки этотъ приказъ отчасти достигъ своей цѣли—многія барыни испугались и тотчасъ же уѣхали въ Россію; но болѣе энергичныхъ онъ не испугалъ и онѣ только перенесли съ мѣстъ расположенія войскъ въ Санъ-Стефано.

Я выше упомянулъ что въ нашихъ войскахъ появилась сильная тифозная эпидемія; тифомъ переболѣли почти всѣ, но смертность

была самая незначительная. Серьезныхъ больныхъ отправляли въ госпитали, а захворавшихъ тифомъ слегка оставляли въ ротахъ въ больничныхъ зеленыхъ палаткахъ, взятыхъ на прокатъ въ Царьградѣ специально для этой цѣли. Въ ротахъ былъ только домашній гигиеническій уходъ за больными; имъ давали отлеживаться, поили виномъ. Мнѣ помнится, что въ особенно большомъ ходу было какое-то вино съ ярлычкомъ: Bain-Bruei. Больные лежали безъ движенія, блѣдные, точно готовились къ смерти, а между тѣмъ, недѣли черезъ двѣ ихъ уже можно было видѣть на ногахъ. Бывали такіе періоды, что сразу лежало въ тифѣ полъ-роты; въ такіе моменты боевые ряды уменьшались вдвое.

По побережью Мраморнаго и Эгейскаго морей, часто появляются разныя эпидеміи, но по замѣчанію покойнаго доктора Боткина, характеръ эпидемій, несмотря на антисанитарную обстановку восточной жизни, всегда не серьезный, а процентъ смертности самый пустой. Счастливые результаты эпидемій надо приписывать чудному климату побережья. Если бы тамъ не было такъ скучно и такъ неудобно для жизни, то Мраморное море съ Принцевыми островами было бы чудной и навѣрно любимой климатической станціей. Такого теплаго, мягкаго, ровнаго, безъ перерывовъ, купанья, какъ въ Мраморномъ морѣ, трудно и подыскать; сезонъ купанья очень продолжительный. Выздоровливающихъ отъ тифа прямо посылали въ море купаться. Когда я началъ выздоравливать, то сначала этотъ совѣтъ показался мнѣ страшнымъ; но видя какъ другіе полощатся въ водѣ, я рѣшился искупаться несмотря на сильную слабость въ ногахъ, которая осталась у меня послѣ болѣзни.

Легкость воды въ Мраморномъ морѣ чрезвычайная; при ея возмущеніи, хотя бы рукой, она вся пропитывается въ видѣ гѣны самыми мелкими воздушными пузырьками, которые потомъ тихо и долго поднимаются къ поверхности; нигдѣ такъ легко не всплывишь воду какъ въ этомъ морѣ.

XXV.

Возвращеніе въ Россію. — Нагрузка войскъ. — Севастополь. — Прибытіе въ Петербургъ.

Насталъ іюль. Снова заговорили о возвращеніи въ Россію и на этотъ разъ мы не ошибались. Въ Санъ-Стефано начали удлинять пристань для болѣе удобной нагрузки. Въ тотъ день, когда работала на пристани моя рота, я встрѣтилъ тамъ генерала Элліса, которому было

поручено устройство этой пристани. Отъ него я узналъ, что съ черно-морскимъ обществомъ пароходства и торговли уже заключено условіе на перевозку войскъ, и что на этихъ же дняхъ начнется ихъ эвакуація. Передъ началомъ ея, въ первыхъ числахъ августа, генераль Тотлебень сдѣлалъ войскамъ парадъ. Парадъ былъ веселый; изъ Царьграда наѣхало много любопытныхъ, а въ свитѣ генерала находились приглашенные турецкіе паши.

Высшее начальство не забыло и о полковыхъ дамахъ. Всѣмъ мужьямъ, братьямъ, сыновьямъ и проч. было запрещено ихъ брать съ собой на пароходъ, при отѣздѣ въ Россію, и каждой изъ нихъ было предоставлено самой добратся до Россіи. Нѣкоторыя дамы сѣумѣли обойти поставленные этимъ приказомъ преграды и обратились къ джентельманству командировъ тѣхъ пароходовъ, на которыхъ насъ отвозили. Онѣ отправлялись наканунѣ грузенія на пароходъ и объясняли капитану ихъ положеніе; капитанъ отдавалъ имъ свою каюту и такимъ образомъ онѣ возвращались въ Россію.

Наконецъ, настала очередь грузиться и Преображенскому полку.

19-го августа мы отплыли, уже подъ вечеръ, на пароходѣ Русскаго общества, а вошли въ Босфоръ, когда уже было темно. Капитанъ приказалъ опустить якорь и рѣшилъ простоять на Босфорѣ до разсвѣта. Ночь была темная, тихая, теплая; небо вызвѣждало. Офицеры, забывъ о снѣ, устроились на палубѣ отдѣльными кружками, вспоминали прошедшее, но болѣе мечтали о недалекомъ будущемъ и любовались чудной картиной, которую представлялъ освѣщенный тысячами огней Царьградъ. Это было міровое зрѣлище, красивѣе и грандіознѣе котораго нельзя ни подыскать ни придумать; всѣ засидѣлись на палубѣ до поздней ночи.

Чуть свѣтъ, капитанъ снялся съ якоря и самымъ тихимъ ходомъ двинулся по Босфору. Я одѣлся и вышелъ на палубу. Проспать небольшой 30-ти верстный переходъ по Босфору, я считалъ за преступленіе, тѣмъ болѣе, что выйдя въ Черное море, можно было выспаться велясть. На Босфорѣ насъ обогналъ крейсеръ Добровольнаго флота, на которомъ отвозили въ Россію какой-то гвардейскій полкъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Крейсеръ шелъ онъ насъ саженьяхъ въ полтораста, а воды Босфора довольно ясно доносили до насъ звуки Преображенскаго марша. За неимѣніемъ музыки, мы не могли отвѣчать тѣмъ же, но зато наши солдатики, отъ которыхъ тоже бѣжалъ сонъ, отвѣтили гвардейцамъ громкимъ ура и маханіемъ шапокъ.

Переходъ по Черному морю изъ Царьграда въ Севастополь, былъ очень однообразенъ. Днемъ отъ скуки мы стрѣляли изъ револьверовъ въ дельфиновъ, которые преслѣдовали нашъ пароходъ, идя по его сто-

ронамъ одинаковымъ съ нимъ ходомъ. Цѣлить въ нихъ было не трудно, но несмотря на то ни одна пуля ихъ не задѣла.

Пароходъ вошелъ въ военную гавань Севастополя и причалилъ, благодаря природнымъ качествамъ этой чудной бухты, такъ близко къ берегу, что мы могли сходить на набережную по доскамъ, перекинутымъ на нее прямо съ парохода. Вступая на родную землю, всѣ люди крестились.

Въ Севастополѣ начались приготовленія къ царскому смотру; государь жилъ въ это время въ Ливадіи. Мундиры были приведены въ полный порядокъ; ежедневно совершались репетиціи церемоніальнаго марша. Государь сдѣлалъ намъ смотръ и назначилъ своими флигель-адъютантами трехъ нашихъ офицеровъ, графа Влад. Павл. Граббе, Рейтерна (Алекс. Максимовича) и барона Рокасовскаго (Влад. Плат.). На этомъ смотрѣ, генералъ-маіоръ Раухъ, командовавшій въ походѣ нашей дивизіей, былъ сдѣланъ генералъ-маіоромъ свиты его величества.

Севастополь задалъ намъ блестящій балъ.

Воинскіе поѣзды поволокли насъ въ Петербургъ такъ же медленно, какъ, годъ тому назадъ, насъ везли въ Турцію. Полкъ доѣхалъ до станціи Колпино, переночевалъ въ деревнѣ Кузьмино и на другой день уже пѣшкомъ направился въ Петербургъ. Входъ полка въ столицу 8-го сентября былъ весьма торжественный; всѣ люди, безъ исключенія, были увѣшаны вѣнками, которые имъ подавали со всѣхъ сторонъ.

Этимъ я оканчиваю свои воспоминанія. Россія исполняла свою историческую миссію отдѣленія христіанства отъ ислама, постепенно и періодично отодвигая исламъ въ его первобытныя границы. Напряженіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ Россіи было громадное; но ей не дали исполнѣ воспользоваться одержанной побѣдой. Россія, какъ рыцарь, выступила въ защиту праваго дѣла; а Европа, какъ торгашъ, изъ личныхъ интересовъ, а главное изъ боязни усиленія Россіи, не постыдилась выступить въ защиту насилію.

Политическія плотины, сооружаемыя поперекъ естественныхъ теченій, дѣйствительно могутъ ихъ на время задержать,—но уничтожить само теченіе, онѣ не могутъ. Напротивъ того, отъ задержаннаго теченія вырастаетъ сила, которая обязательно, рано или поздно, прорветъ или затопитъ плотину.

Александръ Александровичъ Версъ.

2024382125

24 ИЮН 2024

